

2. История

Расовая идеология империи

Корни нашего кризиса уходят в прошлое.

Нетрудно найти выражения расового сознания от видных белых, которые жили всего несколько поколений назад. Колонизация и строительство империи, вероятно, выявили самое откровенное из этих настроений. Британский исследователь и капиталист Сесил Родс, например, заявил на рубеже 20-го века: «Мы - первая раса в мире, и чем больше мира мы населяем, тем лучше для человечества». Примерно в то же время министр колоний Великобритании Джозеф Чемберлен объяснил, что «дух приключений и предприимчивости, отличающий англосаксонскую расу, сделал нас особенно подходящими для проведения колонизации». Французы придерживались аналогичной точки зрения, причем даже такой социалист, как Леон Блюм, заметил в 1925 году: «Мы признаем право и даже обязанность высших рас привлекать к себе тех, кто не достиг того же уровня культуры». Краткий американский опыт традиционной империи выявил те же чувства. После аннексии Филиппин в 1899 году сенатор А. Дж. Беверидж писал о «миссии нашей расы, попечителей под Богом, о цивилизации мира».

Из заявлений, подобных этому, а их много, было бы легко сделать вывод, что раса была неотъемлемой частью западного сознания и что только недавно белые потеряли свой путь. Это было бы ошибкой. В эпоху открытий и колонизации белые редко придерживались продуманных или последовательных взглядов на расу. Их действия и мнения сильно различались во времени и от места к месту. Европейцы часто чувствовали себя превосходящими первобытные народы, с которыми они вступали в контакт, но в течение всего современного периода всегда были белые, которые придерживались «антирасистских» взглядов, которые преобладают сегодня.

2. *History*

The Racial Ideology of Empire

THE ROOTS OF OUR CRISIS GO DEEP INTO THE PAST.

It is not difficult to find expressions of racial consciousness from prominent whites who lived only several generations ago. Colonization and empire-building probably brought out the frankest of these sentiments. British explorer and capitalist Cecil Rhodes, for example, stated at the turn of 20th century: “We are the first race in the world, and the more of the world we inhabit, the better it is for the human race.” At about the same time, British Colonial Secretary Joseph Chamberlain explained that “the spirit of adventure and enterprise distinguishing the Anglo-Saxon race has made us peculiarly fit to carry out the working of colonization.” The French took a similar view, with even a socialist such as Leon Blum noting in 1925: “We recognize the right and even the duty of superior races to draw unto them those which have not arrived at the same level of culture.” The brief American experience of traditional empire brought out the same sentiments. After annexation of the Philippines in 1899, Senator A.J. Beveridge wrote of “the mission of our race, trustees under God, of the civilization of the world.”

It would be easy to conclude from statements like this—and there are many—that race has been a consistent part of Western consciousness, and that only recently have whites lost their way. That would be a mistake. During the ages of discovery and colonization, whites rarely held well-considered or consistent views of race. Their actions and opinions varied widely in time and from place to place. Europeans often felt superior to the primitive peoples with whom they came into contact, but during the entire modern pe-

После Второй мировой войны мнение, безусловно, изменилось в нездоровом направлении, но европейцы никогда не имели здравого, общепринятого понимания расы. Изучение некоторых наших прошлых ошибок может пролить свет на те ошибки, которые мы совершаем сегодня.

Общие принципы

Несмотря на отсутствие последовательности в расе, из имперского периода все же вытекают некоторые принципы. Наиболее очевидным является тот факт, что почти все без исключения именно белые были наиболее далеки от небелых, которые смотрели на них наиболее доброжелательно. Именно столичные власти - будь то в Великобритании, Испании, Франции или Португалии - настаивали на более мягком и даже равном обращении с колониальными подданными. Люди на местах понимали, что империями нельзя управлять на принципах равноправия. Белые, которые проводили больше всего времени за границей и которые лучше всех знали небелых, были теми, кто был менее сентиментален по отношению к ним.

В то же время белые уже давно склонны быть брезгливыми и лицемерными в отношении расы. Даже в разгар империи колониальные власти были полны ложного благочестия, произнося громкую чушь, в которую они не верили. За исключением людей, находящихся на переднем крае империи, было удивительное нежелание европейцев отстаивать расовые интересы, даже когда они понимали и верили в них. В робости расы нет ничего нового.

Важно помнить, что, хотя мы склонны считать империю белыми, правящими небелыми, это лишь один из видов империи. Анти-"расисты" любят говорить о заморской империи, потому что это такой приятный пример "белого превосходства", но у белых нет угрызений совести в управлении друг другом. Европейцы оказались в больших африканских и азиатских империях только потому, что было легче подчинить небелых примитивов, чем победить собратьев-европейцев, но история Запада - это бесконечные попытки белых доминировать над другими белыми.

Даже после открытия Америки Испания управляла Португалией и пыталась вторгнуться в Британию. Наполеон сделал себя императором обширных европейских территорий, не задумываясь о владениях за границей.

riod, there have always been whites who held “anti-racist” views of the kind that prevail today. Since the Second World War, opinion has certainly shifted in an unhealthy direction, but Europeans have never had a sound, generally-accepted understanding of race. An examination of some of our past mistakes may throw light on the mistakes we are making today.

General Principles

Despite a lack of consistency about race, a few principles do emerge from the imperial period. The most obvious is that almost without exception, it has been the whites who were most distant from non-whites who took the most benign view of them. It was always the metropolitan authorities—whether in Britain, Spain, France or Portugal—who pushed for gentler and even equal treatment of colonial subjects. The men on the ground understood that empires could not be run on egalitarian principles. Whites who spent the most time overseas and who knew non-whites best were the ones who were least sentimental about them.

At the same time, whites have long had a tendency to be squeamish and hypocritical about race. Even at the height of empire, colonial authorities were full of false piety, mouthing high-sounding nonsense they did not believe. Except for people on the front lines of empire, there has been a surprising unwillingness of Europeans to assert racial interests, even when they understood and believed in them. Timidity about race is nothing new.

It is important to bear in mind that although we tend to think of empire as whites ruling non-whites, this is only one kind of empire. Anti-“racists” love to talk about overseas empire because it is such a gratifying example of “white supremacy,” but whites have had no compunction about ruling each other. Europeans ended up with large African and Asian empires only because it was easier to subjugate non-white primitives than to conquer fellow Europeans, but the history of the West is of endless efforts by whites to dominate other whites.

Even after the discovery of America, Spain ruled Portugal, and tried to invade Britain. Napoleon made himself emperor of vast European territories without much thought of possessions overseas.

Даже когда заграничная империя была наиболее энергичной - когда Чемберлен и Родос славили распространение британского господства на более мелкие породы - они вели свою самую дикую колониальную войну против белых: буры. Когда они хвастались британской расой, они имели в виду британцев, а не белую расу. Даже Гитлер, предположительно самый сознательный застройщик империи 20-го века, победил собратьев-европейцев, а не создал заморскую империю, и заключил союз с небелыми японцами.

Это подводит нас к другому правилу, которое регулирует историю расы и империи. Даже среди людей, у которых не было иллюзий по поводу расы - например, солдат, которые убивали абригенов, чтобы освободить место для империи, - не было ничего отдаленно похожего на панкавказскую солидарность, превосходящую европейский национализм. С самого начала колониализма до Второй мировой войны европейцы зачисляли небелых в свои войны друг с другом. Были некоторые колебания в отношении преподавания имперским предметам, как убивать белых людей, но только потому, что держать бывших солдат в качестве предметов было бы труднее, а не потому, что заставлять их стрелять в белых было предательством расовой лояльности.

Небелые союзники начали борьбу против белых еще в 1580-х годах, когда Фрэнсис Дрейк использовал индейцев в своих набегах на испанцев. Во время французской и индийской войны обе стороны завербовали дружественных туземцев, и обе стороны позволили своим союзникам пытать и изуродовать пленников, некоторые из которых были белыми. Пытки шокировали британских и французских командиров, но это была цена альянса.

Во время революции британцы предложили свободу темнокожим американцам, которые восстали против их владельцев, и первый принцип колонизации - сентиментальность растет с расстоянием - означал, что британцы были гораздо более успешными, чем революционеры в привлечении индийских союзников. Индийцы очень быстро поняли, что больше всего они понравились людям, и они хотели британское, а не американское правление.

По мере расширения молодой республики Испания и Англия регулярно вооружали индейцев и настраивали их против американцев. Эндрю Джексон хотел индийские земли, но его первоначальная причина для отгрузки племен на Запад состояла в том, чтобы убрать потенциально опасное население, которое могло быть возбуждено европейцами. Ни у американцев, ни у их врагов не было никаких сомнений в том, чтобы побудить индейцев убивать белых.

Even when overseas empire was most vigorous—when Chamberlain and Rhodes were glorying in bringing British rule to lesser breeds—they fought their most savage colonial war against whites: the Boers. When they boasted about the British race, they meant the British people, not the white race. Even Hitler, presumably the most race-conscious empire-builder of the 20th century, conquered fellow Europeans rather than build an overseas empire, and had an alliance with the non-white Japanese.

This brings us to another rule that governs the history of race and empire. Even among men who had no illusions about race—soldiers, for example, who killed natives to make way for empire—there was nothing remotely like pan-Caucasian solidarity that transcended European nationalism. From the very beginnings of colonialism through the Second World War, Europeans enlisted non-whites in their wars with each other. There was some hesitation about teaching imperial subjects how to kill white men, but only because it might be harder to keep ex-soldiers as subjects, not because having them shoot whites was a betrayal of racial loyalty.

Non-white allies went into action against whites as early as the 1580s, when Francis Drake used Indians in his raids on the Spanish. During the French and Indian War, both sides recruited friendly natives, and both sides let their allies torture and mutilate captives, some of whom were white. Torture shocked British and French commanders, but it was the price of alliance.

During the Revolution, the British offered freedom to American blacks who revolted against their owners, and the first principle of colonization—sentimentality grows with distance—meant the British were much more successful than the revolutionaries in attracting Indian allies. Indians learned very quickly that it was the people farthest away who liked them most, and they wanted British rather than American rule.

As the young republic expanded, both Spain and England regularly armed Indians and set them against Americans. Andrew Jackson wanted Indian lands, but his initial reason for shipping tribes West was to remove potentially dangerous populations that could be stirred up by Europeans. Neither Americans nor their

Позже англичане выставили полки гуркхов и других азиатов. У французов были свои североафриканские спахи и харки, а также знаменитые *сенегальские тирайлеры*, состоящие из чернокожих со всей Западной Африки, а не только из Сенегала. Французы использовали цветные войска главным образом для контроля колоний - всегда разворачивая их, чтобы им никогда не приходилось стрелять по собственным людям - но во время Первой мировой войны они заставляли их сражаться с немцами. Шестьдесят четыре тысячи индийских солдат погибли за Великобританию, многие в Европе. Франция мобилизовала 555 000 колониальных войск, из которых 78 000 погибло.

Во время Второй мировой войны британцы собрали 1,8 миллиона индийских и 375 000 чернокожих солдат. Хотя Германия победила французов рано, Франции все же удалось выставить 160 000 чернокожих.

Такова, таким образом, изменчивая расовая история колониализма. Зарубежная империя, конечно, означала, что белые правят небелыми, но она не была основана на последовательных расовых принципах. Одним из великих достижений империи было превращение обширных регионов в белый цвет, но развал империи и последовавшая за ним небелая иммиграция сделали его очень плохой сделкой, безусловно, для европейцев.

Британцы

Все великие европейские империи следовали одним и тем же образцам, и британцы служат таким же хорошим примером, как любая расовая непоследовательность и даже наивность. Удивительным примером последнего стало создание первого постоянного поселения в Джеймстауне в 1607 году. К тому времени испанцы находились в Новом Свете более века и имели репутацию резни. Англичане были полны решимости добиться большего, привнося цивилизацию и христианство в то, что, как они ожидали, будут благодарными аборигенами. Как писал один из покровителей компании Вирджинии об индейцах, которых он никогда не видел: «Их дети, когда они придут, чтобы спастись, благословят день, когда их отцы впервые увидели ваши лица».

Колонисты не считают себя превосходящими «натуралами», какими бы примитивными они ни были. Они рассуждали, что древние бритты были дикарями, цивилизованными римлянами, и что этот процесс будет повторяться.

enemies had any scruples about encouraging Indians to kill whites.

Later, the British fielded regiments of Gurkhas and other Asians. The French had their North African Spahis and Harkis, as well as the famous *Tirailleurs Sénégalais*, made up of blacks from all over West Africa, not just Senegalese. The French used colored troops mainly to control colonies—always deploying them so they never had to fire on their own people—but during the First World War they had them fight Germans. Sixty-four thousand Indian troops died for Britain, many in Europe. France mobilized 555,000 colonial troops, of whom 78,000 died.

During the Second World War, the British raised 1.8 million Indian and 375,000 black soldiers. Although Germany defeated the French early, France still managed to field 160,000 blacks.

Such, then, is the checkered racial history of colonialism. Overseas empire certainly meant whites ruling over non-whites, but it was not based on coherent racial principles. The one great achievement of empire was to turn vast regions white, but the collapse of empire and the non-white immigration that followed, has made it a very bad bargain, certainly for Europeans.

The British

All the great European empires followed the same patterns, and the British furnish as good an example as any of racial incoherence and even naïveté. A surprising example of the latter was the establishment of the first permanent settlement in Jamestown in 1607. By then, the Spanish had been in the New World for over a century, and had a reputation for massacre. The English were determined to do better, bringing civilization and Christianity to what they expected would be grateful natives. As one backer of the Virginia Company wrote of the Indians he had never seen: “Their children when they come to be saved, will blesse the day when first their fathers saw your faces.”

The colonists did not consider themselves superior to the “naturals,” no matter how primitive. They reasoned that the ancient Britons had been savages, civilized by the Romans, and that this process would be repeated. Although the colonists considered themselves racially different from Africans and “Moors,” they

Хотя колонисты считали себя в расовом отношении отличными от африканцев и «мавров», они думали, что индейцы родились белыми и потемнели от воздействия солнца и красителей для кожи.

Президент колонии в Джеймстауне Эдвард-Мария Вингфилд был настолько полон решимости показать любящий пример, что запретил строительство укреплений и обучение использованию оружия. Колонии было всего десять дней, когда на нее напали сотни индейцев. Если бы англичане не запаниковали индейцев каноническим огнем, они, вероятно, убили бы каждого поселенца. Только после этой поучительной встречи колонисты построили свой знаменитый трехсторонний частокол.

Реакция индейцев на колонизацию была зеркальным отражением того, что стало правилом в европейском отношении к аборигенам: племена, которые жили ближе всего к Джеймстауну, ненавидели англичан и пытались их убить. Более дальние были дружелюбны и были готовы торговать.

Несмотря на частые атаки, англичане не оставляли надежды, что доброжелательность победит индейцев. После первых обращений в христианство они отводили 10 000 акров для колледжа, где индейцы будут обучаться вере. Один английский лидер, Джордж Торп, особенно настаивал на доброте к индейцам и даже публично вешал собак, чей лай пугал их.

Шли годы, индейцы и колонисты начали смешиваться с наемными индусами, работающими вместе с англичанами в магазинах и на местах. Появление дружелюбия было ложным. В 1622 году индейцы осуществили тщательно выверенный план истребления, включив колонистов, с которыми они работали, убив столько, сколько могли. В некоторых районах они потеряли элемент неожиданности и поэтому убили только 400 из 1200 белых Джеймстауна. Для Торпа, особого друга индейцев, они оставляли за собой особо жестокую смерть и тщательно продуманное увечье. Остальные колонисты начали месть, но через год или около того отношения вернулись к дружелюбию.

Удивительно, но в 1644 году индейцы совершили ту же самую скрытную атаку и сумели убить от 400 до 500 человек. На этот раз англичане безжалостно отомстили, и в 1646 году Генеральная Ассамблея Вирджинии заметила, что туземцы были «настолько разгромлены и рассеяны, что они больше не нация, и теперь мы страдаем только от грабежа несколькими голодными преступниками».

thought the Indians were born white and turned dark from exposure to the sun and to skin dyes.

The president of the Jamestown colony, Edward-Maria Wingfield, was so determined to set a loving example that he forbade construction of fortifications and training in the use of weapons. The colony was only ten days old when hundreds of Indians attacked it. If the English had not panicked the Indians with canon fire, they would probably have massacred every settler. It was only after this edifying encounter that the colonists built their famous three-sided stockade.

The Indian reaction to colonization was the mirror-image of what became the rule in European attitudes towards natives: The tribes that lived closest to Jamestown hated the English and tried to kill them. The more distant ones were friendly and were willing to trade.

Despite frequent attacks, the English did not give up hope that benevolence would win over the Indians. After the first conversions to Christianity, they set aside 10,000 acres for a college where Indians would be instructed in the faith. One English leader, George Thorpe, was especially insistent on kindness to Indians, and even publicly hanged dogs whose barking had frightened them.

As the years went by, Indians and colonists began to mingle, with hired Indians working together with the English in shops and in the field. The appearance of friendliness was false. In 1622, Indians carried out a carefully-hatched extermination plan, turning on the colonists with whom they worked, killing as many as they could. In some areas, they lost the element of surprise and therefore killed only 400 of Jamestown's 1,200 whites. For Thorpe, the special friend of the Indians, they reserved a particularly cruel death and elaborate mutilation. The remaining colonists launched a war of revenge, but after a year or so relations returned to an appearance of friendliness.

Amazingly, in 1644, Indians carried out an identical sneak attack, and managed to kill 400 to 500 people. This time, the English retaliated mercilessly, and in 1646, the Virginia General Assembly noted that the natives were "so routed and dispersed that they are

Что примечательно в Джеймстауне, так это поведение англичан, а не индейцев. Англичане подошли к индейцам с такой доброй волей, насколько это было возможно для колонизаторов, чтобы приблизиться к колонизированным. Именно индейцы признавали, что колонизация означает лишение собственности, и они сопротивлялись всеми возможными способами.

В конце концов, конечно, англичане потеряли свои иллюзии. К 1690 году губернатор Каролин Джон Арчдейл прославлял Бога за болезни, от которых погибло так много местных жителей: «Рука Бога видна в истончении индейцев, чтобы освободить место для англичан». Тем не менее, отрезвляюще отметить, что даже 400 лет назад белые были способны к опасным иллюзиям в своих отношениях с небелыми, хотя они пришли в себя, пока не стало слишком поздно.

Индия

Британская колонизация Индии сильно отличалась от колонизации Вирджинии, несмотря на то, что она началась практически в одно и то же время (Ост-Индская компания начала свою деятельность в 1613 году). Люди в Индии не думали, что азиаты были рождены белыми, и не хотели менять или цивилизовать их. Они были там, чтобы торговать, зарабатывать деньги и расширять британскую власть. В течение первых 200 лет они даже не разрешали миссионерскую работу и неохотно уступали давлению, которое возникло в результате религиозных пробуждений в Англии. В 1813 году, когда впервые прибыли миссионеры, губернатор Мадраса Томас Мунро выразил преобладающую точку зрения опытных индийских рук:

Я не верю в современную доктрину улучшения индусов или любых других людей. Когда я читаю, как я иногда делаю, меру, благодаря которой внезапно улучшается большая провинция, или раса полубарбаров, цивилизованных почти до квакерства, я выбрасываю книгу.

Реформы, направленные против либералов, которые затем были навязаны Индии, были классическим примером людей, которые ничего не знали о стране, в которой господствовали власти, которые прожили всю свою жизнь.

no longer a nation, and we now suffer only from robbery by a few starved outlaws.”

What is remarkable about Jamestown is the behavior of the English, not that of the Indians. The English approached the Indians with as much good will as it was probably possible for colonizers to approach the colonized. It was the Indians who recognized that colonization meant dispossession, and they resisted in every way they could.

Eventually, of course, the English lost their illusions. By 1690, Governor John Archdale of the Carolinas was praising God for the diseases that killed so many natives: “The Hand of God has been eminently seen in thinning the Indians to make room for the English.” Still, it is sobering to note that even 400 years ago, whites were capable of dangerous illusions in their dealings with non-whites, though they did come to their senses before it was too late.

India

The British colonization of India was a remarkable contrast to that of Virginia, despite the fact that it began at virtually the same time (the East India Company started operations in 1613). The men in India did not think Asians were born white, and had no desire to change or civilize them. They were there to trade, make money, and expand British power. For the first 200 years, they would not even allow missionary work, and yielded reluctantly to the pressures that arose from religious revivals back in England. In 1813, the year missionaries first arrived, Governor Thomas Munro of Madras expressed the prevailing view of experienced India hands:

I have no faith in the modern doctrine of the improvement of the Hindus or of any other people. When I read, as I sometimes do, of a measure by which a large province has been suddenly improved, or a race of semi-barbarians civilized almost to Quakerism, I throw away the book.

The reforms crusading liberals then forced on India were a classic example of people who knew nothing about a country overruling administrators who had lived their all their lives. As the old hands had predicted, Indians reacted badly to evangelism, and

Как предсказывали старые руки, индийцы плохо реагировали на евангелизацию и были раздражены отменой *satti* или практикой сжигания вдов. Хотя рабство в Индии широко не практиковалось, его упразднение по всей империи в 1833 году стало еще одним примером людей, склонных к реформам, которые находились за тысячи миль, вмешиваясь в дела, в которых у них не было опыта.

Похоже, что индейцы довольно довольны тем, что им правят британцы, но они хотели, чтобы их культура и религии оставались в покое. Такие люди, как Киплинг, который провел годы в Индии, понимали, что «Восток есть Восток, а Запад есть Запад, и никогда не встретятся они вместе», но миссионеры и либеральные крестоносцы думали, что они могут превратить индийцев в англичан. Индийский мятеж (также известный как восстание сипаев) 1857-1858 годов был в значительной степени реакцией на эти модные реформы. Попытка заставить Восток и Запад встретиться закончилась кровью и слезами, и британские реформаторы в одночасье перенаправили свое усердие на подавление «неблагодарных червей».

Еще один пример навязывания иллюзий родной страны администраторам, которые лучше знали, привел к так называемому «белому мятежу». В 1880 году либеральное правительство Гладстона назначило Джорджа Робинсона (позднее маркиза Рипона) вице-королем Индии. Он прибыл, наполненный реформой, и предложил закон, который дал бы индийским судьям и присяжным возможность судить англичан, обвиняемых в местных преступлениях. Индийцы были возмущены этим размыванием границы между правителями и постановили, что они считают необходимым выполнять свою работу. Сопrotивление было настолько сильным, что мера была смягчена, и любой белый подсудимый, вызванный до того, как индийский магистрат получил право требовать присяжных, состоящих по крайней мере из половины британцев или американцев.

Огромные дебаты, которые вспыхнули по этому вопросу, как в Индии, так и в Англии, подорвали отношения между белыми и индийцами. До тех пор, пока новый вице-король не решился на это, все считали само собой разумеющимся, что английский судили английские судьи. Вынужденные защищать эту традицию, белые должны были приводить расовые аргументы, которые вызывали ненужную обиду.

Империя требовала четкого понимания пригодности белого человека, чтобы править, но обычно не было необходимости выражать это в явном превосходстве.

were annoyed by the abolition of *suttee*, or the practice of burning widows. Although slavery was not widely practiced in India, its abolition throughout the empire in 1833 was another instance of reform-minded people from thousands of miles away meddling in affairs of which they had no experience.

Indians appear to have been reasonably content to be ruled by the British, but wanted their culture and religions left alone. Men like Kipling, who spent years in India, understood that “East is East, and West is West, and never the twain shall meet,” but missionaries and crusading liberals thought they could turn Indians into Englishmen. The Indian mutiny (also known as the Sepoy Rebellion) of 1857-1858 was in large part a reaction to these fashionable reforms. The attempt to make East and West meet ended in blood and tears, and British reformers redirected their zeal overnight to putting down the “ungrateful wogs.”

Yet another example of home-country illusions being forced on administrators who knew better led to what became known as the “white mutiny.” In 1880 the liberal Gladstone government appointed George Robinson (later Marquess of Ripon) as Viceroy of India. He arrived brimming with reform, and proposed a law that would have given Indian judges and juries the power to try Englishmen accused of local crimes. India men were outraged at this blurring of the line between rulers and ruled that they considered essential for doing their jobs. Resistance was so intense the measure was watered down, and any white defendant called before an Indian magistrate got the right to demand a jury that was at least half British or American.

The huge debate that erupted over this issue, both in India and England, damaged relations between whites and Indians. Until the new viceroy made an issue of it, everyone took it for granted that the English were tried by English judges. Forced to defend this tradition, whites had to make racial arguments that stirred up needless resentment.

Empire required a firm sense of the white man’s fitness to rule, but it was not usually necessary to express this in explicitly supremacist terms. It was a delicate balance of confidence, sensitiv-

Это был тонкий баланс доверия, чувствительности к индейскому достоинству и промышленной мощи, который позволил Британии править 250 миллионами индейцев, в которых никогда не было более 900 государственных служащих и 70 000 солдат. Британцы осознавали этот баланс и понимали, что правящая раса должна сохранять определенное поведение. Как объяснил человек в гражданской службе Индии в 1900 году:

Для крестьянина визит "сахиба" или случайная встреча с ним. , , будут обсуждаться в течение нескольких дней из-за пожара в деревне и запомнятся на долгие годы. Белый человек будет размерен пронизательно и откровенно. Так что прислушайтесь к своим манерам и своим привычкам.

Джордж Оруэлл, служивший в Бирме, отметил, что «белый человек не должен бояться местных жителей; и, в общем, он не боится». Сэр Фрэнсис Юнхусбэнд, который родился в Индии и привел британские войска в Тибет, писал о психологической основе империи:

Ни один европеец не может смешиваться с нехристианскими расами, не чувствуя своего морального превосходства над ними. , , Мы правим Индией не потому, что мы умнее коренных жителей Индии, потому что у нас больше мозгов или голов больше, чем у них; но потому что мы морально сильнее, чем они.

Эти чувства были отражены в чувстве долга, к которому были выведены британцы высшего класса. К 1880 году Британия воспитывала полные поколения к стандартам "англосаксонской мужественности", которые подготовили бы их к правлению. Честная игра и христианство были важными составляющими менталитета расы мастеров, и люди, которые могли сдать жесткие экзамены, необходимые для вступления в колониальную гражданскую службу, справедливо гордились своей неподкупностью.

Империя была источником большой гордости и волнения для простых людей, которые никогда не покидали британские берега. В таких публикациях, как «*Мальчики империи*» (началось в 1900 году), публикуются статьи «Как стать сильным» и «Герои империи». Была Лига Империи Мальчиков, которая поощряла интерес к колониям, и Бойскауты были изначально патриотической организацией. Основатель Скаутинга, Джордж Баден-Пауэлл, боролся с ндебеле в Родезии и выражал твердые взгляды на империю своим молодым подопечным:

ity to Indian dignity, and industrial power that allowed Britain to rule 250 million Indians with never more than 900 civil servants and 70,000 soldiers. The British were conscious of this balancing act, and understood that a ruling race had to maintain a certain demeanor. As a man in the Indian Civil Service explained in 1900:

To the peasant the visit of a 'saheeb' or a casual meeting with one . . . will be talked of for days over the village fire and remembered for years. The white man will be sized up shrewdly and frankly. So take heed unto your manners and your habits.

George Orwell, who served in Burma, noted that "a white man mustn't be frightened in front of natives; and so, in general, he isn't frightened." Sir Francis Younghusband, who was born in India, and who led a British force into Tibet, wrote of the psychological basis of empire:

No European can mix with non-Christian races without feeling his moral superiority over them It is not because we are any cleverer than the natives of India, because we have more brains or bigger heads than they have, that we rule India; but because we are stronger morally than they are.

These sentiments were reflected in the sense of duty to which upper-class Britons were bred. By 1880, Britain was rearing complete generations to standards of "Anglo-Saxon manhood" that would prepare them to rule. Fair play and Christianity were essential ingredients of the master-race mentality, and the men who could pass the stiff examinations required to join the colonial civil service were rightly proud of their incorruptibility.

The empire was a source of great pride and excitement for ordinary people who never left Britain's shores. Publications such as *Boys of the Empire* (started in 1900) ran articles like "How to be Strong" and "Empire Heroes." There was a Boys Empire League, which promoted interest in the colonies, and the Boy Scouts were originally a patriotic organization. Scouting's founder, George Baden-Powell, had fought the Ndebele in Rhodesia, and expressed strong views of empire to his young charges:

Your forefathers worked hard, fought hard, and died hard to make

Ваши предки работали, боролись и умирали трудно сделать эту империю для вас. Не позволяйте им смотреть вниз с небес и видеть, как вы бездельничаете с руками в карманах, ничего не делая, чтобы поддерживать это.

«Азбука (ABC) для маленьких патриотов», опубликованная в 1899 году, подхватила дух такими стихами:

С Для Колоний

Справедливо хвастаемся
Это из всех великих наций
У Великобритании больше всего.

В викторианскую эпоху реклама «Мыла с грушами» имела такую копию:

Первый шаг к облегчению бремени белого человека - через обучение принципам чистоты. Мыло груш является мощным фактором, способствующим осветлению темных уголков земли по мере развития цивилизации.

Чернокожие

Одна группа, которой британцы верили, что они несут цивилизацию, была африканцами. Однако из всех народов, с которыми они столкнулись, чернокожие (и австралийские аборигены), похоже, считают их наиболее чуждыми. Белые могут представить, что американские индейцы принадлежат к той же категории, что и они сами, а руки Индии восхищаются высокой культурой Индии, но, за редким исключением, африканцы считают белую низшую расу. Первые афроамериканцы прибыли в Джеймстаун в 1619 году, в то время, когда англичане все еще задавались вопросом, не были ли индийцы загорелыми белыми людьми. Таких иллюзий в отношении вновь прибывших не было, и колонисты, не колеблясь, относились к ним как к рабской расе.

В 1681 году на Барбадосе губернатор Ричард Даттон утверждал, что к чернокожим рабам следует относиться с христианской добротой, но «что касается того, чтобы делать из христиан негров, их дикая жестокость делает их совершенно неспособными». Другой англичанин 17-го века писал об африканцах, что «мужчины и женщины настолько похожи друг на друга, что невозможно отличить мужчину от женщины, но по ее груди, которая по большей части очень грязная и длинная, свисающая низко, как вымя козел."

this empire for you. Don't let them look down from heaven, and see you loafing around with your hands in your pockets, doing nothing to keep it up.

An *ABC for Baby Patriots*, published in 1899, caught the spirit with rhymes like:

C is for Colonies
Rightly we boast
That of all the great nations
Great Britain has most.

In the Victorian era, Pears Soap advertisements had copy like this:

The first step towards lightening the white man's burden is through teaching the virtues of cleanliness. Pears' Soap is a potent factor in brightening the dark corners of the earth as civilization advances.

Blacks

One group to whom the British believed they were bringing civilization was Africans. Of all the peoples they encountered, however, blacks (and Australian aborigines) appear to have struck them as the most alien. Whites could imagine that American Indians were of the same stock as themselves, and India hands admired Indian high culture, but with only a few exceptions, Africans appear to have struck whites as a lower race. The first blacks arrived in Jamestown in 1619, at the time when the English were still wondering if Indians were not sunburned white people. There were no such illusions about the new arrivals, and the colonists did not hesitate to treat them as a servile race.

In 1681 on Barbados, Governor Richard Dutton argued that black slaves should be treated with Christian kindness, but "as to making negroes Christians, their savage brutishness renders them wholly incapable." Another 17th century Englishman wrote of Africans that "the men and women go so alike, that one cannot know a man from a woman but by their breasts, which in the most part be very foule and long, hanging downe low like the udder of a goat." One Caribbean planter wrote that when African women

Один плантатор из Карибского бассейна писал, что когда африканские женщины наклонялись, чтобы ухаживать за культурами, их груди касались земли, создавая впечатление, что они шестиногие существа. Было бы трудно найти такие резкие описания людей других рас.

Стремление видеть все расы равными, тем не менее, сохранилось. Британские идеалисты основали Сьерра-Леоне в 1787 году как убежище для освобожденных рабов, и его сторонники искренне верили, что при надлежащем обучении африканцы могут быть доведены до уровня европейцев. Подобные иллюзии могут процветать среди членов христианских общин, но они редко живут долго под тропическим солнцем.

Исследователь Дэвид Ливингстон начал свою карьеру в качестве миссионера в Лондонском миссионерском обществе, но прекратил проповедовать в начале 1840-х годов, потому что не добился прогресса:

Христианам дома должно быть трудно или почти невозможно понять что-то вроде точного представления о грубости, которая окутывает их умы. , , , Все их идеи земные, и с большим трудом их можно заставить отделить [себя] от чувственных объектов.

Африка была кладбищем больших ожиданий. Даже основатель Лондонского миссионерского общества Роберт Моффат не мог поддерживать свой оптимизм, говоря африканцам, что «равнодушие и глупость образуют венец на каждом лбу: невежество - самое грубое невежество - лежит в основе каждого сердца».

Госслужащие встретились с такими же разочарованиями. Активисты настаивали на эмансипации, уверенные в том, что освобожденные рабы возродятся как амбициозные мелкие землевладельцы. Вместо этого свобода привела к пьянству и праздности, а производительность упала.

Та же самая столичная наивность приветствовала подавление черного восстания на Ямайке в 1865 году. Губернатор Эдвард Эйр, используя методы, подобные тем, которые были приняты во время индийского мятежа всего несколькими годами ранее, казнил около 200 человек. На Ямайке его объявили спасителем цивилизации, и он был шокирован, когда его вызвали в комиссию Англии, чтобы ответить за свои действия. Слушания сильно сломили общественное мнение, с известными людьми, выстроившимися в очередь с обеих сторон..

bent over to tend crops, their breasts touched the ground, giving the impression from a distance that they were six-legged creatures. It would be hard to find such harsh descriptions of people of other races.

The impulse to see all races as equal nevertheless survived. British idealists established Sierra Leone in 1787 as a haven for freed slaves, and its backers believed sincerely that with proper instruction Africans could be brought up to the level of Europeans. Illusions of this kind might thrive among members of Christian tract societies back home, but they rarely lasted long under the tropical sun.

The explorer David Livingstone began his career as a missionary with the London Missionary Society, but gave up preaching in the early 1840s, because he was making no progress:

It must be difficult or rather impossible for Christians at home to realize anything like an accurate notion of the grossness which shrouds their minds Their ideas are all earthly and it is with great difficulty that they can be brought to detach [themselves] from sensual objects.

Africa was the graveyard of high expectations. Even the founder of the London Missionary Society, Robert Moffat, could not maintain his optimism, writing of Africans that “Indifference and stupidity form the wreath on every brow: Ignorance—the grossest ignorance—forms the basis of every heart.”

Civil servants met with the same disappointments. Activists had pushed for emancipation, confident that freed slaves would be reborn as ambitious small-holders. Freedom led, instead, to drunkenness and idleness, while productivity plummeted.

The same metropolitan naïveté greeted the suppression of a black insurrection in Jamaica in 1865. Governor Edward Eyre, using methods similar to those adopted during the Indian mutiny just a few years earlier, had about 200 people executed. On Jamaica he was heralded as the savior of civilization, and he was shocked to be summoned before a commission in England to answer for his actions. The hearings badly fractured public opinion, with promi-

Эйр был отстранен от должности губернатора, но официально не получил санкций, и он пошел к своей могиле героем белых ямайцев и убедился, что его страна подверглась жестокому обращению.

Это был классический случай людей, которые знали о чернокожих только бывших в употреблении людей, которые угадали, которые жили среди них в течение многих лет. Увольнение Эйра затруднило принятие решительных мер в других частях империи, опасаясь реакции на родине. Сэр Гарнет Уолсли, жесткий солдат, который видел службу в десятках колониальных сражений, имел в виду Эйра, когда он писал: «Мне нужно думать о воюющих обществах у себя дома, которые сочувствуют всем темнокожим мужчинам, в то время как им нет дела до страданий, причиненных их родные и близкие, у которых есть несчастье быть рядом с этими интересными неграми.

Как и в случае с индейцами, администрация колоний в Африке считала жизненно важным поддерживать определенное отношение к коренным народам. Лорд Лугард, который много лет руководил Нигерией в начале 1900-х годов, считал, что белые должны немедленно дать отпор любому «наглому знакомству» с черными, которые, естественно, будут подчинены, если с ними будут обращаться должным образом.

Лугард волновался, что у некоторых британцев, вторгшихся в колонии, не было необходимого естественного вида империи превосходства: «Тип англичанина в форме торговца, которого мы встречаем в этих частях, слишком ужасен, чтобы описать словами; все они более или менее встречные парашютисты худшего типа и самые большие участники сделки». («Встречные прыгуны» - это люди, чье естественное положение - подчинение, служение за стойкой, которые прыгают через стойку, чтобы смешаться со своими игроками.)

Тем не менее, убежденность в том, что небелые, в частности африканцы, не способны управлять своими делами, сохранялась и в 20 веке. В статье 1937 года, опубликованной в *National Geographic*, преобладает мнение: «Баганды - приятные и вежливые люди, которые быстро подражают белому человеку в одежде и образе жизни. Они легко тренируются, будь то прислуга, разведчик или швея».

В некоторых кругах этот патерналистский взгляд продолжался до середины века, особенно среди мужчин, которые действительно знали чернокожих.

ment men lining up on both sides. Eyre was removed as governor but never officially sanctioned, and went to his grave a hero to white Jamaicans and convinced he had been shabbily treated by his country.

It was a classic case of people who knew of blacks only second-hand second-guessing people who had lived among them for years. Eyre's dismissal made it hard to take firm action elsewhere in the empire for fear of the reaction back home. Sir Garnet Wolseley, a tough soldier who saw service in dozens of colonial engagements had Eyre in mind when he wrote: "I have to think of the howling Societies at home who have sympathy with all black men whilst they care nothing for the miseries inflicted on their own kith and kin who have the misfortune to be located near these interesting niggers."

As with Indians, colonial administrators in Africa thought it vital to maintain a certain attitude towards natives. Lord Lugard, who spent many years governing Nigeria in the early 1900s, held that whites should immediately rebuff any "insolent familiarity" from blacks, who would naturally be subservient if treated properly.

Lugard worried that some of the British straggling into the colonies did not have the natural air of superiority empire required: "The type of Englishman, in the shape of the trader, whom we meet in these parts, is too awful for words to describe; they are all more or less counter-jumpers of the worst type and biggest bounders into the bargain." ("Counter-jumpers" are people whose natural position is subservience—serving behind a counter—who jump over the counter to mix with their betters.)

Still, the conviction that non-whites—Africans in particular—did not have the capacity to manage their own affairs lasted well into the 20th century. A 1937 *National Geographic* article caught the prevailing view: "The Baganda are a pleasant and courteous people and quick to emulate the white man in clothing and ways of living. They train easily, whether as domestic servants, scouts or seamstresses."

In some circles, this paternalist view continued into the mid-century, especially among men who really knew blacks. The

Большой Alsatian протестантский миссионер, Альберт Швейцер (1875-1965) был Mother Theresa своего времени, лауреат Нобелевской премии мира восхищается святыми качествами. Он любезно относился к африканцам, но считал их ленивыми и самонадеянными, и в 1938 году написал, что они в основном не способны управлять собой:

Когда коренные жители района выражают мне свое недовольство тем, что им управляют белые, я отвечаю, что без белого человека их больше не будет, потому что они либо убьют друг друга, либо закончат в пахуине [соседнее племя] кастрюли. На это у них нет ответа.

К этому времени, конечно, люди, которые не имели прямого опыта небелых, заглушали предупреждения людей, которые знали лучше, и скоро наступит деколонизация.

Что в итоге привело к концу империи? Чем закончилось убеждение, что англосаксы были «особенно приспособлены для выполнения работы по колонизации»? Две мировые войны, несомненно, были связаны с этим. Агонизирующая переоценка ценностей, последовавшая за первой великой войной, особенно, похоже, повлияла на то, как европейцы относились ко всему, что они делали. Для людей, которые гордились своей способностью управлять делами других, это было ужасным ударом, чтобы самим впасть в невыразимую бойню.

Вторая мировая война, последовавшая всего лишь 20 лет спустя, еще больше истощила столичные державы. Соединенные Штаты, которые стали доминирующей сверхдержавой, были агрессивно антиколониальными, несмотря на явно расовые законы, которые все еще регулировали его внутренние отношения с черными. (Это еще один пример расовой непоследовательности империи: Джим Кроу Америка выступил против европейского правления в Африке.)

В то же время, по крайней мере, среди индийцев и азиатов начинал возникать класс подготовленных на Западе интеллектуалов, которых было трудно удерживать в подчинении. Империя всегда зависела в конечном итоге от силы, и со временем англичане неохотно ее использовали.

«Амритсарская резня» 1919 года вновь открыла раны, оставленные противоречием по поводу того, как Эдвард Эйр справился с Ямайкой в 1865 году, и показал, как британцы менялись.

great Alsatian Protestant missionary, Albert Schweitzer (1875–1965) was the Mother Theresa of his time, a Nobel peace prize winner admired for saintly qualities. He took a kindly view of Africans but considered them lazy and improvident, and in 1938 wrote that they were largely incapable of ruling themselves:

When long-resident natives of the district express to me their discontent at being ruled by the whites, I answer that without the white man they would no longer be in existence, because they would either have slaughtered each other or ended in the Pahouin [the neighboring tribe] cooking pots. To this they have no answer.

By this time, of course, people who had no direct experience of non-whites were drowning out the warnings of men who knew better, and decolonization would come shortly.

What eventually brought about the end of empire? What ended the conviction that Anglo-Saxons were “peculiarly fit to carry out the work of colonization”? The two world wars undoubtedly had a lot to do with it. The agonized soul-searching that followed the first great war, especially, seems to have affected the way Europeans felt about everything they did. For men who prided themselves in their ability to run the affairs of others, it was a terrible blow to have, themselves, blundered into unspeakable carnage.

The Second World War, following just 20 years later, further exhausted the metropolitan powers. The United States, which emerged as the dominant superpower, was aggressively anti-colonial despite the explicitly racial laws that still governed its internal relations with blacks. (This is just another example of the racial incoherence of empire: Jim Crow America opposed European rule in Africa.)

At the same time, at least among Indians and Asians, a class of Western-trained intellectuals was beginning to arise, whom it was difficult to hold in subservience. Empire always depended ultimately on force, and as time went by the British became reluctant to use it.

The 1919 “Amritsar massacre” reopened the wounds left by the controversy over Edward Eyre’s handling of the 1865 Jamaica up-

В период националистических беспорядков генерал Рекс Дайер - индеец, родившийся в Пенджабе, запретил «все митинги и собрания» в провинции. Когда 20 000 человек проигнорировали его приказ и продемонстрировали его в Амритсаре, он направил 50 гуркхов и белуджей на городскую площадь и приказал им стрелять по толпе, убив 379 и ранив 1500 человек. Демонстрации немедленно прекратились, и Дайер стал героем - по крайней мере, сначала. Сикхи, которые ненавидели пенджабцев, сделали генерала почетным сикхом в Золотом Храме.

Ужас, однако, вернулся домой, и Дайера забрали перед комиссией. Он объяснил, что хочет «нанести ужас всему Пенджабу», чтобы предотвратить восстание. У англичан больше не было желания устраивать террор, и Дайер был вынужден уйти в отставку. (Интересным побочным эффектом расследования Дайера был допрос белуджей и гуркхов, которые проводили стрельбу. Они сказали, что им нравилось косить равнин.) Как и в случае с Эйром, видные люди разделились над действиями в Амритсаре, с людьми, которые знали, что Индия поддерживает генерал. Черчилль осудил стрельбу, в то время как Редьярд Киплинг внес вклад в фонд сочувствия, который собрал более 26 000 фунтов стерлингов.

Более ранние люди, которые боролись за Британию - Роберт Клайв (1725-1774), лорд Китченер (1850-1916) и Джон Николсон (1821-1857), которые помогли подавить мятеж, - вероятно, действовали бы так, как Дайер. Разница была в том, что Британия, вероятно, поддержала бы их.

До ослабевающих дней империи большинство британцев обладали высоким чувством национальной судьбы и верили, что их нация - мощная сила добра. Однако, когда все более образованные люди хотели самоуправления, им стало трудно отрицать. У британцев, конечно, были возможности заставить замолчать колониальные элиты, но у них больше не было воли. В 1937 году Гитлер объяснил министру иностранных дел лорду Галифаксу, как контролировать индийский национализм: «Стреляйте в Ганди, и, если этого недостаточно, чтобы свести их к подчинению, застрелите дюжину ведущих членов [движения] Конгресса; не хватит, стреляйте 200 и так далее, пока порядок не будет установлен».

Британия больше не была способна на подобные меры, что, вероятно, было так же хорошо.

rising, and showed how the British were changing. During a period of nationalist disturbances, General Rex Dyer—an India man born in the Punjab—banned “all meeting and gatherings” in the province. When 20,000 people flouted his order and demonstrated in Amritsar, he marched 50 Gurkha and Baluchi troops into the town square and ordered them to fire on the crowd, killing 379 and wounding 1,500. Demonstrations immediately stopped, and Dyer was a hero—at least at first. The Sikhs, who hated the Punjabis, made the general an honorary Sikh at the Golden Temple.

Horror mounted back home, however, and Dyer was hauled before a commission. He explained that he wanted to “strike terror into the whole of the Punjab” in order to forestall rebellion. The British no longer had the stomach for striking terror, and Dyer was forced to resign his commission. (An interesting sidelight of the Dyer investigation was the interrogation of the Baluchis and Gurkhas who did the shooting. They said they enjoyed mowing down plainsmen.) As in the Eyre case, prominent people split over the Amritsar action, with men who knew India backing the general. Churchill condemned the shootings while Rudyard Kipling contributed to a sympathy fund that raised more than £26,000.

Earlier men who fought for Britain—Robert Clive (1725-1774), Lord Kitchener (1850-1916), and John Nicholson (1821-1857) who helped put down the mutiny—probably would have acted as Dyer did. The difference was that Britain would probably have backed them.

Until the waning days of empire, most Britons had a high sense of national destiny, and believed their nation was a powerful force for good. However, when increasingly well-educated subjects wanted self-rule it became difficult to deny them. The British certainly had the means to silence colonial elites but no longer had the will. In 1937, Hitler explained to Foreign Secretary Lord Halifax how to control Indian nationalism: “Shoot Gandhi, and if that does not suffice to reduce them to submission, shoot a dozen leading members of [the] Congress [movement]; and if that does not suffice, shoot 200 and so on until order is established.”

Britain was no longer capable of measures like this, which was

К тому времени, когда Индия стала независимой в 1947 году, из-за истощения двух мировых войн, давления со стороны Соединенных Штатов и изощренной тактики и требований индийских активистов у Британии не осталось иного выбора. Один случай из последних дней Радж показал, как далеко пали прежние правители. Пока последний вице-король Луи Маунтбаттен вел переговоры об окончательном уходе, его жена Эдвина завязала роман с Джавахарлалом Неру, самым выдающимся националистом после Ганди, и будущим премьер-министром Индии.

Независимость, конечно, привела к результатам, которые мог предсказать любой ученик расы: умеренный успех для некоторых народов Азии и Ближнего Востока; хаос для большинства африканцев. Теперь это империя империи в форме небелой иммиграции, которая является самым несчастным наследием для европейских держав. Если, действительно, потеря доверия, которая привела к деколонизации, неизбежно приведет к массовой небелой иммиграции - и, похоже, она сделала это без исключения, - империя была катастрофической ошибкой для имперских держав.

Лицемерие и провал воли

Учитывая последствия империи, не должно быть удивительным узнать, что ее история - это история постоянного противоречия между откровенными утверждениями о превосходстве белых и настойчивостью, что все люди являются братьями и равными. Вероятно, это отражение природы белых, что последняя точка зрения всегда принимала блеск высокой морали. В течение по крайней мере двух столетий раса была темой, по которой чем больше человек игнорирует как научные доказательства, так и свидетельства экспертов, тем более просвещенным может казаться. Несомненно, именно поэтому даже в самых могущественных империях люди, которые знали лучше, уклонялись от грубых утверждений о расовых интересах.

Иммиграционная политика - политика, которая определяет будущее белых везде - кажется, всегда была благодатной почвой для лицемерия и уклонения. В свете нынешних дебатов по поводу усилий по сдерживанию наплыва из стран третьего мира поучительно отметить, что лишь в редких случаях у белых хватило смелости открыто заявить, что они хотят сохранить свои страны белыми.

probably just as well. By the time India became independent in 1947, the exhaustion of two world wars, pressure from the United States, and the sophisticated tactics and demands of Indian activists left Britain little choice. One incident from the final days of the Raj showed just how far the former rulers had fallen. While the last viceroy, Louis Mountbatten, was negotiating the final withdrawal, his wife Edwina was carrying on an affair with Jawaharlal Nehru, the most prominent nationalist after Gandhi, and India's future prime minister.

Independence has, of course, led to results that any student of race could have predicted: Moderate success for some Asian and Middle-Eastern peoples; chaos for most Africans. It is now the backwash of empire in the form of non-white immigration that is the most unhappy legacy for the European powers. If, indeed, the loss of confidence that led to decolonization led inevitably to massive non-white immigration—and it seems to have done so without exception—empire was a catastrophic mistake for the imperial powers.

Hypocrisy and Failure of Will

Given the aftermath of empire, it should perhaps not be surprising to learn that its history is one of constant tension between frank assertions of white supremacy and the insistence that all men are brothers and equals. It is probably a reflection on the nature of whites that the latter view has always assumed a sheen of high morality. For at least two centuries, race has been a subject on which the more one ignores both the scientific evidence and the testimony of experts, the more enlightened one can appear. No doubt this is why even with empires at their most powerful, men who knew better shrank from blunt assertions of racial interests.

Immigration policy—policy that is determining the future for whites everywhere—seems always to have been fertile ground for hypocrisy and evasion. In light of the current debate over efforts to stem the Third-World influx, it is instructive to note that only rarely have whites had the stomach to say openly that they wanted to keep their countries white.

Surprising as it may seem, in the Victorian era the British tried

Как это ни удивительно, в викторианскую эпоху британцы пытались утверждать, что все имперские подданные всех рас были в равных условиях. Поэтому, когда белые, которые управляли южноафриканской колонией Натала, хотели принять законы, предотвращающие иммиграцию из Индии, колониальное министерство отвергло их. Англичане понимали желание не пускать индейцев, но не допустили прямого исключения. В 1897 году обе стороны достигли компромисса, согласно которому иммигранты должны были прибыть с минимум 25 фунтов стерлингов и иметь возможность говорить на европейском языке. Этот закон успешно исключил подавляющее большинство индийских иммигрантов с помощью правил, которые казались нейтральными для расы. Косвенные меры такого рода стали называться «формулой Натала».

За годы до того, как она стала независимым содружеством в 1901 году, Австралия имела значительную автономию, но не имела полного контроля над иммиграцией. Его лидеры хотели, чтобы законы исключали азиатов, но Джозеф Чемберлен, государственный секретарь колоний, который так настаивал на достоинствах «англосаксонской расы», объяснил, что это невозможно. В 1897 году он попросил австралийцев:

Имейте в виду традиции Империи, которая не делает различий ни в пользу расы, ни в цвет; и исключить, по причине их цвета кожи или по признаку их расы, всех индийских подданных Ее Величества или даже всех азиатов было бы настолько оскорбительным для этих людей, что было бы наиболее болезненным, я совершенно уверен, для Ее Величества чтобы санкционировать это.

Чемберлен хотел «белую Австралию», но не одобрил бы явные расовые ограничения, отмечая важность «законодательства, которое предотвратит нежелательную иммиграцию без проведения различий, основанных исключительно на цвете». Поэтому Австралия разработала свою собственную версию формулы Натала: любой иммигрант должен написать отрывок из 50 слов, продиктованный иммиграционным офицером на европейском языке.

Не было никакого секрета о цели закона. Чиновник Министерства иностранных дел Австралии объяснил, как тест должен был работать:

to maintain the fiction that all Imperial subjects, of all races, were on an equal footing. Therefore, when the whites who ran the South African colony of Natal wanted to pass laws preventing immigration from India, the colonial ministry overruled them. The British understood the desire to keep out Indians, but would not permit outright exclusion. In 1897, both sides reached a compromise, according to which immigrants had to arrive with at least £25 sterling and be able to speak a European language. This law successfully excluded the vast majority of Indian immigrants by means of regulations that appeared to be race neutral. Indirect measures of this kind became known as “the Natal formula.”

In the years before it became an independent commonwealth in 1901, Australia had considerable autonomy, but did not have complete control over immigration. Its leaders wanted laws to exclude Asians, but Joseph Chamberlain—the secretary of state for the colonies who was so insistent on the virtues of the “Anglo-Saxon race”—explained this was impossible. In 1897, he asked Australians to:

[B]ear in mind the traditions of the Empire, which makes no distinction in favor of, or against race or color; and to exclude, by reason of their color or by reasons of their race, all Her Majesty’s Indian subjects or even all Asiatics would be an act so offensive to those people, that it would be most painful, I am quite certain, to Her Majesty to have to sanction it.

Chamberlain wanted a “white Australia,” but would not approve overt racial restrictions, writing of the importance of “legislation that will prevent undesirable immigration without making distinctions based entirely on color.” Australia therefore worked out its own version of the Natal formula: Any immigrant would have to write a passage of 50 words dictated in a European language by an immigration officer.

There was no secret about the law’s purpose. An official of the Australian Department of External Affairs explained how the test was supposed to work:

It is not desirable that colored persons should be allowed to pass

Нежелательно, чтобы цветным людям разрешалось проходить тестирование, и перед тем, как поставить его кому-либо, сотрудник должен быть уверен, что он провалится. Если считается, что он может пройти тест на английском языке, его следует применять на другом языке, о котором он не знает.

Небелых, которые, похоже, сдали экзамен на английском языке, можно было бы сдать на французском или польском!

Австралия приняла другое уклончивое законодательство. В 1855 году он уже не пускал китайских иммигрантов, которые плотно упаковывались в нижних палубах кораблей. Делая вид, что заинтересованы в удобстве размещения на борту судна, колониальные власти постановили, что ни одно судно не может ввозить иммигрантов с соотношением более одного человека на каждые десять тонн водоизмещения. В 1888 году они повысили требование на каждые 500 тонн водоизмещения. Это были явно нейтральные к расе законы, призванные не пускать людей определенной расы - формула Натала еще до того, как эта фраза родилась.

Канадцы также прибегли к уловкам. В 1908 году, когда не было прямого парохода из Индии в Канаду, законодательство требовало, чтобы иммигранты приезжали «из страны своего рождения» в «непрерывном путешествии по сквозным билетам». Это положение было нацелено на индейцев, но законодатели не могли заставить себя записать свои настоящие намерения в законе.

Уроки на сегодня

Что может быть наиболее поучительным в изучении расовой политики прошлого, так это выяснить, как мало что изменилось. Когда белые покидают Южную Калифорнию, жалуясь на «преступление» или когда они утверждают, что ищут «хорошие школы», и каким-то образом заканчивают тем, что покупают дома в белых кварталах, они заново изобретают формулу Натала. Они используют якобы нейтральные к расе основания для достижения расовых результатов, независимо от того, осознают они это или нет.

Что-то еще, что не изменилось, - это желание преуменьшить или даже скрыть расовые последствия политики, за исключением того, что антирасисты сейчас это делают. Странники Закона об иммиграционной реформе 1965 года утверждали, что это не окажет никакого расового воздействия и не изменит состав страны. Расовые предпочтения для небелых получают анодное название «позитивные действия» или даже откровенно обманчивую «равную возможность трудоустройства».

the test, and before putting it to anyone the Officer should be satisfied that he will fail. If he is considered likely to pass the test in English, it should be applied in some other language of which he is ignorant.

A non-white who seemed likely to pass the test in English, could be made to take it in French or Polish!

Australia passed other evasive legislation. In 1855, it had already kept out Chinese immigrants who came tightly packed in the lower decks of ships. Pretending to take an interest in the comfort of shipboard accommodations, colonial authorities ruled that no vessel could bring in immigrants at a ratio of more than one person to every ten tons of displacement. In 1888, they raised the requirement to every 500 tons of displacement. These were apparently race-neutral laws designed to keep out people of a specific race—a Natal formula before the phrase was even born.

The Canadians also resorted to subterfuge. In 1908, when there was no direct steamer service from India to Canada, legislation required that immigrants come “from the country of their birth” on “a continuous voyage on through tickets.” The provision was aimed at Indians, but lawmakers could not bring themselves to write their real intent into law.

Lessons for Today

What is perhaps most instructive about studying racial policies of the past is to discover how little has changed. When whites leave Southern California, complaining about “crime” or when they claim to be looking for “good schools,” and somehow end up buying houses in white neighborhoods, they are reinventing the Natal formula. They are using ostensibly race-neutral grounds to achieve racial results, whether they realize it or not.

Something else that has not changed is the desire to downplay or even obfuscate the racial consequences of policy—except that the anti-“racists” are now doing it. The backers of the Immigration Reform Act of 1965 claimed it would have no racial impact, and would leave the makeup of the country unchanged. Racial preferences for non-whites get the anodyne name “affirmative action” or even the frankly deceptive “equal employment opportunity.”

Передача богатства черным является «программой борьбы с бедностью». Изъятие белых - это «разнообразие» или «обогащение».

Что-то еще изменилось еще меньше: люди, которые ничего не знают о небелых, по-прежнему считают себя экспертами по расовым отношениям. Чем меньше на самом деле знают белые, тем более уверенно они читают лекции другим белым, которые провели годы среди чернокожих или азиатов. С 1940-х по 1990-е годы скандинавы, которые никогда не хлопали черными глазами, говорили американцам и южноафриканцам, как себя вести. Северяне с равной властью ругали южан. Даже сегодня политики и редакторы, которые громче всех режут о расизме на юге или в жоппе, живут в золоченых белых гетто и отправляют своих детей в частные школы. Вероятно, не существует другого предмета, по которому избобличающие клише проходят для обучения, и моральный пыл превосходит жизненный опыт.

Преобладание мнений, безусловно, со временем изменилось, но белые, кажется, всегда имели предрасположенность к легкому шагу, когда дело доходит до расы, чтобы скрыть расовые интересы за нерасовыми общностями и быть сильно привлеченными проявлением щедрости и широкой -диктивностью, которая придает эгалитаризму и отказу от расовой лояльности. Когда небелые были колониальными подданными и не имели возможности продвигаться в Европу, эти тенденции имели только локальные последствия - об этом напоминает резня в Джеймстауне в 1622 году. Теперь они потенциально смертельны.

Однако даже по расовым вопросам белые способны учиться. Подобно тому, как колония Джеймстауна в конечном итоге утратила свои иллюзии, либералы могут отказаться от расового романтизма перед лицом тяжелого опыта. Нынешние волнения в Бельгии и Голландии по поводу иммиграции являются признаком того, что романтизм умирает. Когда у американцев действительно есть шанс выразить себя - на референдумах о расовых предпочтениях или льготах для нелегалов - они почти всегда проявляют здравый смысл.

Сегодня, за возможным исключением Исландии, ни одна белая нация не свободна от небелой иммиграции. Скандинавы больше не могут обличать свои обвинения в адрес американцев или южноафриканцев, убежденных в том, что, если бы они были на нашем месте, они творили чудеса примирения и возвышения. Они *сейчас* на нашем месте, и непосредственный опыт гонки - отрезвляющий.

Transfers of wealth to blacks are “anti-poverty programs.” The dis-possession of whites is “diversity” or “enrichment.”

Something else has changed even less: People who know nothing about non-whites still think they are experts on race relations. The less whites actually know, the more confidently they lecture other whites who have spent years among blacks or Asians. From the 1940s to the 1990s, Scandinavians who had never clapped eyes on a black told Americans and South Africans how to behave. Northerners berated Southerners with equal authority. Even today, the politicians and editorialists who bray the loudest about Southern or redneck “racism” live in gilded white ghettos and send their children to private schools. There is probably no other subject for which mouthing clichés passes for learning, and moral fervor trumps a lifetime of experience.

The preponderance of opinion has certainly shifted over time, but whites seem always to have had a predisposition to tread lightly when it comes to race, to hide racial interests behind non-racial generalities, and to be strongly attracted by the appearance of generosity and broad-mindedness that attaches to egalitarianism and the renunciation of racial loyalty. When non-whites were colonial subjects and not in a position to push their way into Europe, these tendencies had only local consequences—one is reminded of the Jamestown massacre of 1622. Now, they are potentially fatal.

Even on racial matters, however, whites are capable of learning. Just as the Jamestown colony eventually lost its illusions, liberals can abandon racial romanticism in the face of hard experience. The current ferment in Belgium and Holland over immigration is a sign that romanticism is dying. When Americans actually have a chance to express themselves—in referenda on racial preferences or benefits for illegal aliens—they almost always show good sense.

Today, with the possible exception of Iceland, no white nation is free of non-white immigration. Scandinavians can no longer wrap their denunciations of Americans or South Africans in the conviction that if they were in our place they would work miracles of reconciliation and uplift. They *are* in our place now, and the first-hand experience of race is sobering.

Если бы это была империя, то теперь у людей, живущих дома, есть подозрения о том, с чем столкнулся Эдвард Эйр на Ямайке или почему Рекс Дайер открыл огонь в Амритсаре. Гораздо меньше людей могут прикрыть свои иллюзии за стенами невежества.

Будут ли белые вовремя просыпаться, чтобы спасти свою цивилизацию? Если они это сделают, они оглянутся в благодарность к людям, которые знали мир лучше всего, которые думали об этом сложнее всего. Они будут удивляться, почему в течение 20-го века европейцы игнорировали предупреждения таких людей, как Альберт Швейцер, и не слушали Редьярда Киплинга, когда он писал: «Человек должен, что бы ни случилось, сохранять свою собственную касту, расу и породу. белое - белому, а черное - черному».

Эта статья впервые появилась в февральском номере журнала «Ренессанс» за 2005 год .

If this were empire, it is as if the people back home now have an inkling of what Edward Eyre faced in Jamaica or of why Rex Dyer opened fire in Amritsar. Far fewer people can shelter their illusions behind walls of ignorance.

Will whites wake up in time to save their civilization? If they do, they will look back in gratitude to the men who knew the world best, who thought about it hardest. They will wonder why, during the 20th century, Europeans ignored the warnings of men like Albert Schweitzer, and did not listen to Rudyard Kipling when he wrote: "A man should, whatever happens, keep to his own caste, race and breed. Let the white go to the white and the black to the black."

This article first appeared in the February 2005 issue of American Renaissance.

Браун v. Совет Директоров: Актуальная История

КАК ЭТО ПРОШЛО И ЕГО ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.

17 мая 2004 года исполнилось 50 лет со дня знаменитого решения Верховного суда США по делу *Браун против Совета по образованию*. Это решение, запрещающее расовую сегрегацию в школах, в настоящее время отмечается как исторический акт справедливости и мужества. Из сотен, если не тысяч государственных чиновников и авторов редакционных статей, которые праздновали эту годовщину, практически никто не критиковал это решение. На самом деле, есть много, чтобы критиковать. *Браун*, безусловно, был одним из самых важных решений Верховного суда 20-го века; поэтому необходимо, чтобы мы знали, что было неправильно в том, как это было решено и что это вызвало.

Во-первых, решение предусматривало не что иное, как сговор между одним из судей и его бывшим клерком, который занимался аргументами правительства США. Поэтому одна сторона дела имела неверное внутреннее знание о том, что думает каждый судья, и могла выдвигать аргументы специально для того, чтобы обратиться к ним.

Во-вторых, один из ключевых экспертов-свидетелей десеграции - единственный, которого похвалили в постановлении, - намеренно подавил результаты исследований, которые подорвали его позицию. Он, конечно, знал об этих неудобных находках, потому что они были его собственными.

В-третьих, поскольку Суд не смог найти конституционного обоснования для отмены доктрины «отдельного, но равного», он основал свое решение на модных тогда социологических теориях. Эти теории были неверны.

В-четвертых, *Браун* был первым роковым шагом к тому, что мы называем «судебной активностью». Верховный суд отложил свое обязательство по толкованию Конституции и сделал то, что считал полезным для страны. Это фактически начало эры принятия новых законов, а не толкования старых. Судебные постановления никогда не должны препятствовать законотворчеству избранных представителей; республиканское правительство было сильно подорвано процессом, начатым *Брауном*.

ИСТОРИЯ 91

Brown v. Board: The Real Story

HOW IT CAME ABOUT AND ITS TRAGIC
CONSEQUENCES.

May 17, 2004 marked the 50th anniversary of the US Supreme Court's famous ruling in *Brown v. Board of Education*. This decision, which forbade racial segregation in schools, is now being celebrated as a historic act of justice and courage. Of the hundreds if not thousands of public officials and editorial writers who have celebrated this anniversary, practically no one has criticized the decision. In fact, there is much to criticize. *Brown* was certainly one of the most important Supreme Court decisions of the 20th century; it is therefore necessary that we know what was wrong about how it was decided and what it brought about.

First, the decision involved nothing less than collusion between one of the justices and his former clerk, who was handling the US Government's arguments. One side of the case therefore had improper inside knowledge about what every justice thought, and could craft arguments specifically to appeal to them.

Second, one of the key expert witnesses for desegregation—the only one singled out for praise in the ruling—deliberately suppressed research results that undermined his position. He certainly knew about these inconvenient findings, because they were his own.

Third, because the Court could find no Constitutional justification for overturning the doctrine of “separate but equal,” it based its ruling on then-fashionable sociological theories. These theories were wrong.

Fourth, *Brown* was the first fateful step towards what we call “judicial activism.” The Supreme Court set aside its obligation to interpret the Constitution, and did what it thought was good for the country. It inaugurated an era of, in effect, passing new laws, rather than interpreting old ones. Judicial orders should never preempt law-making by elected representatives; republican government has been badly eroded by the process set in motion by *Brown*.

Наконец, приказы об интеграции были одними из самых навязчивых и разрушительных, когда-либо издаваемых американскими судами. Судьи принимали самые мелкие школьные решения, как если бы они были единоличными школьными советами. Обязательное расовое уравнивание - обычно осуществляемое автобусами - спровоцировало бегство белых, которое во многих случаях делало школы еще более изолированными, чем раньше. Начиная с 1991 года Суд ослабил свои требования к обязательному автобусному транспорту, но к тому времени он уже вызвал неисчислимы нарушения и превратил большинство школьных округов крупных городов в гетто меньшинств.

Окончательный расчет *Брауна* еще не сделан, но это решение оплакивать, а не праздновать.

Как появился Браун

До *Брауна* самым известным решением Верховного суда по расовой сегрегации было дело *Плесси против Фергюсона*, вынесенное в 1896 году. В этом деле участвовали отдельные железнодорожные вагоны для черно-белых путешественников, и суд однозначно постановил, что сегрегация является конституционной, пока расы рассматривались в «отдельном, но равном» порядке.

Отдельное было редко равным, однако. В 1930 году Алабама, Флорида, Джорджия и Луизиана потратили примерно на треть столько же на каждого сегрегированного черного школьника, сколько на белого студента. Южная Каролина, самый крайний случай, провела только одну десятую. Белые оправдывают эту разницу, указывая на то, что местные школы платят за школы и что черные платят меньше налогов, чем белые.

Расходы на школы чернокожих быстро росли в 1940-х и 1950-х годах, часто из-за судебных исков NAACP (Национальная ассоциация по улучшению цветных людей), настаивающих на том, что если черные школы должны быть отделены, Конституция требует, чтобы они были равными. Многие судьи согласились, и на протяжении всей старой Конфедерации было много новых налогов и проблем с облигациями, чтобы собрать деньги для черных школ. К 1950-м годам этот разрыв значительно сократился по всему Югу, и, например, в Вирджинии расходы, средства и оплата труда учителей были в основном равны в обеих системах. Белые не хотели отправлять своих детей в школу с чернокожими и были готовы пойти на значительные финансовые жертвы, чтобы избежать этого. Некоторые члены NAACP задались вопросом, сделает ли принуждение Юга к соблюдению требований «отдельного, но равного» только сегрегацией.

Finally, integration orders were among the most intrusive and damaging ever issued by American courts. Judges took over the most minute school-related decisions as if they were one-man school boards. Mandatory racial balancing—usually accomplished by busing—provoked white flight that in many cases left schools even more segregated than before. Beginning in 1991, the Court eased its requirements for mandatory busing, but by then it had already caused incalculable dislocation and had turned most big-city school districts into minority ghettos.

The final reckoning of *Brown* has yet to be made, but it is a ruling to be mourned, not celebrated.

How Brown Came About

Until *Brown*, the best known Supreme Court ruling on racial segregation had been *Plessy v. Ferguson*, handed down in 1896. This case involved separate railroad coaches for black and white travelers, and the court ruled famously that segregation was constitutional so long as the races were treated in a “separate but equal” manner.

Separate was rarely equal, however. In 1930, Alabama, Florida, Georgia, and Louisiana spent about one third as much on each segregated black public school student as on each white student. South Carolina, the most extreme case, spent only one tenth. Whites justified this difference by pointing out that local taxes paid for schools, and that blacks paid less in taxes than whites.

Spending on black schools increased rapidly in the 1940s and 1950s, often because of NAACP lawsuits insisting that if black schools were to be separate the Constitution required that they be equal. Many judges agreed, and throughout the old Confederacy there was a flurry of new taxes and bond issues to raise money for black schools. By the 1950s, the gap had been greatly narrowed all across the South, and in Virginia, for example, expenditures, facilities, and teacher pay were essentially equal in the two systems. Whites did not want to send their children to school with blacks, and were prepared to make considerable financial sacrifices to avoid doing so. Some within the NAACP wondered whether forcing the South to live up to the requirements of “separate but equal” would only make segregation permanent.

Верховный суд согласился рассмотреть дело *Брауна*, которое было прямой атакой на отдельные школьные системы, даже если они были равны. Это была консолидация пяти отдельных дел, которые возникли в разных штатах, и он призвал Суд отменить сегрегированные школы на основе положения о "равной защите" 14-й поправки.

Однако невозможно утверждать, что первоначальная цель 14-й поправки состояла в том, чтобы запретить сегрегированные школы. В том же Конгрессе, который принял Поправку в 1866 году, были созданы сегрегированные школы в округе Колумбия, и после ратификации два года спустя 23 из 37 штатов либо создали сегрегированные школы, либо продолжили функционировать в тех школах, которые у них уже были. Главного судью Фредерика Винсона особенно беспокоила конституционная апелляция, которая требовала, чтобы суд пересмотрел значение поправки.

Во время устных аргументов по делу в декабре 1952 года Тейлор-добрый маршал из НААКП, таким образом, не привел юридических аргументов. Его аргумент основывался на том, что стало известно как теория «вреда и пользы», а именно на том, что сегрегация наносит вред черным, и интеграция принесет им пользу. Судья Роберт Джексон, который был главным прокурором нацистских военных преступников в Нюрнберге, пожаловался, что дело Маршалла «начинается и заканчивается социологией». Он не поддерживал школьную сегрегацию, но считал, что отмена судебной власти указом будет злоупотреблением судебной властью. «Я полагаю, что причина этого случая в том, что действия не могут быть получены от Конгресса», - отметил он.

На самом деле социология, с которой Маршалл начинал и заканчивал, была слабой. Он сильно опирался на работу Кеннета Кларка, черного исследователя, известного изучением кукол. Кларк сообщил, что если он показывал пару черных и белых кукол темнокожим детям, посещающим отдельные школы, и спрашивал их, какая кукла им нравится больше, то значительная часть выбрала белую куклу. Он утверждал Суду, что это доказывает, что сегрегация порождает чувство неполноценности. Он не упомянул, что показал свои куклы сотням негров, посещающих интегрированные школы в штате Массачусетс, и что *еще больше* этих детей предпочитали белую куклу. Если его исследования что-то и показали, так это то, что интеграция снижает самооценку чернокожих, но он намеренно исказил свои выводы.

The Supreme Court agreed to hear the *Brown* case, which was a direct attack on separate school systems, even if they were equal. It was a consolidation of five separate cases that had arisen in different states, and it urged the Court to abolish segregated schools on the basis of the “equal protection” clause of the 14th Amendment.

It was impossible, however, to argue that the original intent of the 14th Amendment was to forbid segregated schools. The same Congress that passed the Amendment in 1866 established segregated schools in the District of Columbia, and after ratification two years later, 23 of the 37 states either established segregated schools or continued to operate the ones they already had. Chief Justice Frederick Vinson was particularly bothered by a Constitutional appeal that required the Court to recast the meaning of an Amendment.

During oral arguments in the case in December, 1952, Thurgood Marshall of the NAACP therefore did not make a legal argument. His case rested on what came to be known as the “harms and benefits” theory, namely, that segregation harms blacks and integration would benefit them. Justice Robert Jackson, who had been chief prosecutor of Nazi war criminals at Nuremberg, complained that Marshall’s case “starts and ends with sociology.” He did not support school segregation but thought it would be an abuse of judicial power to abolish it by decree. “I suppose that realistically the reason this case is here is that action couldn’t be obtained from Congress,” he noted.

In fact, the sociology with which Marshall started and ended was weak. He leaned heavily on the work of Kenneth Clark, a black researcher known for doll studies. Clark reported that if he showed a pair of black and white dolls to black children attending segregated schools and asked them which doll they liked better, a substantial number picked the white doll. He argued to the Court that this proves segregation breeds feelings of inferiority. He failed to mention that he had shown his dolls to hundreds of blacks attending integrated schools in Massachusetts, and that *even more* of these children preferred the white doll. If his research showed anything, it was that integration lowers the self-image of blacks,

Джон В. Дэвис, адвокат, выступавший за сохранение сегрегированных школ, указал, что выводы Кларка противоречат его собственным опубликованным результатам в выводах Массачусетса. Позже Дэвис сказал коллеге, что решение, несомненно, пойдет ему навстречу, «если Верховный суд не захочет изменить закон».

Если бы суд принял решение по делу сразу после устных аргументов, *Браун* мог бы быть решен иначе или в лучшем случае с большинством от пяти до четырех, что могло бы дать ему мало полномочий на юге. Именно в этот момент судья Феликс Франкфуртер, который отчаянно пытался положить конец сегрегации, взял на себя ключевую роль. Столкнувшись с плохим судебным делом и судьями, которые не хотели злоупотреблять своей властью, его стратегия заключалась в задержке. Он решительно утверждал, что решение по *Брауну* должно быть отложено, чтобы дать время для расследования первоначального намерения 14-й Поправки и позволить новой администрации Эйзенхауэра занять определенную позицию. В то же время, не сказав другим судьям, он сказал своему клерку Александру Биккелю разобраться в истории Поправки в надежде найти что-то, что оправдало бы устранение сегрегации.

В июне 1953 года суд вернул *Брауна* в список дел и предложил новой администрации подать брифинг. Люди Эйзенхауэра хотели полностью остаться в стороне от спора, но без ведома им агент Феликса Франкфуртера работал на высоком уровне в министерстве юстиции. Филипп Элман клерком по Франкфуртеру и постоянно общался со своим старым боссом по поводу *Брауна*. Он сказал генеральному солиситору, что приглашение Верховного суда прокомментировать дело было похоже на командование, и он предложил рассмотреть дело.

Элман и Франкфуртер оба знали, что обратная связь была неправильной. Участнику дела никогда не разрешается тайно обсуждать с судьей, который будет решать дело. В длинной статье 1987 года в «*Harvard Law Review*», в которой он подробно описал сговор, который вошел в постановление *Брауна*, Элман признал, что то, что он сделал, «вероятно, вышло за рамки», но, добавил он, «я считал это причиной это превзошло обычные представления о правомерности в судебном процессе».

but he deliberately misrepresented his findings.

John W. Davis, the lawyer who argued to retain segregated schools, pointed out that Clark's conclusions contradicted his own published results in the Massachusetts findings. Davis later told a colleague that the ruling would surely go his way "unless the Supreme Court wants to make the law over."

If the Court had decided the case immediately after oral arguments, *Brown* might have been decided the other way or at best, with a five-to-four majority that would have given it little authority in the South. It was at this point that Justice Felix Frankfurter, who was desperate to end segregation, assumed a key role. Faced with a bad legal case and justices who did not want to abuse their power, his strategy was to delay. He argued strongly that a decision on *Brown* should be put off to allow time for an investigation of the original intent of the 14th Amendment and to let the new Eisenhower administration take a position. In the meantime, without telling the other justices, he told his clerk, Alexander Bickel, to ransack the history of the Amendment in the hope of finding something that would justify striking down segregation.

In June, 1953, the Court put *Brown* back on the docket and invited the new administration to file a brief. Eisenhower's people wanted to stay out of the controversy entirely, but unbeknownst to them an agent for Felix Frankfurter was working at a high level in the Justice Department. Philip Elman had clerked for Frankfurter, and was in constant communication with his old boss about *Brown*. He told the Solicitor General that a Supreme Court invitation to comment on a case was like a command performance, and he offered to handle the case.

Elman and Frankfurter both knew that back-channel communication was wrong. A party to a case is never permitted to have secret discussions with a judge who will decide the case. In a long 1987 article in the *Harvard Law Review*, in which he described in detail the collusion that went into the *Brown* ruling, Elman conceded that what he did "probably went beyond the pale" but, he added, "I considered it a cause that transcended ordinary notions about propriety in a litigation." He wrote that he and Frankfurter

Он написал, что он и Франкфуртер придерживались соответствующей профессиональной дистанции во всех других случаях, но сделали исключение для *Брауна*. Для них прекращение школьной сегрегации было настолько важным, что оправдывало недобросовестное маневрирование.

Они долго разговаривали по телефону и лично, обращаясь к другим судьям по коду. Уильям Дуглас был Яком, потому что он был из Якимы, Вашингтон. Стэнли Рид был *Чамером*, потому что на иврите это означает «дурак или мул», а Рид считал десегрегацию политическим, а не судебным вопросом.

В сентябре 1953 года произошло нечто, что полностью изменило цвет лица Суда: внезапно умер главный судья Фредерик Винсон, сильный противник судебной активности. Как сообщает Элман в статье 1987 года, Франкфуртер вскоре встретил его в приподнятом настроении. «Я в трауре», - сказал он с широкой улыбкой. «Фил, это первое убедительное доказательство того, что Бог действительно существует». Элман пишет, что «Бог заботится о пьяницах, маленьких детях и американском народе», и показал свою заботу об Америке, «взяв Фреда Винсона, когда он это сделал». Новым Главным судьей был Эрл Уоррен, амбициозный бывший губернатор Калифорнии, который видел в своей работе не толкование Конституции, а шанс для осуществления власти.

Тем временем клерк Франкфуртера Биккель не мог найти в истории или намерении 14-й Поправки ничего, что можно было бы использовать для приказа десегрегации, поэтому Франкфуртер изменил тактику. Он начал настаивать на том, что первоначальное намерение не имело значения, и что язык Поправки должен быть переосмыслен в соответствии с потребностями времени. Он сообщил Элману, что Уоррен и некоторые другие судьи сочувствуют этой точке зрения, поэтому неудивительно, что когда министерство юстиции представило краткое изложение Эльмана на 600 страниц в декабре 1953 года, оно также утверждало, что формулировка поправки была достаточно широкой, чтобы переосмыслить.

Перекрытие покрывало ту же землю, что и раньше. Тергуд Маршалл снова отправился на поиски ложных кукол, в то время как Министерство юстиции повторило мнение Биккеля о том, что первоначальное намерение 14-й Поправки можно было игнорировать. Франкфуртер написал длинные записки другим судьям, настаивая на том, что закон должен реагировать на «изменения в чувствах людей к тому, что правильно и справедливо».

kept an appropriate professional distance on all other cases, but made an exception for *Brown*. To them, ending school segregation was so important it justified unscrupulous maneuvering.

They talked at length over the phone and in person, referring to the other justices by code. William Douglas was Yak because he was from Yakima, Washington. Stanley Reed was *Chamer*, because it means dolt or mule in Hebrew, and Reed thought desegregation was a political and not a judicial matter.

In September, 1953, something happened that completely changed the complexion of the Court: Chief Justice Frederick Vinson, a strong opponent of judicial activism, suddenly died. As Elman reports in the 1987 article, Frankfurter met him soon after in high spirits. "I'm in mourning," he said with a huge grin. "Phil, this is the first solid piece of evidence I've ever had that there really is a God." Elman writes that "God takes care of drunks, little children, and the American people" and showed His concern for America "by taking Fred Vinson when He did." The new Chief Justice was Earl Warren, an ambitious former governor of California, who saw his job not as interpreting the Constitution but as a chance to exercise power.

In the meantime, Frankfurter's clerk Bickel could find nothing in the history or intent of the 14th Amendment that could be used to order desegregation, so Frankfurter changed tack. He began to urge that original intent did not matter, and that the Amendment's language should be reinterpreted according to the needs of the time. He reported to Elman that Warren and some of the other justices were sympathetic to this view, so not surprisingly, when the Justice Department filed Elman's 600-page brief in December 1953, it too argued that the language of the Amendment was broad enough to be reinterpreted.

The reargument covered the same ground as before. Thurgood Marshall trotted out the bogus doll studies again, while the Justice Department echoed Bickel's view that the original intent of the 14th Amendment could be ignored. Frankfurter wrote long memos to the other justices insisting that the law must respond to "changes in men's feelings for what is right and just." This combi-

Эта комбинация аргументов преодолела угрызения совести большинства судей, которые не хотели выходить за пределы того, что они считали пределами их полномочий. Джексон и Рид были единственными противниками. Бывший прокурор Нюрнберга отказался баловаться чем-то, что, по его мнению, было политическим, а не судебным вопросом, и Рид, *спикер*, утверждал, что судебный акт ивизм был началом " криархии" или правления судей.

В конце марта 1954 года Джексон перенес серьезный сердечный приступ. Уоррен бросился в больницу и получил ослабленное правосудие, чтобы согласиться с мнением, которое он составил. Затем он загнал Рида в угол, сказав ему, что он останется один, если не пойдет. Рид, который никогда не соглашался с решением, поклонился давлению и присоединился к большинству.

17 мая Уоррен зачитал решение со скамейки. Поскольку в этом не было никаких юридических доводов, он мог сделать его достаточно коротким, чтобы вписать все постановление в газетную статью. Наиболее часто цитируемым отрывком является следующее:

Отделение [чернокожих детей] от других людей аналогичного возраста и квалификации исключительно из-за их расы порождает чувство неполноценности в отношении их статуса в обществе, которое может повлиять на их сердца и умы таким образом, который вряд ли когда-либо будет разрушен. , , Мы приходим к выводу, что в области народного образования доктрине «отдельного, но равного» нет места. Отдельные учебные заведения по своей сути неравны.

Уоррен признал, что он толковал Конституцию иначе, чем каждый Верховный суд, который был раньше:

«[Мы] не можем повернуть время вспять до 1868 года, когда была принята [14-я] поправка, или даже до 1896 года, когда было написано «*Плесси против Фергюсона*», - утверждал он. Вопрос, который необходимо рассмотреть, заключался в том, лишает ли детей из группы меньшинств равные образовательные возможности сегрегация детей в государственных школах исключительно по признаку расы, даже если физические возможности и другие «материальные» факторы могут быть равными. Его вывод: «Мы верим, что это так». В качестве доказательства он привел исследование куклы Кларка.

Не следует указывать, что вопрос о том, создает ли сегрегация чернокожие чувства неполноценности, не является конституционным вопросом. Даже если доказательства того, что сегрегация действительно имела такой эффект, были солидными - и это не так - это не оправдывало переосмысление Конституции.

Даже либералы признавали, что Суд занимается социологией, а не юриспруденцией. «*Нью-Йорк Таймс*», которая приветствовала

nation of arguments overcame the scruples of most of the justices who were reluctant to go beyond what they considered to be the limits of their authority. Jackson and Reed were the only hold-outs. The former Nuremberg prosecutor refused to dabble in what he thought was a political rather than a judicial matter, and Reed, the *chamer*, argued that judicial activism was the beginning of “kri-tarchy,” or rule by judges.

At the end of March 1954, Jackson suffered a serious heart attack. Warren rushed to the hospital and got the weakened justice to agree to the opinion he had drafted. Then he cornered Reed, telling him he would be all alone if he did not go along. Reed, who never agreed with the ruling, bowed to pressure and joined the majority.

On May 17, Warren read the decision from the bench. Since there was no legal reasoning involved in it, he could keep it short enough to make the entire ruling fit into a newspaper article. The most often quoted passage is the following:

To separate [black children] from others of similar age and qualifications solely because of their race generates a feeling of inferiority as to their status in the community that may affect their hearts and minds in a way unlikely to ever be undone We conclude that in the field of public education the doctrine of ‘separate but equal’ has no place. Separate educational facilities are inherently unequal.

Warren admitted that he was interpreting the Constitution differently from every Supreme Court that had gone before:

“[W]e cannot turn the clock back to 1868 when the [14th] Amendment was adopted, or even to 1896 when *Plessy v. Ferguson* was written,” he argued. The point to be addressed was whether “segregation of children in public schools solely on the basis of race, even though the physical facilities and other ‘tangible’ factors may be equal, deprives the children of the minority group of equal educational opportunities.” His conclusion: “We believe it does.” As evidence, he cited Clark’s doll studies.

It should not require pointing out that whether segregation makes blacks feel inferior is not a Constitutional issue. Even if the evidence that segregation did have that effect had been solid—and

это решение, тем не менее, опубликовала статью от 18 мая в следующем подзаголовке: «Социологическое решение: суд основал свое решение о сегрегации в отношении сердец и умов, а не законов». Декан Йельской юридической школы Уэсли Стерджес выразил это более прямо. Он отметил, что для того, чтобы судьи управляли так, как они это делали, «суд должен был принять закон».

Не была закулисной роль Филиппа Элмана в этом вопросе. Конституция последовательно интерпретируется как означающая, что предоставляемые ей права являются личными и требуют немедленной помощи. Если сегрегация была неконституционной, это означало, что темнокожие студенты имели право на интеграцию сразу. Франкфуртер объяснил Элману, что если этого требует решение о десегрегации, он не может быть уверен в единодушии, возможно, даже не в большинстве. Перспектива хаоса, который вызвало бы такое решение, подтолкнула бы многих судей к противостоянию.

Поэтому именно Эльман предложил очень необычное решение отделения принуждения от конституционности. После знаменитого постановления от 17 мая Верховный суд вернул дело для дальнейшего обсуждения того, как это решение должно быть реализовано. Почти год, до 1 мая 1955 года, он ждал, пока не утонет постановление 1954 года, прежде чем издать новое постановление о том, как делать то, что приказал Суд. Именно здесь мы находим знаменитую лингвистическую выдумку: десегрегация должна была быть осуществлена «со всей преднамеренной скоростью». Юг собирался соблюдать Конституцию, но он мог затащить ноги. «Это было совершенно беспринципно», - писал Элман в 1987 году. «это было просто неправильно с точки зрения конституционного права, предлагать, чтобы кому-то, чьи личные конституционные права были нарушены, было отказано в помощи». Элман предложил решение, которое, по его мнению, было «совершенно беспринципным», потому что это было то, что нужно, чтобы получить решение, которое он и Франкфуртер хотели.

В своей статье Элман также продемонстрировал значительное презрение к Тергуду Маршаллу, который впоследствии стал первым чернокожим, назначенным в Верховный суд. Он написал, что Маршалл приводил плохие, неэффективные аргументы, но тот факт, что сговор Элмана с Франкфуртером так подтасовал Суд в пользу десегрегации, что не имело значения: «Тергуд Маршалл мог встать там и произнести: «У Мэри был маленький ягненок», и результат был бы точно таким же».

it was not—it did not justify reinterpreting the Constitution.

Even liberals recognized that the Court was practicing sociology and not law. The *New York Times*, which welcomed the ruling, nevertheless gave its May 18 article the following sub-headline: “A Sociological Decision: Court Founded Its Segregation Ruling On Hearts and Minds Rather Than Laws.” The dean of the Yale Law School, Wesley Sturges, put it more bluntly. For the justices to rule as they did, he noted, “the Court had to make the law.”

Nor was Philip Elman’s behind-the-scenes role in the matter finished. The Constitution has been consistently interpreted to mean that the rights it grants are personal and require immediate relief. If segregation was unconstitutional it meant black students were entitled to integration right away. Frankfurter had explained to Elman that if this were what a desegregation ruling required, he could not be sure of getting unanimity, perhaps not even a majority. The prospect of the chaos such a ruling would cause would have pushed many justices into opposition.

It was Elman, therefore, who proposed the very unusual solution of separating enforcement from constitutionality. After the famous May 17 ruling, the Supreme Court sent the case back for further argument on how the decision should be implemented. It waited nearly a year, until May 1, 1955, to let the 1954 ruling sink in, before issuing another ruling on how to do what the Court had ordered. It is here that we find the famous linguistic fudge: desegregation was to be accomplished with “all deliberate speed.” The South was going to have to abide by the Constitution, but it could drag its feet. “It was entirely unprincipled,” Elman wrote in 1987; “it was just plain wrong as a matter of constitutional law, to suggest that someone whose personal constitutional rights were being violated should be denied relief.” Elman proposed a solution he concedes was “entirely unprincipled” because that was what it would take to get the ruling he and Frankfurter wanted.

In his article, Elman also showed considerable contempt for Thurgood Marshall, who later became the first black appointed to the Supreme Court. He wrote that Marshall made bad, ineffective arguments, but that Elman’s collusion with Frankfurter had so

От десегрегации к интеграции

Первоначальное влияние решения *Брауна* было, за некоторыми исключениями, анти-климатическим. Постановление о введении в действие в 1955 году распространялось только на школы, в которых практиковалась правовая сегрегация, и требовало только, чтобы они прекратили распределять учащихся по школам по расе. Таким образом, целями были только южные школы, где мало что изменилось, так как большинство учеников остались там, где они были. Несколько амбициозных чернокожих родителей записали своих детей в белые школы, но ни один из белых не переключился на черные школы. В 1957 году возникло резкое сопротивление приезду даже небольшого числа чернокожих в Центральную среднюю школу в Литтл-Роке, штат Арканзас, но *десегрегация* - конец насильственного разделения учащихся по расе - прошла достаточно легко. Это был переход от десегрегации к *интеграции* - обязательное смешение студентов для достижения «расового баланса» - что потрясло страну.

В *Брауне* Верховный суд поддержал мнение о том, что он был юридически исполнен, *де-юре* сегрегация, которая повредила умы чернокожих; судьи ничего не сказали о *фактической* сегрегации в школах, которая отражает сегрегацию по месту жительства. Однако по мере того, как шли 1960-е годы, а летом отмечались беспорядки в Нью-Йорке, Рочестере, Уоттсе и Ньюарке, официальное мышление начало меняться. В 1967 году Комиссия по гражданским правам США опубликовала доклад под названием «*Расовая изоляция в государственных школах*», в котором категорически заявила, что добровольная сегрегация столь же вредна, как и юридически принудительная сегрегация.

К настоящему времени почти все социологи приняли теорию десегрегации, основанную на вреде и пользе, и одобрили отчет комиссии, а не гораздо более тщательный, опубликованный годом ранее. Это было теперь известное исследование Министерства здравоохранения и социального обеспечения, известное как «Отчет Колман», официально названный «*Равенство образовательных возможностей*». Социолог Джеймс Коулман и его коллеги вполне ожидали, что плохая успеваемость чернокожих была вызвана неадекватным финансированием школы, и эта интеграция подняла достижения чернокожих до уровня белых.

rigged the Court in favor of desegregation, it made no difference: “Thurgood Marshall could have stood up there and recited ‘Mary had a little lamb,’ and the result would have been exactly the same.”

From Desegregation to Integration

The initial impact of the *Brown* decision was, with a few exceptions, anti-climactic. The implementation order of 1955 applied only to schools that practiced legal segregation, and required only that they stop assigning students to schools by race. The targets were therefore only Southern schools, where there was little change, since most students stayed where they were. A few ambitious black parents enrolled their children in white schools, but no whites switched to black schools. There was dramatic resistance in 1957 to the arrival of even small numbers of blacks at Central High School in Little Rock, Arkansas, but *desegregation*—the end of forcible separation of students by race—passed easily enough. It was the shift from desegregation to *integration*—the obligatory mixing of students to achieve “racial balance”—that convulsed the country.

In *Brown*, the Supreme Court endorsed the view that it was legally enforced, *de jure* segregation that damaged the minds of blacks; the justices said nothing about the *de facto* school segregation that reflects residential segregation. However, as the 1960s wore on, and summers were punctuated by riots in New York, Rochester, Watts, and Newark, official thinking began to change. In 1967, the US Commission on Civil Rights issued a report called *Racial Isolation in the Public Schools*, in which it declared flatly that voluntary segregation was just as harmful as legally enforced segregation.

By now, almost all sociologists embraced the harms and benefits theory of desegregation, and endorsed the commission’s report rather than a much more thoroughgoing one that had appeared the year before. This was the now-famous Department of Health Education and Welfare study known as the Coleman Report, officially titled *Equality of Educational Opportunity*. Sociologist James Coleman and his colleagues had fully expected to find that poor black academic performance was caused by inadequate school funding, and that integration brought black achievement up to the level of

Они были удивлены, узнав, что, хотя существуют региональные различия - север тратит больше денег на школы, чем юг, - школьные власти регионов выделяют столько же черных, сколько белых.

Другим удивительным открытием было то, что сумма денег, потраченная на школы, не сильно повлияла на успеваемость учеников, а темнокожие, которые посещали преимущественно белые школы, работали лишь немного лучше, чем те, кто посещал школы, где учился только черный. (Позже Коулман пришел к выводу, что это небольшое различие не было связано с интеграцией. Первые чернокожие, которые добровольно посещали белые школы, были умными, амбициозными чернокожими, которые преуспели бы в школах, где обучались только чернокожие.) Эти результаты противоречили мышлению эпохи 60-х. что Коулман и его соавторы похоронили свои выводы, и доклад стал известен лишь в ретроспективе.

В 1968 году Суд принял более модное мышление Комиссии по гражданским правам. В деле *«Грин против округа Нью-Кент»* было принято решение о том, что школьная политика, не учитывающая расу, недостаточно хороша. По крайней мере, в школах, где практиковалась сегрегация *де-юре*, «остатки сегрегации» должны были быть устранены с помощью сознательных рас и средств принудительной интеграции. Любит представлять себе, что обсуждения в нашем высшем суде проходят в спокойной Олимпии, не отвлекаясь на мирские события снаружи. Тем не менее, это не может быть совпадением, что Мартин Лютер Кинг-младший был убит на следующий день после устных аргументов в *Грин*, и суд обсудил во время худших гонок, которые страна когда-либо видела.

Тем не менее, каждое судебное постановление до сих пор было направлено в школы на некогда отделенном Юге. Остальная часть страны могла смотреть в самодовольном превосходстве, поскольку белые южане боролись с автобусами, открывали частные школы, бежали в пригороды и, в некоторых случаях, даже закрывали государственные школы, вместо того, чтобы подчиняться «расовому равновесию». По крайней мере, на Юге белые явно не любили принудительное смешивание рас и пойдут на все, чтобы избежать этого. Для элит того времени это был именно тот тип предрассудков, который был призван вылечить.

Легко упустить из виду, насколько радикальным было изменение, которое требовалось судам, когда они перешли от десегрегации к насильственной интеграции. Например, кинотеатр считается десегрегированным, если на нем могут присутствовать покровители всех рас.

whites. They were surprised to learn that although there were regional differences—the North spent more money on schools than the South—within the regions school authorities were devoting much the same resources to blacks as whites.

Another surprising finding was that the amount of money spent on schools did not have much effect on student performance, and blacks who attended predominantly white schools did only slightly better than those who attended all-black schools. (Coleman later concluded that this small difference was not due to integration. The first blacks who attended white schools voluntarily were smart, ambitious blacks who would have done well in all-black schools.) These findings ran so contrary to '60s-era thinking that Coleman and his co-authors buried its conclusions, and the report became well-known only in retrospect.

In 1968, the Court adopted the more fashionable thinking of the Civil Rights Commission. In *Green v. New Kent County*, it ruled that race-neutral school policies were not good enough. At least for schools that had practiced *de jure* segregation, the “vestiges of segregation” had to be eliminated by race-conscious remedies and forcible integration. One likes to imagine the deliberations of our highest court conducted in Olympian calm, undistracted by mundane outside events. However, it may not be a coincidence that Martin Luther King, Jr. was assassinated the day after oral arguments in *Green*, and the Court deliberated during the worst race riots the country had ever seen.

Still, every court order so far had been directed to schools in the once-segregated South. The rest of the country could look on in smug superiority as Southern whites battled busing, set up private schools, fled to the suburbs and, in some cases, even closed down public schools rather than submit to “racial balancing.” At least in the South, whites clearly did not like forced race-mixing, and would go to great lengths to avoid it. To the elites of the time, this was precisely the kind of prejudice busing was designed to cure.

It is easy to lose sight of just how radical a change the courts required when they shifted from desegregation to forcible integration. A movie theater, for example, is considered desegregated

В зависимости от местоположения, некоторые театры могут иметь покровителей в основном той или иной расы, но никто не подумает об управлении потоком клиентов для достижения «расового баланса». Это, однако, было следствием новых решений Суда. Как будто чернокожие и белые должны были сверяться с центральными властями всякий раз, когда они хотели посмотреть фильм, и были направлены только в театры по всему городу, где они наверняка были расовым меньшинством. Представьте себе сопротивление правилам такого рода, применяемым к ресторанам, библиотекам, спортивным мероприятиям и т. Д. Неудивительно, что южане сопротивлялись автобусам.

Передышка для Севера была недолгой. В своем решении 1971 года по делу *Суонн против Шарлотты-Мекленбургского совета по образованию* суд постановил, что если насильственная интеграция необходима для устранения ущерба, нанесенного расовым расставанием южным чернокожим, то в равной степени это необходимо на севере, где сегрегация в жилых помещениях и в школах зачастую почти как произносится. Суд ясно дал понять, что интеграция должна была применяться ко всем аспектам школы, включая учителей, персонал, внеклассные мероприятия, границы посещаемости школ и новое строительство. Судьи выбрали школы в качестве учреждений, которые отныне будут компенсировать последствия добровольной сегрегации по месту жительства и породить новое поколение, которое будет игнорировать расу. Вскоре родители повсюду столкнулись с перспективой сажать своих детей в автобусы для длительных поездок по городу, чтобы негры могли посещать белые школы и наоборот. Белые на Севере стремятся достичь расового равновесия, но обнаружили, что, во всяком случае, им не нравилось заниматься автобусами даже больше, чем южане.

Уилмингтон, штат Делавэр, предпринял особенно амбициозные усилия. Суды объединили все городские и пригородные школьные округа, чтобы белые не могли убежать в близлежащие белые школьные округа, и приказали объединить все школы. Это должно было быть сделано путем расового смешения в окрестностях, если это возможно, и в противном случае путем отправки белых во внутренний город и чернокожих в пригороде.

Уилмингтон очень усердно работал, чтобы подготовиться к тому, что все знали, что это будет ужасное изменение. Для белых учителей дни трех рупий прошли. Они должны были научиться «чуткому слушанию», «разъяснению ценностей» и «навыкам консультирования», чтобы справиться с черными детьми.

if patrons of all races can attend. Depending on location, some theaters may have patrons of mostly one race or another, but no one would think of controlling the flow of customers in order to achieve “racial balance.” This, however, was the effect of the new Court rulings. It was as if blacks and whites had to check with a central authority whenever they wanted to see a movie, and were directed only to theaters across town where they were sure to be a racial minority. Imagine the resistance to rules of that kind applied to restaurants, libraries, sports events, etc. It is not surprising that Southerners resisted busing.

The respite for the North was short-lived. In its 1971 ruling in *Swann v. Charlotte-Mecklenburg Board of Education* the Court decided that if forcible integration was necessary to correct the damage racial separation caused to Southern blacks, it was equally necessary in the North, where residential and school segregation were often almost as pronounced. The Court made it clear that integration was to apply to *every* aspect of a school, including teachers, staff, extracurricular activities, attendance boundaries for schools, and new construction. The judges chose schools as the institutions that would henceforth make up for the effects of voluntary residential segregation, and breed a new generation that would ignore race. Soon parents everywhere were faced with the prospect of putting their children on buses for lengthy rides across town so blacks could attend white schools and vice versa. Whites in the North set about with a will to achieve racial balance but found that, if anything, they disliked busing even more than Southerners did.

Wilmington, Delaware, made a particularly ambitious effort. Courts consolidated all city and suburban school districts—so that whites could not escape to nearby white school districts—and ordered every school integrated. This was to be done by racial mixing in neighborhoods if possible, and otherwise by sending whites to the inner city and inner-city blacks to the suburbs.

Wilmington worked very hard to prepare for what everyone knew would be a wrenching change. For white teachers, the days of the three Rs were over. They had to learn “empathetic listening,”

В целом, учителя получили очень запутанное сообщение: классная комната должна интегрировать чернокожих детей в американское мейнстрим, но она не должна передавать гнетущие ценности среднего класса.

Как и в других школьных округах, Уилмингтон узнал, что любой план расовой балансировки вызывает бегство белых, но некоторые планы вызывают больше, чем другие. Отправка белых детей из их районов в черные школы была наихудшей. Около половины белых родителей даже не ждали, чтобы увидеть, на что это будет похоже; их дети исчезли в дальних пригородах и в частных школах и никогда не ступали в черную школу. Большинство остальных отказались от эксперимента вскоре после этого.

Чернокожие реже посещали белые школы, но это не привело к расовому смещению. Как отметил один репортер из Уилмингтона, «несмотря на огромные усилия по объединению гонок, студенты и даже учителя разделили себя за ланчем, в коридорах и в классных комнатах, если им была предоставлена такая возможность». Администраторы также обнаружили «переломный момент». Несколько чернокожих не изменили характер школы, но с ростом их числа возросла и расовая напряженность. «Это было почти так, как будто было что-то волшебное - или адское - когда набор черных достиг 40 процентов», - вспоминает Джанетт Макдональд, которая была деканом девочек в средней школе PS du Pont. «Черное отношение изменилось тогда, и у белых была причина испугаться». Чернокожие начнут вымогать деньги на защиту у белых, появятся граффити, будут разбиты окна, разграблены шкафчики и скопится мусор. Бывшая полностью белая школа быстро начинала чернеть. Когда большинство белых исчезло, те, кто остался, приспособились к доминированию черных.

До Брауна государственные школы Уилмингтона были белыми на 72,9%. К 1976 году, после вынужденного переезда, они были белыми на 9,7%. Разъяренные белые едва успокоились, когда федеральный судья Мюррей Шварц, один из архитекторов плана автобусных перевозок, перевел своих детей в частную школу.

Воспоминания в Бостоне, возможно, были более травматичными и разрушительными, чем где-либо еще.

“values clarification,” and “consultation skills,” so they could handle black children. Altogether, teachers got a very confusing message: The classroom would integrate black children into the American mainstream, but it must not transmit oppressive, middle-class values.

Like other school districts, Wilmington learned that any racial balancing plan causes white flight, but some plans cause more than others. Shipping white children out of their neighborhoods to black schools was the worst. About half the white parents did not even wait to see what it was going to be like; their children disappeared to the far suburbs and into private schools, and never set foot in a black school. Most of the rest abandoned the experiment soon thereafter.

Blacks were less unwilling to come to white schools, but this did not lead to racial mixing. As one Wilmington reporter noted, “despite the massive effort to bring the races together, students and even teachers segregated themselves at lunch, in the hallways, and in the classrooms if they were given the opportunity.” Administrators also discovered “the tipping point.” A few blacks did not change the character of a school, but as their numbers increased so did racial tensions. “It was almost as if there was something magic—or hellish—when the black enrollment reached 40 percent,” recalled Jeanette McDonald, who was dean of girls at P.S. du Pont High School. “The black attitudes changed then, and the whites had reason to be frightened.” Blacks would begin to extort protection money from whites, graffiti would appear, windows would be smashed, lockers were looted, and refuse would accumulate. A formerly all-white school would rapidly begin to turn black. Once most of the whites were gone, those who remained adapted to black dominance.

Before *Brown*, Wilmington public schools were 72.9 percent white. By 1976, after forced busing, they were 9.7 percent white. Furious whites were hardly mollified when Federal Judge Murray Schwartz, one of the architects of the busing plan, transferred his own children to private school.

Busing in Boston was perhaps more traumatic and disruptive

В 1967 году государственные школы были белыми на 73 процента. Средний черный ученик, однако, посещал школу, в которой было только 32% белых, что означает, что школы были существенно сегрегированы. Это отражало тот факт, что большинство чернокожих было сосредоточено в Роксбери, в южной части города. По заказу суда автобус пришел в 1974 году, но одного лишь слуха о нем было достаточно, чтобы отправить белых в пригород. К 1973 году зачисление белых сократилось до 57 процентов, а средний черный учился в школе, в которой было только 21 процент белых. Сразу после автобусов, которые встречали больше сопротивления и насилия со стороны разъяренных белых, чем где-либо еще в стране, воздействие белых несколько увеличилось, но быстро уменьшилось, потому что так много белых бежали. К 2002 году в округе было только 15 процентов белых, и средний черный учился в школе, где было 11 процентов белых, что намного ниже, чем 32 процента в дни до интеграции.

Та же самая драма следовала за принудительной интеграцией во многих школьных округах большого города. В Вашингтоне, округ Колумбия государственные школы, например, белые обучались 48 процентов в 1951 году амбициозных федеральных судей упорядоченных расовую балансировки даже до Верховного Суда *Зеленый* решения в 1968 году, поэтому город узнал об интеграции рано. Вновь прибывшие темнокожие в Средней школе Теодора Рузвельта сделали так много непристойных комментариев к девочкам чирлидеров, что школа переключилась на мальчиков. Несколько директоров решили не проводить танцы или другие общественные мероприятия из-за непристойных достижений чернокожих. Белые отказались от государственных школ, и к 1974 году численность белого населения снизилась до 3,3 процента. Вашингтон был первым крупным городским школьным округом, из которого практически исчезли белые.

Район, который раньше демонстрировал солидную производительность, опустился на дно лиги. В 1976 году один старшеклассник из старшей школы набрал всего 320 баллов по устной и 280 по математике. Эти оценки помещают студента в 16-й и 2-й процентиля для старшеклассников в колледже. На 25-й годовщине *Брауна* Джеймс Набрит, адвокат, который обсуждал одно из первых успешных дел десегрегации в округе, пожаловался, что, несмотря на огромные бюджеты, финансируемые из федерального бюджета, вашингтонские школы «утопили победу в зале суда в море неудач», .

than anywhere else. In 1967, the public schools were 73 percent white. The average black student, however, attended a school that was only 32 percent white, which means schools were substantially segregated. This reflected the fact that most blacks were clustered in Roxbury, in the southern part of town. Court-ordered busing came in 1974, but the mere rumor of it was enough to send whites to the suburbs. By 1973, white enrollment had dropped to 57 percent, and the average black attended a school that was only 21 percent white. Immediately after busing, which met more resistance and violence from angry whites than anywhere else in the country, the exposure to whites increased somewhat, but quickly dropped because so many whites fled. By 2002, the district was only 15 percent white, and the average black attended a school that was 11 percent white, a figure far lower than the 32 percent from pre-integration days.

The same drama followed forced integration in many big-city school districts. In Washington, DC's public schools, for example, white enrollment was 48 percent in 1951. Ambitious federal judges ordered racial balancing even before the Supreme Court's *Green* decision in 1968, so the city learned about integration early. Newly-arrived blacks at Theodore Roosevelt High School made so many obscene comments to the girl cheerleaders the school switched to boys. Several principals decided not to have dances or other social events because of lewd advances by blacks. Whites abandoned the public schools, and by 1974 white enrollment was down to 3.3 percent. Washington was the first major urban school district from which whites essentially disappeared.

A district that used to show solid performance sank to the bottom of the league. In 1976, one high school valedictorian scored only 320 on the verbal and 280 on the math SAT. These scores put the student in the 16th and 2nd percentiles for college-bound seniors. On the 25th anniversary of *Brown*, James Nabrit, a lawyer who had argued one of the first successful desegregation cases in the District, complained that despite huge, federally-funded budgets, the Washington schools had "drowned the courtroom victory in a sea of failure."

Эта модель повторялась по всей стране, если не всегда так резко. Зачисление белых в государственных школах Чикаго (округ Кук) в 1969 году составляло 65,4 процента в сильно сегрегированных школах. К 1990 году после обязательного расового баланса этот показатель составлял 23,5 процента, а к 2000 году - 13,5 процента. Падение численности белого населения в Нью-Йорке за тот же период составило с 38,7% до 19,3% до 15,3%. В 1968 году почти 80 процентов учащихся государственных школ в Сан-Диего были белыми. К 2000 году только 26,1 процента были белыми. Во всех таких случаях, особенно в Калифорнии, наблюдалось бы снижение числа учащихся белых в процентах от общего числа просто из-за прибытия большого количества детей-иммигрантов, но подавляющая часть сокращения объясняется бегством белых.

В то же время расовый баланс начал поглощать огромную долю местных бюджетов образования. Районы, в которых проводились полномасштабные интеграционные кампании, вскоре обнаружили, что они поглощают пятую или более часть всего бюджета.

Интеграция действительно преуспела в увеличении количества расовых контактов между черными и белыми студентами, наиболее очевидно на Юге, где правовая сегрегация держала гонки полностью раздельно. Тем не менее, первоначальные выгоды быстро исчезли, когда белые исчезли. В 1968 году, до суда, предписанного судом, средний черный в районе большого города посещал школы, которые были в среднем на 43 процента белыми. В 1972 году Бусинг поднял эту цифру до 54 процентов, но к 1989 году белые полеты снизили эту цифру до 47 процентов, всего на 4 пункта выше, чем в 1968 году.

Исчезновение белых вызвало так много дислокаций во многих школьных округах, что Верховный суд наконец начал замечать. В ряде решений, принятых в период с 1991 по 1993 год, Суд изменил свою позицию и постановил, что от школ не требуется компенсировать сегрегацию по месту жительства. К середине 1990-х годов все еще существовали «магнитные школы» с желаемыми учебными планами, преднамеренно помещенными в черные зоны в надежде привлечь белых в интегрированные классы, но насильственное смешение в значительной степени подошло к концу. Зачисление белых в большинство школьных округов выравнивалось, когда дети могли посещать соседние школы, которые отражали местное жилье.

This pattern was repeated across the country, if not always so dramatically. White enrollment in Chicago (Cook County) public schools was 65.4 percent in heavily segregated schools in 1969. By 1990, after mandatory racial balancing, the figure was 23.5 percent, and by 2000 it was 13.5 percent. The decline in New York City's white enrollment during the same period was from 38.7 percent to 19.3 to 15.3 percent. In 1968, nearly 80 percent of the public school students in San Diego were white. By 2000, only 26.1 percent were white. In all such cases, especially in California, there would have been a drop in white enrollment as a percentage of the total simply because of the arrival of large numbers of immigrant children, but the overwhelming bulk of the decrease is due to white flight.

At the same time, racial balance began to consume a huge proportion of local education budgets. Districts that undertook full-scale integration campaigns soon found them swallowing up a fifth or more of the total budget.

Integration did succeed in increasing the amount of racial contact between black and white students, most obviously in the South, where legal segregation had kept the races entirely apart. However, initial gains quickly eroded as whites disappeared. In 1968, before court-ordered busing, the average black in a big-city district attended schools that were, on average, 43 percent white. Busing pushed that figure up to 54 percent in 1972, but by 1989 white flight had brought the figure down to 47 percent, just 4 points higher than in 1968.

The disappearance of whites caused so much dislocation in so many school districts that the Supreme Court finally began to notice. In a series of decisions between 1991 and 1993, the Court reversed itself, and ruled that schools should not be required to compensate for residential segregation. By the mid-1990s there were still "magnet schools" with desirable curricula deliberately put in black areas in the hope of wooing whites into integrated classes, but forcible mixing had largely come to an end. White enrollment leveled off in most school districts, once children could attend neighborhood schools that reflected local housing patterns.

Школы, следовательно, движутся к усилению самосегрегации. Одним из показателей этой тенденции является процент небелых детей, которые ходят в «расово изолированные» школы, в которых менее 10 процентов учащихся - белые. В период с 1991 по 2001 год это число увеличилось как минимум в 36 из 50 штатов. Тридцать пять процентов чернокожих, латиноамериканских, азиатских и американских индейцев в настоящее время находятся в расовой изоляции.

За тот же период, когда требования к интеграции уменьшились, почти в 6000 государственных школах произошли драматические расовые сдвиги: 414 перешли от преимущественно меньшинства к преимущественно белому, а 5 506 перешли от преимущественно белого к преимущественно меньшинству. Это означает, что в течение 10-летнего периода одна из каждых 11 государственных школ (из более чем 67 000 во всей стране) заметно менялась по расовому признаку, как правило, в соответствии с отдельными схемами жилья.

Следует отметить, что школа может быть интегрированной, а ее учащиеся - нет. Чернокожие и латиноамериканцы часто объединяются на курсах по исправлению положения, а белые и азиаты - на курсах с отличием. Даже те ученики, которые посещают одни и те же классы, редко проводят братские браки во время обеда или перерыва. Самосегрегация начинается рано и становится более жесткой, когда дети становятся старше. В старшей школе, похоже, единственными постоянными исключениями являются спортсмены, которые могут иметь настоящие межрасовые дружеские отношения с товарищами по команде.

Для крупных школьных округов крупных городов конец автобусного обслуживания пришел слишком поздно. Большинство белых теперь считают государственные школы в таких местах, как Чикаго, Нью-Йорк или Вашингтон, округ Колумбия, почти чужой территорией. Даже школа соседства не является реалистичным вариантом для их детей. Белые могут жить в этих городах, когда они одиноки или бездетны, но переезжают в пригород, когда у них есть дети. Предыдущие поколения белых делали большие города своими постоянными домами; среди большинства белых сегодня это не вариант для любого, кроме богатых, которые могут позволить себе элитные частные школы, и бедных, у которых нет выбора.

Мало кто оплакивает конец поездки. Белые редко поддерживали это, с приблизительно 65 - 70 процентами родителей, готовых сказать избирателю, что они не хотели этого. Значительное меньшинство чернокожих также выступили против: как правило, около 40 процентов.

Schools are therefore moving towards increased self-segregation. One measure of this trend is the percentage of non-white children who go to “racially isolated” schools, in which fewer than 10 percent of the students are white. Between 1991 and 2001 that number increased in at least 36 of the 50 states. Thirty-five percent of black, Hispanic, Asian, and American Indian students are now “racially isolated.”

During the same period, as integration requirements eased, nearly 6,000 public schools saw dramatic racial shifts, with 414 going from mostly minority to mostly white, while 5,506 shifted from mostly white to mostly minority. This means that within a 10-year period, one out of every 11 public schools (of the more than 67,000 in the whole country) changed markedly in racial character, generally coming in line with segregated housing patterns.

It should be noted that a school may be integrated but its students are not. Blacks and Hispanics often cluster in the remedial classes, with whites and Asians in the honors courses. Even those students who attend the same classes rarely fraternize across racial lines during lunch or recess. Self-segregation begins early and becomes more rigid as children get older. In high school, the only consistent exceptions seem to be among athletes, who may have real interracial friendships among teammates.

For the major big-city school districts, the end of busing came too late. Most whites now think of the public schools in places such as Chicago, New York, or Washington, DC as almost foreign territory. Even the neighborhood school is not a realistic option for their children. Whites may live in these cities when they are single or childless, but move to the suburbs when they have children. Previous generations of whites made big cities their permanent homes; among most whites today this is not an option for any but the wealthy, who can afford elite private schools, and the poor, who have no choice.

Few people mourn the end of busing. Whites rarely supported it, with about 65 to 70 percent of parents prepared to tell a pollster they didn't want it. A substantial minority of blacks also opposed it: generally about 40 percent. In Chicago, the longer blacks were

В Чикаго, чем дольше чернокожих отправляли в автобус, тем меньше им нравилось, с ростом оппозиции с 48 процентов в 1986 году до 60 процентов в 1990 году. Сначала большинство черных верили в теорию «вреда и пользы», но выгоды не смогли материализоваться. Они начали возражать против отправки своих детей далеко от дома. Также вспыхнула черная гордость и сопутствующее презрение к идее, что у черных должны быть белые одноклассники, чтобы учиться.

Черный министр образования Джорджа Буша, Род Пейдж, сместил акцент с интеграции. «Наша цель - сделать школы лучше независимо от демографического состава школы», - пояснил он.

Окончательный расчет

Ученым теперь были десятилетия школьной интеграции, чтобы учиться, и результаты категорически противоречат социологическим предположениям *Брауна*. Интересно поразмышлять о том, как судьи управляли бы в 1954 году или в случаях, которые навязывали бы автобус, если бы они знали то, что мы знаем сейчас. В 1967 году федеральный судья Дж. Скелли Райт отразил преобладающую точку зрения, когда написал: «Расовые и социально однородные школы наносят ущерб уму и духу всех детей, которые их посещают - негров, белых, бедных и богатых ... » Он был не прав. Исследование за исследованием показало, что сегрегация, будь то *де-факто* или *де-юре*, не снижает черную самооценку. Чернокожие дети постоянно опережают белых детей во всех стандартных тестах на самооценку. (Такие тесты состоят из вопросов типа «Можете ли вы быть чем-то, что вам нравится, когда вырастаете?» Или «Люди обращают внимание, когда вы разговариваете, потому что у вас есть хорошие идеи?»). Результаты этих тестов обычно совпадают с оценками людей, которые знают тест -принято.) Более того, как показали кукольные тесты Кларка 50 лет назад, интеграция, по-видимому, снижает самооценку черных, а не повышает ее. Наиболее правдоподобное объяснение состоит в том, что оно сталкивает их лицом к лицу с расовым разрывом в академической успеваемости, который отказывается уходить.

Здесь снова выводы совпадают: средний черный 12-й класс читает и выполняет математику на уровне среднего белого 8-го класса. Это было верно - с небольшими колебаниями - в течение 40 лет. Более того, верно, что у чернокожих учеников нет, мало или много белых одноклассников. Сторонники теории «вреда и пользы» отчаянно сопротивлялись этим выводам, и журналисты не решались их обнародовать.

bused the less they liked it, with opposition rising from 48 percent in 1986 to 60 percent in 1990. At first, most blacks believed in the “harm and benefits” theory, but as the benefits failed to materialize they began to object to sending their children far from home. There has also been a resurgence of black pride and accompanying scorn for the idea that blacks must have white schoolmates in order to learn.

George W. Bush’s black Secretary of Education, Rod Paige, shifted his emphasis away from integration. “Our goal is to make the schools better irregardless of the demographic makeup of the school,” he explained.

The Final Reckoning

Scholars have now had decades of school integration to study, and the results flatly contradict the sociological assumptions behind *Brown*. It is interesting to speculate how the justices would have ruled in 1954 or in the cases that imposed busing if they had known what we know now. In 1967, Federal Judge J. Skelly Wright reflected the prevailing view when he wrote: “Racially and socially homogeneous schools damage the minds and spirit of all children who attend them—the Negro, the white, the poor and the affluent” He was wrong. Study after study has shown that segregation, whether *de facto* or *de jure*, does not lower black self-esteem. Black children consistently outscore white children on all standard tests of self image. (Such tests consist of questions like “Could you be anything you like when you grow up?” or “Do people pay attention when you talk because you have good ideas?” Scores on these tests generally match the assessments of people who know the test-takers.) What is more, just as Clark’s doll tests suggested 50 years ago, integration appears to lower black self-esteem, not raise it. The most plausible explanation is that it brings them face to face with a racial gap in academic achievement that refuses to go away.

Here again, the findings are consistent: The average black 12th grader reads and does math at the level of the average white 8th grader. This has been true—with slight, up-and-down variations—for 40 years. What is more, it is true whether black students have no, few, or many white classmates. Advocates of the “harm

Однако, как Абигейл и Стефан Тернстрем ясно дают понять в своей недавней книге *«Нет оправданий»*, многие различные подходы во многих школьных системах не смогли сократить разрыв. Они называют эту постоянную разницу в достижениях «национальным кризисом».^а

Также интеграция не обязательно улучшает расовые отношения. Результаты не соответствуют друг другу, но рост расовой вражды так же вероятен, как и снижение. Более детальный анализ показывает, что интеграция вызывает меньше проблем в младших классах, но когда дети становятся старше, они начинают больше осознавать расу и все больше общаться с такими же людьми, как они. Расовый разрыв в академической успеваемости, хотя и начинается в дошкольных учреждениях, не столь впечатляет в младших классах и является менее барьером для дружбы. Точно так же, когда негры начинают поступать в бывшие белые школы, расовые отношения являются лучшими, если число чернокожих держится на уровне не более 15-25 процентов. Исследования подтвердили то, что учителя в Уилмингтоне обнаружили после заказа по решению суда: 40 процентов - это точка, в которой вещи часто идут не так, как надо.

Еще одно непротиворечивое и связанное с этим открытие заключается в том, что проблемы с дисциплиной возрастают по мере увеличения числа чернокожих или латиноамериканцев (приток азиатов не оказывает такого эффекта). Воровство, насилие и неподчинение всех видов возрастают по мере изменения расового баланса.

Теория «вреда и пользы» была неверной. Сегрегация не вредит чернокожим детям, и единственным заметным преимуществом интеграции, по-видимому, является моральное удовлетворение, которое она дает своим архитекторам. Поэтому социологическая основа *Брауна* была необоснованной.

Также ясно, что белые родители были оправданы в противостоянии обязательному смешиванию рас. Если средний черный 12-классник работает на уровне среднего белого 8-го класса, родители среднего белого 12-го класса правы, полагая, что интеграция снизит стандарты и отвлечет ресурсы для восстановления. Они также правы подозревать, что это может привести к насилию и беспорядкам.

Белый полет неизменно отвергается как «расизм». Тем не менее, снижение количества учащихся в белых школах отражало мучительные решения, избранные судьями миллионом порядочных американских родителей.

and benefits” theory have desperately resisted these findings, and journalists have hesitated to publicize them. However, as Abigail and Stephan Thernstrom make clear in their recent book *No Excuses*, many different approaches in many different school systems have failed to narrow the gap. They call this persistent difference in achievement “a national crisis.”

Nor does integration necessarily improve race relations. Results are not consistent, but increases in racial hostility are just as likely as decreases. A more fine-grained analysis shows that integration causes fewest problems at the youngest grades, but as children get older they become more conscious of race and increasingly socialize with people like themselves. The racial gap in academic performance—although it starts in pre-school—is not as striking in the lower grades, and is less a barrier to friendship. Likewise, when blacks start enrolling in formerly-white schools, race relations are best if the number of blacks is kept at no more than 15 to 25 percent. Research has confirmed what teachers in Wilmington discovered after court-ordered busing: 40 percent is the point at which things often go seriously wrong.

Another consistent and related finding is that discipline problems increase as the number of black or Hispanic students increases (an influx of Asians does not have this effect). Theft, violence, and insubordination of all kinds go up as the racial balance changes.

The “harm and benefits” theory was wrong. Segregation does not damage black children, and the only discernible benefit of integration appears to be the moral satisfaction it provides its architects. The sociological basis for *Brown* was therefore unsound.

It is also clear that white parents were justified in opposing mandatory race-mixing. If the average black 12th grader performs at the level of the average white 8th grader, the parents of the average white 12th grader are right to think integration will lower standards and divert resources to remediation. They are also right to suspect it is likely to bring violence and disorder.

White flight is invariably dismissed as “racism.” However, the decline of white school enrollment reflected agonizing decisions unelected judges forced on millions of decent American parents.

Держим ли мы наших детей в государственной школе, несмотря на падение стандартов? Если мы переедем в пригород, придется ли нам продавать свой дом в убыток? Если мы останемся, придется ли нам обоим работать, чтобы мы могли позволить себе частную школу? Вероятно, никогда не было никаких других американских судебных решений, которые бы оказывали такое прямое и неприятное влияние на жизнь многих людей. Доктором до бездушности является игнорирование страданий "расистов", которые отвергли социальный эксперимент, в котором они не хотели участвовать, и делали то, что считали лучшим для своих детей.

Браун и его продолжение являются одними из самых убедительных доказательств того, почему судебная активность настолько опасна. В Конституции ничего не говорится о сегрегированных школах. В некоторых штатах они есть, а в других нет; этот вопрос был справедливо оставлен на усмотрение народных избранников. Верховный суд заставил молчать Конституцию, и тем самым заставил ее говорить бессмысленно.

С момента ратификации до 1954 года Конституция допускала (хотя и не требовала) сегрегированные школы. В 1954 году он внезапно запретил правовую сегрегацию, не требуя преднамеренного расового баланса. В 1968 году она внезапно потребовала сознательного расизма, а в 1991 году она решила не требовать этого. Эти изменения не были результатом Поправок; они отражают не что иное, как принятие судебных решений, настолько мощных и капризных, что некоторые называют это тиранией. Как однажды заметил главный судья Чарльз Эванс Хьюз: «Мы подчиняемся Конституции, но Конституция - это то, что говорят судьи».

Браун и то, что последовало, подчеркивают, насколько судебные решения отличаются от законодательства. Законодательство - это утомительный, длительный процесс, требующий согласия многих людей. Это включает в себя компромиссы и компромиссы, составление, изменение и пересмотр публички. Многие судебные решения принимаются только *одним судьей*, а для решения Верховного суда требуется всего пять. Поэтому суды гораздо чаще, чем законодательные органы, уходят в коварные, неизведанные воды. Обязательное уравнивание расы было колоссальной, дорогой ошибкой, которую *не* допустил бы *ни один государственный или национальный законодательный орган*. Только суды могут полностью игнорировать волю народа и навязывать ему политику, которую его представители никогда не будут проводить.

Do we keep our children in public school despite falling standards? If we move to the suburbs will we have to sell our house at a loss? If we stay, will we both have to work so we can afford private school? There have probably never been any other American court decisions with such a direct and unpleasant impact on the lives of so many people. It is doctrinaire to the point of callousness to disregard the sufferings of “racists” who rejected a social experiment in which they wanted no part, and did what they thought best for their children.

Brown and its sequels are some of the strongest proof of why judicial activism is so dangerous. The Constitution is silent on the question of segregated schools. Some states had them and others did not; it was a matter rightly left up to the deliberations of the people’s elected representatives. The Supreme Court forced a mute Constitution to speak, and in so doing made it speak gibberish.

From ratification until 1954, the Constitution permitted (though did not require) segregated schools. In 1954 it suddenly forbade legal segregation without requiring deliberate racial balancing. In 1968 it suddenly required race-conscious balancing, and in 1991 it decided not to require it after all. These changes were not the result of Amendments; they reflect nothing more than judicial decision-making so powerful and capricious that some have described it as tyranny. As Chief Justice Charles Evans Hughes once noted, “We are under a Constitution, but the Constitution is what the judges say it is.”

Brown and what followed underline how different court rulings are from legislation. Legislation is a tedious, time-consuming process that requires the agreement of many people. It involves trade-offs and compromises, drafting, redrafting, and public scrutiny. Many court rulings are taken on the authority of only *one judge*, and a Supreme Court decision requires just five. Courts are therefore far more likely than legislatures to veer off into treacherous, uncharted waters. Obligatory race-balancing was a colossal, expensive mistake that *no state or national legislature would have made*. Only the courts can completely ignore the will of the people, and force upon them policies their representatives would never enact.

Как показал Закон о гражданских правах 1964 года, правовая сегрегация, вероятно, была обречена. Рано или поздно законодательные органы могли бы десегрегировать школы, не предаваясь фантазии о том, что школы могут привести американцев в бессознательное состояние. Страна избежала бы травмы автобусного транспорта, и городские школьные округа, вероятно, не были бы теперь пустошами.

Сегодня даже некоторые из тех, кто громче всех приветствовал *Брауна*, думают иначе. Деррик Белл - черный адвокат и бывший профессор Гарвардской юридической школы. В течение 1960-х годов он работал в NAACP (Национальная ассоциация по развитию цветных людей), пытаясь обойти законодательный процесс, аргументируя десятки школьных дел перед десятками судей. К 1976 году он пришел к выводу, что интеграция была ложной целью и что вместо этого чернокожие должны были ходатайствовать о «равных» в «отдельном, но равном», установленном в 1896 году по *делу Плесси против Фергюсона*. «Адвокаты по гражданским правам были введены в заблуждение, требуя расового баланса учащихся каждой школы в качестве меры соблюдения и гарантии эффективного обучения», - написал он. «Короче говоря, в то время как риторика об интеграции обещала многое, судебные приказы, гарантирующие, что чернокожая молодежь получала образование, необходимое для прогресса, достигли бы гораздо большего»

В этом году, к 50-летию *Брауна*, профессор Белл изложил это дело еще более прямо. «С точки зрения образования, - говорит он, - мы бы лучше обслужились, если бы суд в *Брауне* отклонил доводы заявителей об отмене *Плесси против Фергюсона*». Практически ни один белый не готов сказать то, что хочет сказать профессор Белл: Верховный суд допустил ошибку в 1954 году. Эта 50-я годовщина должна быть не временем для празднования, а для размышлений об опасностях необузданной судебной власти и постоянной реальности раса.

Эта статья впервые появилась в июльском номере журнала «Возрождение» за июль 2004 года .

As the Civil Rights Act of 1964 demonstrated, legal segregation was probably doomed. Sooner or later, legislatures would have desegregated schools without indulging in the fantasy that schools could remold Americans into race-unconsciousness. The country would have escaped the trauma of busing, and urban school districts would probably not now be wastelands.

Today, even some of those who cheered the loudest for *Brown* have second thoughts. Derrick Bell is a black lawyer and former Harvard Law School professor. During the 1960s, he worked for the NAACP, trying to short circuit the legislative process, arguing dozens of school cases before dozens of judges. By 1976, he had concluded that integration was a false goal and that blacks should have instead petitioned for the “equal” in the “separate but equal,” established in 1896 in *Plessy v. Ferguson*. “Civil rights lawyers were misguided in requiring racial balance of each school’s student population as a measure of compliance and the guarantee of effective schooling,” he wrote. “In short, while the rhetoric of integration promised much, court orders to ensure that black youngsters received the education they needed to progress would have achieved much more.”

This year, the 50th anniversary of *Brown*, Prof. Bell put the case even more bluntly. “From the standpoint of education,” he says, “we would have been better served had the court in *Brown* rejected the petitioners’ arguments to overrule *Plessy v. Ferguson*.” Practically no whites are prepared to say what Prof. Bell is willing to say: The Supreme Court made a mistake in 1954. This 50th anniversary should not be a time for celebration but for reflection on the dangers of unbridled judicial power and the persistent reality of race.

This article first appeared in the July 2004 issue of American Renaissance.

Смешение в Монтичелло?

Плевать на Джефферсона 186 лет спустя .

Время от времени какой-то клоун решает назвать Томаса Джефферсона «расистом», а другие клоуны позволяют ему опубликовать обвинение. Самый последний клоун - Пол Финкельман, профессор юридической школы Олбани, а вспомогательные клоуны - «*Нью-Йорк таймс*» [«Монстр Монтичелло», 30 ноября 2012 г.]. Профессор Финкельман потрясен, обнаружив, что Джефферсон думал, что черные были менее умными, чем белые. А поскольку Джефферсон написал слова «все люди созданы равными», но купил и продал рабов, это делает его «жутким, жестоким лицемером». Как и все клоуны своего рода, профессор Финкельмен рассказывает нам, что Джефферсон был отцом детей со своей черной рабыней Салли Хемингс.

Другими словами, обычный мусор.

Джеймс Каллендер, пересаженный шотландец, начал слухи о Хемингсе в сентябре 1802 года, после того, как Джефферсон отказал ему в должности патронажа. Каллендер утверждал, что президент занимался спортом с "сумеречной Салли", "наложницей с шерстяной головой", которая была частью его "гаре Конго".

«У девки Салли у нашего президента было несколько детей», - написал он, позже заявив, что всего их было пятеро. Каллендер назвал Салли «шлюхой, похожей на тротуар», которая «возилась с полдюжиной чернокожих».

Каллендер никогда не утверждал, что встретил «сумеречную Салли» или объяснил, как он получил допинг на ее шалости. В следующем году Каллендер утонул в двух или трех футах воды в реке Джеймс, по сообщениям, слишком пьяным, чтобы выловить себя, но враги федералистов Джефферсона никогда не прекращали кричать историю Хемингса. Каллендер, возможно, был прав, утверждая, что он нанес больший ущерб репутации Джефферсона за пять месяцев, чем все другие его критики за десять лет. С тех пор девианты радостно хихикали от мысли, что Монтичелло был любовным гнездом разлуки.

Тестирование ДНК на потомках Салли Хемингс в 1998 году доказало, что Джефферсон *не* был отцом одного из ее старших детей, но кто-то, у кого была хромосома Джефферсона Y, родил ее младшего ребенка, эстонца.

Miscegenation at Monticello?

SPITTING ON JEFFERSON 186 YEARS LATER.

Every so often some clown decides to call Thomas Jefferson a “racist,” and other clowns let him publish the charge. The most recent clown is Paul Finkelman, a professor at Albany Law School, and the accessory clowns are the *New York Times* [“The Monster of Monticello,” Nov. 30, 2012]. Prof. Finkelman is shocked to find that Jefferson thought blacks were less intelligent than whites. And since Jefferson wrote the words “all men are created equal” but bought and sold slaves, that makes him “a creepy, brutal hypocrite.” Like all clowns of his kind, Prof. Finkelman tells us Jefferson fathered children with his black slave, Sally Hemings.

In other words, the usual rubbish.

James Callender, a transplanted Scotsman, started the Hemings rumor in September, 1802, after Jefferson turned him down for a patronage job. Callender claimed the president was sporting with “dusky Sally,” a “wooly-headed concubine,” who was part of his “Congo harem.”

“By the wench Sally our president has had several children,” he wrote, later claiming that the total was five. Callender called Sally a “slut common as the pavement” who was “romping with half a dozen black fellows.”

Callender never claimed he met “dusky Sally” or explained how he got the dope on her rompings. The next year, Callender drowned in two or three feet of water in the James River, reportedly too drunk to fish himself out, but Jefferson’s Federalist enemies never stopped whooping up the Hemings story. Callender may have been right to claim he had done more damage to Jefferson’s reputation in five months than all his other critics had done in ten years. Deviants have cackled with joy ever since at the thought that Monticello was a love nest of miscegenation.

DNA testing on Sally Hemings’s descendants in 1998 proved that Jefferson was *not* the father of one of her older children, but that someone who had the Jefferson Y chromosome fathered her

Беда в том, что 26 мужчин возмужалого возраста несли эту хромосому и могли быть отцом. Это включает в себя брата Джефферсона Рэндольфа, сыновей Рэндольфа и ряд других людей в линии Джефферсона. Все они были репродуктивного возраста и жили в Вирджинии во время зачатия.

Джефферсон был отцом? Эстон был зачат в 1807 году, когда старому Тому было 64 года, он был в плохом состоянии и на втором президентском сроке. Шансы стареющего, больного президента смириться со своим рабом в этих условиях близки к нулю. Слухи о Салли ходили уже пять лет и причиняли ему боль. Насколько вероятно, что он мог доверять им?

Есть несколько более вероятных кандидатов, и наиболее вероятным является младший брат Джефферсона Рэндольф, который был 51-летним вдовцом. Бывший раб Джефферсона по имени Исаак позже писал, что «брат Старого Мастера, Масс Рэндалл, был очень простым человеком: он выходил среди чернокожих, играл на скрипке и танцевал пол ночи» - поведение, которое могло легко привести к шумной игре. Рэндольф позже женился и имел больше детей, поэтому мы знаем, что он был комбинезон. Никто никогда не утверждал, что Томас Джефферсон общался с рабами.

Любой профессор юридического факультета слышал о «невиновных, пока их вина не доказана». В Олбани должен быть новый лоск на доктрине, чтобы объяснить, почему это не относится к людям, которые мертвы и не могут защитить себя.

И считает ли профессор Финкельман даже намек на оригинальность в обвинении Джефферсона в лицемерии? В июле 1802 года еженедельник федералистов под названием «*Порт-фолио*» опубликовал стихотворение, которое положил в рот вымышленному рабу Джефферсона по имени Кваши:

Наш Масс Джеффсон, он говорит,

Чтц все люди свободны одинаково рождаются:

*Ден скажи мне, почему чернокожны должен остаться,
чтобы ухаживать за корову и мотыгу кукурузы?*

Ура для Масс Джеффсон.

youngest child, Eston. The trouble is, there were 26 men of romping age who carried that chromosome and who could have been the father. This includes Jefferson's brother Randolph, Randolph's sons, and a number of other men in the Jefferson line. They were all of reproductive age and living in Virginia at the time of conception.

Was Jefferson the father? Eston was conceived in 1807, when old Tom was 64, in bad health, and in his second term as president. The chances of the aging, ailing president shacking up with his slave under those circumstances are close to zero. The Sally rumors had already been circulating for five years and had hurt him. How likely was he to give them credence?

There are several likelier candidates, and the most likely is Jefferson's younger brother Randolph, who was a 51-year-old widower. A former Jefferson slave named Isaac later wrote that "Old Master's brother, Mass Randall, was a mighty simple man: used to come out among black people, play the fiddle and dance half the night"—behavior that could easily lead to romping. Randolph later remarried and had more children, so we know he was a romper. No one ever claimed Thomas Jefferson socialized with slaves.

Any law-school professor has heard of "innocent until proven guilty." At Albany there must be a new gloss on the doctrine to explain why it doesn't apply to people who are dead and can't defend themselves.

And does Prof. Finkelman think there is even a hint of originality in accusing Jefferson of hypocrisy? In July 1802, a Federalist weekly called the *Port Folio* published a poem that it put into the mouth of a fictional Jefferson slave named Quashee:

*Our massa Jeffeson he say,
Dat all mans free alike are born:
Den tell me, why should Quashee stay,
To tend de cow and hoe de corn?
Huzza for massa Jeffeson.*

And why should one hab de white wife,

*И почему нужно иметь жену,
А мне хаб только Мулат?
Я не вижу причин для меня жизни!
Нет. Кваши хаб де белая жена тоже.
Ура для Масси Джеффсон.*

Враги Джефферсона указывали на глупость «все люди созданы равными» еще до того, как слухи о Хемингсе начались. Джефферсон не верил, что все люди созданы равными, как это делает профессор Финкельман, и надевать наручники Джефферсона на эти пять слов глубоко глупо. Декларация независимости объясняет Георгию III, почему колонисты хотели уйти. Он начинается с риторического прочистки горла, в котором подписавшиеся говорят, что они равны *королю* и имеют право идти своим путем. Когда основатели приступили к написанию правил для фактического управления своей новой страной - либо в статьях Конфедерации, либо в Конституции - они не вставили ни одной прозрачной темы о равенстве.

Профессор Финкельман потрясен, потрясен тем, что Джефферсон думал, что черные были тусклее белых, но Джефферсон был прав. Любой, кто не ослеплен модной эгалитарной койкой, знает, что он был прав. Профессор Финкельман также потрясен, узнав, что Джефферсон обеспокоен тем, что свободные негры могут стать «вредителями в обществе», но старый Том тоже кое-что задумал. Если профессор Финкельман не согласен, он может сказать нам, есть ли какой-нибудь бульвар Мартина Лютера Кинга, по которому он хотел бы прогуляться после захода солнца.

Проф. Финкельман звучит так, как будто Джефферсон любил рабство и хотел, чтобы оно продолжалось вечно. Джефферсон не любил рабство, но еще больше не любил свободных негров. Он хотел освободить рабов и выслать их «вне досягаемости смешения».

Название статьи профессора Финкельмана *Таймс* "Монстр Монтичелло". Требуется много мужества, чтобы наплевать на Джефферсона, потому что он владел рабами, и профессору лучше быть готовым делать гораздо больше плевков: девять из первых 11 президентов владели рабами, а также Джеймс Мэдисон, Эндрю Джексон, Даниэль Вебстер, Стивен Дуглас Уильям Сьюард, Фрэнсис Скотт Ки, Уинфилд Скотт, Джон Маршалл, Роджер Тейни, Джеймс Монро, Генри Клей и Авраам Линкольн - все хотели отправить черных из страны.

*And me hab only Quangeroo?
Me no see reason for me life!
No. Quashee hab de white wife too.
Huzza for massa Jeffeson.*

Jefferson's enemies were pointing out the silliness of "all men are created equal" before the Hemings rumor even started. Jefferson didn't believe all men were created equal any more than Prof. Finkelman does, and to handcuff Jefferson to those five words is profoundly stupid. The Declaration of Independence explains to George III why the colonists wanted out. It starts with rhetorical throat-clearing in which the signers say they are *the King's* equals and have the right to go their own way. When the founders got around to writing the rules for actually running their new country—either in the Articles of Confederation or the Constitution—they didn't put in any gauzy bunk about equality.

Prof. Finkelman is shocked—*shocked*—that Jefferson thought blacks were dimmer than whites, but Jefferson was right. Anyone not blinkered by fashionable egalitarian bunk knows he was right. Prof. Finkelman is just as shocked to find out that Jefferson was worried that free blacks could become "pests in society," but old Tom was on to something there, too. If Prof. Finkelman disagrees, he can tell us whether there is a single Martin Luther King Boulevard he'd like to go strolling on after sundown.

Prof. Finkelman makes it sound as though Jefferson loved slavery and wanted it to go on forever. Jefferson disliked slavery but disliked free Negroes even more. He wanted to emancipate the slaves and deport them "beyond the reach of mixture."

The title of Prof. Finkelman's *Times* article is "The Monster of Monticello." It must take a lot of courage to spit on Jefferson because he owned slaves, and the professor better be ready to do a lot more spitting: Nine of the first 11 presidents owned slaves, and James Madison, Andrew Jackson, Daniel Webster, Stephen Douglas, William Seward, Francis Scott Key, Winfield Scott, John Marshall, Roger Taney, James Monroe, Henry Clay, and Abraham Lincoln all wanted to send blacks out of the country.

Люди, которые действительно знали Джефферсона, находили его обаятельным, культурным и человеком большой чести. Профессор Финкельман говорит, что на расстоянии 186 лет он был «жутким», но профессор Финкельман - только самый последний из многих крипов. Обозреватель черной *Baltimore Sun* Грегори Кейн говорит нам, что Джефферсон был «похотливым лицемером», а черная обозреватель Кларенс Пейдж назвал его «безжалостным папой». Обозреватель Ричард Гренье сравнил Джефферсона с вождем гестапо Генрихом Химлером и призвал к сносу мемориала Джефферсона «камень за камнем». Конор Круз О'Брайен пишет, что Джефферсон «отвращенец необходимости».

Репутация Джефферсона сохранится, но репутация *Нью-Йорк Таймс* - нет. Раньше это была влиятельная газета, но публикация таких паразитов, как профессор Финкельман, только ускорит ее превращение в бесполезность.

Эта статья была опубликована на Takimag.com 6 декабря 2012 года.

People who actually knew Jefferson found him charming, cultivated, and a man of great honor. At a distance of 186 years, Prof. Finkelman tells us he was “creepy,” but Prof. Finkelman is only the most recent of many creeps. Black *Baltimore Sun* columnist Gregory Kane tells us Jefferson was a “horny hypocrite” and black columnist Clarence Page called him a “deadbeat dad.” Columnist Richard Grenier likened Jefferson to Gestapo chief Heinrich Himmler and called for the Jefferson Memorial to be torn down “stone by stone.” Conor Cruise O’Brien writes that Jefferson is “of necessity abhorrent.”

Jefferson’s reputation will survive, but that of the *New York Times* may not. It used to be an influential newspaper, but publishing vermin such as Prof. Finkelman will only speed its collapse into irrelevance.

This article was published at Takimag.com on December 6, 2012.

Африка с момента обретения независимости

Мартин Мередит, «Судьба Африки: от надежды свободы к сердцу отчаяния», Public Relations Press, 2005, 752 с., 35,00 долл. США.

ОТЛИЧНАЯ КОРРЕКТИРОВКА К БЕЛЫМ БЛАГОПОЛУЧИЯМ.

«Судьба Африки» - это почти книга на 800 страницах, которая представляет собой огромную книгу об огромном предмете: истории Африки с момента обретения независимости. Мартин Мередит, который годами работал журналистом на континенте и написал восемь других книг об Африке, справляется с этой почти невозможной задачей при правильном сочетании стиля и учености. В то же время он ничего не приукрашивает и никого не щадит. Как и должна быть любая честная современная история континента, это в значительной степени история жадности, коррупции, угнетения и расправы. Не может быть лучшего и более современного однообъемного аккаунта. Судьба Африки охватывает и Северную Африку, но этот обзор будет сосредоточен на континенте к югу от Сахары. Хотя г-н Мередит делает несколько общих выводов, он предлагает множество доказательств для всех, кто пожелает.

Не тронутый Европой

Как объясняет г-н Мередит, хотя в некоторых случаях колонизация длилась 200 лет, большинство чернокожих в основном не были затронуты Европой. Французы управляли своей западноафриканской империей только с 385 белыми администраторами, а англичане славились столь же тонким, косвенным правлением. В конце Второй мировой войны только англичане даже думали о возможной независимости этих неисследованных земель и не предвидели ее до конца 20-го века. Именно давление со стороны Соединенных Штатов, послевоенное истощение и воинствующие движения за независимость привели к поспешным предоставлению независимости, которую никто не ожидал в 1945 году.

Каким бы ни был график, поскольку именно Западная Африка была в наиболее тесном контакте с Европой, считалось, что он лучше всего подготовлен к самоуправлению. К 1920 году, например, в Голд-Косте (будущей Гане) было 60 практикующих чернокожих адвокатов, тогда как Кения не получила своего первого адвоката до 1956 года.

Africa Since Independence

Martin Meredith, *The Fate of Africa: From the Hopes of Freedom to the Heart of Despair*, Public Affairs Press, 2005, 752 pp., \$35.00.

AN EXCELLENT CORRECTIVE TO WHITE DELUSION.

At close to 800 pages, *The Fate of Africa* is a huge book about a huge subject: the history of Africa since independence. Martin Meredith, who worked for years as a journalist on the continent and who has written eight other books about Africa, carries off this nearly impossible task with just the right combination of style and scholarship. At the same time, he sugarcoats nothing and spares no one. As any honest contemporary history of the continent must be, this is largely a story of greed, corruption, oppression, and massacre. There may be no better and more up-to-date single-volume account. *The Fate of Africa* covers North Africa as well, but this review will concentrate on the continent south of the Sahara. Although Mr. Meredith draws few broad conclusions, he offers a wealth of evidence for anyone who wishes to.

Untouched by Europe

As Mr. Meredith explains, even though in some cases colonization lasted 200 years, most blacks were essentially untouched by Europe. The French ran their West African empire with only 385 white administrators, and the British were famous for equally thin-stretched, indirect rule. At the end of the Second World War, only the British even thought in terms of eventual independence for these untutored lands, and did not foresee it until the end of the 20th century. It was pressure from the United States, post-war exhaustion, and militant independence movements that resulted in hurried grants of independence no one had anticipated in 1945.

Whatever the timetable, because it was West Africa that had been in closest contact with Europe, it was thought best prepared for self-government. By 1920, for example, the Gold Coast (future Ghana) had 60 practicing black lawyers, whereas Kenya did not

Первый темнокожий депутат Национального собрания Франции прибыл из Сенегала в Западной Африке в 1914 году. Леопольд Сенгор, еще один депутат из Сенегала, участвовал в разработке конституции Четвертой республики Франции в 1945 году. Его французский был настолько хорош, что отвечал за контроль над конституцией. грамматика.

Следовательно, независимость пришла первой в Западной Африке, когда Кваме Нкрума был лидером Ганы. Карьера Нкрумы наметила так много моделей для новой Африки, что стоит следовать некоторым деталям. То, что началось с великого обещания, закончилось слезами, циклом, настолько часто повторяемым, что мистер Мередит принял его как подзаголовок своей книги.

Нкрума пережил один из самых неожиданных переходов к власти любого политика в истории - от заключенного до премьер-министра за один день. Находясь в тюрьме на Голд-Косте за разжигание антибританских беспорядков, его партии удалось получить 34 из 38 оспариваемых мест на выборах 1951 года. Британский губернатор Чарльз Арден-Кларк напряг верхнюю губу, вызвал пленника и попросил его сформировать правительство.

Гана продолжала шесть лет демократического самоуправления под строгим контролем Арден-Кларка. Казалось, это идеальная тренировка суверенитета для идеального кандидата на независимость. Гана имела развитую образовательную и экономическую инфраструктуру, построенную британцами, отличные природные ресурсы и здоровые валютные резервы благодаря экспорту какао. Холодная война бушевала, и Соединенные Штаты, и Советский Союз стремились к новым клиентам. Г-н Мередит пишет, что когда в 1957 году пришла независимость, во всем мире появилась надежда и оптимизм в масштабе, который трудно представить. Шестидневный праздник был любовным праздником доброй воли и больших ожиданий.

Когда англичане ушли, Нкрума искоренил оппозицию, создал культ личности, растратил деньги на позолоченные проекты и загнал экономику в землю. Он построил самый большой сухой док в Африке, который почти никогда не использовался. Он создал национальную авиакомпанию и настоял на том, чтобы она летала в политически модные места, такие как Каир и Москва, на которые не было коммерческого спроса.

get its first lawyer until 1956. The first black deputy to the French National Assembly came from Senegal in West Africa in 1914. Léopold Senghor, another deputy from Senegal, helped draft the constitution for France's Fourth Republic in 1945. His French was so good he was in charge of policing the constitution's grammar.

Independence consequently did come first in West Africa, with Kwame Nkrumah as leader of Ghana. Nkrumah's career set so many patterns for the new Africa that it is worth following in some detail. What began with great promise ended in tears, in a cycle so often repeated that Mr. Meredith has adopted it as the subtitle of his book.

Nkrumah had one of the most sudden rises to power of any politician in history—from prisoner to prime minister in a single day. Held in a Gold Coast prison for stirring up anti-British riots, his party managed to win 34 of 38 contested seats in a 1951 election. The British governor, Charles Arden-Clarke, stiffened his upper lip, summoned his prisoner, and asked him to form a government.

Ghana went on to six years of democratic self-government under the close supervision of Arden-Clarke. It seemed to be perfect training for sovereignty for the perfect candidate for independence. Ghana had a sound educational and economic infrastructure built by the British, excellent natural resources, and healthy foreign currency reserves due to cocoa exports. The Cold War was raging, and both the United States and the Soviet Union were eager for new clients. Mr. Meredith writes that when independence came in 1957, there was world-wide hope and optimism on a scale now difficult to imagine. The six-day gala was a love-feast of goodwill and high expectations.

Once the British were gone, Nkrumah stamped out the opposition, built up a personality cult, squandered money on gold-plated projects, and ran the economy into the ground. He built the largest dry dock in Africa, which was almost never used. He set up a national airline and insisted it fly to politically fashionable places like Cairo and Moscow for which there was no commercial demand. He established state-run corporations and state farms that

Он создал государственные корпорации и совхозы, которые только распространяют провалы и коррупцию. Он объявил преступлением "проявление неуважения к личности и достоинству главы государства". Иностранные бизнесмены узнали, что любой, обладающий бойким языком и яркой идеей - чем грандиознее, тем лучше - может получить толстый государственный контракт. Глава государства сам подписал соглашения.

У Нкрумы были амбиции на весь континент. В 1958 году он провел Всеафриканскую народную конференцию по пропаганде антиколониальной агитации. Среди его гостей были многие, которые впоследствии стали главами государств: Джулиус Ньерере (Танзания), Кеннет Каунда (Замбия), Гастингс Банда (Малави), Патрис Лумумба (Конго), Амилкар Кабрал (Гвинея-Бисау - убит незадолго до обретения независимости), Холден Роберто (Ангола) и Джошуа Нкомо (так и не добрались до вершины в Зимбабве). Нкрума по-прежнему является святым для многих африканцев и американских чернокожих из-за его воинствующего антиимпериализма. Он мечтал о такой могущественной Африке, как Соединенные Штаты, и тратил миллионы на огромный комплекс зданий, которые, как он надеялся, станет столицей континента, объединенного под его руководством.

Глупости Нкрумы имели предсказуемые результаты. К 1965 году, всего через восемь лет после обретения независимости, то, что было одной из самых процветающих стран Африки, обанкротилось. Все более обманчивый и антибелой, Нкрума обвинял всех неудач в империалистах и неоколониалистах. Он мог бы разрушить Гану, если бы не попытался обрезать крылья армии. В 1966 году, когда он катался в Пекине, генералы вступили во владение и сказали ему не возвращаться домой. Школьники, которых учили петь «Нкрума - наш мессия», теперь скандировали: «Нкрума - не наш мессия».

Кассир Мессия нашел убежище в разрушенном доме в Гвинее-Конакри, где он принимал постоянно растущие группы поклонников и проводил дни, составляя невероятные планы для Ганы. Он был убежден, что народное движение восстанет, чтобы вернуть его к власти. Ко времени его смерти в больнице Бухареста в 1972 году он был жалкой фигурой.

Поэтому во многих отношениях Нкрума установил образец для континента: диктатура, коррупция, неумелое руководство, причуды, граничащие с безумием, и вынужденный уход из офиса.

only spread failure and corruption. He made it a crime for anyone to “show disrespect to the person and dignity of the Head of State.” Foreign businessmen learned that anyone with a glib tongue and a bright idea—the more grandiose the better—could get a fat government contract. The head of state himself signed deals.

Nkrumah had ambitions for the entire continent. In 1958 he hosted an All-African People’s Conference to promote anti-colonial agitation. Among his guests were many who later became heads of state: Julius Nyerere (Tanzania), Kenneth Kaunda (Zambia), Hastings Banda (Malawi), Patrice Lumumba (Congo), Amílcar Cabral (Guinea Bissau — assassinated shortly before independence), Holden Roberto (Angola), and Joshua Nkomo (never quite made it to the top in Zimbabwe). Nkrumah is still something of a saint for many Africans and American blacks because of his militant anti-imperialism. He dreamed of an Africa as mighty as the United States, and squandered millions on a huge complex of buildings he hoped would become the capital of a continent united under his leadership.

Nkrumah’s follies had predictable results. By 1965, just eight years after independence, what had been one of Africa’s most prosperous countries was bankrupt. Increasingly deluded and anti-white, Nkrumah blamed every failure on imperialists and neo-colonialists. He might have gone on wrecking Ghana had he not tried to clip the wings of the army. In 1966, while he was junketing in Peking, the generals took over and told him not to come home. School children who had been taught to chant “Nkrumah is our messiah,” now chanted “Nkrumah is not our messiah.”

The cashiered messiah found refuge in a clapped-out house in Guinea Conakry, where he received ever-dwindling bands of admirers, and spent his days drawing up impossible plans for Ghana. He was convinced that a popular movement would rise up to bring him back to power. By the time of his death in a Bucharest hospital in 1972, he was a pathetic figure.

In many respects, therefore, Nkrumah set the pattern for the continent: dictatorship, corruption, mismanagement, quirks bordering on madness, and involuntary departure from office. In par-

В частности, его пример единоличного правления завоевал популярность почти везде. Несколько диктаторов объяснили, что государственное строительство требует единства цели, но большинство просто захватило власть без объяснения причин или извинений. Когда кто-то спросил Хабиба Бургибу из Туниса, какая политическая система существует в его стране, он ответил: «Система? Какая система? Я - система». Гастингс Банда из Малави однажды заметил: «Все это мое дело. Все». Он также сказал: «Все, что я говорю, есть закон. Буквально закон». В 1965 году он пошел дальше: «Если для поддержания политической стабильности и эффективного управления мне придется задержать десять тысяч или сто тысяч, я это сделаю». Юлиус Ньерере из Танзании, чья попытка африканского социализма будет рассмотрена позже, объяснил, что политические партии возникли на Западе, потому что были экономические классы. В Африке не было классов, поэтому была нужна только одна партия: его.

Нкрума был также типичен для удивительного числа правителей независимости, которые были заключены в тюрьму или изгнаны белыми властями до прихода к власти: Кеннет Каунда из Замбии, Джомо Кеньятта из Кении, Роберт Мугабе из Зимбабве, Бургиба из Туниса, Банда из Малави, Мохаммед V Марокко и Патрис Лумумба из Конго (осужден за растрату, а не за независимость).

Также, как и практически все лидеры независимости первого поколения, Нкрума жил и учился в Европе или Соединенных Штатах. Мужчины, которые уехали за границу, несомненно, были лучшим выбором для начала, и некоторый опыт Запада, вероятно, смягчил их эксцессы, по крайней мере, на первых порах. В следующем поколении полудикие, такие как Иди Амин (Уганда), Сэмюэль Доу (Либерия) и Жан-Бедель Бокасса (Центральноафриканская Республика), прорвались бы в президентские дворцы и продолжили бы еще более ужасные выходы.

Однако, в отличие от большинства африканских правителей, Нкрума не окружал себя жабами и любовницами и, похоже, был одинок и изолирован. Он решил, очевидно, по прихоти, жениться и попросил Гамаль Насера из Египта найти ему жену. Насер сказал: египетская девушка, которая говорила только по-арабски и немного по-французски; Нк Рума не понимал ни языка. Он женился на ней в тот же день, когда встретил ее, и она дала ему троих детей, но маленький попутчик .

ticular, his example of one-man rule caught on almost everywhere. A few dictators explained that nation-building required unity of purpose, but most simply seized power without explanation or apology. When someone once asked Habib Bourguiba of Tunisia what kind of political system his country had, he replied, "System? What system? I am the system." Hastings Banda of Malawi once observed, "Everything is my business. Everything." He also said, "Anything I say is law. Literally law." In 1965 he went further: "If, to maintain the political stability and efficient administration, I have to detain ten thousand or one hundred thousand, I will do it." Julius Nyerere of Tanzania, whose attempt at African socialism will be examined later, explained that political parties arose in the West because there were economic classes. In Africa, there were no classes, so only one party was necessary: his.

Nkrumah was also typical of a surprising number of independence rulers who had been jailed or banished by the white authorities before taking power: Kenneth Kaunda of Zambia, Jomo Kenyatta of Kenya, Robert Mugabe of Zimbabwe, Bourghiba of Tunisia, Banda of Malawi, Mohammed V of Morocco, and Patrice Lumumba of Congo (convicted of embezzlement, not independence activity).

Also, like virtually the entire first-generation of independence leaders, Nkrumah had lived and studied in Europe or the United States. Men who went abroad were undoubtedly a better sort to begin with, and some experience of the West probably tempered their excesses, at least at first. In the next generation, semi-savages such as Idi Amin (Uganda), Samuel Doe (Liberia), and Jean-Bédél Bokassa (Central African Republic) would shoot their way into presidential palaces, and go on to ever-more gruesome antics.

Unlike most African rulers, however, Nkrumah did not surround himself with toadies and mistresses, and seems to have been lonely and isolated. He decided, apparently on a whim, to marry, and asked Gamal Nasser of Egypt to find him a wife. Nasser did: an Egyptian girl who spoke only Arabic and a bit of French; Nkrumah understood neither language. He married her the same day he met her, and she gave him three children but little companion-

Единственный настоящий друг Нкрумы, похоже, был у власти, это британская женщина Эрика Пауэлл, с которой он познакомился, когда она была личным секретарем губернатора Арден-Кларка. Он нанял ее, с благословения губернатора, и всегда говорил, что она была единственным человеком, который дал ему беспристрастный совет.

Интерес Нкрумы к европейской женщине не привел к браку, но для многих правителей это произошло. Кениата, Бургиба и Банда имели белых жен, как и Леопольд Сенгор из Сенегала и Серетсе Хама из Ботсваны. Жан-Бедель Бокасса, который короновал себя как «император», имел 17 жен, в том числе светловолосую румынскую танцовщицу кабаре, немца и шведа. (Он держал жен в отдельных домах и выходил из кабинета несколько раз в день, чтобы вызывать их.)

Наконец, Нкрума отличался от других африканских правителей другим важным аспектом: он, похоже, не разграбил сокровищницу. Он пользовался привилегиями канцелярии - его тайный ари Пауэлл писал, что он был «бодрым от волнения» при перспективе встречи с английской королевой, - но его собственное величие заключалось не в банковских счетах, а в захватывающей новой Гане.

Учитывая все обстоятельства, по африканским стандартам переход Ганы к независимости был успешным. В других местах были неудачи, некоторые настолько впечатляющие, что Запад не мог стоять в стороне и игнорировать беспорядок. Стоит кратко изложить рассказ г-на Мередита о почти мгновенном взрыве в Конго.

Бельгийцы уже давно осмеиваются за неспособность подготовить Конго к самоуправлению, и в этом обвинении есть доля правды. В 1960 году в стране было всего 30 выпускников университетов и не было черных врачей, учителей средних школ или офицеров армии. Тем не менее, бельгийцы построили хорошую базовую инфраструктуру и широкую базу начальных школ. Они просто не предвидели независимости, но не пытались помешать ей, когда времена изменились. После беспорядков в 1959 году они предложили четырехлетний переход к самоуправлению. Конголезец настоял на немедленной передаче.

Г-н Мередит отмечает, что церемония независимости 30 июня 1960 года установила первоначальную неровную ноту.

ship. The only real friend Nkrumah seems to have had in power was a British woman, Erica Powell, whom he met when she was Governor Arden-Clarke's private secretary. He hired her away, with the governor's blessing, and always said she was the only person who gave him unbiased advice.

Nkrumah's interest in a European woman did not lead to marriage, but for many rulers it did. Kenyatta, Bourghiba, and Banda had white wives, as did Léopold Senghor of Senegal and Seretse Khama of Botswana. Jean-Bédél Bokassa, who crowned himself "emperor," had 17 wives, including a blonde Rumanian cabaret dancer, a German, and a Swede. (He kept wives in separate houses and left his office several times a day to call on them.)

Finally, Nkrumah differed from other African rulers in another important way: He does not appear to have looted the treasury. He enjoyed the privileges of office—his secretary Powell wrote that he was "a-gog with excitement" at the prospect of meeting the Queen of England—but his own greatness was to come not from bank accounts but from a spectacular new Ghana.

All things considered, by African standards, Ghana's transition to independence was a success. Elsewhere, there were failures, some so spectacular the West could not stand by and ignore the mess. Mr. Meredith's account of the Congo's almost immediate implosion is worth summarizing.

The Belgians have long been derided for failing to prepare the Congo for self-rule, and there is some truth to the accusation. In 1960, the country had only 30 university graduates and no black doctors, secondary school teachers, or army officers. However, the Belgians had built good basic infrastructure, and a broad base of elementary schools. They simply had not foreseen independence, but did not try to thwart it when times changed. After riots in 1959, they proposed a four-year transition to self-government. It was the Congolese who insisted on an immediate handover.

Mr. Meredith points out that the independence ceremony of June 30, 1960 set the initial jarring note. King Baudouin of Belgium praised the early colonizing work of his great uncle, Leopold II—whose exactions were so ruthless that the Belgian government

Король Бельгии Бодуэн высоко оценил раннюю колонизаторскую работу своего великого дяди Леопольда II, чьи поборы были настолько безжалостными, что правительство Бельгии в 1908 году захватило его частный заповедник, и отрекся от конголезцев: вам, господа, чтобы показать, что вы достойны нашей уверенности ". Патрис Лумумба, будущий премьер-министр, ответил разглагольствованиями против «эксплуатации», «ужасных страданий» и «унизительного рабства, которое было навязано нам силой». «Мы больше не ваши обезьяны», - добавил он.

Всего несколько дней спустя темнокожие солдаты восстали против своих белых офицеров и начали неистовствовать, избивая и насилуя белых, выделяя священников и монахинь за особые злоупотребления. Тысячи белых бежали из страны, создавая модель того, что должно было случиться с тоскливой регулярностью в других местах. Бельгийцы попросили у Лумумбы разрешения на применение силы для спасения белых. Когда Лумумба отказался, Бельгия действовала в одностороннем порядке. Юго-западная провинция Катанга затем отделилась. Конго было всего две недели, и он уже был в хаосе.

Лумумба обратился к ООН за помощью, которая прибыла в июле, но больше всего он хотел, чтобы солдаты ООН выгнали бельгийцев. Он дал ООН два дня; в противном случае он обратился бы к Советам. Ральф Банч, черный американский глава миссии ООН, назвал Лумумбу «сумасшедшей» и действующей «как ребенок».

Позже в том же месяце Лумумба посетил Соединенные Штаты. Заместитель госсекретаря Дуглас Диллон считал его «иррациональной, почти психотичной личностью». Лумумба позвонил в отдел Конго в Государственном департаменте и попросил спутницу блондинки. ЦРУ нашло кого-то для отправки, но Белый дом отменил свидание.

Бельгийские войска в конечном счете покинули Конго после того, как они эвакуировали белых, но Лумумба тогда настоял, чтобы ООН подавила восстание в Катанге. Когда другая провинция, Южный Касаи, подняла восстание, Лумумба действительно вызвал Советов, которые прислали техническую помощь. Его попытка навести порядок в Касае привела к резне и вызвала 250 000 беженцев. К настоящему времени и Бельгия, и США были убеждены, что Лумумба представляет угрозу, и оба правительства хотели, чтобы он был убит.

Президент Конго Джозеф Каса-Вубу уволил Лу-Мумбу, который, в свою очередь, уволил Каса-Вубу. В сентябре, Джозеф Мобуту, начальник штаба армии, вытеснил все политик в воене ментского переворота.

took over in 1908 what had been his private preserve—and talked down to the Congolese: “It is up to you now, gentlemen, to show that you are worthy of our confidence.” Patrice Lumumba, prime minister to be, replied with a rant against “exploitation,” “terrible suffering,” and “humiliating slavery that was imposed on us by force.” “We are no longer your monkeys,” he added.

Just a few days later, black soldiers revolted against their white officers, and went on a rampage, beating and raping whites, singling out priests and nuns for particular abuse. Thousands of whites fled the country—setting a model for what was to happen with dreary regularity elsewhere. The Belgians asked Lumumba for permission to use force to save whites. When Lumumba refused, Belgium acted unilaterally. The southwest province of Katanga then seceded. Congo was just two weeks old and already in chaos.

Lumumba called on the UN for help, which arrived in July, but what he most wanted UN soldiers to do was kick out the Belgians. He gave the UN two days; otherwise he would turn to the Soviets. Ralph Bunche, the black American head of the UN mission described Lumumba as “crazy” and acting “like a child.”

Later that month, Lumumba visited the United States. Under-Secretary of state Douglas Dillon thought him “an irrational, almost psychotic personality.” Lumumba telephoned the Congo desk at the State Department and asked for a blonde companion. The CIA found someone to send over, but the White House quashed the tryst.

Belgian troops eventually left the Congo after they had evacuated whites, but Lumumba then insisted that the UN put down the Katanga rebellion. When another province, South Kasai, went into revolt, Lumumba really did call in the Soviets, who sent technical assistance. His attempt to restore order in Kasai resulted in massacre, and produced 250,000 refugees. By now, both Belgium and the US were convinced Lumumba was a menace, and both governments wanted him assassinated.

President of the Congo, Joseph Kasa-Vubu, dismissed Lumumba, who in turn dismissed Kasa-Vubu. In September, Joseph Mobutu, chief of staff of the army, ousted all politicians in a mili-

Лумумба остался в резиденции премьер-министра в Леопольдвиле, охраняемой внутренним кольцом войск ООН, чтобы люди Мобуту не могли его арестовать. Внешнее кольцо солдат Мобуту убедило его не сбежать. Под проливным дождем в ночь на 27 ноября Лумумба выскользнул и направился в Стэнливилль, где он получил поддержку, ожидая формирования конкурирующего правительства. Возможно, он добрался до Стэнливилля, за исключением того, что он продолжал останавливаться, чтобы преследовать жителей деревни. Люди Мобуту поймали его и отвезли обратно в Леопольдвилль, а его сторонники в Стэнливилле создали правительство без него. Всего было создано четыре конкурирующих правительства, а также режимы Мобуту и сепаратистов в Катанге и Южном Касае.

Мобуту вытащил Лумумбу перед собой и плюнул ему в лицо. С одобрения бельгийцев он отвез его к лидеру восстания в Катанге Моисе Чомбе, который наверняка убил его. Чомбе несколько часов пытал его, возвращаясь домой, по словам его дворецкого, «залитый кровью». На следующий день бельгийские офицеры командовали расстрелом, который казнил Лумумбу. Бельгийцы начали беспокоиться о плохой прессе и придумали историю о том, что Лумумба сбежал из-под стражи и был убит "патриотическими" сельскими жителями. Чтобы скрыть следы, они разрезали тело Лумумбы и растворили его в серной кислоте. Тем не менее, известие о его убийстве вызвало антибельгийские демонстрации во всем мире. По сей день Лумумба является героем для чокнутых левых, потому что он призывал Советов, и для чокнутых чернокожих, потому что он был груб с белыми людьми.

ООН в конце концов подавила восстание в Катанге в 1963 году, и к тому времени, когда Джозеф Мобуту в 1965 году консолидировал власть, его уже можно было считать спасителем своей страны.

Гораздо менее известна катастрофа независимости крошечной страны Экваториальная Гвинея, которая была испанской колонией до 1968 года. Испанцы вынудили Франсиско Масиаса Нгему быть лидером, но, как и многие белые, понятия не имели, насколько он их ненавидел. Одним из его первых действий было разжигание насилия против белых, и большинство из 7000 испанцев страны покинули свои предприятия и фермы и исчезли в первые шесть месяцев.

tary coup. Lumumba stayed on in the prime minister's residence in Leopoldville, guarded by an inner ring of UN troops to keep Mobutu's men from arresting him. An outer ring of Mobutu's soldiers made sure he did not escape. In pouring rain on the night of Nov. 27, Lumumba slipped out and headed for Stanleyville, where he had support, expecting to form a rival government. He might have reached Stanleyville, except that he kept stopping to harangue villagers. Mobutu's men caught him and brought him back to Leopoldville, and his supporters in Stanleyville set up a government without him. That made a total of four competing governments, along with Mobutu's, and secessionist regimes in Katanga and South Kasai.

Mobutu had Lumumba hauled before him and spat in his face. With the approval of the Belgians, he flew him off to the leader of the Katanga revolt, Moïse Tshombe, who was certain to kill him. Tshombe helped torture him for hours, returning home, according to his butler, "covered in blood." The next day, Belgian officers commanded a firing squad that executed Lumumba. The Belgians began to worry about bad press, and concocted the story that Lumumba escaped from detention and was killed by "patriotic" villagers. To cover their tracks, they cut up Lumumba's body and dissolved it in sulfuric acid. Still, word of his murder prompted anti-Belgian demonstrations all over the world. To this day, Lumumba is a hero to nutty leftists because he called in the Soviets, and to nutty blacks because he was rude to white people.

The UN eventually put down the Katanga rebellion in 1963, and by the time Joseph Mobutu consolidated power in 1965, he could almost be seen as the savior of his country.

Far less well known is the independence disaster of the tiny country of Equatorial Guinea, which was a Spanish colony until 1968. The Spanish had groomed Francisco Macías Nguema to be leader, but like so many whites, had no idea how much he hated them. One of his first acts was to stir up anti-white violence, and most of the country's 7,000 Spaniards left their businesses and farms and were gone in the first six months.

Nguema was a real monster. When a director of statistics pub-

Нгема был настоящим монстром. Когда директор по статистике опубликовал цифры, которые ему недовольны, Нгема разрезал его на маленькие кусочки, чтобы «помочь ему научиться считать». Как минимум два раза он приказал убить всех известных бывших любовниц любовницы. Всякий раз, когда он хотел новую женщину, он убивал ее мужа. Из его 12 первых министров только два избежали убийства.

Нгема исчерпал деньги и начал платить только солдатам и полиции. Все остальные части правительства закрылись. Нгема закрыл все библиотеки, газеты и типографии и в 1974 году опустошил последнюю школу в стране. Он запретил христианство и превратил церкви в склады. Чтобы собрать деньги, он начал удерживать иностранцев с целью получения выкупа: 57 600 долларов США за немку, 40 000 долларов США за испанца и 6000 долларов США за погибшего советца. Он держал в заложниках последнего миссионера-кларетинца, 85 лет, пока не получил выкуп. Нгема продолжал в течение 11 лет, пока племянник не сверг его в 1979 году. Когда пришло время казнить Нгуэма, черные так боялись его слухов о сверхъестественных силах, что отказались спустить курок. Марокканские солдаты должны были быть найдены для расстрела.

Новый человек, Теодоро Обианг, все еще у власти, а в стране до сих пор нет газет. Недавнее заявление помощника намекает на вкус его режима: «Он может решить убить, не призывая его к ответу и не отправляясь в ад, потому что это сам Бог, с которым он находится в постоянном контакте, который дает ему эту силу».

Несколько африканских лидеров искренне пытались помочь своему народу. Любопытный и искренне трагический персонаж, Юлиус Ньерере из Танзании ничего не украл, боролся с коррупцией и работал не покладая рук. Беда была в том, что все его схемы были неправильными. Своей «Арушской декларацией» от февраля 1967 года он намеревался национализировать все, что можно увидеть, даже частные дома, которые были сданы в аренду. Он хотел, чтобы вся страна руководствовалась принципом *уджамаа* или «семейного отношения», который должен был уловить древний дух «африканского социализма».

Его госкорпорации понесли огромные убытки, но его величайшей глупостью были колхозы или деревни *уджамаа*. Присоединение должно было быть добровольным, но в конечном итоге 11 миллионов человек были согнаны в коллективы в крупнейшем массовом движении людей в истории Африки.

lished figures that displeased him, Nguema had him cut into little pieces to “help him learn to count.” On at least two occasions, he ordered the killing of all known former lovers of a mistress. Whenever he wanted a new woman, he had her husband killed. Of his 12 original ministers, only two escaped murder.

Nguema ran out of money and started paying only soldiers and the police. Every other part of the government shut down. Nguema closed all libraries, newspapers, and printing presses, and in 1974 emptied the country’s last school. He outlawed Christianity and turned churches into warehouses. To raise money, he started holding foreigners for ransom: \$57,600 for a German woman, \$40,000 for a Spaniard, \$6,000 for a dead Soviet. He held hostage the last Claretine missionary, age 85, until he got a ransom. Nguema carried on for 11 years until a nephew deposed him in a 1979 coup. When it came time to execute Nguema, blacks were so afraid of his rumored supernatural powers they refused to pull the trigger. Moroccan soldiers had to be found for the firing squad.

The new man, Teodoro Obiang, is still in power, and the country still has no newspapers. A recent statement from an aide hints at the flavor of his regime: “He can decide to kill without anyone calling him to account and without going to hell because it is God himself, with whom he is in permanent contact, who gives him this strength.”

A few African leaders have sincerely tried to help their people. A curious and genuinely tragic figure, Julius Nyerere of Tanzania stole nothing, fought corruption, and worked tirelessly. The trouble was, his schemes were all wrongheaded. With his “Arusha Declaration” of February 1967, he set out to nationalize everything in sight, even private houses that were rented out. He wanted the whole country run on the principle of *ujamaa* or “familyhood,” which was supposed to capture the ancient spirit of “African socialism.”

His state corporations posted huge losses, but his greatest folly were collective farms, or *ujamaa* villages. Joining up was supposed to be voluntary, but eventually 11 million people were herded onto collectives in the largest mass movement of people in African

Когда фермеры вернулись на свои старые поля, правительственные работники сожгли свои дома. Ньерере не терпел инакомыслия от социализма, и под его правлением Танзания превратилась из крупнейшего африканского экспортера продовольствия в крупнейшего импортера. Всегда дорогой западных левых, он получил достаточно иностранной помощи, чтобы не дать стране голодать. В 1985 году после 23 лет семейной жизни он сдался и покинул свой пост. С откровенностью, необычной для политиков в любом месте, он объявил: «Я потерпел неудачу. Давайте признаем это».

Нельсон Мандела - еще одна исключительная фигура. Он также входит в число крошечных лидеров, которые не обогатились, которые искренне старались улучшить свой народ и стремились к истинному расовому примирению. Со своим преемником Табо Мбеки южноафриканцы открывают для себя, что такое черное правило. Те, кто следуют, скорее всего, будут хуже.

Факты, как он их находит

Мистер Мередит записывает факты так, как он их находит, и в результате получается множество ужасов. Он дает нам полное описание сложных и грязных событий, связанных с геноцидом хуту / тутси в Руанде, войнами на истребление в Судане, хаосом и варварством «освобождения» в Анголе и Мозамбике, а также падением белых режимов в Родезии и на юге. Африка.

Тем не менее, несколько замечаний мистера Мередита выделяются: в Кении популярное высказывание гласит: «Зачем нанимать адвоката, если можно купить судью?». Омар Бонго из Габона, который управлял страной в течение 22 лет и имел склонность пытаться соблазнить добровольцев Американского Корпуса Мира, потратил не менее 500 миллионов долларов на свой президентский дворец. Нигерия потратила 8 миллиардов долларов на сталелитейную промышленность, которая никогда не производила сталь. Во время гражданской войны в Чаде в 1982 году толпы разграбили и сожгли и национальный музей, и национальный архив. Президент Сиаки Стивенс Сивенс однажды потратил две трети годового бюджета страны на проведение совещания ОАЕ. Когда СПИД был обнаружен, африканцы широко высмеивали превентивные меры как расистский заговор, чтобы не дать им размножиться. В 1973 году Ювенал Хабиари-мана из Руанды заставил всех, даже детей, вступить в его политическую партию. И как это, спрашивает г-н Мередит, для абсурда

ИСТОРИЯ

121

history. When farmers fled back to their old fields, government workers burned their houses. Nyerere tolerated no dissent from socialism, and under his rule Tanzania went from being the largest African exporter of food to the largest importer. Always the darling of Western leftists, he got enough foreign aid to keep the country from starving. In 1985, after 23 years of familyhood, he gave up and left office. With a frankness unusual in politicians anywhere, he announced, "I failed. Let's admit it."

Nelson Mandela is another exceptional figure. He, too, is among the tiny number of leaders who have not enriched themselves, who genuinely tried to better their people, and who sought true racial reconciliation. With his successor, Thabo Mbeki, South Africans are discovering what black rule is really like. Those who follow are likely to be worse.

The Facts as He Finds Them

Mr. Meredith records the facts as he finds them, and the result is largely a litany of horrors. He gives us full accounts of the complex and sordid events surrounding the Hutu/Tutsi genocide of Rwanda, the wars of extermination in Sudan, the chaos and barbarity of "liberation" in Angola and Mozambique, and the downfall of white regimes in Rhodesia and South Africa.

Still, a few of Mr. Meredith's observations stand out: In Kenya, a popular saying is "Why hire a lawyer when you can buy a judge?" Omar Bongo of Gabon, who ran the country for 22 years and had a penchant for trying to seduce American Peace Corps volunteers, spent no less than \$500 million on his presidential palace. Nigeria spent \$8 billion on a steel industry that never produced steel. During the civil war in Chad in 1982, mobs sacked and burned both the national museum and the national archives. President Siaka Stevens of Sierra Leone once spent two thirds of the country's annual budget to host a meeting of the OAU. When AIDS was discovered, Africans widely derided preventive measures as a racist plot to keep them from reproducing. In 1973, Juvénal Habyarimana of Rwanda forced everyone, even babies, to join his political party. And how is this, asks Mr. Meredith, for an absurdity: In the late 1980s, Cuban troops were protecting American-owned oil

В конце 1980-х годов кубинские войска защищали принадлежащие Америке нефтяные месторождения в марксистской Анголе от нападений поддерживаемых США партизан.

Вот больше виньеток из *Судьбы Африки*:

Абейд Каруме стал правителем Занзибара в 1964 году до слияния с Танганьикой, в результате которого возникла Танзания. Одним из его первых действий было наблюдение за убийством и изгнанием арабов и азиатов. Несколько необычно, что он прекратил все противомаларийные меры, утверждая, что африканцы «защищены от малярии». Был огромный рост малярии. Военный офицер застрелил Каруме в 1972 году не по политическим причинам, а из-за личной неприязни.

В 1984 году Менгисту Хайле Мариам из Эфиопии потратил 150 миллионов долларов на 10-ю годовщину своей марксистско-ленинской «революции», вместо того чтобы что-либо предпринять в связи с ужасным голодом, разоряющим его страну. Как он объяснил своему помощнику: «В Эфиопии много лет было много лет, прежде чем мы пришли к власти - именно так природа сохраняла равновесие».

У Либерии была особенно красочная история, но несколько эпизодов выделяются. Томас Квивонкпа возглавил восстание против тирана Сэмюэля Доу в 1985 году. Когда люди Доу поймали и убили его, они публично кастрировали его, разрезали на куски и съели его. Пять лет спустя настала очередь Доу. Принц Джонсон съел хотя бы одно из его ушей, пока он был еще жив. После того, как он пытал его надлежащим образом, люди Джонсона выставили изуродованное тело Доу по улицам Монровии на тачке. Доу был гостем Рональда Рейгана в Белом доме в 1982 году.

В 1996 году одна из группировок, сражавшихся на улицах Монровии, получила прозвище «Обнаженная бригада» из-за своей веры в то, что обнаженные бои защищали от пуль. В 1997 году, когда в Либерии проводились какие-то выборы, военачальник Чарльз Тейлор объявил, что в случае проигрыша его убьют. Он проводил кампанию под лозунгом «Он убил мою маму, он убил моего отца, но я буду голосовать за него» - и победил.

Нигерия с ее нефтяными доходами должна быть одной из самых богатых стран на континенте, но сотни миллиардов долларов исчезли. В 2000 и 2001 годах в восточной части страны преступность была настолько ужасной, а полиция - настолько коррумпированной, что бандиты взяли на себя ответственность. Группа, известная как «Бакасси Бойз», любила загонять преступников на общественную площадь, где огромные толпы людей наблюдали, как они отлетали с тупыми мачете.

fields in Marxist Angola from attacks by US-supported guerillas.

Here are more vignettes from *The Fate of Africa*:

Abeid Karume became ruler of Zanzibar in 1964 before the merger with Tanganyika that produced Tanzania. One of his first acts was to supervise the slaughter and expulsion of Arabs and Asians. Somewhat more unusually, he stopped all anti-malaria measures, claiming Africans were “malaria-proof.” There was a huge upsurge in malaria. An army officer shot Karume to death in 1972, not for political reasons but over a personal grudge.

In 1984, Mengistu Haile Mariam of Ethiopia spent \$150 million on the 10th anniversary of his Marxist-Leninist “revolution” rather than do anything about a terrible famine ravaging his country. As he explained to an aide, “There was famine in Ethiopia for years before we took power—it is the way nature kept the balance.”

Liberia has had a particularly colorful history, but a few episodes stand out. Thomas Quiwonkpa led a revolt against tyrant Samuel Doe in 1985. When Doe’s men caught and killed him they publicly castrated him, cut him in pieces and ate him. Five years later, it was Doe’s turn. Prince Johnson ate at least one of his ears while he was still alive. After suitably torturing him, Johnson’s men paraded Doe’s mutilated body through the streets of Monrovia in a wheelbarrow. Doe had been a guest of Ronald Reagan at the White House in 1982.

In 1996, one of the groups fighting in the streets of Monrovia earned the nickname the Butt Naked Brigade, from its belief that fighting naked gave protection from bullets. In 1997, when Liberia held elections of a sort, warlord Charles Taylor announced there would be killing if he lost. He campaigned on the slogan “He killed my ma, he killed my pa, but I will vote for him”—and won.

Nigeria, with its oil revenue, should be one of the richest countries on the continent, but hundreds of billions of dollars have disappeared. In 2000 and 2001 in the eastern part of the country, crime was so bad and the police so corrupt that vigilantes took charge. A group known as the Bakassi Boys liked to herd criminals into a public square, where huge crowds watched while they hacked away with blunt machetes. If some of the condemned men

Если бы некоторые из осужденных были еще живы, корчась на земле, мальчики добились бы их, бросая на них покрытые бензином шины и поджигая их. Уличная преступность исчезла, и мальчики Бакасси пользовались огромной популярностью.

Мистер Мередит говорит нам, что даже легендарный революционер Эрнесто "Че" Гевара потерпел неудачу в африканском приключении. В 1965 году он отправился на север Катанги в Конго, чтобы проверить свою «теорию детонаторов», что революция может быть начата с небольшим насилием. Это был полный провал. Предполагалось, что он помогает Лорану Кабиле (который все еще стучал около 30 лет спустя и некоторое время был преемником Мобуту), но Гевара нашел его «зависимым от выпивки и женщин». «Основная особенность Народно-освободительной армии, - писал он позже, - заключалась в том, что это была армия паразитов; она не работала, не тренировалась, не сражалась и требовала от населения продовольствия и труда, иногда с крайней жестокостью». «. Как бесполезная боевая сила, она была бесполезна: «Часто убегали лидеры», - писал он. Гевара с отвращением сдался через семь месяцев.

Французы, которые были в Африке долгое время, похоже, поняли, что европейские формы правления не являются естественными для континента. Они держали базы и солдат в Африке и часто использовали их для поддержания порядка. Как объяснил один из представителей, просто «несколько человек, несущих пулеметы, не смогут в любой момент остаться на свободу, чтобы захватить президентский дворец».

Даже при том, что европейцы повеселили веселье, африканская политика была безвкусным делом. К концу 1980-х годов из 150 глав государств, которыми хвалился континент, только шесть покинули свой пост добровольно, три из них после более чем 20-летнего правления. Ни один не был проголосован вне офиса. Это произошло только после окончания холодной войны, когда США и Советы перестали поддерживать бандитов по идеологическим причинам. Западные доноры начали оказывать давление на «больших людей» с целью проведения многопартийных выборов, и в 1991 году Бенин стал первой страной, в которой проголосовал правитель. Демократические перемены едва ли завоевали популярность. К 2000 году только три других были исключены.

При оказании давления на создание «демократии» африканцы проявили значительную изобретательность. В 1989 году генерал Бабангида из Нигерии создал две партии.

were still alive, writhing on the ground, the boys would finish them off by tossing gasoline-doused tires on them and setting them on fire. Street crime disappeared, and the Bakassi Boys were hugely popular.

Mr. Meredith tells us that even the fabled revolutionary Ernesto “Che” Guevara had a failed African adventure. In 1965, he went to north Katanga in the Congo to test his “detonator theory” that revolution could be kicked up with a little violence. It was a complete failure. He was supposed to be helping Laurent Kabila (who was still knocking about 30 years later and had a brief stint as Mobutu’s successor) but Guevara found him “addicted to drink and women.” “The basic feature of the People’s Liberation Army,” he wrote later, “was that it was a parasite army; it did not work, did not train, did not fight, and demanded provisions and labor from the population, sometimes with extreme harshness.” It was worthless as a fighting force: “Often it was the officers who took the lead in running away,” he wrote. Guevara gave up in disgust after seven months.

The French, who had been in Africa for a long time, seem to have understood that European forms of government are not natural to the continent. They kept bases and soldiers in Africa, and used them frequently to keep order. As one spokesman explained, it just wouldn’t do “for a few men carrying machine guns to be left free to seize a presidential palace at any time.”

Even with Europeans around to spoil the fun, African politics have been a gaudy business. By the end of the 1980s, of the 150 heads of state the continent had boasted, only six had left office voluntarily, three of these after more than 20 years in power. Not one had been voted out of office. That did not come until after the Cold War, when the US and the Soviets stopped propping up thugs for ideological reasons. Western donors began to pressure the Big Men to hold multi-party elections, and in 1991 Benin became the first country to see a ruler voted out. Democratic change hardly caught on. By 2000 only three others had been voted out.

When pressured to produce “democracy,” Africans showed considerable resourcefulness. In 1989, General Babangida of Ni-

Его правительство написало их конституции, дало им их эмблемы и большую часть денег. Один должен был быть, по словам генерала, «немного левее», а другой - «немного правее». Три года спустя он устал от них и отменил оба. Сани Абача, тоже нигериец, сделал еще лучше. В середине 1990-х годов под еще большим давлением демократизации он создал пять политических партий. Каждый должным образом выбрал его своим кандидатом в президенты.

Идея выборов не имеет смысла для среднего африканского правителя. Вся цель правительства - сделать его богатым и могущественным. Выборы - это самая глупая причина уйти в отставку. Поэтому для подавляющего большинства африканцев политическая деятельность является дворцовой политикой; чем ближе вы к Большому Человеку, тем больше у вас шансов на покровительство, отдачу, выплаты и прямое воровство. Г-н Мередит пишет, что почти без исключения государственные должности означают узаконенную кражу. Государственная служба - пустая концепция на континенте того, что он называет «правительствами вампиров», где кумовство и коррупция столь же естественны, как дыхание.

Как и все эксперты по Африке, г-н Мередит отмечает, что Ботсвана является большим исключением. Он стал независимым в 1966 году при Серее Хама, и имеет мало коррупции и регулярно оспариваются выборы. Бриллианты обеспечивают половину всех государственных доходов, но Большие Люди держат свои руки подальше. К концу 1980-х гг. Осторожное использование доходов от алмазов дало стране ВВП на душу населения, который вряд ли похож на черную Африку: 1700 долларов. Как и другие эксперты, Мередит не рискует объяснять, как это делает Ботсвана.

В другом месте картина мрачная. Со времени обретения независимости континент поглотил более 300 миллиардов долларов в виде помощи со стороны Запада, и, как сказал г-н Мередит, «мало заметного результата». Коррупция съедает примерно четверть валового внутреннего продукта континента. Несмотря на то, что в Африке к югу от Сахары проживает десять процентов населения мира, на нее приходится 70 процентов случаев СПИДа, и на их долю приходится всего 1,3 процента мирового ВВП. К концу 1980-х годов ВВП на душу населения был ниже, чем в 1960 году, когда многие страны стали независимыми.

Мистер Мередит, как правило, воздерживается от более крупных выводов, но в конце книги отмечает, что «в действительности, спустя пятьдесят лет после начала эры независимости, перспективы Африки мрачнее, чем когда-либо прежде».

geria set up two parties. His government wrote their constitutions, gave them their emblems, and most of their cash. One was to be, in the general's words, "a little to the left" and the other was to be "a little to the right." Three years later he got tired of them, and abolished both. Sani Abacha, also Nigerian, did even better. In the mid-1990s, under yet more pressure to democratize, he set up five political parties. Each duly chose him as its candidate for president.

The idea of elections makes no sense to the average African ruler. The whole purpose of government is to make him rich and powerful. An election, of all things, is the stupidest reason to step down. For the huge majority of Africans, political activity is therefore palace politics; the closer you are to the Big Man, the better your chances for patronage, kickbacks, payoffs, and outright theft. Mr. Meredith writes that almost without exception, government jobs mean legalized theft. Public service is an empty concept on a continent of what he calls "vampire governments," where nepotism and corruption are as natural as breathing.

Like all experts on Africa, Mr. Meredith notes that Botswana is the great exception. It became independent in 1966 under Seretse Khama, and has little corruption and regularly-contested elections. Diamonds supply half of all government income, but the Big Men have kept their hands off. By the end of the 1980s, careful use of diamond income had given the country a per capita GDP that hardly sounds like black Africa: \$1,700. Like other experts, Mr. Meredith ventures no explanation as to how Botswana does it.

Elsewhere, the picture is bleak. Since independence, the continent has swallowed more than \$300 billion in Western aid with, as Mr. Meredith puts it, "little discernible result." Corruption eats up an estimated one quarter of the continent's gross domestic product. Although sub-Saharan Africa has ten percent of the world population, it has 70 percent of the AIDS cases, and accounts for only 1.3 percent of world GDP. By the end of the 1980s, per capita GDP was lower than in 1960, when many countries became independent.

Mr. Meredith generally refrains from drawing larger conclusions, but does note near the end of the book that "in reality, fifty

В начале он пишет о «степени, в которой африканские государства перенесли столько же несчастий».

Почему беспорядок? Мистер Мередит не говорит. Возможно, самое близкое, что он приходит, - это отметить, что трайбализм был постоянным проклятием. Древние враги иногда закапывали топор во время борьбы за независимость, но выкапывали его, как только общий враг исчез. Самый простой вывод заключается в том, что африканцы просто не похожи на европейцев и не могут строить общества в европейском стиле.

Другой вывод, который мог бы сделать г-н Мередит, но не сделал этого, заключается в том, что отношения белых с Африкой после независимости были наивными и глупыми. Вмешательства были последовательными неудачами. Будь то американцы в Сомали или Либерии, британцы в Сьерра-Леоне, французы в Руанде, Советы в Эфиопии или Сомали, никто не получает того, что он ожидал. Даже люди из полу-третьего мира, такие как кубинцы, северокорейцы (в Зимбабве) или китайцы (в Танзании), почти ничего не получали за свои усилия. Когда европейцы безоговорочно правили африканцами, у них не было иллюзий, что они имеют дело с такими же людьми, как они, у них были скромные цели и они были достигнуты. Как только они начали читать культурную антропологию, они потеряли ориентацию.

Г-н Мередит пишет, что *только в 1989* году Всемирный банк признал, что проблемы Африки были не только экономическими, что были также проблемы с лидерством. Люди от 100 лет назад, такие как лорд Лугард или сэр Гарнет Уолсли, были бы поражены такой глупостью.

Другой замечательный аспект недавней африканской истории заключается в том, как легко один бандит за другим обманывал белого человека. И Соединенные Штаты, и Советский Союз перечисляли огромные суммы людям, которые утверждали, что являются капиталистами или коммунистами, но на самом деле были просто ворами. Сэмюэль Доу был не единственным гостем в Белом доме или Кремле, который оказался в тачке.

Менгисту из Эфиопии, который позволил своему народу голодать, когда он праздновал десять лет "революции", также играл белых для дураков.

years after the beginning of the independence era, Africa's prospects are bleaker than ever before." At the beginning he writes of "the extent to which African states have suffered so many of the same misfortunes."

Why the mess? Mr. Meredith does not say. Perhaps the closest he comes is to note that tribalism has been a continuing curse. Ancient enemies sometimes buried the hatchet during the independence struggle but dug it up once the common enemy was gone. The simplest conclusion is that Africans are simply not like Europeans and cannot build European-style societies.

Another conclusion Mr. Meredith could have drawn but did not is that white relations with post-independence Africa have been naïve and stupid. Interventions have been consistent failures. Whether it is Americans in Somalia or Liberia, the British in Sierra Leone, the French in Rwanda, the Soviets in Ethiopia or Somalia, no one gets what he expected. Even semi-Third-World people like the Cubans, North Koreans (in Zimbabwe) or Chinese (in Tanzania) got little or nothing for their efforts. When Europeans ruled Africans outright, without illusions that they were dealing with people like themselves, they had modest goals and achieved them. As soon as they started reading cultural anthropology, they lost their bearings.

Mr. Meredith writes that *not until 1989* did the World Bank acknowledge that Africa's problems were not all economic, that there were also leadership problems. Men from 100 years earlier such as Lord Lugard or Sir Garnet Wolseley would have been amazed by such stupidity.

Another remarkable aspect of recent African history is how easily one thug after another duped the white man. Both the United States and the Soviet Union funneled enormous sums to people who claimed to be either capitalist or communist but were really just thieves. Samuel Doe was not the only White House or Kremlin guest to end up in a wheelbarrow.

Mengistu of Ethiopia, who let his people starve while he celebrated ten years of "revolution," also played whites for fools. Once word got out about the famine, Western countries shipped in tons

Как только стало известно о голоде, западные страны поставляли тонны продовольствия. Менгисту узнал, что не имеет значения, что он с ним сделал - продать его на черном рынке, раздать его дружественным племенам, отказать в этом голодным врагам - он продолжал прибывать. Гаафар Нимейрий из Судана узнал то же самое. Голод 1984 года принес ему много пользы. Появились белые люди с кучей еды, которую он мог продать за оружие. Белые кормили своих людей, пока он покупал оружие и убивал своих врагов.

Возможно, самым печальным является то, что снова и снова - в Конго, Кении, Зимбабве, Южной Африке, Гвинее, Анголе - белые, которые провели свою жизнь в Африке и должны были знать лучше, недооценили ненависть к черным. Белые повсюду думают, что черные будут любить их, если будут относиться к ним по-доброму. Они не понимают, что доброты или справедливости недостаточно; многие черные ненавидят белых, потому что они не могут быть похожими на них. Независимо от того, как с ними обращаются, черные обвиняют свои неудачи в «расизме».

Некоторые из белых, которые не понимают этого, оказываются в кучах кровавых трупов. Другие уходят, пока могут. Двести тысяч бежали из Мозамбика, 300 тысяч покинули Анголу, многие тысячи бежали из Конго, Зимбабве потеряла половину своего населения сразу же после правления чернокожих, и теперь постоянный поток белых бежит из Южной Африки. Прошло 40 лет после провозглашения независимости, но тысячи французов покинули Берег Слоновой Кости, когда чернокожие стали бегать по улицам с криками «Убей белых». В процессе раскулачивания есть очаги дружелюбия и затишья, но как только чернокожие захватывают власть, им не нравится жить с меньшинством, успех которого подчеркивает их собственную неудачу.

Несмотря на гниющие тела и массу доказательств, несмотря на хронику варварства, о которой так хорошо рассказывает г-н Мередит, белые обладают неисчерпаемой способностью обманывать себя в отношении мотивов и поведения африканцев. Независимо от того, как часто повторяются шаблоны, белые продолжают оправдываться, обвиняя себя. Это всегда белые, прошлые или настоящие, которые несут ответственность за беды Африки.

Белые никогда не поймут Африку или черных в своих странах, пока не откроют глаза на правду. Чтение *Судьбы Африки* было бы отличным первым шагом.

of food. Mengistu learned that it made no difference what he did with it—sell it on the black market, dole it out to friendly tribes, deny it to starving enemies—it kept coming. Gaafar Nimeiry of the Sudan learned the same thing. The famine of 1984 did him a lot of good. White people showed up with boatloads of food he could sell for weapons. Whites fed his people while he bought guns and kept killing his enemies.

Perhaps saddest of all is that time and again—in Congo, Kenya, Zimbabwe, South Africa, the Guineas, Angola—whites who spent their lives in Africa and should have known better, underestimated the hatred of blacks. Whites everywhere think blacks will love them if they treat them kindly. They do not realize that kindness or fairness are not enough; many blacks hate whites because they cannot be like them. No matter how they are treated, blacks blame their failures on “racism.”

Some of the whites who fail to understand this end up in piles of bloody corpses. Others get out while they can. Two hundred thousand fled Mozambique, 300,000 left Angola, many thousands fled the Congo, Zimbabwe lost half its population immediately after black rule, and a steady flow of whites is now escaping South Africa. It was 40 years after independence, but thousands of French left the Ivory Coast when blacks started running through the streets shouting “Kill the whites.” There are pockets of friendliness and lulls in the process of dispossession, but once blacks take power, they do not like to live with a minority whose success highlights their own failure.

Despite the rotting bodies and mountains of evidence, despite the chronicle of barbarism Mr. Meredith tells so well, whites have an inexhaustible capacity to deceive themselves about the motives and behavior of Africans. No matter how often patterns repeat themselves, whites persist in making excuses that amount to blaming themselves. It is always whites, past or present, who are responsible for Africa’s woes.

Whites will never understand Africa—or the blacks in their own countries—until they open their eyes to the truth. Reading *The Fate of Africa* would be an excellent first step.

Эта статья появилась в февральском выпуске журнала American Renaissance за 2006 год под заголовком «Узнают ли белые когда-нибудь?»

This article appeared in the February 2006 issue of American Renaissance, under the title "Will Whites Ever Learn?"

3. Текущие события

Жаркие времена в большом городе

«Зверь» согнул столб света.

28 декабря прошлого года девять человек были убиты в результате столкновения, когда толпа чернокожих поклонников рэп-музыки пинала двери к событию в Гарлеме. Тысячи фанатов без билетов прорвались через стеклянные двери, сокрушая и растопытая держателей билетов, ожидающих увидеть баскетбольный матч с такими «хип-хоп» аттракционами, как LL Cool J, Puff Daddy, Heavy D, Run-DMC и Bell Biv DeVoe.

После того, как спасательные бригады прибыли и разрешили столкновение, поклонники перешагнули через тела, чтобы приблизиться к рэперам, и несколько ограбили трупы. Рэперы, которые пытались помочь эвакуировать некоторые из десятков раненых, были предотвращены толпами автографов. Пятеро спасателей также были ранены, когда на них напала толпа.

Короче говоря, это было отвратительное проявление злобности и черствости даже по меркам поклонников рэпа, хотя белые журналисты не могли заставить себя так сказать. «Ассошиэйтед Пресс» обвинило в ужасе «зверя»: «Зверь согнул фонарный столб перед зданием спортзала, он приставал к рэперам для фотографирования и автографов в морге на полу спортзала, отвлекая тех, кто пытался помочь раненый, он смеялся и шутил на улице среди отчаяния, он грабил мертвых: «Это» убило девять человек.

Один белый музыкальный критик пошел дальше: «Не секрет, что наше общество учит меньшинства ненавидеть себя. Если вы не белый, мужчина, прямой, среднего класса, хорошо образованный или обеспеченный, вам говорят ... что вы и такие как ты одноразовые ...

3. *Current Events*

Hot Times in the Big City

“THE BEAST” BENT A LIGHT POLE.

On December 28th of last year, nine people were killed in the crush, when a crowd of black rap-music fans stampeded the doors to an event in Harlem. Thousands of fans without tickets broke through glass doors, crushing and trampling ticket-holders waiting to see a basketball game starring such “hip-hop” attractions as LL Cool J, Puff Daddy, Heavy D, Run-D.M.C., and Bell Biv DeVoe.

After rescue crews arrived and relieved the crush, fans stepped over bodies to get close to the rappers, and several robbed the corpses. Rappers who tried to help evacuate some of the dozens of injured were prevented by mobs of autograph-seekers. Five emergency rescue men were also injured when they were attacked by the crowd.

It was, in short, a despicable display of viciousness and callousness, even by the standards of rap music fans—though white journalists couldn’t bring themselves to say so. The Associated Press blamed the horror on “the beast”: “The beast bent a light pole in front of the gym building; it pestered rappers for photo ops and autographs in the morgue of the gym floor, distracting those who were trying to help the injured; it laughed and joked outside amid the despair; it robbed the dead.” “It” killed nine people.

One white music critic went further: “It’s no secret that our society teaches minorities to hate themselves. If you are not white, male, straight, middle-class, well-educated or well-off, you are

Вы самоуничтожаетесь и помогаете уничтожать других. Вы делаете, как вам говорят. , , , Не должно ли быть сюрпризом, что люди, пойманные в ловушку, как животные в клетках, разорвут друг друга из-за явного разочарования? Почему они должны ценить человеческую жизнь, когда общество считает их жизнь бессмысленной? "

Панихида, проведенная через две недели после смерти, стала высшей точкой моральной слепоты. Выступавшие обвинили смерть в полиции, городских чиновниках, «белых истеблишментах» и «черных дяде Томе»: преподобный Лоуренс Лукас из Римско-католической церкви Воскресения назвал эти смерти «организованной катастрофой»; предназначенный для того, чтобы дать полиции повод напасть на молодых чернокожих и захватить власть у студентов. Преподобный Тимоти Митчелл из миссионерской баптистской церкви Эбенезера сказал, что эти смерти были «болезненным напоминанием о расистском, капиталистическом, индивидуалистическом обществе, в котором мы живем»: Так назидательно, толпа покинула панихиду и быстро попыталась штурмовать здание в знак протеста.

Удивительно, но это был тот старый мошенник и гонщик, Аль Шарп Тон, который оказался единственным черным «лидером», который видел вещи такими, какие они есть. Он провел марш протеста в Гарлеме - для разнообразия - где он сказал: «Эти дети не имеют права вести себя как животные ... Они сделали это с собой. Черные дети сделали это с черными детьми».

Как оказалось, те, кто обвинял смерть в неадекватной защите со стороны полиции, имели смысл. Хотя на мероприятии присутствовало 100 охранников, это число не соответствовало соотношению *один полицейский на каждые 30 зрителей*, что, по мнению специалистов, необходимо для контроля аудитории рэпа. Это более строгое отношение, чем у охранников к заключенным в большинстве тюрем.

Эта статья первоначально появилась в выпуске марта 1992 года в Американском Возрождении.

told . . . that you and others like you are disposable You self-destruct and aid in the destruction of others. You do as you are told Should it come as any surprise that people trapped like animals in cages are going to rip each other apart out of sheer frustration? Why should they value human life when society judges their lives as meaningless?”

A memorial service held two weeks after the deaths was a high point in moral blindness. Speakers blamed the deaths on the police, city officials, the “white establishment,” and “Uncle Tom blacks.” Rev. Lawrence Lucas of the Resurrection Roman Catholic Church called the deaths an “orchestrated disaster,” designed to give the police an excuse to attack young blacks and to take power from students. Rev. Timothy Mitchell of the Ebenezer Missionary Baptist Church said the deaths were a “painful reminder of the racist, capitalist, individualistic society in which we live.” Thus edified, the crowd left the memorial service and promptly tried to storm a building as a protest.

Surprisingly, it was that old fraud and race-baiter, Al Sharpton, who appeared to be the only black “leader” to see things as they were. He led a protest march in Harlem—for a change—where he said, “these kids do not have the right to act like animals They did this to themselves. Black kids did this to black kids.”

As it happens, those who blamed the deaths on inadequate police protection did have a point. Although there were 100 security guards at the event, this number fell short of the ratio of *one policeman for every 30 spectators* that specialists say is necessary to control a rap audience. This is a more rigorous ratio than that of guards to inmates in most jails.

This article originally appeared in the March 1992 issue of American Renaissance.

Мысли хуже, чем убийство

ЕСЛИ ВЫ ДОЛЖНЫ УБИТЬ, ДЕЛАЙТЕ ЭТО ДЛЯ МОДНЫХ МОТИВОВ.

Обложка июньского номера 2000 года «*Атлантик ежесечасник*» - это длинная статья о жизни и мотивах Теодора Качиньского, более известного как Унабомбер [Альтон Чейз, «Гарвард и создание неуничтожителя», *Атлантика*, июнь 2000 года.]. Это сочувственное, подробное расследование карьеры серийного убийцы само по себе достаточно интересно, но непреднамеренный свет, который оно бросает на политические предрассудки нашего времени, еще интереснее.

Вот основные факты о Качиньском: он родился в 1942 году и вырос в районе Чикаго. Он был чем-то вроде одиночки, но был блестящим студентом, который учился в Гарварде в 16 лет. Затем он получил степень доктора философии по математике в Мичиганском университете в 1967 году и преподавал кратко в Беркли. В 1971 году он бежал от цивилизации, чтобы жить в пустыне Монтана, а в 1978 году начал посылать бомбы людям, которые, по его мнению, продвигали технологии и промышленность. Он отправил не менее 16 бомб, в результате которых погибли три человека и два человека получили серьезные ранения. К 1996 году он был настолько печально известен, что «*Нью-Йорк таймс*» и «*Вашингтон пост*» согласились опубликовать копии эссе из 35 000 слов, которое он назвал «Индустриальное общество и его будущее», которое стало известно как Манифест. Его брат узнал мышление в эссе и предупредил полицию, которая арестовала его в Качиньского. В мае 1998 года калифорнийский суд приговорил его к пожизненному заключению без права досрочного освобождения.

Люди назвали Манифест всем - от доказательства безумия до работы гения. На самом деле, как указывает автор из *Атлантики* Олстон Чейз, по сути, это разработка левого клише, которую многие люди находят привлекательной. «Промышленная революция и ее последствия стали катастрофой для человеческой расы», - начинает «Манифест», в котором утверждается, что технологии отравляют общество, потому что заставляют людей подчиняться машинам, а не наоборот.

Thoughts Worse Than Murder

IF YOU MUST KILL, DO IT FOR FASHIONABLE MOTIVES.

The cover story of the June, 2000, issue of *Atlantic Monthly* is a long article about the life and motives of Theodore Kaczynski, better known as the Unabomber [Alton Chase, “Harvard and the Making of the Unabomber,” *Atlantic*, June, 2000]. This sympathetic, detailed investigation of the career of a serial killer is interesting enough in its own right, but the unintentional light it casts on the political prejudices of our times is even more interesting.

The basic facts about Mr. Kaczynski are these: He was born in 1942 and grew up in the Chicago area. He was something of a loner but was a brilliant student who went to Harvard at age 16. He went on to get a Ph.D. in math at the University of Michigan in 1967, and taught briefly at Berkeley. In 1971 he fled civilization to live in the Montana wilderness, and in 1978 began sending bombs to people he thought were promoting technology and industry. He sent at least 16 bombs, which killed three people and seriously injured two. By 1996, he was so notorious that the *New York Times* and the *Washington Post* agreed to publish copies of a 35,000-word essay he called “Industrial Society and Its Future,” which became known as The Manifesto. His brother recognized the thinking in the essay and alerted the police, who arrested Mr. Kaczynski. In May 1998, a California court sentenced him to life in prison without parole.

People have called The Manifesto everything from proof of insanity to the work of a genius. In fact, as the *Atlantic* author Alton Chase points out, it is essentially an elaboration on a leftist cliché that many people find attractive. “The Industrial Revolution and its consequences have been a disaster for the human race,” begins The Manifesto, which goes on to argue that technology poisons society because it forces men to conform to machines rather than the other way around. Increasing industrialization will eventually strangle every human freedom

Растущая индустриализация в конечном итоге задушит каждую человеческую свободу, но ее нельзя остановить - если не считать насилия - потому что, «хотя технический прогресс КАК ВСЕЖЕ непрерывно сужает нашу сферу свободы, каждый новый технический прогресс, СЧИТАЮЩИЙСЯ СЕБЯ, представляется желательным», - утверждал г-н Качиньский. что поскольку технология угрожает самому выживанию человечества, те, кто его продвигает, должны быть убиты.

Г-н Чейз сообщает, что когда Манифест был опубликован, он встретил большое восхищение слева. Синтия Озик написала в «*Нью-Йоркере*», что бомбардировщик был «философским преступником исключительного интеллекта и гуманитарной цели, которого заставляют совершать убийства из бескомпромиссного идеализма». Роберт Райт написал в *Time*, что «есть немного от Unabomber в большинстве из нас:» Киркпатрик Продажа писал в *Нью - Йорк Таймс*, что взгляды Unabomber были «, если едва мейнстрим, вполне разумно:»

Адвокаты г-на Качиньского пытались утверждать, что их клиент был сумасшедшим, и г-н Чейз пишет, что средства массовой информации быстро поддержали эту точку зрения, но скорее из сочувствия, чем из ужаса. Он предполагает, что «общественность хотела видеть Качиньского безумным, потому что его идеи слишком экстремальны, чтобы мы могли без дискомфорта размышлять. Он бросает вызов нашим самым заветным убеждениям».

Унабомбер, заключает г-н Чейз, был: «зло. Но что за зло?» Именно поиск того, что кажется понятным, возможно даже замечательным видом зла, занимает большую часть статьи: истории из детства г-на Качиньского и длинный рассказ о том, как Гарвард, должно быть, сформировал его мышление. Бомбардировщик выступает в роли блестящего, искреннего, слегка неуравновешенного интеллектуала, который прыгнул с трека и слишком далеко зашел в своем рациональном мышлении.

Какой контраст с тем, как Америка относится к тем, кто отклоняется от расовой ортодоксии! Одного только раздвоения, даже без намека на насилие, достаточно, чтобы бросить таких людей, как Артур Дженсен, Филипп Руштон, Майкл Левин, Уильям Шокли, Сэмюэль Фрэнсис и Глейд Уитни, во тьму внешнюю. Им не нужно бросать бомбы. Им нужно только выразить свои взгляды - несомненно, столь же красноречиво, как и все, что есть в Манифесте - чтобы их преследовали, преследовали, преследовали и увольняли.

but it cannot be stopped—short of violence—because “while technological progress AS A WHOLE continually narrows our sphere of freedom, each new technical advance CONSIDERED BY ITSELF appears to be desirable.” Mr. Kaczynski argued that since technology threatens mankind’s very survival, those who push it forward must be killed.

Mr. Chase reports that when *The Manifesto* was published, it met with much admiration on the left. Cynthia Ozick wrote in the *New Yorker* that the bomber was “a philosophical criminal of exceptional intelligence and humanitarian purpose, who is driven to commit murder out of an uncompromising idealism.” Robert Wright wrote in *Time* that “there’s a little bit of the Unabomber in most of us.” Kirkpatrick Sale wrote in the *New York Times* that the Unabomber’s views were “if hardly mainstream, entirely reasonable.”

Mr. Kaczynski’s defense lawyers tried to argue that their client was insane, and Mr. Chase writes that the media quickly seconded this view—but out of sympathy rather than horror. He suggests that “the public wished to see Kaczynski as insane because his ideas are too extreme for us to contemplate without discomfort. He challenges our most cherished beliefs.”

The Unabomber, Mr. Chase concludes, was: “evil. But what kind of evil?” It is the search for what appears to be an understandable, perhaps even admirable sort of evil that takes up most of the article: stories from Mr. Kaczynski’s childhood and a lengthy account of how Harvard must have formed his thinking. The bomber emerges as a brilliant, sincere, slightly off-balance intellectual who jumped the tracks and took his essentially rational thinking too far.

What a contrast to the way America treats those who deviate from racial orthodoxy! Dissidence alone, without even a hint of violence, is enough to cast the likes of Arthur Jensen, Philippe Rushton, Michael Levin, William Shockley, Samuel Francis, and Glayde Whitney into the outer darkness. They don’t have to throw bombs. They have only to express their views—certainly as eloquently as anything in *The Manifesto*—to be hectorred,

Само собой разумеется, что *Atlantic* никогда не посвятит длинную статью, пытаюсь понять, почему они придерживаются своих взглядов, несмотря на очевидное увлечение убийцей, который «бросает вызов нашим самым заветным убеждениям» и признанием того, что «есть немного Unabomber» в большинстве из нас. " Такого рода похвалы не заслуживают "расисты", хотя они, безусловно, бросают вызов заветным убеждениям и лишь разъясняют расовые правила, которыми живут даже либералы. Когда *атлантический* автор когда-либо признает, что он действительно не хочет жить мексиканский квартал или его дети женятся на чернокожих, и что «в большинстве из нас есть маленький Дэвид Дьюк?» Нет, преобладающая структура табу позволяет сочувствовать пониманию даже убийц, если они убивают по причинам, которые соответствуют этой структуре, но не оставляет ничего, кроме каменного осуждения тех, кто не согласен.

Поразительно контрастирующий с *атлантическим* сюжетом материал появился примерно в то же время в рецензия «Сотрудник: судебное разбирательство и казнь Роберта Бразиллака» в выпуске «*National Review*» от 9 июня . Бразиллак был французским поэтом и романистом, который был призван на военную службу в 1938 году, воевал с немцами и был взят в плен в июне 1940 года. Его похитители обнаружили, что он был сочувствующим фашисту, и он стал журналистом правительства Виши. После освобождения Парижа, до войны

даже более того, люди де Голля арестовали Бразиллака, дали ему шестичасовое испытание, приговорили его к смерти и застрелили. Бразильяк,

подобно г-ну Качиньскому, был интеллектуалом, автором манифестов, но он никогда никого не убивал и не поощрял других убивать. В отличие от г-на Качиньского, он не достоин сочувственного понимания, потому что, согласно современным стандартам, его *нельзя* понять. Как любезно объясняет Джордж Йохновиц, написавший обзор, у Роберта Бразиллаха и тех, кто думает так же, как «у него ампутированы части мозга»:

Эта статья впервые появилась в августовском номере журнала American Renaissance 2000 года .

hounded, harassed, and fired.

Needless to say, *Atlantic* will never devote a long article to trying to understand why they hold the views they do, despite the apparent fascination for a killer who “challenges our most cherished beliefs” and the admission that “there’s a little bit of the Unabomber in most of us.” There is no praise of this kind for “racists,” even though they certainly challenge cherished beliefs and only make explicit the racial rules even liberals live by. When will an *Atlantic* author ever concede that, indeed, he doesn’t want to live in a Mexican neighborhood or have his children marry blacks, and that “there’s a little David Duke in most of us”? No, the prevailing structure of taboos permits a sympathetic understanding even of murderers if they kill for causes that conform to that structure, but reserves nothing but stony condemnation for those who dissent.

An enlightening contrast to the *Atlantic* piece appeared at about the same time in a review of *The Collaborator: The Trial and Execution of Robert Brasillach* in the June 9 issue of *National Review*. Brasillach was a French poet and novelist who was called up for military service in 1938, fought the Germans, and was captured in June, 1940. His captors discovered that he was a fascist sympathizer, and he became a journalist for the Vichy government. After the liberation of Paris, before the war was even over, De Gaulle’s men arrested Brasillach, gave him a six-hour trial, condemned him to death, and shot him. Brasillach, like Mr. Kaczynski, was an intellectual, a writer of manifestos, but he never murdered anyone or encouraged others to kill. Unlike Mr. Kaczynski he is not worthy of sympathetic understanding because, according to contemporary standards, he *cannot* be understood. As George Jochnowitz who wrote the review kindly explains, Robert Brasillach and those who think as he did “have amputated parts of their brains.”

The article first appeared in the August 2000 issue of American Renaissance.

Африка среди нас

СМИ подавляют уроки Катрины.

После урагана «Катрина», который обрушился на побережье Мексиканского залива 29 августа 2005 года, весь мир увидел образы, которые не оставляли сомнений в том, что то, что неоднократно называют единственной оставшейся сверхдержавой, может быть сведено к нищете и хаосу, почти столь же ужасным, как и все найденное в третьем мире. Погода - ураган 4-й категории - определенно имела к этому отношение, но самый серьезный ущерб был нанесен не природой, а человеком.

Много было и будет написано о том, почему дамбы, которые, как предполагается, препятствуют попаданию воды из уровня ниже уровня моря в Новом Орлеане, потерпели неудачу. Будут горькие обвинения в том, что федеральные спасательные работы могли быть начаты раньше. Комиссии будут задавать вопросы и извлекать уроки. Но был еще один человек, который потерпел неудачу и был гораздо более зловещим. Никакая комиссия не будет изучать это, и официальная Америка откажется учиться у этого. В оргии указательного пальца это будет почти забыто. Эта человеческая ошибка - гораздо более значительная, чем те, которые будут исследовать комиссии, - является варварским поведением жителей Нового Орлеана.

Новый Орлеан на 67 процентов черный, и около половины черных бедны. Из 480 000 жителей города все, кроме, по оценкам, от 80 до 100 тысяч человек бежали до того, как произошел ураган. Это означало, что, помимо пациентов в больницах и чудачков во Французском квартале, большинство людей, которые остались, были не просто чернокожими, а низшими. негры без средств или предвидения уходят.

Катрина пострадала утром в понедельник, 29 августа. Дамбы сломались во вторник, и город начал наводнение. Вскоре 80 процентов Нового Орлеана оказались под целых 20 футов воды.

Городской футбольный стадион на 70 000 мест, известный как Superdome, был официально назначен в качестве общественного убежища перед ураганом, и несколько тысяч человек уже были там в ночь перед бурей. У него было немного еды и медикаментов, но когда вода начала подниматься, люди со всех сторон вливались, увеличивая ее численность примерно до 25 000 человек.

Africa in Our Midst

THE MEDIA SUPPRESS THE LESSONS OF KATRINA.

In the aftermath of Hurricane Katrina, which blasted the Gulf Coast on Aug. 29, 2005, the entire world saw images that left no doubt that what is repeatedly called the sole remaining superpower can be reduced to squalor and chaos nearly as gruesome as anything found in the Third World. The weather—a Category 4 hurricane—certainly had something to do with it, but the most serious damage was done not by nature but by man.

Much has been and will be written about why the levees that are supposed to keep the water out of below-sea-level New Orleans failed. There will be bitter recrimination about whether the federal rescue effort could have been launched sooner. Commissions will ask questions and lessons will be learned. But there was another human failing that was far more ominous. No commission will study it, and official America will refuse to learn from it. In the orgy of finger-pointing it will be all but forgotten. That human failing—vastly more significant than the ones the commissions will investigate—is the barbaric behavior of the people of New Orleans.

New Orleans is 67 percent black, and about half the blacks are poor. Of the city's 480,000 people, all but an estimated 80 to 100 thousand fled before the hurricane struck. This meant that aside from patients in hospitals and eccentrics in the French Quarter, most of the people who stayed behind were not just blacks, but lower-class blacks without the means or foresight to leave.

Katrina hit on the morning of Monday, Aug. 29. The levees broke on Tuesday and the city began to flood. Before long, 80 percent of New Orleans was under as much as 20 feet of water.

The city's 70,000-seat football stadium, known as the Superdome, had been officially designated as a public shelter before the hurricane, and several thousand people were already there the night before the storm. It had some food and medical supplies, but when the waters began to rise, people poured in from

Люди пришли, потому что их дома были под водой, а также потому, что Новый Орлеан очень быстро рухнул в бандитизм. Мародерство началось даже во время шторма. Сначала был сочувствующий крик о необходимости еды и лекарств, но новостные ролики чернокожих, радостно бродящих по глубине талии с телевизорами над головой, развеяли эту точку зрения.

На следующий день после урагана репортер почувствовал атмосферу оживленного хаоса на Wal-Mart в районе Нижнего сада. Люди хватались за вещи так быстро, как только могли, разбивая открытые шкафы с драгоценностями и выкапывая двойные пригоршни. Один человек упаковал свой фургон настолько полным электронного оборудования, что не смог закрыть задние двери. Девушка потеряла сознание лицом вниз, и люди наступили на нее. Мужчина остановился, чтобы перевернуть ее на спину, и ее вырвало розовой жидкостью. «Это чертовски взволновано», - сказал он и перевернул ее на живот. Корреспондент NBC снимал черных полицейских в форме, прогуливающих по проходам, заполняющих тележки для покупок.

В одном магазине полицейский разбил стекло на корпусе DVD, чтобы мирные жители не порезались, пытаясь его сломать, но один человек был неблагодарным. «Полиция получила все самое лучшее, - сказал он. - Они мошенники, чем мы.» Одна женщина, запасаясь косметикой, была рада видеть офицеров. «Это должно быть законно, - сказала она. - Полиция здесь брать вещи тоже. "

Все виды насилия быстро распространились по парализованному городу, где грабежи, изнасилования и даже убийства стали обычным явлением. Тысячи людей все еще находились в ловушках на крышах и на чердаках, но 1 сентября мэр Рэй Нагин отозвал всю полицию из спасательных работ и приказал обезопасить город. Ответ от силы? Приблизительно 200 офицеров просто ушли с работы. «Они указали, что потеряли все и не чувствовали, что им стоит возвращаться, чтобы загореться от мародеров и потерять свои жизни», - объяснил Генри Уайтхорн, начальник полиции штата Луизиана. Многие пропали без слов. Шериф Гарри Ли из прихода Джефферсон в Новом Орлеане также сказал, что его люди дезертировали. «Они хотят быть со своими семьями», - сказал он .

all directions, swelling its numbers to an estimated 25,000.

People came because their houses were under water, but also because New Orleans very quickly collapsed into banditry. Looting began even while the storm was still blowing. At first there was sympathetic clucking about the need for food and medicine, but news clips of blacks wading happily through waist-deep water with television sets over their heads dispelled that view.

The day after the hurricane, a reporter caught the atmosphere of high-spirited chaos at a Wal-Mart in the Lower Garden District. People were grabbing things as quickly as they could, smashing open jewelry cabinets and scooping up double-handfuls. One man packed his van so full of electronic equipment he could not close the rear doors. A teenage girl passed out, face down, and people stepped on her. A man stopped to roll her onto her back, and she vomited pink liquid. "This is f***ed up," he said, and rolled her back on her stomach. An NBC correspondent filmed black, uniformed police officers strolling through the aisles, filling shopping carts.

At one store, a policeman broke the glass on the DVD case so civilians would not cut themselves trying to break it, but one man was ungrateful. "The police got all the best stuff," he said. "They're crookeder than us." One woman stocking up on makeup was glad to see the officers. "It must be legal," she said. "The police are here taking stuff, too."

Violence of all kinds quickly spread through the paralyzed city, where robbery, rape and even murder became routine. There were still thousands of people trapped on rooftops and in attics, but on Sept. 1, Mayor Ray Nagin called the entire police force off of rescue work and ordered it to secure the city. The response from the force? An estimated 200 officers just walked off the job. "They indicated that they had lost everything and didn't feel that it was worth them going back to take fire from looters and losing their lives," explained Henry Whitehorn, chief of the Louisiana State Police. Many disappeared without a word. Sheriff Harry Lee of Jefferson Parish in New Orleans also said his men were deserting. "They want to be with their families," he

«Ну, я тоже хочу быть со своей семьей, но ты не уйдешь в разгар кризиса».

Два сотрудника полиции, в том числе официальный представитель департамента Пол Аккардо, покончили жизнь самоубийством, застрелившись в голову. По оценкам «Лондон Таймс», каждый пятый офицер отказывался работать, а некоторые из тех, кто остался на работе, были бесполезны. Когда Дебби Дюрсо, туристка из Вашингтона, штат Мичиган, обратилась за помощью к полицейскому, он сказал ей: «Иди к черту - каждый сам за себя»

36-летний Гед Скотт из Ливерпуля рассказал BBC News, что произошло, когда группа застрявших британских женщин кричала в полицию за помощью с крыши затопленной гостиницы: «Они [офицеры] сказали им: «Ну, покажите нам, что вы у меня есть знаки для того, чтобы они подняли свои футболки. Женщины сказали «нет», и они сказали «хорошо», и уехали на моторной лодке по дороге. Это была та помощь, которую мы получили от властей».

«Никто не ожидал распада или разрушения гражданской полиции в Новом Орлеане», - объяснил генерал-лейтенант Стивен Блум из Национальной гвардии. Он сказал, что в городе функционировала только треть его силы, составлявшей до штурма 1500 сотрудников полиции, и что охраннику внезапно пришлось переключиться со спасения на правоохранительные органы: «И тогда мы начали направлять военную полицию в театр».

С 1978 года в Новом Орлеане были только черные мэры, и он потратил десятилетия на то, чтобы сделать полицейские силы максимально черными. Он установил требование о проживании в городе для должностных лиц, с тем чтобы пригородные белые не могли претендовать на работу, и снизил стандарты найма, чтобы чернокожие могли их пропускать. Катрина отмахнулась от любого притворства, что сила была компетентна (см. Следующую историю).

5 сентября, ровно через неделю после урагана, мэр Рэй Нагин предложил заплатить полицейским, пожарным и городским спасателям, чтобы они отправились на пятидневный отпуск вместе со своими семьями в Лас-Вегас или в другое место назначения. Он сказал, что в городе было достаточно Национальной гвардии, чтобы поддерживать порядок, и что его люди "много пережили": он отмахнулся от предположений, что это неисполнение обязанностей. Он даже попросил Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям (FEMA) заплатить на каникулы, но FEMA отказалась.

said. “Well, I want to be with my family too, but you don’t quit in the middle of a crisis.”

Two police officers, including the department’s official spokesman, Paul Accardo, committed suicide by shooting themselves in the head. The London *Times* estimated that one in five officers refused to work, and some of those who stayed on the job were useless. When Debbie Durso, a tourist from Washington, Michigan, asked a policeman for help he told her, “Go to hell—it’s every man for himself.”

Ged Scott, 36, of Liverpool, told BBC News what happened when a group of stranded British women shouted to police for help from the rooftop of a flooded hotel: “They [the officers] said to them, ‘Well, show us what you’ve got’—doing signs for them to lift their T-shirts up. The women said no, and they said ‘well fine,’ and motored off down the road in their motorboat. That’s the sort of help we had from the authorities.”

“No one anticipated the disintegration or the erosion of the civilian police force in New Orleans,” explained Lieutenant General Steven Blum of the National Guard. He said the city was operating on only one third of its pre-storm strength of 1,500 police officers, and that the guard suddenly had to switch from rescue to law enforcement: “And that’s when we started flowing military police into the theater.”

New Orleans has had only black mayors since 1978, and has spent decades making the police force as black as possible. It established a city-residency requirement for officers in order to keep suburban whites from applying for jobs, and lowered recruitment standards so blacks could pass them. Katrina blew away any pretence that the force was competent (see next story).

On September 5, exactly a week after the hurricane, Mayor Ray Nagin offered to pay for the police force, firefighters, and city emergency workers to go on five-day vacations—with their families—to Las Vegas or some other destination. He said there were enough National Guard in the city to maintain order, and that his men “have been through a lot.” He brushed off suggestions that this was dereliction of duty. He even asked the Federal

«Мы не передали контроль над городом», объяснил представитель города. «Мы собираемся оставить силы скелета - около 20 процентов департамента - для руководства и связи с войсками, пока мы немного отдыхаем».

В лучшие времена в Новом Орлеане высокий уровень преступности - как правило, это самый большой спор в американском городе с самым высоким уровнем убийств - и разграбленное огнестрельное оружие пролилось на улицу. Некоторые негры открыли огонь по любому символу власти, обрушиваясь на спасательные вертолеты и суда Береговой охраны. Через несколько дней после урагана, когда отчаянные люди все еще сидели на крышах, FEMA сказала, что пытаться спасать слишком опасно.

В среду, на одном участке шоссе 10, сотни добровольных пожарных, вспомогательных береговых охранников и граждан с небольшими лодками стремились добраться до людей, но не смогли отправиться из-за снайперского огня. «Мы пытаемся выполнять нашу работу здесь, но мы не можем, если они стреляют в нас», - объяснил майор Джои Бруссард из Государственного управления рыболовства и дикой природы штата Луизиана. «Мы не знаем, кто, и мы не знаем, почему, но мы не хотим попадать в ситуацию, когда нужно вести ответный огонь, сказал он.

Возможно, самые страшные отчеты были из больниц, где персонал отчаянно пытался поднять пациентов вверх по лестнице, когда вода поднималась, в то время как негры грабили полы внизу. У большинства больниц были аварийные генераторы, но они начали выдавать. Через два дня после урагана в городе не было водопровода, и, когда закончилась еда, врачи и медсестры давали себе внутривенное питание, чтобы продолжать.

Недалеко от Нового Орлеана боевики задержали грузовик с едой, водой и медикаментами по пути в больницу на 203 койко-места. Пациентов по всему городу в конце концов пришлось вывезти, но спасатели встретили сопротивление. Береговая охрана лейтенант Cmdr. Чери Бен-Иезан сказала журналистам в штабе скорой помощи: «Больницы пытаются эвакуироваться. По каждому из них поступают сообщения о том, что, когда вертолеты попадают в людей, в них стреляют, говоря: «Лучше иди, возьми мою семью». Усилия пациентов эвакуировать и сотрудник благотворительной больницы в центре города Новый или наклоняешься было остановлено огнем снайперов.

Emergency Management Agency (FEMA) to pay for the vacations, but FEMA refused. “We haven’t turned over control of the city,” a city spokesman explained. “We’re going to leave a skeleton force—about 20 percent of the department—for leadership and liaison with the troops while we get some rest.”

New Orleans has a high crime rate at the best of times—it is usually in top contention for the American city with the highest murder rate—and looted firearms spilled into the street. Some blacks fired on any symbol of authority, blazing away at rescue helicopters and Coast Guard vessels. Several days after the hurricane, with desperate people still huddled on rooftops, FEMA said it was too dangerous to attempt rescues.

On Wednesday, along one stretch of Highway 10, hundreds of volunteer firefighters, auxiliary coastguardsmen, and citizens with small boats were eager to reach people, but could not set out because of sniper fire. “We are trying to do our job here but we can’t if they are shooting at us,” explained Major Joey Broussard of the Louisiana State Fisheries and Wildlife Division. “We don’t know who and we don’t know why, but we don’t want to get in a situation of having to return fire out there,” he said.

Perhaps the most chilling accounts were from hospitals, where staff desperately tried to move patients up stairs as the water rose, while blacks looted the floors below. Most hospitals had emergency generators, but these began to give out. Two days after the hurricane, the city had no running water, and as food ran out, doctors and nurses gave themselves intravenous feedings to keep going.

Just outside New Orleans, gunmen held up a supply truck carrying food, water, and medical supplies on their way to a 203-bed hospital. Patients all across the city eventually had to be taken out, but rescuers met resistance. Coast Guard Lt. Cmdr. Cheri Ben-Iesan told reporters at an emergency headquarters: “Hospitals are trying to evacuate. At every one of them, there are reports that as the helicopters come in people are shooting at them, saying, ‘You better come get my family.’” An effort to evacuate patients and staff from Charity Hospital in downtown New Or-

Другие больницы сообщили, что банды грабителей нападают и опрокидывают машины скорой помощи.

Крис Лоуренс, репортер CNN, подал репортаж с крыши полицейского участка: «Сейчас это единственное безопасное место в городе. Мы были на улице раньше, но полиция сказала, что ни при каких обстоятельствах ты не будешь в безопасности». на улице. Они сказали, что любой, идущий по улицам Нового Орлеана, в основном берет свою жизнь в свои руки ... Они приказали некоторым молодым женщинам немедленно уйти с улицы».

То, что, возможно, было самым шокирующим заголовком всего кризиса, было в проблеме 2 сентября *Армейского Таймера*. «Войска начинают боевые действия в Новом Орлеане: «В статье говорилось о том, что Национальная гвардия Луизианы собирается возле Супердоума в рамках подготовки к общегородской миссии безопасности». Это место будет похоже на Маленькую Сомали: «Бриг. Генерал Гари Джонс объяснил. «Мы собираемся выйти и забрать этот город обратно. Это будет боевая операция, чтобы взять этот город под контроль: «Десантный десантный корабль «Батаан» находился в этом районе, но держал свои вертолеты на борту после того, как пилоты сообщили о снайперском обстреле».

Многие солдаты попали под обстрел гражданских лиц. «Я никогда не думал, что как национальный гвардеец, в меня будут стрелять другие американцы, - сказал Филипп Баккус из 527-го инженерного батальона. - И я никогда не думал, что мне придется носить винтовку во время миссии по ликвидации последствий урагана». Это позор: «Клифф Фергюсон из того же батальона добавил: «Вы должны подумать о том, стоит ли рисковать вашей шеей для того, кто обернется и выстрелит в вас. Мы пришли сюда не для того, чтобы сражаться на войне. Мы пришел сюда, чтобы помочь ".

Майкл Браун, глава FEMA, сказал: «Мы работаем в условиях городской войны: «Генерал Блум из Национальной гвардии сказал, что половина из 7000 гвардейцев под его командованием только что вернулась из-за рубежа и была «очень опытна в использовании». Смертельная сила: «Он обещал разобраться с бандитами» быстро и эффективно:

Предполагалось, что приказы о стрельбе на поражение исчезли, и губернатор штата Луизиана Кэтлин Бланко хвасталась, что закаленные в боях ветераны в кратчайшие сроки подавят насилие.

leans was stopped by sniper fire. Other hospitals reported gangs of looters attacking and overturning ambulances.

Chris Lawrence, a reporter with CNN, filed a report from the roof of a police station: “Right now it’s the only safe place to be in the city. We were on the street earlier but the police said under no circumstances would you be safe on the street. They said anybody walking in the streets of New Orleans is basically taking their life in their hands. . . . They directed some of the young women to get off the street immediately.”

What may have been the most shocking headline of the entire crisis was in the September 2 issue of *Army Times*: “Troops Begin Combat Operations in New Orleans.” The article was about the Louisiana National Guard massing near the Superdome in preparation for a citywide security mission. “This place is going to look like Little Somalia,” Brig. Gen. Gary Jones explained. “We’re going to go out and take this city back. This will be a combat operation to get this city under control.” The amphibious assault ship *Bataan* was in the area, but kept its helicopters on board after pilots reported sniper fire.

Many soldiers came under gunfire from civilians. “I never thought that as a National Guardsman I would be shot at by other Americans,” said Philip Baccus of the 527th Engineer Battalion. “And I never thought I’d have to carry a rifle when on a hurricane relief mission. This is a disgrace.” Cliff Ferguson of the same battalion added: “You have to think about whether it is worth risking your neck for someone who will turn around and shoot at you. We didn’t come here to fight a war. We came here to help.”

Michael Brown, head of FEMA, said: “We are working under conditions of urban warfare.” General Blum of the National Guard said half of the 7,000 guardsmen under his command had just returned from overseas assignments and were “highly proficient in the use of lethal force.” He promised to deal with thugs “in a quick and efficient manner.”

Shoot-to-kill orders were supposed to have gone out, and Louisiana Gov. Kathleen Blanco boasted that battle-hardened

Тем не менее, было несколько сообщений о том, что солдаты стреляли из своего оружия, даже если некоторые этого хотели. Лондонская «*Таймс*» сообщила, что полицейский из Нового Орлеана со слезами на глазах объяснил, что видел тела, пронизанные пулями, и одного человека с макушкой, сбитого с ног. Он сказал, что мародеры были вооружены украденными винтовками АК-47 и что полиция была вооружена, как в Сомали. «Это зона военных действий, и они [федеральное правительство] не относятся к ней так, как он сказал.

Мы никогда не узнаем в полной мере беспредел черных в их собственном городе. Многие жертвы не будут найдены неделями или даже месяцами, сгнили до неузнаваемости, их убийцы так и не нашли. Утопленные или убитые, раздутые тела, которые появляются сотнями, будут выглядеть почти одинаково. В спешке, чтобы убрать трупы с улиц, власти могут не сильно беспокоиться о причине смерти.

От урагана к джунглям

Однако в двух основных центрах для беженцев - Superdome и Convention Center - слишком много людей стали свидетелями вырождения, чтобы его можно было игнорировать. Первые беженцы прибыли в Супердоум за день до урагана, в воскресенье, 28 августа. Последние, наконец, покинули стадион в субботу, 3 сентября, так что некоторые люди, возможно, провели почти неделю в том, что после того, как туалеты начали переполнение, стало известно как «Sewerdome».

Подготовка к беженцам была крайне недостаточной. Днем, до 25 000 человек заболели при температурах, которые поднялись до 100. Какой бы порядок ни был установлен, вскоре он растаял, и стадион вернулся в джунгли. Молодые люди безнаказанно грабили и насиловали. Случайные выстрелы паниковали в толпе. По крайней мере, один человек покончил жизнь самоубийством, бросившись с высокой колоды и разбрызгавшись на игровом поле. Тела убитых, младенцев и стариков, умерших от теплового истощения, начали накапливаться. Шесть детей родились на стадионе. Чарльз Уомак, 30-летний кровельщик, сказал, что видел, как одного человека избивали до смерти, а сам избил трубкой. Сумасшедшие наркоманы, которые принесли с собой самое ценное имущество, открыто курили и боролись за наркотики.

veterans would put down the violence in no time. However, there were few accounts of soldiers firing their weapons, even if some people wanted them to. The London *Times* reported that a New Orleans policeman explained through tears that he had seen bodies riddled with bullets, and one man with the top of his head shot off. He said looters were armed with stolen AK-47 rifles, and that the police were outgunned just like in Somalia. “It’s a war-zone, and they’re [the federal government] not treating it like one,” he said.

We will never know the full extent of the mayhem blacks loosed on their own city. Many victims will not be found for weeks or even months, rotted beyond recognition, their killers never found. Drowned or murdered, the bloated bodies that turn up by the hundreds will look much the same. In their haste to get cadavers off the streets, the authorities may not worry much about cause of death.

From Hurricane to Jungle

In the two main refugee centers, however—the Superdome and the Convention Center—too many people witnessed the degeneracy for it to be ignored. The first refugees had arrived at the Superdome the day before the hurricane, on Sunday, August 28. The last finally left the stadium on Saturday, Sept, 3, so some people may have spent nearly a week in what, after the toilets began to overflow, became known as the “Sewerdome.”

Preparation for refugees was pitifully inadequate. By day, as many as 25,000 people sweltered in temperatures that rose into the 100s. Whatever order had been established soon melted away, and the stadium reverted to the jungle. Young men robbed and raped with impunity. Occasional gunshots panicked the crowd. At least one man committed suicide by throwing himself off a high deck and splattering onto the playing field. Bodies of the murdered, and of infants and the elderly who died of heat exhaustion began to accumulate. Six babies were born in the stadium. Charles Womack, a 30-year-old roofer, said he saw one man beaten to death, and was himself beaten with a pipe. Crack addicts—who had brought their most valuable possession with

Группа из 30 британских студентов была среди очень небольшого количества белых на стадионе, где они провели четыре мучительных дня. Джейми Траут, 22 года, специалист по экономике, писал, что сцена «была чем-то похожим на «*Повелителя мух*»», где «люди кричали о расовых насилиях из-за того, что мы белые». Однажды ночью пришло известие, что отключается электричество, и что для генераторов хватит газа всего на десять минут. 21-летняя Зои Смит из Халла сказала, что все они опасались за свою жизнь: «Все мы, девочки, сидели посередине, а мальчики - снаружи, со стульями в качестве защиты», - сказала она. «Мы были абсолютно напуганы, ситуация превратилась в хаос, люди были очень враждебны, а условия жизни были ужасными: «Она сказала, что даже днем », когда мы предложили помочь с уборкой, местные жители оскорбили нас:«

Г-н Траут сказал, что Национальная гвардия, наконец, признала, насколько опасна угроза для черных, и перевела британцев под охраной в баскетбольную зону, что было безопаснее. «Армия предупредила нас, чтобы мы держали наши сумки рядом с нами и крепко их держали», - сказал он, когда их сопровождали. Двадцатилетняя Джейн Уилдон приписывала одного человека, в частности, сержанта Гарланд Огден, с безопасным выходом британцев. «Он пошел против многих правил, чтобы заставить нас переехать», сказала она.

У австралийских туристов, застрявших в Superdome, был такой же опыт. Бад Хоупс, 32-летний мужчина из Кенгуру-Пойнт, Брисбен, взял под свой контроль и, возможно, спас много жизней. Когда стадион вернулся к анархии, он понял, что белые находятся в опасности, и собрал туристов для безопасности. «Нас было всего 65 человек, поэтому мы могли заботиться друг о друге, особенно о девушках, которых схватили и угрожали», - сказал мистер Хоупс. Они организовали сопровождение для женщин, которые должны были ходить в туалет или за едой, и составьте список людей, чтобы они стояли на страже, пока другие спали. «Мы сидели всю ночь, просто наблюдая друг за другом, не зная, будем ли мы живы утром», - сказал мистер Хоупс. - Десятью восемь процентов людей вокруг мир хорошо, - сказал он, - 98 % людей были плохими:

them—smoked openly and fought over drugs.

A group of about 30 British students were among the very small number of whites in the stadium, where they spent four harrowing days. Jamie Trout, 22, an economics major, wrote that the scene “was like something out of *Lord of the Flies*,” with “people shouting racial abuse about us being white.” One night, word came that the power was failing, and that there was only ten minutes’ worth of gas for the generators. Zoe Smith, 21, from Hull, said they all feared for their lives: “All us girls sat in the middle while the boys sat on the outside, with chairs as protection,” she said. “We were absolutely terrified, the situation had descended into chaos, people were very hostile and the living conditions were horrendous.” She said that even during the day, “when we offered to help with the cleaning, the locals gave us abuse.”

Mr. Trout said the National Guard finally recognized how dangerous the threat was from blacks, and moved the British under guard to the basketball area, which was safer. “The army warned us to keep our bags close to us and to grip them tight,” he said, as they were escorted out. Twenty-year-old Jane Wheeldon credited one man in particular, Sgt. Garland Ogden, with getting the Britons safely out. “He went against a lot of rules to get us moved,” she said.

Australian tourists stuck in the Superdome had the same experience. Bud Hopes, a 32-year-old man from Kangaroo Point, Brisbane, took control and may have saved many lives. As the stadium reverted to anarchy, he realized whites were in danger, and gathered tourists together for safety. “There were 65 of us altogether so we were able to look after each other, especially the girls who were being grabbed and threatened,” said Mr. Hopes. They organized escorts for women who had to go to the toilet or for food, and set up a roster of men to stand guard while others slept. “We sat through the night just watching each other, not knowing if we would be alive in the morning,” Mr. Hopes said. “Ninety-eight percent of the people around the world are good,” he said; “In that place 98 per cent of the people were bad.”

John McNeil of Coorparoo in Brisbane tells what happened

Джон Макнейл из Соограгоо в Брисбене рассказывает о том, что случилось, когда их группа тоже услышала, что огни вот-вот погаснут: «Я посмотрел на Бада [Надежды] и сказал: «Это будет конец нас: банды уже отводили нас взглядом» Если бы огни погасли, у нас были бы большие проблемы. Мы сидели там и молились о чуде, а огни не погасли: «Мистер Хоупс сказал, что австралийцы обязаны своей жизнью другому национальному гвардейцу, который нарушил правила и получил белых в медицинский центр мимо бурлящих толп негров.

Питер Макнил из Брисбена рассказал австралийскому агентству AP, что его сын Джон был одним из б5, кому удалось выбраться. Чернокожие, как сообщается, были настолько враждебны: «Они будут наносить вам удар, как только посмотрят на вас»: «Он никогда в жизни не был так напуган, - объяснил мистер Макнейл. «Он просто сказал, что им нужно выбраться из темноты. В противном случае, по его словам, их бы уже не было: «Ни одна американская газета не писала о том, через что прошли эти белые туристы.

Когда 1 сентября в силу вступили гвардейцы и взяли под свой контроль, некоторые чернокожие встретили их приветствием, а другие выкрикивали матом. Капитан Джон Поллард из Национальной гвардии Техаса заявил, что 20 000 человек находились в куполе, когда началась эвакуация, но еще тысячи появились из окрестностей, когда стало известно, что автобусы покидают город. Солдаты держали свои M-16 и гранатометы наготове и внимательно следили за снайперами.

В тот же день, когда пришло время садиться в автобусы для Хьюстона, солдаты с трудом контролировали толпу. Люди позади толпы раздавили людей перед баррикадами, которые солдаты установили, чтобы контролировать поток. Многие люди продолжали кричать матом, когда проходил патруль. Некоторые боялись, что если они оставят свое место в очереди, они никогда не получат его обратно, и испражнялись, где они стояли. *The Army Times* сообщила, что сержант. 1-й класс Рон Диксон из Национальной гвардии Оклахомы, который недавно вернулся из Афганистана, сказал, что он поражен тем, что афганцы хотят помочь себе, но что жители Нового Орлеана хотят, чтобы другие помогли им.

К вечеру 3 сентября Супердоум был окончательно эвакуирован, но современный стадион представлял собой вонючую пещеру с грязью, человеческими отходами и неизвестным количеством трупов.

when their group, too, heard the lights were about to go out: “I looked at Bud [Hopes] and said, ‘That will be the end of us.’ The gangs had already eyed us off. If the lights had gone out we would have been in deep trouble. We were sitting there praying for a miracle and the lights stayed on.” Mr. Hopes said the Australians owed their lives to another National Guardsman who broke the rules and got whites out to a medical center past seething crowds of blacks.

Peter McNeil of Brisbane told the Australian AP that his son John was one of the 65 who managed to get out. The blacks were reportedly so hostile “they would stab you as soon as look at you.” “He’s never been so scared in his life,” explained Mr. McNeil. “He just said they had to get out of the dark. Otherwise, another night, he said, they would have been gone.” No American newspaper wrote about what these white tourists went through.

When guardsmen began to show up in force on Sept. 1 and take control, some blacks met them with cheers, but others shouted obscenities. Capt. John Pollard of the Texas Air National Guard said 20,000 people were in the dome when the evacuation began, but thousands more appeared from surrounding areas when word got out that there were buses leaving town. Soldiers held their M-16s and grenade-launchers at the ready, and kept a sharp eye out for snipers.

That same day, when it was time to board buses for Houston, soldiers had trouble controlling the crowd. People at the back of the mob crushed the people in front against barricades soldiers put up to control the flow. Many people continued to yell obscenities whenever a patrol went by. Some were afraid that if they left their place in line they would never get it back, and defecated where they stood. The *Army Times* reported that Sgt. 1st Class Ron Dixon of the Oklahoma National Guard, who had recently come home from Afghanistan, said he was struck that Afghans wanted to help themselves, but that the people of New Orleans only wanted others to help them.

By the evening of Sept. 3, the Superdome was finally evacuated, but the state-of-the-art stadium was a reeking cavern of

Он также был разграблен из всего, что не было сбито. Дженис Синглтон работала на стадионе, когда разразилась буря. Она сказала, что ее ограбили все, даже ее туфли. Что касается здания: «Они разорвали этот купол на части», - грустно сказала она. «Они разрушили его. Они берут оттуда все, что могут взять»:

Только после этого публика узнала, что в Superdome было назначено 50 полицейских, но они оказались совершенно неэффективными. Тони Бланко, 24-летний ветеран, сказал, что полиция не может никого арестовать, потому что негде было держать подозреваемых, и они боялись использовать оружие из-за страха перед толпой. «Вы чувствовали себя беспомощными в том смысле, что мы ничего не могли сделать для города», - сказала она. Что она делала ночью, когда условия были худшими? Она и другой офицер, Алексия Райт, проскользнули к патрульной машине и поплакали. «Много раз мы лежали в машине, и слезы просто катились», - сказала мисс Бланко. Некоторые офицеры просто оставили свои посты и покинули Супердоум.

Условия были еще хуже в конференц-центре. Хотя он находился на возвышенности недалеко от стадиона, его не назначили убежищем. Однако он был вне досягаемости от паводка, и вскоре в его пещерных залах собралось около 20 000 человек. Не было никаких поставок или персонала, и в течение нескольких дней ни FEMA, ни Национальная гвардия, кажется, не знали, что там кто-то был.

Вооруженные банды взяли под свой контроль, и случайные выстрелы вызвали панику. Силы не было, а ночью центр погрузился в полную темноту. Вырождение поразило почти сразу, с изнасилованиями, грабежами и убийствами. Страшный визг рвал всю ночь, но никто не видел и не смел пошевелиться. Когда начальник полиции Эдди Компас услышал, что происходит, он послал команду из 88 офицеров для расследования. Они были разбиты превосходящими силами и отступили, оставив тысячи на произвол преступников.

Только 2 сентября, спустя четыре дня после урагана, отряд вооруженных группировок наконец захватил группу из 1000 национальных гвардейцев. «Если бы мы вошли с меньшей силой, нам могли бы бросить вызов, и [и] невинные могли быть схвачены в бою», - объяснил генерал Блум.

filth, human waste, and an unknown number of corpses. It, too, had been looted of everything not bolted down. Janice Singleton was working at the stadium when the storm hit. She said she was robbed of everything, even her shoes. As for the building: “They tore that dome apart,” she said sadly. “They tore it down. They taking everything out of there they can take.”

Only afterwards did the public learn there were 50 police officers assigned to the Superdome, but they appear to have been completely ineffectual. Toni Blanco, a 24-year veteran, said police could not arrest anyone because there was no place to hold suspects, and they were afraid to use their guns for fear of the crowd. “You felt helpless in the sense there was absolutely nothing we could do for the city,” she said. What did she do at night, when conditions were worst? She and another officer, Alecia Wright, would slip out to a patrol car and have a good cry. “Many times we laid in the car and tears just rolled,” said Miss Blanco. Some officers simply abandoned their posts and fled the Superdome.

Conditions were even worse at the Convention Center. Although on high ground not far from the stadium, it had not been designated as a shelter. It was, however, beyond reach of the high water, and soon some 20,000 people were huddled in its cavernous halls. There were no supplies or staff, and for several days neither FEMA nor the National Guard seems to have known anyone was there.

Armed gangs took control, and occasional gunshots caused panic. There was no power, and at night the center was plunged into complete darkness. Degeneracy struck almost immediately, with rapes, robbery, and murder. Terrible shrieking tore through the night, but no one could see, or dared to move. When Police Chief Eddie Compass heard what was happening, he sent a squad of 88 officers to investigate. They were overwhelmed by superior forces and retreated, leaving thousands to the mercy of criminals.

It was not until Sept. 2—four days after the hurricane—that a force of 1,000 National Guardsmen finally took over from the armed gangs. “Had we gone in with a lesser force we may have

Сидя со своей дочерью и другими родственниками, Тролкин Иосиф, 37 лет, рассказал репортеру, что мужчины бродили по ночному центру, насилуя и убивая детей. Она сказала, что нашла мертвую 14-летнюю девочку в 5 часов утра в пятницу, через четыре часа после того, как девушка пропала. «Ее изнасиловали в течение четырех часов, пока она не умерла», - сказала сквозь слезы мисс Джозеф. «Другой ребенок, семилетний мальчик, был найден изнасилованным и убитым в морозильнике на кухне прошлой ночью:

Африка, Брумфилд, 32 года, объяснил, что женщины испытывают особый страх: «Здесь происходят изнасилования. Женщины не могут ходить в ванную без мужчин. Они насилуют их и перерезают себе горло»: 43-летний Дональд Андерсон был в конференц-центре. с его женой, которая была на шестом месяце беременности: «Мы обошли стулья, как фургоны, потому что по ночам там бегут», - сказал он. «Нам пришлось выжить»

Очень немногие белые в толпе были в ужасе. Восемьдесят летняя Сельма Валенти, которая была со своим мужем, сказала, что негры угрожали убить их в четверг, 1 сентября. «Они ненавидели нас. Четыре молодых чернокожих мужчины сказали нам, что автобусы собирались приехать вчера вечером и забрать пожилые люди, поэтому они собирались убить нас», - сказала она, рыдая. Предположительно, черные хотели занять свои места в автобусах.

Центр был не совсем без формы грубой справедливости. Национальный гвардеец сообщил, что мужчина, который изнасиловал и убил молодую девушку в ванной, был пойман толпой, которая избивала его до смерти.

Когда-то перед центром находилось семь или восемь трупов, некоторые из них с кровью, вытекающей из пулевых ранений. Внутри был аварийный морг, но национальный гвардеец отказался позволить фотографу Reuters фотографировать. «Мы больше никого туда не пускаем, - сказал он. - Если вы хотите сфотографировать трупы, отправляйтесь в Ирак». К субботе, 3 сентября, центр был в основном очищен от живых. Беженцы натянули рубашки их носы пытались блокировать запах, проходя мимо гниющих тел.

been challenged, [and] innocents may have been caught in a fight,” explained Gen. Blum.

Sitting with her daughter and other relatives, Trolkyn Joseph, 37, told a reporter that men had wandered the center at night raping and murdering children. She said she found a dead 14-year old girl at 5 a.m. on Friday morning, four hours after the girl went missing. “She was raped for four hours until she was dead,” Miss Joseph said through tears. “Another child, a seven-year old boy, was found raped and murdered in the kitchen freezer last night.”

Africa Brumfield, 32, explained that women were in particular fear: “There is rapes going on here. Women cannot go to the bathroom without men. They are raping them and slitting their throats.” Donald Anderson, 43, was at the convention center with his wife, who was six months pregnant: “We circled the chairs like wagons because at night there are stampedes,” he said. “We had to survive.”

The very few whites in the crowd were terrified. Eighty-year-old Selma Valenti, who was with her husband, said blacks threatened to kill them on Thursday, Sept. 1. “They hated us. Four young black men told us the buses were going to come last night and pick up the elderly so they were going to kill us,” she said, sobbing. Presumably, the blacks wanted to take their places on the buses.

The center was not entirely without a form of rough justice. A National Guardsman reported that a man who had raped and killed a young girl in the bathroom was caught by the crowd—which beat him to death.

At one time there were as many as seven or eight corpses in front of the center, some of them with blood streaming from bullet wounds. Inside, there was an emergency morgue, but a National Guardsman refused to let a Reuters photographer take pictures. “We’re not letting anyone in there anymore,” he said. “If you want to take pictures of dead bodies, go to Iraq.” By Saturday, Sept. 3, the center was mostly cleared of the living. Refugees pulled shirts over their noses trying to block out the smell as they

Позже стало известно, что в морозильную конференц-центра было свалено от 30 до 40 тел, почти все они стали жертвами убийств. Арканзасский национальный гвардеец Микел Брукс показал репортеру дома укрытия: «У меня не хватает на это желаний, даже после того, что я видел в Ираке. В Ираке это один на один. Это война. Это справедливо. просто сумасшедший. Это анархия ... А это Америка. Это всего в 300 милях к югу от того места, где я живу:

Для города в целом даже 50 000 солдат и федеральных спасателей не могли успокоить. В воскресенье, 4 сентября, подрядчики, работающие на Инженерный корпус армии США, подверглись обстрелу. Их полицейский эскорт открыл ответный огонь и убил четырех нападавших.

В понедельник, 5 сентября, через неделю после урагана, и после того, как практически все, кто хотел уйти, ушли, все еще был широко распространенный бандитизм. «У нас происходят довольно интенсивные перестрелки вокруг города», - сказал капитан Джефф Винн из команды Нового Орлеана. «Вооруженные банды от восьми до 15 молодых людей ездят на пикапах, грабят и насилуют».

Брайан Маккей был одним из 300 гвардейцев Арканзаса, только что вернувшихся из Ирака. Он был в полном боевом снаряжении, включая бронежилеты, подавление повстанцев. «Это как в Багдаде в плохой день», - сказал он. Другой ветеран Арканзана под огнем согласился: «Это очень похоже на Ирак, это не смешно, за исключением воды, и они говорят по-английски».

Поскольку старая тюрьма была затоплена, полиция установила ручку на автобусной остановке для борзых. Генеральный прокурор США Чарльз Фоти заявил, что существуют планы создания временной судебной системы, но никто не знал, как они собираются собирать присяжные или вызывать свидетелей. Мрачное дело началось с прочесывания тонущего города для трупов и оставшихся в живых.

Реакции

Мир с удивлением отреагировал на достопримечательности, которые он никогда не ожидал увидеть в Америке. «Анархия в США», - гласит заголовок британской бестселлера *The Sun*. «Апокалипсис сейчас», - сказал *Хандельсблатт* в Германии.

walked past rotting bodies.

Later it would be learned there were 30 to 40 bodies piled into the convention center's freezer, almost all of them murder victims. Arkansas National Guardsman Mikel Brooks showed a reporter the charnel house: "I ain't got the stomach for it, even after what I saw in Iraq. In Iraq, it's one-on-one. It's war. It's fair. Here, it's just crazy. It's anarchy. . . . And this is America. This is just 300 miles south of where I live."

For the city as a whole, not even 50,000 soldiers and federal rescue workers could bring calm. On Sunday, Sept. 4, contractors working for the US Army Corps of Engineers came under fire. Their police escort returned fire and killed four attackers.

On Monday, Sept. 5, a week after the hurricane and after virtually everyone who wanted to get out was gone, there was still widespread banditry. "We're having some pretty intense gun battles breaking out around the city," said Capt. Jeff Winn of the New Orleans SWAT team. "Armed gangs of from eight to 15 young men are riding around in pickup trucks, looting and raping."

Brian McKay was one of 300 Arkansas guardsmen just back from Iraq. He was in full battle gear, including body armor, putting down insurgents. "It's like Baghdad on a bad day," he said. Another Arkansan veteran under fire agreed: "It's just so much like Iraq, it's not funny, except for all the water, and they speak English."

Since the old jail was flooded, police set up a holding pen at the Greyhound bus terminal. State Attorney General Charles Foti said there were plans for a temporary court system, but no one knew how they were going to assemble juries or call witnesses. The grim business began of combing the drowning city for corpses and the remaining survivors.

Reactions

The world reacted with astonishment to sights it never expected to see in America. "Anarchy in the USA," read the headline in Britain's best-selling newspaper, the *Sun*. "Apocalypse Now," said *Handelsblatt* in Germany. Mario de Carvalho, a vet-

Марио де Карвальо, ветеринаром Эран Португальский оператор, который покрывает проблемные места в мире, сказал, что видел тела младенцев и стариков вдоль дорог, ведущих из Нового Орлеана. «Это хаотическая ситуация. Это ужасно. Это ситуация, которую мы обычно наблюдаем в других странах, в странах третьего мира», - сказал он.

Некоторые Третьи Чудеса были бы оскорблены. «Мне абсолютно противно», - сказал 36-летний Саджива Чинтхака из мародеров. - Уроженец Шри-Ланки добавил: «После цунами наш народ, даже тот, кто потерял все, хотел помочь другим, кто страдал. Ни один турист, пойманный в результате цунами, не был ограблен. Теперь, когда все это происходит в США, мы можем легко увидеть, где находится цивилизованная часть населения мира».

В Соединенных Штатах резкий контраст между бесконечными сценами ужасающего поведения чернокожих и спасателей, которые были почти все белыми, был встречен стандартной глупостью. Некоторые люди обвинили «предвзятые» СМИ в том, что они подавили кадры неистовствующих белых и героических черных пилотов вертолетов.

Многие негры оправдывались за мародеров. «Отчаянные люди совершают отчаянные поступки», - сказала член палаты представителей США Диана Уотсон из Калифорнии. Член палаты представителей Джесси Джексон, младший из Иллинойса, сказал, что мы не должны судить строго: «Кто мы такие, чтобы говорить, каким должен быть закон и порядок в этой невыразимой среде?» Член палаты представителей Мелвин Уотт, демократ из Северной Каролины и председатель Черного собрания Конгресса, был, пожалуй, самой большой задницей из всех: «Все, что делается, не может быть использовано кем-либо еще», - сказал он.

Многие чернокожие считали само собой разумеющимся, что федеральная помощь была медленной, потому что жертвы были черными. Член палаты представителей Элайджа Каммингс сказал, что «бедность, возраст и цвет кожи» определяют, кто жил и кто умер. Хилари Шелтон, директор Вашингтонского бюро NAACP, взорвала «разрозненное отношение» к жертвам Катрины. «Многие темнокожие люди считают, что их раса, их имущественные условия и их избирательные мотивы были фактором в ответе», объяснил старший Джесси Джексон. Он сказал, что мусор за пределами Конференц-центра сделал это место похожим на корпус раба. Корабль: «Чернокожий активист и репаратор по возмещению убытков Рэндалл Робинсон сказал, что усилия по оказанию помощи были «определяющим моментом в расовой истории Америки» .

eran Portuguese cameraman, who covers the world's trouble spots, said he saw the bodies of babies and old people along the highways leading out of New Orleans. "It's a chaotic situation. It's terrible. It's a situation we generally see in other countries, in the Third World," he said.

Some Third-Worlders would have been insulted. "I am absolutely disgusted," said Sajeewa Chinthaka, 36, of the looters. The Sri Lanka native added: "After the tsunami our people, even the ones who lost everything, wanted to help the others who were suffering. Not a single tourist caught in the tsunami was mugged. Now with all this happening in the U.S. we can easily see where the civilized part of the world's population is."

In the United States, the stark contrast between endless scenes of appalling behavior by blacks and rescue personnel who were almost all white was greeted with the standard foolishness. Some people accused the "biased" media of suppressing footage of rampaging whites and heroic black helicopter pilots.

Many blacks made excuses for looters. "Desperate people do desperate things," said US Rep. Diane Watson of California. Rep. Jesse Jackson, Jr. from Illinois, said we must not judge harshly: "Who are we to say what law and order should be in this unspeakable environment?" Rep. Melvin Watt, North Carolina Democrat and chairman of the Congressional Black Caucus, was perhaps the greatest ass of all: "Whatever is being taken could not be used by anyone else anyway," he said.

Many blacks took it for granted that federal relief was slow because the victims were black. Rep. Elijah Cummings said "poverty, age and skin color" determined who lived and who died. Hilary Shelton, director of the NAACP's Washington bureau, blasted "disparate treatment" of Katrina victims. "Many black people feel that their race, their property conditions and their voting patterns have been a factor in the response," explained Jesse Jackson, Sr. He said the rubbish outside the Convention Center made the place look "like the hull of a slave ship." Black activist and reparations-booster Randall Robinson said the relief effort was the "defining watershed moment in America's racial

Он сказал, что «наконец приехал, чтобы увидеть мою страну такой, какая она есть на самом деле. Чудовищное мошенничество».

Демократическая Республика Каролин Килпатрик из Мичигана заявила, что ей «стыдно за Америку и... за наше правительство»: мэр Нового Орлеана Рэй Нагин - человек, который дал городским работникам отпуск, когда приехали федералы, - кричал и плакал на местных радио, требующее от федеральных чиновников: «Сними свои задницы, и давайте что-нибудь сделаем: «На встрече чернокожих лидеров в Детройте был взрыв ярости. Один из зрителей хотел узнать, был ли медленный федеральный ответ «чёрным геноцидом: «Другой крикнул», что афроамериканцы создали эту нацию. Потомки рабов могут умереть:

Один черный человек, наблюдая за хаосом из-за границы, придерживался другого мнения. Лейтон Леви написал 2 сентября на *Ямайке Стар*. «Я начинаю верить, что чернокожие люди, независимо от того, где они находятся в мире, прокляты генетической предрасположенностью к воровству, убийству и созданию беспорядков». Он хотел знать, почему не было видеозаписей белых мародеров: «Неужели СМИ не показывают фотографии их грабежей и грабежей? Или они слишком заняты, пытаюсь остаться в живых, ожидая спасения и прячась от черные? »

Большинство чернокожих и многие белые впали в обычные предположения о всемогущем белом правительстве и беспомощных неграх. Если чернокожие страдали, это было потому, что белые не сделали для них достаточно. Им не пришло в голову, что ответственность за ураганы лежит на Новом Орлеане и штате Луизиана, а не на федеральном правительстве. Перед бурей мэр Нагин выпустил обязательную эвакуацию только под давлением администрации Буша. Тогда мэр ничего не сделал для обеспечения порядка, оставив сотни городских и школьных автобусов тонуть, вместо того чтобы использовать их для перевозки людей без автомобилей.

Кое-что из настроения черного Нового Орлеана было замечено съемочными группами Fox News уже в воскресенье, 4 сентября. Белые добровольцы пытались убедить чернокожую женщину и ее маленьких детей покинуть ее затопленный дом. «Вы должны выйти», объяснили они.

history.” He said he had “finally come to see my country for what it really is. A monstrous fraud.”

Democratic Rep. Carolyn Kilpatrick of Michigan said she was “ashamed of America and . . . of our government.” The mayor of New Orleans, Ray Nagin—the man who gave city workers a vacation when the feds arrived—shouted and wept on local radio, demanding of federal officials: “Get off your asses, and let’s do something.” There was an undercurrent of fury at a meeting of black leaders in Detroit. One audience member wanted to know whether the slow federal response was “black genocide.” Another shouted, “African Americans built this nation. Descendants of slaves are being allowed to die.”

One black man, observing the chaos from abroad, took a different view. Leighton Levy wrote in the Sept. 2 *Jamaica Star*: “I am beginning to believe that black people, no matter where in the world they are, are cursed with a genetic predisposition to steal, murder, and create mayhem.” He wanted to know why there was no footage of white looters: “Is it that the media are not showing pictures of them looting and robbing? Or is it that they are too busy trying to stay alive, waiting to be rescued, and hiding from the blacks?”

Most blacks and many whites fell into the usual assumptions about omnipotent white government and helpless Negroes. If black people were suffering it was because whites had not done enough for them. It did not occur to them that it was the responsibility of New Orleans and the state of Louisiana—not the federal government—to prepare for hurricanes. Before the storm, Mayor Nagin issued a mandatory evacuation only under pressure from the Bush administration. The mayor then did nothing to enforce the order, leaving hundreds of city buses and school buses to drown, rather than use them to offer transportation to people without cars.

Something of the mood of black New Orleans was caught by Fox News film crews as late as Sunday, Sept. 4. White volunteers were trying to persuade a black woman and her small children to leave her flooded house. “You’ve got to get out,” they explained.

«Вода не уходит». Черный человек на вершине многоэтажного здания сказал вертолетной бригаде, что ему не нужно уходить. Все, что ему было нужно, это немного припасов.

Эти люди не могли понять то, что было очевидно для всего мира: в Новом Орлеане не было ни электричества, ни водопровода, ни транспорта, ни еды. Чернокожие отказались покинуть свои затопленные дома, хотя остаться означало почти неизбежную смерть.

Глава национальной безопасности Майкл Чертофф отметил, как безумно было оставаться на обломках. «Это не разумная альтернатива, - сказал он. - Мы не сможем, чтобы люди сидели в домах в городе Новый Орлеан неделями и месяцами, пока мы осушаем и очищаем этот город».

FEMA сообщила, что она вытасила три корабля Carnival Cruise Lines из коммерческого дежурства, чтобы укрыть негров в Новом Орлеане. Может быть, шанс на причале на *экстази*, в *Sensation* или *праздник* будет достаточно, чтобы перетащить их из грязи.

занятия

Девяносто девять процентов белых людей покинули Новый Орлеан, когда вышел приказ об эвакуации. Около 80 000 чернокожих не могли или не хотели уходить. Белые не «оставляют их позади», как продолжают повторять нам авторы редакционных статей. Никто не мог заставить некоторых из них уйти - многие мужчины с радостью признались, что они остались в городе, чтобы грабить, - но если бы это была чья-то работа, дать им выбор был за чернокожим городским правительством. Из оставшихся негров, вероятно, только меньшинство совершило преступления, но их было достаточно, чтобы превратить город в адскую дыру. Некоторые делали невыразимые вещи: грабили больницы, стреляли спасательные команды, уничтожить машины скорой помощи. Никакое количество оправданий и указаний пальцами не может справиться с таким вырождением.

Superdome и Конференц-центр были, конечно, неприятными местами, чтобы провести три или четыре дня, но 50 000 белых вели бы себя по-разному. Они бы установили правила, организовали поставки, заботились о больных и умирали. Они бы организовали игры для детей. Газеты были бы полны историй самоотверженности и общественного духа.

“The water isn’t going away.” A black man at the top of a multi-story building told a helicopter crew he didn’t need to leave. All he needed was some supplies.

These people could not understand something that was obvious to the whole world: New Orleans had no electricity, no plumbing, no transport, and no food. Blacks refused to leave their flooded homes, even though to stay meant near-certain death.

Homeland Security chief Michael Chertoff noted how crazy it was to stay in the wreckage. “That is not a reasonable alternative,” he said. “We are not going to be able to have people sitting in houses in the city of New Orleans for weeks and months while we de-water and clean this city.”

FEMA reported that it had pulled three Carnival Cruise Lines ships from commercial duty to shelter the blacks of New Orleans. Maybe the chance of a berth on the *Ecstasy*, the *Sensation* or the *Holiday* would be enough to drag them out of the muck.

Lessons

Ninety-nine percent of the white people left New Orleans when the evacuation order went out. Some 80,000 blacks could not or would not leave. Whites did not “leave them behind,” as the editorial writers keep telling us. No one could have gotten some of them to leave—a number of men cheerfully admitted they stayed in town to loot—but if it was anyone’s job to give them the option, it was that of the black-run city government. Of the blacks who stayed, probably only a minority committed crimes, but they were enough to turn the city into a hell hole. Some did unspeakable things: loot hospitals, fire on rescue teams, destroy ambulances. No amount of excuse-making and finger-pointing can paper over degeneracy like that.

The Superdome and the Convention Center were certainly unpleasant places to spend three or four days, but 50,000 whites would have behaved differently. They would have established rules, organized supplies, cared for the sick and dying. They would have organized games for children. The papers would be

Стихийные бедствия обычно выявляют лучшее в людях, которые помогают как соседям, так и незнакомцам. Для черных - по крайней мере, для чернокожих из Нового Орлеана - бедствия были поводом для грабежей, грабежей, изнасилований и убийств.

Наши правители и руководители СМИ попытаются превратить историю об урагане «Катрина» в еще одну моральную историю о угнетенных черных и бездушных белых, но подобные сказки дурачат все меньше и меньше людей. Многие белые поймут - некоторые впервые - что среди нас Африка, эта совершенно чуждая Африка трупов на обочине дороги, жестокости и анархии, которые, как они думали, никогда не смоются на этих берегах.

Безусловно, история с ураганом Катрина имеет мораль для тех, кто не намеренно слеп. Расы разные. Черные и белые разные. Когда чернокожие остаются полностью на свое усмотрение, Западная Цивилизация - любая цивилизация - исчезает. И в условиях кризиса он исчезает в одночасье.

Вуду, Насилие и Игра

жертва

НОВЫЙ ОРЛЕАН БЫЛ БОЛЕЕ ДО КАТРИНЫ.

Отдел полиции Нового Орлеана боролся в течение многих лет, но, возможно, достиг своей нижней точки примерно в 1995 году. Это был год, когда Антуанетта Франк, чернокожая женщина-офицер, убила трех человек во время захвата во вьетнамском ресторане, где подрабатывала под охраной. Она ужинала там до того, как убила двоих детей хозяина, когда они преклонили колени на полу, молясь и прося пощады. Она также застрелила полицейского Рона Уильямса, который был на страже в тот вечер. Она работала с мистером Уильямсом на том же участке и знала его лично. После того, как она покинула место преступления, офицер Фрэнк имел наглость ответить на вызов полиции из ресторана и вошел, как будто она понятия не имела, что произошло. Она была приговорена к смертной казни в 1995 году.

Мисс Фрэнк была четвертым офицером Нового Орлеана - все они черные - обвинение в убийстве менее чем за год.

full of stories of selflessness and community spirit.

Natural disasters usually bring out the best in people, who help neighbors and strangers alike. For blacks—at least the lower-class blacks of New Orleans—disaster was an excuse to loot, rob, rape, and kill.

Our rulers and media executives will try to turn the story of Hurricane Katrina into yet another morality tale of downtrodden blacks and heartless whites, but fairy tales of this kind fool fewer and fewer people. Many whites will realize—some for the first time—that we have Africa in our midst, that utterly alien Africa of road-side corpses, cruelty, and anarchy that they thought could never wash up on these shores.

To be sure, the story of Hurricane Katrina does have a moral for anyone not deliberately blind. The races are different. Blacks and whites are different. When blacks are left entirely to their own devices, Western Civilization—any kind of civilization—disappears. And in a crisis, it disappears overnight.

Voodoo, Violence, and Playing the Victim

NEW ORLEANS WAS AILING LONG BEFORE KATRINA.

The New Orleans police department has been struggling for years, but may have hit its low point around 1995. That was the year Antoinette Frank, a black woman officer, killed three people in a holdup at a Vietnamese restaurant where she moonlighted as a security guard. She ate dinner there before she killed two of the owner's children as they knelt on the floor praying and begging for mercy. She also shot a policeman, Ron Williams, who was on guard that evening. She had worked with Mr. Williams in the same precinct and knew him personally. After she left the crime scene, Officer Frank had the effrontery to respond to the police call from the restaurant, and sauntered in as if she had no idea what had happened. She was sentenced to death in 1995.

Miss Frank was the fourth New Orleans officer—all of them

Еще одним городским чиновником, который сделал эту новость в 1995 году, был Лен Дэвис. Федеральные агенты уже расследовали его и зафиксировали, как он звонил по мобилный, когда он сидел в своей патрульной машине:

Чувак, эта шлюха сейчас стоит там с черным [ругательным] пальто. , , с ее [ругательными] волосами в этом маленьком бобе. , , с надутыми джинсами. , , стоя посреди [ругательной] улицы. Возьми эту шлюху.

Это не было преувеличенным сообщением для вице-отряда. Это были инструкции к дилеру, которого он нанял за 300 долларов, чтобы убить «шлюху», 32-летнюю Ким Гроувс, охранника Superdome, который оскорбил офицера Дэвиса, подав жалобу гражданина, когда он ударил одного из нее пистолетом. соседи. «Да, да, да», - восхищался офицер Дэвис, когда получил подтверждение убийства, - «Пока, детка!» Мистер Дэвис был приговорен к смертной казни за убийство в 1996 году.

В период с 1991 по 1995 год более 45 сотрудников полиции Нового Орлеана были обвинены в совершении преступлений, включая убийство, изнасилование, ограбление банка, рэкет, незаконный оборот наркотиков, взяточничество, кражу автомобилей и отравление батареей.

Возможно, некомпетентность полиции была как-то связана с тем фактом, что в 2003 году, когда в остальной части страны наблюдалось снижение уровня насильственных преступлений, в Новом Орлеане была криминальная волна. С убийством 54,5 на 100 000 это было легко вершиной в стране. Некоторые люди задавались вопросом, начался ли беспредел, когда два проекта государственного жилищного строительства были закрыты, и перераспределенные злоумышленники вступили в битвы за территорию.

6 июля того же года две 14-летние девочки зарезали 16-летнюю девушку до смерти ножом для стейка. Жертва не могла убежать, потому что она была ранена в ногу годом ранее. Её кузина сказала, что знает убийц. «Они завидовали», - объяснила она, добавив, что жертва - «милый тип». Она понравилась мальчишкам». Укол был только через неделю после того, как две другие девочки-подростки попали в тюрьму за убийство 16-летней девочки, также с ножом для стейка.

black—to be charged with murder in less than a year. Another city officer who made the news in 1995 was Len Davis. Federal agents were already investigating him, and recorded him making the following cell phone call while he sat in his patrol car:

Man, that whore's standing out there right now with a black [expletive] coat on . . . with her [expletive] hair in that little bob . . . with [expletive] jeans on . . . standing in the middle of the [expletive] street. Get that whore.

This was not an over-exuberant message to the vice squad. It was instructions to a crack dealer whom he had hired for \$300 to kill the “whore,” 32-year-old Kim Groves, a Superdome security guard who had offended Officer Davis by filing a citizen's complaint when he pistol-whipped one of her neighbors. “Yeah, yeah, yeah,” exulted Officer Davis when he got confirmation of the killing; “Rock-a-bye, baby!” Mr. Davis was sentenced to death for the killing in 1996.

Between 1991 and 1995, more than 45 New Orleans police officers were charged with crimes, including murder, rape, bank robbery, racketeering, drug trafficking, bribery, auto theft, and aggravated battery.

Perhaps police incompetence had something to do with the fact that in 2003, while the rest of the country was enjoying a drop in violent crime, New Orleans had a crime wave. With a murder rate of 54.5 per 100,000 it was easily tops in the country. Some people wondered if the mayhem began when two public housing projects were shut down, and the redistributed miscreants got into turf wars.

On July 6 of the same year, two 14-year-old girls stabbed a 16-year-old girl to death with a steak knife. The victim could not run away because she had been shot in the leg the year before. Her cousin said she knew the killers. “They was jealous,” she explained, adding that the victim was “the cute type. Boys liked her.” The stabbing came just one week after two other teenage girls went to prison for killing a 16-year-old girl, also with a steak knife.

2003 год был настолько плохим, что ряд чернокожих министров попросил патрули Национальной гвардии в самых жесточайших районах. Это, вероятно, было бы более эффективным, чем другой план борьбы с преступностью, который провалился несколько лет назад. Группа жителей Нового Орлеана во главе с Салли Энн Глассман провела церемонию вуду, чтобы отогнать грабителей и дилеров. Они барабанили, скандировали, молились и просили подлое божество вуду из всех, Огуна Ла Фламбо, не пускать плохих парней. Мисс Глассман, которая была ограблена и подверглась нападению, объяснила, что полицейское управление Нового Орлеана не выполняет свою работу. Мисс Глассман была только частично права. Половина чернокожих мужчин в городе не смогли проголосовать из-за осуждения за тяжкие преступления, поэтому любое полицейское управление было бы заполнено.

Черные судьи в Новом Орлеане могут быть такими же удивительными, как черные полицейские. Судья Чарльз Р. Джонс из Апелляционного суда четвертого округа Луизианы хотел, чтобы суд нанял больше негров. 31 января 2001 года он набросился на двух белых судей в комитете по найму, Мириам Вальцер и Стивена Плоткина. Он начал кричать и ругаться на судью Вальцера, обвиняя ее в заговоре с целью не нанимать чернокожих. Он был так зол, что она подумала, что он может ударить ее. Когда судья Плоткин - в 155 фунтов, намного меньше, чем 200-фунтовый черный человек - попытался вмешаться, судья Джонс поднял его и бросил в стол. По словам депутата, который был свидетелем скандала, судья Джонс кричал: «Вы все сукины дети, вы все сукины дети». Судья Плоткин в оцепенении оказался на полу, истекая кровью из головы.

8 августа Судебный комитет штата Луизиана постановил, что судья Джонс опозорил скамью, и рекомендовал отстранить его на три месяца без оплаты. Судья Джонс сказал через своего адвоката, что, по его мнению, судебные дела по найму меньшинства заслуживают большего внимания, чем борьба.

В Новом Орлеане, очевидно, существует большой расизм, который необходимо подавить, и в 1997 году борьба с фанатизмом привлекла внимание всей страны. Начальная школа Джорджа Вашингтона, 98 процентов учеников которой были чернокожими, решила сменить название на чёрного хирурга Чарльза Дрю.

2003 was such a bad year that a number of black ministers asked for National Guard patrols in the most violent neighborhoods. That would probably have been more effective than a different crime-fighting plan from several years earlier that failed. A group of New Orleans citizens, led by Sallie Ann Glassman, held a voodoo ceremony to drive away muggers and crack dealers. They drummed, chanted, prayed, and asked the meanest voodoo deity of them all, Ogoun La Flambeau, to keep out bad guys. Miss Glassman, who had been burgled and assaulted, explained that the New Orleans Police Department was not doing its job. Miss Glassman was only part right. As many as half of the black men in the city could not vote because of felony convictions, so any police department would have its hands full.

Black judges in New Orleans can be as surprising as black police officers. Judge Charles R. Jones of the Louisiana Fourth Circuit Court of Appeals wanted the court to hire more blacks. On Jan. 31, 2001, he lashed out at two white judges on the hiring committee, Miriam Waltzer and Steven Plotkin. He started belting and cursing at Judge Waltzer, accusing her of being in on a conspiracy not to hire blacks. He was so angry, she thought he might hit her. When Judge Plotkin—at 155 pounds, much smaller than the 200-pound black man—tried to intervene, Judge Jones picked him up and threw him against a table. According to a deputy who witnessed the fracas, Judge Jones was screaming “You are all sons of bitches, you are all f***ing sons of bitches.” Judge Plotkin ended up on the floor in a daze, bleeding from the head.

On August 8, the Louisiana Judiciary Committee ruled that Judge Jones disgraced the bench, and recommended that he be suspended for three months without pay. Judge Jones said, through his lawyer, that he thought the court’s minority-hiring record deserved more attention than the fight.

New Orleans apparently has a lot of racism that must be put down, and in 1997, the struggle against bigotry got national attention. George Washington Elementary School, 98 percent of whose students were black, decided to change its name to honor

Как объяснил давний активист сообщества Карл Гальмон, чернокожие не должны чтить того, кто владел рабами. «Для афроамериканцев, - сказал он, - Джордж Вашингтон имеет такое же значение, как и Дэвид Дьюк».

Борьба с фанатизмом продолжалась и в этом году. В мае, когда Брайан Парнелл, белый социальный работник, вылетел в Новый Орлеан для участия в национальном съезде Национальной ассоциации чернокожих социальных работников, мужчина на стойке регистрации сказал ему, что он не может присутствовать, потому что он белый. Когда мистер Парнелл попросил поговорить с организатором конференции, он получил тот же ответ. Г-н Парнелл, который особенно заинтересован в чрезмерной представленности чернокожих в системе социальной защиты детей, подал жалобу о гражданских правах.

Большая часть Нового Орлеана сейчас находится под водой и эвакуирована. Место без людей и налоговой базы не требует много полицейских. К счастью, в стране есть много других департаментов, требующих опытных черных офицеров, поэтому у «Новейшего» Орлеана не должно возникнуть никаких проблем с поиском работы.

Эти статьи впервые появились в октябрьском выпуске американского Возрождения за 2005 год .

Charles Drew, a black surgeon. As long-time community activist Carl Galmon explained, blacks should not honor someone who owned slaves. “To African-Americans,” he said, “George Washington has about as much meaning as David Duke.”

The struggle against bigotry continued right into this year. In May, when Brian Parnell, a white social worker, flew to New Orleans to attend the national convention of the National Association of Black Social Workers, the man at the registration desk told him he couldn’t attend because he was white. When Mr. Parnell asked to speak to a conference organizer he got the same reply. Mr. Parnell, who has a special interest in the over-representation of blacks in the child welfare system, filed a civil rights complaint.

Most of New Orleans is now under water and evacuated. A place with no people and tax base does not need many police officers. Fortunately, there are many other departments in the country clamoring for experienced black officers, so New Orleans’ “Finest” should have no trouble finding jobs.

These articles first appeared in the October 2005 issue of American Renaissance.

Тяжелое время

ЖЕСТКОЕ И НЕОБЫЧНОЕ НАКАЗАНИЕ В АМЕРИКАНСКИХ ТЮРЬМАХ.

Джоан Маринер, «*Не бежать*»: изнасилование мужчин в американских тюрьмах, Хьюман Райтс Вотч, 2001, 378 с., 25,00 долл. США (в мягком переплете)

Вероятно, в Соединенных Штатах каждый год насилуют больше мужчин, чем женщин - большинство из них в тюрьме. По самым лучшим оценкам, ежегодное количество изнасилований в тюрьмах составляет около 140 000, что на 50 000 больше, чем 90 000 или около того изнасилований женщин, о которых сообщили в полицию. Широко распространено групповое изнасилование самого жестокого вида, и более слабые заключенные часто ищут защиты от «папы», который борется с другими хищниками в обмен на полное подчинение и секс по требованию. У тюремного изнасилования есть отвратительный расовый аспект: чернокожие и мексиканцы умышленно разыскивают белых жертв, и изнасилование в черно-белых тонах, вероятно, встречается чаще, чем любой другой вид. Изнасилование в тюрьме - ужасная тайна в стране, которая гордится правами человека.

Одна из причин такого большого тюремного изнасилования заключается в том, что американцы отказываются даже думать об этом. Явная жестокость этого и расовая ненависть, которая так часто ведет его, слишком ужасны, чтобы с ними столкнуться. То, с чем мы не можем столкнуться, мы не можем контролировать. К его огромной заслуге, левая организация под названием «Хьюман Райтс Вотч» провела серьезное исследование изнасилования в тюрьме и опубликовала свои выводы в полнометражном отчете под названием «*Нет побега*», в котором подробно описываются изнасилования заключенных и ненависть к белым.

Существуют значительные различия в разных пенитенциарных системах и в разных пенитенциарных учреждениях одной и той же системы, но общая картина, которая возникает, - это мир постоянного насилия. Как объясняет один из заключенных в «*No Escape*»:

Когда новый заключенный попадает в тюрьму с открытой казармой, это вызывает своего рода конкуренцию среди осужденных в отношении того, кто соблазнит и поработит это новое прибытие. . . . Каждое новое прибытие является потенциальной жертвой. Если новоприбывшие не сильны, уродливы и эффективны в насилии, их могут подвергнуть соблазнению, принуждению или изнасилованию. .

. . . Психосоциально, эмоционально и физически самым опасным и травмирующим местом, которое я могу себе представить, является

Hard Time

CRUEL AND UNUSUAL PUNISHMENT IN AMERICAN PRISONS.

Joanne Mariner, *No Escape: Male Rape in U.S. Prisons*, Human Rights Watch, 2001, 378 pp., \$25.00, (softcover)

There are probably more men than women raped in the United States every year—most of them in prison. Best estimates put the annual number of prison rapes at about 140,000, which is 50,000 more than the 90,000 or so rapes of women reported to police. Gang rape of the most brutal kind is common, and weaker prisoners often seek protection from a “daddy,” who fights off other predators in exchange for total submission and sex on demand. There is an ugly racial dimension to prison rape: Blacks and Mexicans deliberately seek out white victims, and black-on-white rape is probably more common than any other kind. Prison rape is an appalling secret in a country that prides itself on human rights.

One reason there is so much prison rape is that Americans refuse even to think about it. The sheer brutality of it and the racial hatred that so often drives it are too gruesome to face. What we cannot face we cannot control. To its immense credit, a leftist organization called Human Rights Watch has done a serious prison-rape study and has published its findings in a book-length report called *No Escape*, which describes inmate rape—and hatred for whites—in unflinching detail.

There is considerable variation from one prison system to another, and among different prisons within the same system, but the general picture that emerges is of a world of constant violence. As one prisoner explains in *No Escape*:

When a new inmate enters an open barracks prison it triggers a sort of competition among the convicts as to who will seduce and subjugate that new arrival Every new arrival is a potential victim. Unless the new arrival is strong, ugly, and

тюрем с открытым казармой, когда ее впервые осматривает новый заключенный.

Единственная надежная защита от изнасилования - это готовность сражаться, и даже это может не быть защитой от нападения банд. Во многих тюрьмах маленький, неагрессивный белый наверняка будет изнасилован, вероятно, черными или латиноамериканцами. Как объясняет один тюремный охранник, у молодого белого «почти нулевой» шанс избежать изнасилования, «если он не желает сунуть кого-то ножом и достаточно удачлив, чтобы его иметь». Некоторые из более жестких заключенных могут даже бороться друг с другом за шанс изнасиловать женоподобного молодого белого.

Изнасилование настолько распространено, что имеет свою собственную терминологию. Изнасиловать гетеросексуального мужчину и превратить его в сексуальную игрушку - значит «выгнать его», а жертва известна как «явка» или «панк». Если явка ищет защиты другого заключенного, чтобы избежать бесконечной серии изнасилований другими заключенными, он «едет» со своим защитником. Он становится собственностью его защитника и известен как его "сука" или "ха"

Один заключенный использует жаргон, чтобы объяснить важность насилия: «Если вы сбиты с ног и не встаете, вы -«хо»; вам нужно ехать:«Это потому, что главное качество в тюрьме - это «сердце»: или готовность человека продолжать борьбу после того, как его явно избивали. Как объяснили Хьюман Райтс Вотч заключенные, настоящий мужчина "умрет, прежде чем отказаться от своей анальной девственности". Человек, который не будет драться - это «панк», который заслуживает унижения и эксплуатации.

Расовая динамика в тюрьмах ставит белых в невыгодное положение. Во-первых, белые часто превосходят по численности как чернокожих, так и латиноамериканцев. Но гораздо важнее то, что они не проявляют никакой расовой солидарности в «свободном мире»: белые в тюрьме не объединяются, чтобы защищать друг друга от хищников. Как сообщает *No Escape*, латиноамериканцы иногда насилуют латиноамериканцев, а чернокожие иногда насилуют черных, но ни одна из групп не позволяет кому-либо из другой расы изнасиловать своего народа. Если бы черный попытался «изгнать» мексиканца, мексиканцы попытались бы убить его.

efficient at violence, they are subject to get seduced, coerced, or raped . . . Psychosocially, emotionally, and physically the most dangerous and traumatic place I can conceive of is the open-barracks prison when first viewed by a new inmate.

The only sure defense against rape is a willingness to fight, and even this may be no protection against gang assault. In many prisons a small, unaggressive white is sure to be raped, probably by blacks or Hispanics. As one prison guard explains, a young white has “almost zero” chance of escaping rape “unless he’s willing to stick someone with a knife and fortunate enough to have one.” Some of the tougher inmates may even fight each other for the chance to rape an effeminate young white.

Rape is so common it has its own terminology. To rape a heterosexual man and turn him into a sexual plaything is to “turn him out,” and the victim is known as a “turnout” or “punk.” If a turnout seeks the protection of another inmate to avoid an endless series of rapes by other prisoners, he is “riding with” his protector. He becomes essentially the property of his protector and is known as his “bitch” or “ho.”

One inmate uses the lingo to explain the importance of violence: “If you’re knocked down and don’t get up you’re a ‘ho’; you have to ride.” This is because an essential quality in prison is “heart,” or a man’s willingness to keep fighting long after he is clearly beaten. As inmates explained to Human Rights Watch, a real man “would die before giving up his anal virginity.” A man who will not fight is a “punk” who deserves humiliation and exploitation.

The racial dynamic in prisons puts whites at a tremendous disadvantage. First, whites are often outnumbered by both blacks and Hispanics. But far more important, just as they show no racial solidarity in “the free world,” whites in prison do not band together to protect each other from predators. As *No Escape* reports, Hispanics sometimes rape Hispanics, and blacks sometimes rape blacks, but neither group permits anyone of another race to rape its own people. If a black tried to “turn out” a Mexican, the Mexicans would riot and try to kill him. Blacks

Черные также защищают друг друга от белых или испаноязычных насильников. Это только белые - если они не являются известными членами белых расистских банд, которые держатся вместе - которые сами по себе и могут быть безнаказанно изнасилованы. Трудно придумать более жестокие последствия уничтожения белых в расовом сознании.

Некоторые белые должны выбирать между тем, чтобы быть сексуальной рабыней одного мужчины или сталкиваться с повторным нападением. Истории, которые они рассказали «*Нет лоббега*», читаются как кошмары:

У меня не было другого выбора, кроме как подчиниться тюремной жене заключенного Б. Из-за страха за свою жизнь я согласился сосать его член, трахать в мою задницу и выполнять другие обязанности, как женщина, например, заправлять его постель. Во всей реальности я был его рабом ... Я решил, что мне лучше охотно заниматься сексом с одним человеком, чем столкнуться с насилием и изнасилованием со стороны нескольких людей. Самая трагическая часть этого заключается в том, что у человека, которого я выбрал «быть», СПИД.

Заключенный из Мичигана пишет:

[Другой заключенный] объявил меня своей собственностью, и я не оспаривал это. Я стал послушным, говоря себе, по крайней мере, я выжил ... , Он публично унижал и унижал меня, следя за тем, чтобы все заключенные и охранники знали, что я королева и его собственность. В течение недели он сводил меня с другими заключенными по 3 доллара за человека. Это состояние существования продолжалось в течение двух месяцев, пока он не продал меня за 25 долларов США другому чернокожему мужчине, который купил меня в качестве своей жены.

Другой заключенный описывает, как он стал чернокожим "хо".

Вы уберете дом, сказал он, очистите мою одежду, и когда я буду готов получить свой "урод" [секс], никаких аргументов, или будет наказание! Я дам, он сказал, чтобы мои домашние мальчики забрали тебя, или я просто распродажу тебя. У нас есть понимание? Со страхом, несчастьем и растерянностью во мне. , , Я сказал да.

Как только человек «владеет» другим - и почти всегда черный «владеет» белым - он становится собственностью во всех смыслах. Он может быть сдан в аренду, продан или продан с аукциона, может рассказать, как одеваться и разговаривать, и назвать имя женщины.

also defend each other from white or Hispanic rapists. It is only whites—unless they are known members of white racist gangs who do stick together—who are on their own and can be raped with impunity. It would be hard to think of a more cruel consequence of stripping whites of racial consciousness.

Some whites must choose between being the sex slave of one man or facing repeated assault. The stories they told *No Escape* read like nightmares:

I had no choice but to submit to being Inmate B's prison wife. Out of fear for my life, I submitted to sucking his dick, being fucked in my ass, and performing other duties as a woman, such as making his bed. In all reality, I was his slave . . . I determined I'd be better off to willingly have sex with one person, than I would be to face violence and rape by multiple people. The most tragic part to this is that the person I chose to "be with" has AIDS.

A Michigan inmate writes:

[Another prisoner] claimed me as his property and I didn't dispute it. I became obedient, telling myself at least I was surviving . . . He publicly humiliated and degraded me, making sure all the inmates and guards knew that I was a queen and his property. Within a week he was pimping me out to other inmates at \$3.00 a man. This state of existence continued for two months until he sold me for \$25.00 to another black male who purchased me to be his wife.

A different inmate describes how he became a black man's "ho."

You will clean the house, he said, have my clothes clean, and when I'm ready to get my "freak" [sex] no arguments or there will be a punishment! I will, he said, let my homeboys have you or I'll just sale you off. Do we have an understanding? With fear, misery, and confusion inside me . . . I said yes.

Once a man "owns" another—and it is almost always a black "owning" a white—he is property in every sense. He can be rented out, sold or auctioned, told how to dress and talk, and given a

То, что это может произойти, по сути неизвестно за пределами тюремного мира. «Было бы удивительно, что вы (как и я) увидели, как люди покупают и продают, как обувь», - пишет техасский заключенный. "Вы можете купить ребенка за 20 или 30 долларов на большинстве крыльев !!" пишет другое. «Они продают их как скот».

«Езда» с «папой» может быть единственным способом избежать деградации одного заключенного из Вирджинии, который описал, что произошло, когда шесть чернокожих вошли в его камеру и потребовали секса:

Я сказал себе: «О, нет! У меня проблемы!» Я посмотрел на дверь, чтобы найти выход, и обнаружил, что она заблокирована. Именно в это время офицер в полу проходил на нижнем уровне (я был на верхнем уровне), делая или якобы делая, его раунды. Он заметил заключенных в моей камере и спросил, все ли в порядке. Слишком испуганный, чтобы ответить, я только кивнул. [Офицер] никогда не выходил на высший уровень во время своего раунда. Затем меня оттащили обратно в кровать. . . . [Все они, плюс еще один] по очереди анально и устно насильвовали меня одновременно. Все они неоднократно делали это. Где-то посередине этого вошел Заключенный F и сказал: «Соси этого члена, белая сука». [Один из них сказал:] «Если ты нападаешь на нас, мы тебя уьем. В то время я действительно верил им, и я до сих пор думаю это сегодня.

Как объясняет один заключенный из Индианы, повторные изнасилования требуют ошеломительных физических и психологических потерь:

Я был приговорен за преступление DUI. (вождение в состоянии алкогольного опьянения)) Мой третий Я высокий белый мужчина, у которого, к сожалению, мало женских качеств. И очень стеснительный. Эти характеристики меня изнасиловали так много раз, что у меня больше нет физических чувств. Меня изнасиловали до 5 чернокожих мужчин одновременно. . . . У меня наверное сейчас СПИД. Мне очень трудно подносить еду ко рту от тряски после ночных кошмаров или от того, что я так много думаю об этом. . . . Я лег без физического боя, чтобы быть изнасилованным. Чтобы предотвратить такой большой ущерб в борьбе, разрыве и разрыве. Хотя я не боролся, это вызвало изнасилование моего сердца и духа. Что-то, чего я не знаю, прошу ли я себя когда-нибудь.

Излишне говорить, что мужчины будут делать все что угодно, чтобы избежать такого ужаса. Самоубийство является основной причиной смерти в тюрьмах и единственным выходом для некоторых жертв изнасилования.

woman's name. That this can happen is essentially unknown outside the prison world. "It would amaze you (as it did me) to see human beings bought & sold like shoes," writes a Texan prisoner. "You can buy a kid for 20 or 30 dollars on most wings!!" writes another. "They sell them like cattle."

"Riding" with a "daddy" may be the only way to avoid the degradation of one Virginia inmate who described what happened when six blacks entered his cell and demanded sex:

I said to myself, "Oh no! I'm in trouble!" I looked toward the door for an escape route finding it blocked. It was at this time that the floor officer came by on the bottom tier (I was on the top tier), doing or supposedly doing, his rounds. He noticed the inmates in my cell and asked if everything was all right. Too terrified to answer, I just nodded. [The officer] never came to the top tier during his round. I was then dragged back to my bed [All of them, plus one more] took turns anally and orally raping me at the same time. All of them repeatedly did this. Somewhere in the middle of this, Inmate F entered and said "suck this dick you white bitch." . . . [One said,] "If you snitch on us, we'll kill you!!" At that time, I really believed them, and I still think this today.

As one Indiana prisoner explains, repeated rape takes a staggering physical and psychological toll:

I've been sentenced for a D.U.I. offense. My 3rd one. I'm a tall white male, who unfortunately has a small amount of feminine characteristics. And very shy. These characteristics have got me raped so many times I have no more feelings physically. I have been raped by up to 5 black men at a time I probably have AIDS now. I have great difficulty raising food to my mouth from shaking after nightmares or thinking so hard on all this I've laid down without a physical fight to be sodomized. To prevent so much damage in struggles, ripping and tearing. Though in not fighting, it caused my heart and spirit to be raped as well. Something I don't know if I'll ever forgive myself for.

Needless to say, men will do just about anything to avoid this kind of horror. Suicide is the leading cause of death in prisons,

Некоторые нарушают тюремные правила, поэтому они будут заключены под стражу. Один заключенный даже заставил свою семью перевести деньги на банковские счета, принадлежащие черной банде Крипс, в надежде купить защиту. Конечно, его все равно изнасиловали.

Но *Escape* неохотно признают, что чернокожие и латиноамериканцы часто насилуют белых из чистой ненависти и получают удовольствие от деградации белых. Как объясняет один из заключенных: «Банды чернокожих и испанских заключенных очень злы на белых людей из свободного мира по разным причинам, и это приводит к мести по отношению к белым людям в тюрьмах: «По сообщениям, негры любят говорить «Y»». все могут справиться, но это наш мир!» или «Разве не весело, когда у кролика есть пистолет, не так ли?»

Один белый объясняет, что «у этих двух рас [чернокожих и латиноамериканцев] здесь много людей, и они пользуются нами, заставляя маленьких и слабых ездить или изгонять их, а большие должны постоянно сражаться»:

Хьюман Райтс Вотч с удивлением обнаруживает очевидное:

Некоторые тюремные системы, по-видимому, почти не имеют положительного социального взаимодействия - даже самого обыденного - между представителями разных рас.

Социальные отношения заключенных во многом определяются расой; их бандитская принадлежность, если она есть, определяется по расовому признаку; и какие бы расистские убеждения они ни придерживались до заключения в тюрьму, они, вероятно, будут значительно укреплены в течение их пребывания в тюрьме.

Несмотря на то, что книга рассказывает нам о том, что происходит с таким количеством белых, *No Escape* не может устоять перед обычными пирожками:

Многие белые заключенные рассказали Хьюман Райтс Вотч, что им неудобно с черными и они предпочитают жить в расово изолированной среде. Несколько поддержали яростно расистские взгляды. Более того, чем афроамериканские заключенные, многие белые утверждали, что тюремный опыт сделал их расистскими или, как они склонны говорить, «расово осведомленными»

and is the only way out for some rape victims. Some break prison rules so they will be locked up in punitive custody. One prisoner even had his family deposit money into bank accounts owned by the black Crips gang in the hope of buying protection. Of course, he was raped anyway.

No Escape recognizes reluctantly that blacks and Hispanics often rape whites out of pure hatred, and relish the chance to degrade whites. As one inmate explains, “Gangs of black and Spanish inmates are very angry at free-world white people for a variety of reasons, and this results in an attitude of vengeance towards white people in prisons.” Blacks reportedly like to say “Y’all may run it out there, but this is our world!” or “Ain’t no fun when the rabbit’s got the gun, is it?”

One white explains that “those two races [blacks and Hispanics] have a lot of people in here and take advantage of us by making the small and weak ones ride or turn them out, and the big ones have to fight all the time.”

Human Rights Watch appears surprised to discover the obvious:

Certain prison systems seem to have almost no positive social interaction—not even the most trivial—between members of different races.

Prisoners’ social relationships are largely determined by race; their gang affiliation, if they have one, is racially defined; and whatever racist beliefs they may have held prior to their imprisonment are likely to be significantly strengthened over the course of their stay in prison.

Despite what the book tells us about what happens to so many whites, *No Escape* cannot resist conventional pieties:

Many white prisoners told Human Rights Watch that they were uncomfortable with blacks and would prefer to live in a racially segregated environment. A few espoused virulently racist views. More so than African American prisoners, many whites asserted that the prison experience had made them racist—or, as they tended to put it, “racially aware.”

Вряд ли удивительно, что белым заключенным должно быть "не по себе" вокруг черных. Неудивительно и то, что они хотят уйти от них, в то время как негры менее склонны разлучаться с людьми, которых они могут изнасиловать, покупать и продавать, сутенерствовать и унижать безнаказанно. Это правда, что тюрьма не учит белых и латиноамериканцев ненавидеть белых; они ненавидят белых задолго до того, как попадают в тюрьму. Само собой разумеется, что эта книга не пытается понять эту ненависть, подразумевая, что это нормально для жертв "расистского" общества. Ни один из чернокожих или латиноамериканцев, как сообщается, не выражает «ярко расистские взгляды», даже когда он говорит белой жертве: «Соси этот член, белая сука».

Книга полна рекомендаций - некоторые хорошие - но рассказ о расовых отношениях - почти идеальный пример либеральной глупости:

Учитывая элемент расовой предвзятости во многих случаях сексуальных надругательств над заключенными, необходимо принять меры для устранения расовой напряженности среди заключенных. Сотрудники DOC [Департамента исправительных учреждений] должны пройти обучение по вопросам расовой чувствительности. Расовые оскорбления и другие формы преследования - со стороны заключенных или персонала - не должны допускаться.

Как известно любому, кто не ослеплен православием, единственное, что «решит проблему расовой напряженности среди заключенных», - это сегрегация. Даже некоторые заключенные не понимают, что происходит. *«Мне неприятно это говорить»*, - подчеркивает один из них, - «но если вы не были расистом, когда попали в тюрьму, то скорее всего, когда вы уйдете». Несмотря на то, что он видел и страдал, этот человек все еще думает, что должен извиниться за то, что не хочет быть рядом с черными и латиноамериканцами.

Почему тюремное изнасилование так хорошо спрятано, и почему заключенные не предъявляют иски против огромных убытков, которые позволяют это? Во-первых, охранники, похоже, не обращают внимания на изнасилование. *Ни один побег не находит*, что «изнасилованные заключенные часто говорят, что к ним относятся с пренебрежением со стороны охранников, которые не пытаются скрыть тот факт, что они презирают заключенных, которые настолько «слабы», что становятся жертвами». В отчете цитируется один надзиратель, который показал на суде, что «заключенные должны были сами бороться с сексуальным насилием - что заключенные должны были дать понять другим, что [они] не собираются мириться с этим»:

Никакой побег не входит в это, но тюремные охранники, вероятно, сами по себе являются скотом низкой породы. Многие, вероятно, будут черными, а некоторые могут быть такими же

It is hardly astonishing that white prisoners should be “uncomfortable” around blacks. Nor is it surprising that they want to get away from them, whereas blacks are less inclined to be separated from people they can rape, buy and sell, pimp out, and humiliate with impunity. It is true that prison doesn’t teach blacks and Hispanics to hate whites; they hate whites long before they get to prison. Needless to say, this book makes no attempt to understand this hatred, implying that it is normal for victims of a “racist” society. Nor is any black or Hispanic reported to express “virulently racist views,” not even when he tells a white victim, “suck this dick, you white bitch.”

The book is full of recommendations—some good—but the one about race relations is an almost perfect distillation of liberal foolishness:

Given the element of racial bias in many instances of prisoner-on-prisoner sexual abuse, steps should be taken to address racial tensions in the inmate population. DOC [Department of Corrections] staff should receive racial sensitivity training. Racial slurs and other forms of harassment—whether from inmates or staff—should not be tolerated.

As anyone not blinded by orthodoxy knows, the only thing that will “address racial tensions in the inmate population” is segregation. Even some of the inmates don’t understand what is happening. “*I hate to say this,*” [emphasis added] says one, “but if you weren’t racist when you came to prison more than likely you will be when you leave.” Despite what he has seen and suffered, this man still thinks he has to apologize for not wanting to be around blacks and Hispanics.

Why is prison rape so well hidden, and why haven’t prisoners brought huge damages suits against the prisons that permit it? First, the guards appear to be uniformly oblivious to rape. *No Escape* finds that “raped inmates frequently say that they are treated scornfully by guards who do not bother to hide the fact that they despise prisoners who are so ‘weak’ as to be victimized.” The report quotes one warden who testified at a trial that “it was the prisoners’ own responsibility to fight off sexual abuse—that

счастливыми, как насильники, чтобы увидеть униженных белых. Поэтому многие жертвы не сообщают об изнасилованиях. Некоторые боятся, что, если они "стукнут", их мучители убьют их. Другие так стыдятся того, что произошло, что никому не рассказывают.

Есть моменты, когда разговор может принести пользу. Джон Кинг прославился тем, что вытащил черного человека в Джаспере, штат Техас, в 1998 году. Он стал притчей во языцех для белого «расизма», но с некоторой удачей и сообразительностью он мог бы перевернуть столы и превратить случай в черную жестокость. До того как он убил Джеймса Берда, он только что провел 21 месяц за кражу со взломом в одной из самых жестких тюрем Техаса, подразделения Бето. Он был 5 футов 7 дюймов ростом и весил всего 140 фунтов, когда его приговорили, и, как сообщается, не имел ярко выраженных расовых взглядов. Он оказался покрыт татуировками белой силы. Его адвокат сказал, что изнасилование чернокожих глубоко повлияло на мистера Кинга, но он редко говорил об этом.

Белые, убивающие чернокожих, не получают пощады, и мистер Кинг не мог избежать смертного приговора, независимо от того, как часто он подвергался групповому нападению, но полный отчет о его ужасах вызвал бы значительную общественную симпатию и привлек бы крайне необходимое внимание к пыткам белые заключенные часто сталкиваются. Для страны, которая когда-либо охотилась за «коренными причинами» черного отклонения, было бы поучительно знать, что именно заставило Джона Кинга ненавидеть негров. Само собой разумеется, пресса никогда не позволяла, и его преступление было зарегистрировано как еще один пример непостижимого зла белых.

Изнасилование, конечно же, является преступлением, независимо от того, совершено ли оно в тюрьме или в «свободном мире»: однако прокуроры не считают преступников частью своего избирательного округа и мало за что обвиняют преступников, которые уже находятся в тюрьме. Кроме того, они предпочитают оставаться в хороших отношениях с тюремными властями и разрешать им решать проблемы с дисциплиной. Как отмечается в этом докладе, большинство случаев насилия остается безнаказанным в тюрьмах, а охранники часто игнорируют изнасилования или просто запирают жертву под стражу.

prisoners had to let the others ‘understand that [they]’re not going to put up with that.’”

No Escape does not go into this, but prison guards are likely to be a low breed of cattle themselves. Many are likely to be black, and some may be just as happy as the rapists to see whites humiliated. Many victims therefore do not report rapes. Some are afraid that if they “snitch” their tormentors will kill them. Others are so ashamed of what has happened they tell no one.

There are times when talking might do some good. John King became famous for dragging a black man to death in Jasper, Texas, in 1998. He became a byword for white “racism,” but with some luck and savvy he could have turned the tables and made the case one of black brutality. Before he killed James Byrd, he had just spent 21 months for burglary in one of Texas’ toughest prisons, the Beto Unit. He was 5 feet 7 inches tall and weighed only 140 pounds when he was sentenced, and reportedly had no pronounced racial views. He emerged covered with white-power tattoos. His lawyer said rape by blacks had deeply affected Mr. King, but that he rarely talked about it.

Whites who kill blacks get no mercy, and Mr. King could not have avoided a death sentence no matter how often he was gang-bugged, but a full account of his horrors would have won considerable public sympathy and attracted badly-needed attention to the tortures white prisoners often face. For a country that is ever on the hunt for “root causes” of black deviance, it would have been edifying to know just what it was that made John King hate blacks. Needless to say, the press never let on, and his crime has been recorded as yet another example of the unfathomable evil of whites.

Rape is, of course, a crime, whether committed in prison or the “free world.” However, prosecutors do not think of criminals as part of their constituency, and get little credit for charging perpetrators who are already in jail. Also, they prefer to stay on good terms with prison authorities and let them take care of discipline problems. As this report points out, most violence goes unpunished in prisons, and guards often ignore rape or simply

Заклученные сталкиваются с фактическими уголовными обвинениями только в крайних случаях: убийство или нападение на охранника. Хьюман Райтс Вотч не смогла найти ни одного случая, когда заключенному было предъявлено обвинение в изнасиловании, хотя это было бы сильным сдерживающим фактором, если бы насильников заставили еще полдюжины лет завести приговор.

Трудно не прийти к выводу, что расовый аспект этих ужасов во многом связан с нашей решимостью игнорировать их. Если бы белые были пугающими бандами и поработавшими чернокожих, была бы мощная кампания, чтобы остановить их, с кинозвездами, выстраивавшимися в очередь, чтобы подружиться с жертвами, и сенаторами, готовящимися к своим добродетельным заботам. Поскольку белые являются жертвами, любое расследование может натолкнуться на факты, слишком ужасные для общественного потребления: чернокожие и латиноамериканцы являются «расистами», и что принудительная интеграция является еще большей катастрофой за решеткой, чем в свободном мире.

В то же время, это свидетельствует о силе либеральной пропаганды, что она изгнала белую расовую солидарность из сознания даже осужденных преступников. Можно было бы ожидать элементарного племени среди низших порядков, но даже здесь лишь несколько «белых сторонников превосходства» готовы сражаться друг за друга.

Для тех, кто может видеть за пределами либеральных клише о расе, динамика изнасилования в тюрьме совершенно понятна. Для тех, кто, как и автор этого доклада, кто не может или не поймет, что на самом деле означает раса, эта книга - непостижимый ужас. Наши тюрьмы отражают наше общество, и пока белые являются официальными козлами отпущения и им запрещено действовать в своих собственных интересах, а пока мы настаиваем на том, чтобы принудить заключенных к жестокой форме интеграции, которую никто не выберет для себя, белые заключенные будут сутенер, избит, изнасилован и заражен СПИДом. Америка отказывается сталкиваться с этой проблемой, потому что она отказывается сталкиваться с собой.

Эта статья впервые появилась в апрельском выпуске журнала «Возрождение» за 2002 год . Полный текст доклада Хьюман Райтс Вотч можно прочитать по адресу: <http://www.hrw.orgireports/2001/prison>.

lock the victim in protective custody. Prisoners face actual criminal charges in only extreme cases: murder or assault on a guard. Human Rights Watch has been unable to find a single case in which a prisoner has been charged with rape, though it would be a strong deterrent if rapists got half a dozen more years tacked onto their sentences.

It is difficult not to conclude that the racial aspect of these horrors has a lot to do with our determination to ignore them. If whites were gang-bugging and enslaving blacks, there would be a high-powered campaign to stop them, with movie stars queuing up to befriend victims, and senators preening themselves on their virtuous concern. Because whites are the victims, any investigation would run head-on into facts too awful for public consumption: that blacks and Hispanics are the “racists,” and that forced integration is even more of a disaster behind bars than in the free world.

At the same time, it is a testimony to the power of liberal propaganda that it has driven white racial solidarity out of the minds even of convicted felons. One would have expected an elemental tribalism among the lower orders, but even here only a few “white supremacists” are willing to fight for each other.

To those who can see beyond liberal clichés about race, the dynamics of prison rape are perfectly understandable. To those, like the author of this report, who cannot or will not understand what race really means, this book is an incomprehensible horror. Our prisons reflect our society, and as long as whites are official scapegoats and are forbidden to act in their own interests, and as long as we insist on forcing on prisoners a brutal form of integration no one would choose for himself, white prisoners will be pimped, beaten, raped, and infected with AIDS. America refuses to face this problem because it refuses to face itself.

This article first appeared in the April 2002 issue of American Renaissance. The full text of the Human Rights Watch report can be read at <http://www.hrw.org/reports/2001/prison>

Открытое письмо генеральному прокурору

Эрик Холдер

Я, ТОО, ХОЧУ ЧЕСТНОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ГОНКИ В АМЕРИКЕ.

Эрик Холдер был США. Генеральный прокурор при президенте Бараке Обаме с 2009 по 2015 год. В своем первом крупном выступлении после подтверждения он сказал, что Соединенные Штаты были «по сути нацией трусов», потому что американцы боятся говорить о расе честно.

Г-н Холдер был на своем посту в июле 2013 года, когда Джордж Циммерман был оправдан за убийство присяжным во Флориде в связи с гибелью Трейвона Мартина. Вскоре после вынесения вердикта в речи в НААСР (Национальная ассоциация по развитию цветных людей) г-н Холдер сказал, что стрельба из Мартина побудила его «поговорить» со своим сыном, чтобы объяснить ему особые опасности, с которыми сталкиваются черные люди в руках полиции. Он также возобновил призыв к честному разговору о расе. Я отправил это письмо мистеру Холдеру через два дня после его выступления.

Уважаемый мистер Холдер,

Я вижу, что приговор по делу Джорджа Циммермана вновь побудил вас призвать к «честному» обсуждению гонки в Америке. Я приветствую это обсуждение.

Позвольте нам начать с ваших недавних комментариев перед НААСР, в которых вы сказали, что смерть Мартина заставила вас поговорить с вашим 15-летним сыном о том, как поступить с полицией. Я не вижу в смерти Мартина ничего, что могло бы спровоцировать такой разговор, поскольку г-н Циммерман не был полицейским и поскольку присяжные признали г-на Циммермана невиновным.

Тем не менее, я полагаю, вы выдвинули обвинения в том, что мистер Циммерман проявил особый интерес к Трейвону Мартину, потому что он был чернокожим. Эти утверждения не доказаны, но давайте предположим, что они верны. Я надеюсь, что вы объяснили своему мальчику, что у мистера Циммермана были веские причины для подозрения.

Open Letter to Attorney General Eric Holder

I, TOO, WANT AN HONEST DISCUSSION OF
RACE IN AMERICA.

Eric Holder was U.S. Attorney General under President Barack Obama from 2009 to 2015. In his first major speech after confirmation, he said that the United States was “essentially a nation of cowards” because Americans are afraid to talk honestly about race.

Mr. Holder was in office in July 2013, when George Zimmerman was acquitted of murder by a Florida jury in the shooting death of Trayvon Martin. Shortly after the verdict, in a speech to the NAACP, Mr. Holder said the Martin shooting had prompted him to have “the talk” with his son, to explain to him the special dangers black men face at the hands of the police. He also renewed his call for an honest conversation about race. I sent this letter to Mr. Holder two days after his speech.

Dear Mr. Holder,

I see that the verdict in the trial of George Zimmerman has prompted you, once again, to call for an “honest” discussion of race in America. I welcome that discussion.

Let us start with your recent comments before the NAACP, in which you said that Martin’s death compelled you to have a talk with your 15-year-old son about how to deal with the police. I fail to see anything in Martin’s death that would prompt such a conversation, since Mr. Zimmerman was not a policeman, and since the jury has found Mr. Zimmerman innocent.

However, I assume you brought up allegations that Mr. Zimmerman took a special interest in Trayvon Martin because he was black. Those allegations are unproven, but let us assume they are correct. I hope you explained to your boy that Mr. Zimmerman had excellent reasons for being suspicious.

I would imagine you used statistics from your own Justice Department to show that blacks are at least seven times more

Я полагаю, что вы использовали статистику из вашего собственного Министерства юстиции, чтобы показать, что чернокожие по крайней мере в семь раз чаще, чем люди других рас, совершают насильственные преступления, и что молодые темнокожие мужчины являются самыми опасными людьми в Америке. Надеюсь, вы объяснили, что американцы будут с подозрением относиться к темнокожим, пока они продолжают совершать так много преступлений. Это может быть неприятно для законопослушных чернокожих, но вина не в полиции или в соседских сторожах; это с другими черными.

Я полагаю, вы также объяснили своему сыну, что доказательства по делу очень ясно указывают на то, что если мистер Циммерман с подозрением относится к молодым чернокожим, его подозрения были болезненно подтверждены. Трейвон Мартин, кажется, напал на г-на Циммермана, сломал ему нос и ударил головой о тротуар просто потому, что он думал, что за ним следит «жуткий взломщик». К сожалению для г-на Мартина, г-н Циммерман был вооружен и защищал себя.

Теперь, возможно, я понимаю, почему у вас был этот разговор с вашим сыном: объяснить ему, что нападать на кого-то не только потенциально опасно, но и тяжело, только потому, что он следует за вами. Я полагаю, вы объяснили ему, что он также должен воздерживаться от нападков на полицейских, и если он не знал, что такое поведение неразумно, я рекомендую вам за эту беседу.

По другому вопросу, ваше ведомство сейчас расследует г-на Циммермана с целью обвинить его в преступлении на почве ненависти. Согласно новостным сообщениям, ваши сотрудники уже поджарили три десятка друзей и знакомых г-на Циммермана о том, что он думает о черных людях. Зачем? Государственное жюри уже установило, что Циммерман действовал в рамках законной самообороны. Считаете ли вы, что если у г-на Циммермана были "расистские" взгляды, он виновен в "преступлении на почве ненависти", даже если он действовал в целях самообороны?

Давайте предположим, что ваши следователи узнали, что мистер Циммерман любил использовать «N-слово» - что он любил использовать его почти так же, как Трейвон Мартин. Означает ли это, что те же самые действия с его стороны - действия, которые суд присяжных считает законной самообороной - теперь стали бы преступлением на почве ненависти?

Это не академический вопрос, мистер Холдер. Я придерживаюсь неортодоксальных взглядов на расу и выражаю их публично.

likely than people of other races to commit violent crimes, and that young black men are the most dangerous people in America. I hope you explained that Americans will be suspicious of blacks for as long as they continue to commit so many crimes. This may be unfortunate for law-abiding blacks but the fault is not with the police or with neighborhood watchmen; it is with other blacks.

I assume you also explained to your son that the evidence in the case very clearly suggests that if Mr. Zimmerman was suspicious of young blacks his suspicions were painfully confirmed. Trayvon Martin appears to have attacked Mr. Zimmerman, broken his nose, and pounded his head into the pavement simply because he thought a “creepy-ass cracker” was following him. Unfortunately for Mr. Martin, Mr. Zimmerman was armed and defended himself.

Now, perhaps, I understand why you had this conversation with your son: to explain to him that it is not only potentially dangerous but a serious crime to attack someone just because he is following you. I assume you explained to him that he should also refrain from attacking policemen, and if he was unaware that such behavior is unwise, I commend you for having this conversation.

On a different matter, your department is now investigating Mr. Zimmerman with an eye to charging him with a hate crime. According to news reports, your staff has already grilled three dozen of Mr. Zimmerman’s friends and acquaintances about what he thought of black people. Why? A state jury has already found that Mr. Zimmerman acted in legitimate self defense. Is it your view that if Mr. Zimmerman had “racist” views he is guilty of a “hate crime,” even if he acted in self defense?

Let us assume that your investigators had learned that Mr. Zimmerman liked to use “the N-word”—that he liked to use it almost as much as Trayvon Martin did. Would that mean that the very same actions on his part—actions a jury found to be legitimate self-defense—would now be a hate crime?

This is not an academic question, Mr. Holder. I hold unorthodox views on race and have expressed them publicly. Does this

Означает ли это, что если на меня нападет негр, и мне придется защищать себя со смертельной силой, вы меня расследуете? Что если доказать, что я самый жестокий расист в Америке? Значит ли это, что я утратил свое право защищать себя от черного нападающего? Я надеюсь, что вы понимаете мою тревогу, но в этом и заключается логика вашего расследования: я потеряю очень важные права, если у меня есть мнения, которые вы не одобряете.

Наконец, по совершенно другому вопросу, вы, кажется, думаете, что черные и белые в равной степени равны по своим способностям и темпераменту, и что если есть какие-либо различия в результатах между двумя группами, это может быть связано только с белым «расизмом». В интересах честной дискуссии, которую вы хотите, я приглашаю вас задуматься над тем фактом, что у американских чернокожих средний IQ составляет 85, тогда как у белых в среднем 100. Я также приглашаю вас рассмотреть огромное количество доказательств, подтверждающих эту разницу имеет существенно генетическую причину.

Могу ли я быть настолько смелым, чтобы предположить, что вы никогда не поймете расу в Америке, если откажетесь учитывать расовые различия в способностях? Я был бы рад представить доказательства этого во взаимно удобное время и место. Действительно, есть много тем, которые мы могли бы с пользой исследовать во имя честной дискуссии, которую мы оба желаем.

С нетерпением жду Вашего ответа.

С уважением,

Джаред Тейлор

Президент, Фонд нового века

Это письмо было опубликовано на AmRep.com 18 июля 2013 года.

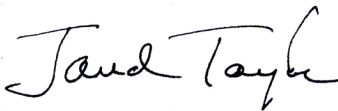
mean that if I am attacked by a black and have to defend myself with lethal force you will investigate me? What if it could be proven that I am the wickedest racist in America? Does that mean I have forfeited my right to defend myself against a black attacker? I hope you understand my dismay, but this is very clearly the logic of your investigation: that I will lose very important rights if I have views of which you disapprove.

Finally, on an entirely different matter, you seem to think that blacks and whites are precisely equal in ability and temperament, and that if there are any differences in outcome between the two groups, it can be due only to white “racism.” In the interest of the honest discussion you want, I invite you to reflect on the fact that American blacks have an average IQ of 85 whereas whites have an average of 100. I also invite you to consider the huge body of evidence that suggests this difference has a substantially genetic cause.

May I be so bold as to suggest that you will never understand race in America if you refuse to consider racial differences in ability? I would be pleased to present the evidence for this at a mutually convenient time and place. Indeed, there are many subjects we could usefully explore in the name of the honest discussion we both desire.

I look forward to hearing from you.

Sincerely,

A handwritten signature in black ink that reads "Jared Taylor". The signature is written in a cursive, flowing style.

Jared Taylor
President, New Century Foundation

This letter was published at AmRen.com on July 18, 2013.

Президент Обама о Фергюсоне:

Проблема в системе правосудия, а не в насильственных преступниках

Американцы теряют терпение с балонами в высоких местах .

9 августа 2014 года белый полицейский по имени Даррен Уилсон застрелил безоружного темнокожего подростка по имени Майкл Браун в Фергюсоне, штат Миссури. Первоначально негры утверждали, что стрельба не была спровоцирована, и что Браун поднял руки в знак капитуляции и кричал "Не стреляй!" как он был убит. Это привело к повторным пениям «Руки вверх, не стреляйте» во время демонстраций против полиции и последовавших беспорядков. Смерть Брауна широко освещалась в средствах массовой информации как пример полицейского расизма.

24 ноября 2014 года большое жюри отказалось предъявить обвинение офицеру Уилсону, не обнаружив ни одной вероятной причины обвинить его в совершении преступления. 4 марта 2015 года министерство юстиции при Эрике Холдере в своем длинном официальном сообщении пришло к выводу, что офицер Уилсон действовал на законных основаниях, опасаясь своего поднятия, и что нет никаких оснований обвинять его в нарушении гражданских прав.

Большое жюри в Клейтоне, штат Миссури, высказалось: офицер Даррен Уилсон был оправдан в расстреле Майкла Брауна, и нет никаких оснований для обвинения. К счастью для тех девяти белых и трех черных присяжных, их личность никогда не должна быть известна. Они приняли смелое решение.

Прокурор Роберт МакКаллох сделал подробное изложение доказательств, представленных большому жюри, и пообещал обнародовать все это, но черные не проявили интереса к уликам. В Фергюсоне, как только было объявлено об этом решении, негры подожгли целый квартал предприятий на Западном проспекте Флориссант, а также разграбили и сожгли десятки других магазинов. Они сожгли машины у автосалона. Полиция насчитала более 150 выстрелов за ночь, и пожарные боялись бороться с пожарами. Там был протест в Манхэттене, и мародерства в Чикаго и Окленде.

President Obama on Ferguson: The Problem Is the Justice System, Not Violent Criminals

AMERICANS ARE LOSING PATIENCE WITH BALONEY
IN HIGH PLACES.

On August 9, 2014, a white police officer named Darren Wilson shot and killed an unarmed black teenager named Michael Brown in Ferguson, Missouri. Blacks initially claimed the shooting was unprovoked, and that Brown had his hands in the air in a gesture of surrender and was shouting "Don't shoot!" as he was killed. This resulted in repeated chants of "Hands up, don't shoot" during the anti-police demonstrations and rioting that followed. Brown's death was widely decried in the media as an example of police racism.

On November 24, 2014, a grand jury declined to indict Officer Wilson, finding no probable cause to charge him with a crime. On March 4, 2015, the Department of Justice under Eric Holder concluded in a lengthy, official report that Officer Wilson had acted in legitimate fear of his life and that there were no grounds on which to charge him with a civil rights violation.

The grand jury in Clayton, Missouri, has spoken: Officer Darren Wilson was justified in shooting Michael Brown and there is no probable cause to indict. Fortunately for those nine white and three black jurors, their identities need never be known. They made a brave decision.

Prosecutor Robert McCulloch made a detailed statement of the evidence presented to the grand jury and promised to make it all public, but blacks showed little interest in evidence. In Ferguson, as soon as the decision was announced, blacks set fire to a whole block of businesses on West Florissant Avenue, and looted and burned dozens of other stores. They burned the vehicles at an auto dealer. Police counted more than 150 gunshots during the night, and firemen were afraid to fight the fires. There

Черные "лидеры" говорили обычные глупые вещи. Марсия Фадж, демократ из Огайо и председатель Конгресса афроамериканцев, говорит, что решение большого жюри ", кажется, подчеркивает неписаное правило, согласно которому жизнь черных не имеет ценности; вы можете убивать чернокожих в этой стране без последствий или последствий".

Аль Шарптон сказал, что система правосудия "глубоко испорчена" и "очень подозрительна":

Что еще нового?

Гораздо интереснее, что Барак Обама был вынужден сделать необычное вечернее заявление для прессы. То, что он сказал - в конце концов, он - президент Соединенных Штатов, - на самом деле более возмутительно, чем глупость Фаджа о том, как черных можно безнаказанно убивать.

Обама говорил почти 10 минут, и семь из них *обвиняли полицию*. Он сказал, что у протестующих есть «законные проблемы того, как сообщества и правоохранительные органы взаимодействуют», и назвал гнев по поводу отказа предъявить обвинение «понятной реакцией»: он объяснил, что Фергюсон является примером «более широких проблем, с которыми мы все еще сталкиваемся как нация: «Он сказал, что «поручил генеральному прокурору держателю работать с городами по всей стране». , , обучать правоохранительные органы таким образом, чтобы они вели себя справедливо для всех:

«Это проблема не только Фергюсона, это проблема Америки», - пояснил он, добавив, что страна может рассчитывать на «решение столь необходимой реформы уголовного правосудия»: «Америка - это не все, чем она может быть, - сказал он с сожалением, - «мы можем добиться прогресса не только в Фергюсоне, но и во многих других городах и общинах по всей стране».

Другими словами, его друг Аль Шарптон прав. Американская система правосудия глубоко порочна.

У президента не было ни *одного слова критики* для Майкла Брауна. Ни разу он не сказал, что это плохая идея - забраться на марихуану и совершить грабеж с применением сильной руки. Ни разу он не сказал, что избивать полицейского - плохая идея. Ни разу он не сказал, что пытаться схватить офицерский пистолет - плохая идея.

was protest in Manhattan, and looting in Chicago and Oakland.

Black “leaders” said the usual foolish things. Marcia Fudge, Democrat from Ohio and chair of the Congressional Black Caucus, says the grand jury decision “seems to underscore an unwritten rule that Black lives hold no value; that you may kill Black men in this country without consequences or repercussions.”

Al Sharpton said the justice system is “deeply flawed” and “very suspect.”

What else is new?

It is far more interesting that Barack Obama felt compelled to make an unusual evening statement to the press. What he said—after all, he is President of the United States—is actually more outrageous than the Fudge nonsense about how blacks can be killed with impunity.

Mr. Obama spoke for nearly 10 minutes, and spent seven of them *blaming the police*. He said protesters have “legitimate issues of how communities and law enforcement interact,” and called anger over the refusal to indict “an understandable reaction.” He explained that Ferguson is an example of the “broader challenges that we still face as a nation.” He said he has “instructed Attorney General Holder to work with cities across the country . . . to train law enforcement so it conducts itself in a way that is fair to everybody.”

“This is not just an issue for Ferguson, this is an issue for America,” he explained, adding that the country can look forward to “tackling much-needed criminal justice reform.” “America isn’t everything that it could be,” he said sorrowfully, but “we can make progress not just in Ferguson but in a lot of other cities and communities around the country.”

In other words, his friend Al Sharpton is right. The American justice system is deeply flawed.

The president did not have *one word of criticism* for Michael Brown. Not once did he say it’s a bad idea to get high on marijuana and commit strong-arm robbery. Not once did he say it’s a bad idea to punch a policeman. Not once did he say it’s a bad idea to try to grab an officer’s gun. Not once did he say it’s a bad

Ни разу он не сказал, что это плохая идея - угрожающе направиться к полицейскому, который уже несколько раз выстрелил в тебя. Люди, которые делают эти вещи - независимо от их расы - имеют отличный шанс быть застреленным, и это так и должно быть.

Президент действительно произнес слова: «никогда не бывает оправдания для насилия, но он не говорил о Майкле Брауне. Он просил злых чернокожих, которые уже бросали бутылки в полицию в Фергюсоне, конструктивно направлять свою праведную ярость»:

Мистер Обама может поручить 1000 Эрикам Холдерсу выйти и держаться за руки с полицейскими. Оставшуюся часть своего срока он может жаловаться на «более широкие проблемы, с которыми мы все еще сталкиваемся как нация» и «на решение столь необходимой реформы уголовного правосудия: «Но какой именно недостаток в системе правосудия привел к смерти Майкла Брауна? Или что заставило большое жюри не предъявить обвинения? Если уголовное правосудие «нарушено», как иммиграционная система, что необходимо исправить?»

Президент даже верит в свою собственную глупость?

Проблема заключается в насильственных преступниках, а не в глубоко испорченной «системе правосудия». Это поразительно очевидно для любого, кто не полностью озадачен образованием в колледже и MSNBC. Обычные американцы понимают это, и они наводнят ток-радио и доминируют в секциях комментариев на новостных сайтах. Но вы сможете по пальцам одной руки подсчитать избранных чиновников или комментаторов, которые говорят о Фергюсоне что-нибудь, что не является глупостью или плохой самоуверенностью.

Это решение большого жюри и его последствия похожи на Tawana Brawley, дело об изнасиловании герцога, Jena Six, Trayvon Martin и тысячи других расовых мистификаций и мошеннических игр, которые медленно, но верно истощают терпение белых людей.

Эта статья была опубликована на AmRen.com 25 ноября 2014 года.

idea to head menacingly towards a policeman who has already fired a few shots at you. People who do those things—whatever their race—have an excellent chance of being shot, and that’s as it should be.

The president did pronounce the words, “there’s never an excuse for violence,” but he wasn’t talking about Michael Brown. He was asking angry blacks—who were already throwing bottles at the police in Ferguson—to channel their righteous rage “constructively.”

Mr. Obama can instruct 1,000 Eric Holders go out and hold hands with police officers. He can spend the rest of his term moaning about “the broader challenges we still face as a nation” and “tackling much-needed criminal justice reform.” But what is the precise flaw in the justice system that caused Michael Brown to die? Or that caused the grand jury to fail to indict? If criminal justice is “broken” like the immigration system, what needs to be fixed?

Does the president even believe his own baloney?

The problem is violent criminals, not a “deeply flawed” justice system. This is dazzlingly obvious to anyone not completely addled by a college education and MSNBC. Ordinary Americans understand this, and they will flood talk radio and dominate the comments sections on news sites. But you’ll be able to count on the fingers of one hand the elected officials or commentators who say anything about Ferguson that isn’t feel-good foolishness or outright anti-white nastiness.

This grand jury decision and its aftermath are like Tawana Brawley, the Duke rape case, the Jena Six, Trayvon Martin, and a thousand other racial hoaxes and con games that are slowly but surely wearing out the patience of white people.

This article was published at AmRen.com on November 25, 2014.

Нью-Йорк Таймс натывается на правду в Балтиморе

И ОТКРЫВАЕТ, ПОЧЕМУ ЧЕРНЫ БУМА.

12 апреля 2015 года полиция Балтимора арестовала 25-летнего темнокожего мужчину по имени Фредди Грей, который впоследствии скончался под стражей в полиции. Позже в том же месяце негритянские беспорядки заявили, что Грей был убит расистской полицией. Мобы разграбили и сожгли местные предприятия, и были вызваны войска Национальной гвардии, чтобы подавить то, что было одним из самых серьезных гражданских беспорядков после беспорядков в Лос-Анджелесе в 1992 году.

Шесть полицейских - три черных и три белых - были обвинены в смерти Грэя, что было расценено как капитуляция администрации черного города перед насилием толпы. Все шесть офицеров были оправданы или обвинения сняты. Было установлено, что Грей, вероятно, получил смертельную травму, когда он встал в движущемся полицейском фургоне, в то время как наручники и кандалы потеряли равновесие, и ударились головой, когда он упал.

Вчерашняя статья в «Нью-Йорк Таймс» («Шерил Столберг», «Разброс толпы, когда наступает комендантский час в Балтиморе»: 28 апреля 2015 г.) натолкнулась на что-то вроде настоящей причины, по которой негры устроили беспорядки в Балтиморе. Рядом со знаменитым сгоревшим CVS - городом попросил CVS «инвестировать» в изворотливый район - репортер *Times* нашел кого-то, кого он назвал «Роберт Уилсон, студент колледжа, который учился в средней школе в Балтиморе». Статья заканчивается объяснением г-на Уилсона о причинах беспорядков у черных. ничего не сказал о Фредди Грей или жестокости полиции. Вместо этого он сказал это:

Мы просто злимся на окружение - как будто это все, что нам дано? - и мы устали от этого, как будто никто не хочет просыпаться и видеть разрушенные здания. Они забирают общественные центры, они забирают наших отцов, и теперь у нас есть светофоры, которые не работают, у нас есть дома, которые рушатся, падают.

Эта цитата почти идеально отражает черный менталитет, который ведет к беспорядкам.

The New York Times Stumbles onto the Truth in Baltimore

AND DISCOVERS WHY BLACKS RIOT.

On April 12, 2015, a 25-year-old black man named Freddie Gray was arrested by Baltimore police and later died in police custody. Later that month, blacks rioted, claiming Gray was killed by racist police. Mobs looted and burned local businesses, and National Guard troops were called in to put down what was one of the most serious civil disorders since the 1992 Los Angeles riots.

Six police officers—three black and three white—were charged in Gray's death in what was widely seen as a black city administration's capitulation to mob violence. All six officers were acquitted or had charges dropped. It was determined that Gray probably received a fatal injury when he stood up in a moving police van while handcuffed and shackled, lost his balance, and hit his head when he fell.

An article from yesterday's *New York Times* [Sheryl Stolberg, "Crowds Scatter as Baltimore Curfew Takes Hold," April 28, 2015] stumbled onto something like the real reason why blacks rioted in Baltimore. Near the famous burned-out CVS—the city had begged CVS to "invest" in a dodgy neighborhood—the *Times* reporter found someone it identified as "Robert Wilson, a college student who went to high school in Baltimore." The article concludes with Mr. Wilson's explanation of why blacks rioted. He said nothing about Freddie Gray or police brutality. Instead, he said this:

We're just angry at the surroundings—like this is all that is given to us?—and we're tired of this, like nobody wants to wake up and see broken-down buildings. They take away the community centers, they take away our fathers, and now we have traffic lights that don't work, we have houses that are crumbling, falling down.

This quote almost perfectly captures the black mentality that

Чернокожие живут в кварталах, которые они сами разрушили, и затем спрашивают: «Это все, что нам дано?»

Трудолюбивые белые люди строили «разрушенные» здания, на которые жалуется г-н Уилсон. У многих были паркетные полы, высокие потолки и прекрасные лепные украшения, найденные сегодня только в самой дорогой новой постройке.

После беспорядков в Балтиморе в 1968 году белые запаниковали и продали свою собственность по отчаянным ценам. Теперь эти дома "сломаны", потому что черные не поддерживали их. Эта модель белого полета и «разрушенных» домов повторялась в Детройте, Филадельфии, Чикаго, Нью-Йорке, Вашингтоне, Сент-Луисе, Мемфисе, Атланте, Бирмингеме, Джексонвилле и многих других американских городах. Часть лучшего городского жилья в мире была передана чернокожим, которые разрушили его. Окрестности, заполненные незаменимой архитектурой, теперь являются пустошами. Средство от «разрушающихся, падающих» домов предназначено для людей, которые живут в них, чтобы починить их, но вместо этого г-н Уилсон спрашивает: «Это все, что нам дано?»

Подобно многим чернокожим, мистер Уилсон не понимает, насколько это извращенно даже думать о домах и микрорайонах, которые "кому-то" дают. Представляет ли он, что белые власти «раздают» красивые кварталы белым и жестоко раздают трущобам чернокожим? Конечно, они не начинали как трущобы. Whites сохранены и упорно трудились, чтобы построить эти районы.

Но в современном мире благосостояния, продовольственных талонов, государственного жилья и белой вины мистер Уилсон не знает ничего лучше, чем просить раздаточные материалы. Джесси Джексон так же погружен в себя. На похоронах Фредди Грея он хотел знать: «Почему [черный] Вестсайд не может получить то же самое, что и в центре города?» Джесси Джексон задает тот же вопрос: «Это все, что нам дано?»

А кому именно не дают достаточно? Балтимор избрал своего первого черного мэра в 1987 году. Сегодня мэр, начальник полиции, начальник пожарной охраны и половина полицейских являются черными. Две трети населения и большая часть городского совета чернокожие. Но когда мистер Уилсон и Джесси Джексон жалуются на скупость, они не обвиняют мэра Стефани Ролингс-Блейк; они обвиняют белых людей.

leads to rioting. Blacks live in neighborhoods that they themselves have wrecked, and then ask, "This is all that is given to us?"

Hard-working white people built the "broken-down" buildings Mr. Wilson is complaining about. Many had parquet floors, high ceilings, and fine moldings found today only in the most expensive new construction.

After race riots in Baltimore in 1968, whites panicked and sold their property at desperation prices. Now, these houses are "broken down" because blacks didn't maintain them. This pattern of white flight and "broken down" houses has been repeated in Detroit, Philadelphia, Chicago, New York, Washington, St. Louis, Memphis, Atlanta, Birmingham, Jacksonville, and countless other American cities. Some of the best city housing in the world was handed over to blacks who wrecked it. Neighborhoods filled with irreplaceable architecture are now wastelands. The remedy for "crumbling, falling down" houses is for the people who live in them to fix them, but instead, Mr. Wilson asks, "Is this all that is given to us?"

Like so many blacks, Mr. Wilson doesn't realize how perverse it is even to think in terms of houses and neighborhoods being "given" to anyone. Does he imagine white authorities "giving" nice neighborhoods to whites and cruelly handing out slums to blacks? They didn't start out as slums, of course. Whites saved and worked hard to build those neighborhoods.

But in today's world of welfare, food stamps, government housing, and white guilt, Mr. Wilson doesn't know any better than to ask for handouts. Jesse Jackson is just as self-absorbed. At the funeral for Freddie Gray he wanted to know, "Why can't the [black] West Side get the same things downtown gets?" Jesse Jackson is asking the same question: "Is this all that is given to us?"

And who, exactly, is not giving enough? Baltimore elected its first black mayor in 1987. Today, the mayor, the police chief, the fire chief, and half the police force are black. Two thirds of the population and most of the city council are black. But when Mr. Wilson and Jesse Jackson complain about stinginess, they are

Мистер Уилсон говорит, что чернокожие в Балтиморе бунтуют, потому что они «злы на окружающее». Черные делают свое окружение уродливым и несчастным, а затем делают их еще более уродливыми и несчастными, сжигая их. И тогда они спрашивают: «Это все, что нам дано?»

У мистера Уилсона больше жалоб: «Они забирают общественные центры, они забирают наших отцов». Мэр Роулингс-Блейк сократил финансирование 20 из 55 городских общественных центров в 2013 году, но частные фонды и районные организации поддержали большинство из них. Мятеежники сожгли один в понеделник.

А отцы? В 1983 году в Балтиморе был самый высокий уровень нелегитимности чернокожих в стране: 76 процентов, в то время как национальный показатель для чернокожих составлял около 55 процентов. Теперь, когда национальный уровень черного населения составляет 72 процента, какова будет цифра для Балтимора? Девяносто процентов? Девяносто пять процентов? Кто бы «они» ни были, им не нужно было много работать, чтобы «забрать наших отцов». Черных отцов никогда не было там с самого начала.

Неудивительно, что мистер Уилсон считает, что чернокожим не «дали» то, что они заслуживают, и что «они» забрали его отца. Он студент колледжа - вероятно, на стипендии - и это то, чему учат чернокожих из начальной школы.

«*Нью-Йорк таймс*» неизменно обвиняет «расизм» и привилегию белых в бедственном положении черных. Предполагается, что если бы только белые могли обуздать свой фанатизм, черные бы расцвели и процветали. Примечательно, что он завершил эту статью цитатой, которая так жестоко подрывает его собственные предположения. Люди, которые думают, что «они» забрали своих отцов, которые обвиняют других в их «разрушенных зданиях», которые смотрят на страдания своего собственного производства и спрашивают «Это все, что нам дано?» - такие люди не расцветут и процветать независимо от того, что делают белые люди.

Эта статья была опубликована на AmRen.com 29 апреля 2015 года.

not blaming Mayor Stephanie Rawlings-Blake; they are blaming white people.

Mr. Wilson says Baltimore's blacks rioted because they are "angry at the surroundings." Blacks make their surroundings ugly and miserable, and then make them even more ugly and miserable by burning them down. And then they ask, "Is this all that is given us?"

Mr. Wilson has more complaints: "They take away the community centers, they take away our fathers." Mayor Rawlings-Blake cut funding for 20 of 55 city-run community centers in 2013, but private foundations and neighborhood organizations kept most of them going. Rioters burned one down on Monday.

And fathers? In 1983, Baltimore had the highest black illegitimacy rate in the country: 76 percent, at a time when the national rate for blacks was about 55 percent. Now that the national black rate is 72 percent, what is the figure likely to be for Baltimore? Ninety percent? Ninety-five percent? Whoever "they" are didn't have to work very hard to "take away our fathers." Black fathers were never there to begin with.

It's no surprise that Mr. Wilson thinks blacks haven't been "given" what they deserve, and that "they" took away his father. He's a college student—probably on scholarship—and that's what blacks are taught from grade school.

The *New York Times* invariably blames "racism" and white privilege for the plight of blacks. It assumes that if only whites could curb their bigotry, blacks would bloom and flourish. It is remarkable that it concluded this article with a quotation that so brutally undercuts its own assumptions. People who think "they" have taken away their fathers, who blame others for their "broken down buildings," who look at misery of their own making and ask "Is this all that is given to us?"—such people will not bloom and flourish no matter what white people do.

This article was published at AmRen.com on April 29, 2015.

Как сделаны новые американцы

Больше не тает.

Последний шаг к получению гражданства США - церемония принятия присяги федеральным судьей. Я всегда хотел посмотреть церемонию, и недавно присутствовал на одном в федеральном окружном суде в Александрии, штат Вирджиния.

По этому случаю было 60 будущих граждан в сопровождении, возможно, 40 гостей и друзей. Несколько человек были в деловой одежде, но большинство были одеты для покупок или спортивных мероприятий. Зал суда был полон, но будущие граждане сидели отдельно от своих друзей, поэтому болтовни было очень мало, пока мы ждали начала. Юрист из INS (Служба иммиграции и натурализации) была хозяйкой церемоний. Она была латиноамериканкой с отчетливым испанским акцентом и с самого начала упомянула, что она тоже иммигрант. Она затронула несколько практических вопросов, например, как подать заявление на получение паспорта США, а затем взялась за дело. Она заранее извинилась за любые неправильные произношения, а затем вызвала имена каждого из пришельцев и попросила их указать свое первоначальное гражданство. Она произнесла большое количество испанских имен с четким испанским акцентом. Никто не думал, что это странно, что она не коренная американка или что она говорит по-английски с акцентом.

Я внимательно слушал, как 60 человек сказали, откуда они: Гватемала, Сомали, Ливан, Панама, Гана, Китай, Египет, Корея, Вьетнам, Перу, Турция, Гондурас, Сьерра-Леоне и т. Д. Был только один европеец, англичанка, которая позже ушел с тем, что казалось ее американским мужем и ребенком. Был также один «русский», который был больше армян или азери, чем европейские. Из задней части зала заседаний эта коллекция созданных американцев была практически непрерывным морем черных волос.

Пока мы ждали прибытия судьи, адвокат INS одобрительно отметил, сколько стран было представлено. «Ценность Соединенных Штатов в том, что мы приехали со всех концов света», - сказала она. «Это то, что делает нас особенными».

How New Americans are Made

MELTING POT NO MORE.

The final step in becoming a naturalized U.S. citizen is an oath-taking ceremony conducted by a federal judge. I have always wanted to watch the ceremony, and recently attended one at the federal district court in Alexandria, Virginia.

On this occasion, there were 60 citizens-to-be, accompanied by perhaps 40 guests and friends. A few people were in business clothes, but most were dressed for shopping or a sports event. The courtroom was full, but the citizens-to-be were seated separately, away from their friends, so there was very little chatter as we waited for things to begin. A lawyer from the INS was mistress of ceremonies. She was Hispanic, with a distinctly Spanish accent, and mentioned at the outset that she, too, was an immigrant. She covered a few practical questions, such as how to apply for a U.S. passport, and then got down to business. She apologized in advance for any mispronunciations, and then called out the names of each of the aliens and asked them to state their original nationalities. She spoke the large number of Hispanic names in a clear, Spanish accent. No one seemed to think it odd that she not be a native American or that she should speak accented English.

I listened carefully as 60 people said where they were from: Guatemala, Somalia, Lebanon, Panama, Ghana, China, Egypt, Korea, Vietnam, Peru, Turkey, Honduras, Sierra Leone, etc. There was just one European, an Englishwoman who later left with what appeared to be her American husband and child. There was also one “Russian” who looked more Armenian or Azeri than European. From the back of the courtroom, this collection of Americans-in-the-making was a virtually unbroken sea of jet-black hair.

As we waited for the judge to arrive, the INS lawyer remarked approvingly on how many countries were represented. “The worth of the United States is that we come from all parts of the world,” she said. “That’s what makes us special.” She urged every-

Она призвала каждого познакомиться со своим соседом, чтобы иметь возможность рассказать внукам, что в тот великий день, когда семья стала американской, «я сидел рядом с кем-то из Египта или из Гватемалы». У леди INS не хватало слов, и через шесть или семь минут беспокойства достопочтенный Барри Порец прибыл в своем черном халате, чтобы принести присягу на гражданство.

Он намеренно разбил клятву на короткие кусочки, чтобы те, чей английский был немного новым, могли следовать за ним. Все они подняли свои правые руки и отказались от прежней лояльности по отношению к любому «принцу, властелине, государству или суверенитету» и пообещали нести «истинную веру и верность» Конституции США. Они также поклялись носить оружие на службе Соединенных Штатов, если того требует закон, и что они дали клятву гражданства «свободно, без ментальной оговорки или цели уклонения».

Затем судья Порец выступил с небольшой речью, сказав, что его дедушка был иммигрантом и что он всегда рад приветствовать новых граждан в Соединенных Штатах. Он отметил, что, хотя в прошлом люди думали о Соединенных Штатах как о плавильном котле, он думал, что страна больше похожа на рагу. «Рецепт лучше, потому что вы все поддерживаете этническое происхождение, а страна лучше для этого», - сказал он. Он призвал всех присутствующих в зале беречь свое национальное наследие, объяснив, что «это то, что делает рагу лучше, а страну лучше». Он не упомянул Конституцию, в которой 60 человек только что дали клятву веры и верности, и при этом он не обсуждал, что составляет уклонение или психическое расстройство. Ни разу он не упомянул значение клятвы гражданства; никто другой тоже не сделал.

После того, как судья покинул зал суда, леди INS поздравила новых граждан и рассказала о важности голосования. Она объяснила, что волонтеры в зале суда помогут им зарегистрироваться. Следующим оратором была Линетт Андерсон, член «Дочерей американской революции». Ее предметом была свобода - как ее революционный предок боролся за это и как рада, что она была «рождена» в этом. В замечаниях, которые могли показаться слегка оскорбительными для их бывших национальностей, она сказала новым гражданам, что они «очень особенные», потому что «теперь все ваши потомки родятся на свободе»:

one to get acquainted with his neighbor, so as to be able to tell grandchildren that on that grand day when the family became American “I was sitting next to someone from Egypt—or from Guatemala.” The INS lady ran out of things to say, and after about six or seven fidgety minutes the Honorable Barry Poretz arrived in his black robe to administer the oath of citizenship.

He considerately broke the oath up into short pieces so those whose English was a little new could follow along. They all raised their right hands and renounced all former loyalty to any “prince, potentate, state or sovereignty” and promised to bear “true faith and allegiance” to the United States Constitution. They also swore to bear arms in the service of the United States should the law require it, and that they took the oath of citizenship “freely, without mental reservation or purpose of evasion.”

Judge Poretz then gave a little talk, saying that his grandfather had been an immigrant and that it always makes him happy to welcome new citizens to the United States. He noted that although in the past people had thought of the United States as a melting pot he thought the country was more like a stew. “The recipe is better because you all maintain your ethnic backgrounds, and the country is better for that,” he said. He urged everyone in the room to cherish his national heritage, explaining that “that’s what makes the stew better and the country better.” He did not mention the Constitution, to which 60 people had just sworn faith and allegiance, nor did he discuss what constitutes evasion or mental reservation. Not once did he mention the meaning of the oath of citizenship; no one else did either.

After the judge left the courtroom, the INS lady congratulated the new citizens and spoke about the importance of voting. She explained that volunteers in the courtroom would help them register. The next speaker was Lynette Anderson, a member of the Daughters of the American Revolution. Her subject was freedom—how her Revolutionary ancestor had fought for it, and how glad she was to have been “born into” it. In remarks that could have seemed mildly offensive to their former nationalities, she told the new citizens that they were “very special” because

Она также призвала их написать письма своим потомкам с описанием «вашей американской мечты»: она сказала, что хотела бы получить такое письмо от своего предка-революционера, и пообещала бывшим сомалийцам и вьетнамцам, что их потомки однажды будут взволнованы, чтобы иметь такую вещь.

Затем мисс Андерсон привела группу клятвы верности флагу. Это было неловкое, бормочущее дело, и хотя Дочь объяснила, что правая рука должна была быть помещена над сердцем, немало - помните: их английский был новым - подняли руки в воздухе, как и для клятвы гражданства ,

Затем 60 имен снова были вызваны, и новые американцы прошли к передней части комнаты, чтобы собрать свидетельства о натурализации. Когда каждый человек подал заявку, представитель Александрийской группы регистрации избирателей раздал регистрационные формы, а мисс Андерсон дала каждому человеку маленький американский флаг. Я взглянул на свидетельство бывшего египтянина. На нем была выгравирована привлекательная фотография с цветной фотографией, и подделать ее было нелегко.

Один из людей, регистрирующих избирателей, стоял у дверей зала суда, пожимая руки и говоря "поздравления" каждому новому американцу с его выходом. Я сказал ей, что не многие, кажется, регистрируются для голосования. «Многие из них не понимают, о чем идет речь», - ответила она приятно.

Церемония подошла к концу. Я был удивлен, что не заметил никаких эмоций. Хотя дамы из INS и DAR пытались придать церемонии какое-то значение, они не получили никакой реакции от своей аудитории. Это могла быть толпа в ожидании автобуса или жюри в ожидании дела. Наблюдая, как мои сограждане - почти все возможные расы, кроме белых - выходят из зала суда, я не мог не думать, что то, что должно было выглядеть как странная, чуждая коллекция неамериканских людей, не выглядело так кстати вообще. На самом деле это выглядело как любая толпа большого города, ожидающая автобуса.

Эта статья впервые появилась в июньском номере "Американского Ренессанса" за 1998 год .

“now all of your descendants will be born into freedom.” She also urged them to write letters to their descendants, describing “your American dream.” She said she wished she had a letter of that kind from her Revolutionary ancestor, and promised the former Somalis and Vietnamese that their descendants would, one day, be thrilled to have such a thing.

Miss Anderson then led the group in pledging allegiance to the flag. This was an awkward, mumbling business, and though the Daughter explained that the right hand was to be placed over the heart, quite a few—remember: their English was new—raised their hands in the air as they had for the oath of citizenship.

The 60 names were then called out again, and the new Americans marched up to the front of the room to collect certificates of naturalization. As each person filed by, a representative of a group called Alexandria Voter Registration handed out registration forms, and Miss Anderson gave each person a small American flag. I glanced at the certificate of a former Egyptian. It was attractively engraved, with a color photograph attached, and did not look easy to counterfeit.

One of the voter registration people stood at the door of the courtroom, shaking hands and saying “congratulations” to each new American on his way out. I mentioned to her that not many seemed to be registering to vote. “A lot of them don’t understand what it’s about,” she replied pleasantly.

The ceremony straggled to a close. I was surprised to have observed no emotions of any kind. Although the ladies from the INS and the DAR tried to give the ceremony some kind of significance they got no reaction from their audience. It could have been a crowd waiting for a bus or a jury pool waiting for a case. As I watched my fellow citizens—just about every possible race but white—walk out of the courtroom, I couldn’t help thinking that what should have seemed like an odd, alien collection of un-American-looking people didn’t look that way at all. It looked, in fact, like just about any big-city crowd waiting for a bus.

This article first appeared in the June 1998 issue of American Renaissance.

Это смерть Европы?

ЕВРОПА ОТКРЫВАЕТ ВОРОТА ЕГО СТАРЕЙШЕМУ ВРАГУ.

Распространение других рас обрекает нашу расу, мою расу, безвозвратно на вымирание в будущем столетии, если мы будем твердо придерживаться наших нынешних моральных принципов.

- Джин Распэйл, Лагерь Святых, 1973

Сорок два года назад великий французский писатель Жан Распай написал глубоко предсказуемый роман. Флотилия ржавых кораблей, набитых нищими, отправляется в плавание из стран третьего мира. Они направляются к Французской Ривьере, где миллион несчастных людей с коричневой кожей надеются штурмовать пляжи и питаться богатым белым Западом. Будет ли французская армия стрелять по захватчикам или принимать их как беженцев? В конце они не делают ни; солдаты бросают оружие и убегают, когда толпа спотыкается на берегу. Последуют еще миллионы, и Европа погаснет.

Лагерь Святых никогда не выходил из печати и был переведен на все основные европейские языки - и все же освещение нынешнего европейского кризиса "мигрантов" продолжается, как если бы оно никогда не было написано. Массы, прибывающие из Сирии, Афганистана, Ирака и множества африканских стран, делают именно то, что предсказал г-н Распайль, и, к сожалению, европейцы.

Основная проблема, которая не может быть решена, заключается в том, что белые создали самые приятные места для жизни в истории человечества, в то время как, за редким исключением, везде есть куча навоза. В некоторых случаях, таких как Афганистан, Ирак и Ливия, вмешательство Запада усугубляет ситуацию, но даже без этого сотни миллионов небелых в различных странах переместятся в Европу или Америку, если смогут.

И теперь они могут.

Лагерь Святых ставит дилемму белого человека в самых суровых терминах: зарезать сотни тысяч мужчин, женщин и детей или забвение перед лицом. Флотилия отправляется в плавание, уверенная, что у европейцев нет мужества убивать, чтобы выжить.

Is This the Death of Europe?

EUROPA UNBARS THE GATES TO HER OLDEST ENEMY.

The proliferation of other races dooms our race, my race, irretrievably to extinction in the century to come, if we hold fast to our present moral principles.

—Jean Raspail, *The Camp of the Saints*, 1973

Forty-two years ago, the great French author Jean Raspail wrote a deeply prescient novel. A flotilla of rusty ships packed with beggars sets sail from the Third World. They head for the French Riviera, where a million wretched, brown-skinned people hope to storm the beaches and feed on the wealthy white West. Will the French army fire on the invaders or welcome them as refugees? In the end they do neither; soldiers throw down their weapons and run away as the mob stumbles ashore. Millions more follow, and Europe is snuffed out.

The Camp of the Saints has never gone out of print, and has been translated into all major European languages—and yet the coverage of the current European “migrant” crisis goes on as if it had never been written. The masses pouring in from Syria, Afghanistan, Iraq, and a host of African countries are doing exactly what Mr. Raspail predicted they would and, tragically, so are the Europeans.

The underlying problem—and one that cannot be solved—is that whites have built the most pleasant places to live in human history while, with only a few exceptions, everywhere else is a dung heap. In some cases, such as Afghanistan, Iraq, and Libya, Western meddling has made things worse, but even without that, hundreds of millions of non-whites in a hundred different countries would move to Europe or America if they could.

And now, they can.

The Camp of the Saints put the white man’s dilemma in the harshest terms: slaughter hundreds of thousands of men, women, and children or face oblivion. The flotilla sets sail confident that Europeans do not have the nerve to kill in order to survive. Today

Сегодня и третий мир пересекает Средиземное море, уверенный в том, что у белых нет смелости даже повернуть их назад. Каждый бомж, который получает кровать в приемном центре в Лампедузе или Дортмунде, пишет в Твиттере хорошие новости сотням людей в Сомали и Сирии. Они будут идти бесконечными волнами до тех пор, пока их не остановят, и если они не будут остановлены, Европа умрет, так же, как это происходит в *Лагере Святых*.

То, что делают европейцы, отражает что-то глубокое в их природе, что делает их способными к необычным уровням патологического альтруизма. Но нынешнее вторжение также имеет правовое происхождение, которое относится к Конвенции Организации Объединенных Наций 1951 года о статусе беженцев. Он определил беженца как кого-то:

[кто] из-за [обоснованного страха преследования по признаку расы, религии, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, находится за пределами страны его гражданства и не может или вследствие такого страха, не желает пользоваться защитой этой страны.

Конвенция требовала «невысылки», что означало, что беженцев нельзя возвращать на границу. Он также запрещает странам применять к беженцам обычные наказания за незаконный въезд. Конвенция возникла во время Второй мировой войны, применялась только к европейцам и давала подписавшим сторонам возможность ограничить свое определение беженцев лицами, которые были перемещены «в результате событий, имевших место до 1 января 1951 года».

В 1951 году население мира составляло 2,5 миллиарда человек. Сейчас оно составляет 7,3 миллиарда, и подавляющая часть роста приходится на те самые страны, которые настолько несчастны, что огромное количество их граждан хотят уехать.

Соединенные Штаты не подписали конвенцию. В 1968 году она подписала протокол, добавленный к конвенции, который удалил первоначальные географические и временные ограничения. Это означало, что подписавшиеся должны были принимать кого угодно из любого места, всегда. Однако до 1968 года Соединенные Штаты не имели юридического обязательства принимать каких-либо беженцев.

as well, the Third World is crossing the Mediterranean confident that whites don't have the nerve even to turn them back. Every vagabond who gets a bed in a reception center in Lampedusa or Dortmund tweets the good news to a hundred people back in Somalia and Syria. They will come in endless waves until they are stopped, and if they are not stopped Europe will die, just as it does in *The Camp of the Saints*.

What Europeans are doing reflects something deep in their nature, which makes them capable of extraordinary levels of pathological altruism. But the present invasion also has a legal background that dates to the 1951 United Nations Convention Relating to the Status of Refugees. It defined a refugee as someone:

[who] owing to [a] well-founded fear of being persecuted for reasons of race, religion, nationality, membership of a particular social group or political opinion, is outside the country of his nationality and is unable or, owing to such fear, is unwilling to avail himself of the protection of that country.

The convention required “non-refoulement,” which meant refugees cannot be turned back at the border. It also prohibited countries from applying to refugees the usual punishments for illegal entry. The convention came out of the Second World War, applied only to Europeans, and gave signatories the option of limiting their definition of refugees to people who were displaced “as a result of events occurring before 1 January 1951.”

In 1951, the world population was 2.5 billion. It is now 7.3 billion, and the overwhelming bulk of the growth has been in those very countries that are so miserable that huge numbers of their citizens want to leave.

The United States did not sign the convention. What it did sign, in 1968, was a protocol added to the convention, which removed the original geographic and time limits. This meant signatories were required to take in anyone from anywhere, forever. Until 1968, however, the United States had no legal obligation to accept any refugees.

Virtually every member of the United Nations has signed both

Практически каждый член Организации Объединенных Наций подписал оба документа - например, Науру, подписанный в 2011 году - но такие страны, как Восточный Тимор, Афганистан и Зимбабве, не боятся, что их призовут выполнять свои обязательства.

Верховный комиссар Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ ООН) создает лагеря для беженцев и должен их проверять. За исключением сумасшедших обстоятельств, подобных тем, которые происходят сегодня в Европе, страны сами решают, сколько беженцев они примут, и обсуждают с УВКБ ООН, кого они примут. Поставка практически не ограничена не ограничено: в прошлом году УВКБ заявило, что в мире насчитывается более 50 миллионов перемещенных лиц, и они считают, что около 17 миллионов из них являются настоящими беженцами.

За исключением стран, расположенных рядом с местами, где люди пытаются покинуть страну, белые страны принимают на себя большинство беженцев. Китай полностью игнорирует правило «невыворения», возвращая бирманских племен, которых власти вытесняют из страны. В 2014 году Япония приняла только 11 из 5000 ходатайств о предоставлении убежища. Мексика, которая посылает нам миллионы людей, принимает еще меньше: в настоящее время в Японии насчитывается 1677 беженцев, а в Японии - 2649 человек. И это не так, как будто никто не относится к Мексике. Центральная Америка произвела много «беженцев», но Мексика их не примет.

Страны просто делают то, что им нравится, потому что в конвенциях нет механизма принуждения. Единственной ценой для отвергающихся беженцев являются обвинения в бессердечии, и пока страна не белая, ее даже немного.

В отношении Саудовской Аравии, Кувейта и богатых государств Персидского залива были некоторые разговоры, которые позволили получить лишь несколько тщательно отобранных сирийцев - по рабочим визам. На самом деле, они единственные честные игроки в игре; они не подписали конвенции, поэтому им не нужно никого принимать. В то же время они потратили сотни миллионов долларов в лагерях для перемещенных сирийцев в Турции, Ливане и Иордании. Только в Объединенных Арабских Эмиратах потрачено более полмиллиарда на размещение своих братьев-мусульман. ООН и западные страны также потратили несколько миллиардов долларов на эти лагеря, где около 3,7 миллиона перемещенных сирийцев жили в безопасности, хотя и не роскошно, в течение многих лет.

documents—Nauru, for example, signed in 2011—but countries such as East Timor, Afghanistan, and Zimbabwe have little fear of being called on to fulfill their obligations.

The United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR) sets up camps for refugees and is supposed to screen them. Except under crazy circumstances like those in Europe today, countries decide how many refugees they will accept, and dicker with UNHCR over who they will take. The supply is essentially unlimited: Last year, UNHCR said there were more than 50 million displaced people around the world, and they considered about 17 million of them genuine refugees.

Except for the countries right next to the places people are trying to leave, white countries accept by far the most refugees. China completely ignores the “non-refoulement” rule, turning back Burmese tribal people whom the authorities are driving out of the country. In 2014, Japan accepted only 11 out of 5,000 applications for asylum. Mexico, which sends us millions of people, accepts even fewer: It now has a total of 1,677 refugees to Japan’s 2,649. And it’s not as though no one applies to Mexico. Central America has produced plenty of “refugees,” but Mexico won’t take them.

Countries just do what they please, because the conventions have no enforcement mechanism. The only price for spurning refugees is accusations of heartlessness, and so long as a country isn’t white, there isn’t even much of that.

There has been some clucking about Saudi Arabia, Kuwait, and the rich Gulf States, which let in only a few carefully selected Syrians—on work visas. In fact, they are the only honest players in the game; they haven’t signed the conventions so they don’t have to accept anyone. At the same time, they have spent hundreds of millions of dollars on camps for displaced Syrians in Turkey, Lebanon and Jordan. The United Arab Emirates alone have splashed out more than half a billion to house their fellow Muslims. The UN and Western countries have also spent several billion dollars on those camps, where about 3.7 million displaced Syrians have been living safely—though not luxuriously—for years.

И именно это делает этот «кризис беженцев» не просто бедствием для Европы, но абсурдом. В новостях регулярно говорят о том, что сирийцы «спасаются от войны и беспорядков на Ближнем Востоке», но это не значит, что гражданская война в Сирии внезапно переросла в жестокость, и потрясенные ракушками семьи начали покидать зоны боевых действий только с одеждой на спине. Многие решили, что они просто устали от лагерей беженцев, и, фактически, в Ливане несколько сократили раздаточные материалы. Те, кто приезжает прямо из Сирии, просто хотят получить шанс и в Европе. Одна 35-летняя женщина, которая привела с собой двух маленьких детей из Алеппо, объяснила на венгерской границе: «Я решила покинуть Сирию, потому что я хочу, чтобы мои дети жили комфортно».

В любом случае, вряд ли бедные совершают путешествие. Контрабандисты берут 2000 долларов за взрослого, чтобы переправить людей всего в паре миль от Турции до греческого острова. Требуются деньги, чтобы добраться до Турции и поехать в Германию или Швецию, хотя некоторые европейские страны используют бесплатные поездки, еду и жилье. Эти новички не нуждаются; они жадные.

Наконец, этот «кризис беженцев» - это не просто абсурд; это чушь на ходулях. Сирийцы *не могут считаться беженцами* в соответствии с конвенциями. Как отмечалось выше, у беженца должен быть обоснованный страх *преследования*. Быть пойманным в зоне военных действий - это не преследование.

Однако правительство может принять решение рассматривать сирийцев как беженцев, и большинство европейских стран пообещали им особое обращение. Поэтому люди выбрасывают свои удостоверения личности, как только они попадают в Европу, и утверждают, что они сирийцы. В настоящее время существует оживленный рынок поддельных сирийских паспортов; Власти Германии конфисковали сотни бланков. Голландский журналист в Сирии заплатил 850 долларов за очень убедительно выглядящую на заказ подделку, и теперь они предлагаются в Интернете. Сирийцы вступают в борьбу с самозванцами, которые, по их мнению, мешают настоящим сирийцам регистрироваться в качестве беженцев.

Либералы ломают голову, пытаюсь понять, почему все вдруг решили приехать *сейчас*. Ответ прост: *потому что они могут*. Бесчисленные миллионы несчастных людей с коричневой кожей видели сотни тысяч африканцев из таких мест, как Сенегал и Нигерия, даже не выдвигая фантастических претензий на то, что они являются «беженцами», которые пересекают Средиземное море из Ливии.

And that is what makes this “refugee crisis” not just a calamity for Europe but an absurdity. News reports routinely talk about Syrians “fleeing war and turmoil in the Middle East,” but it’s not as though the Syrian Civil War suddenly turned brutal, and shell-shocked families started fleeing war zones with only the clothes on their backs. Many have decided they are just tired of refugee camps—and, in fact, the ones in Lebanon have cut back somewhat on handouts. Those coming straight from Syria just want a chance at Europe, too. As one 35-year-old woman who brought two young children with her from Aleppo explained at the Hungarian border, “I decided to leave Syria because I want my kids to have a comfortable life.”

In any case, it’s hardly the poor who are making the trip. Smugglers charge as much as \$2,000 per adult to ferry people just a couple of miles from Turkey to a Greek island. It takes money to get to Turkey and to travel on to Germany or Sweden—though some European countries are laying on free travel, food, and shelter. These newcomers are not the needy; they are the greedy.

Finally, this “refugee crisis” is not just an absurdity; it’s absurdity on stilts. Syrians *don’t qualify as refugees* under the conventions. As noted above, a refugee has to have a well-founded fear of *persecution*. Being caught in a war zone is not persecution.

A government can choose to treat Syrians as refugees, however, and most European countries have promised them special handling. People are therefore throwing away their identity papers as soon as they get to Europe and claiming to be Syrian. There is now a brisk market in fake Syrian passports; German authorities have confiscated hundreds of blanks. A Dutch journalist in Syria paid \$850 for a very convincing-looking custom-made fake, and they are now offered on the internet. Syrians have been getting into fights with imposters who, they think, make it harder for real Syrians to register as refugees.

Liberals are scratching their heads, trying to figure out why everyone suddenly decided to come *now*. The answer is simple: *Because they can*. Countless millions of miserable, brown-skinned people saw hundreds of thousands of Africans from such places

Итальянский флот не только спас их жизни, когда их лодки затонули, но и заставил их свободно перемещаться по континенту туда, где раздаточные материалы были самыми щедрыми. Жесткое обращение на раннем этапе - буксировка лодок туда, откуда они пришли, как это делают австралийцы, - немедленно остановило бы их. Вместо этого Европа по глупости открыла дверь и потрясена тем, что за этим последовало еще больше.

Германия, в частности, впускает всех, кто хочет приехать, и люди из разрушенных стран по всему миру знают, что хорошо, когда видят это. Вот почему только каждый пятый человек, прибывший в Европу за последние три месяца, является сирийцем. Остальные прибывают из Южного Судана, Бангладеш, Афганистана, Пакистана, Эритреи и всех других дыр в аду.

Канцлер Германии Ангела Меркель еще более усугубила ситуацию, объяснив, что в этом году она рассчитывает получить 800 000 человек. Теперь правительство говорит, что это может быть больше, чем миллион. Миссис Меркель была даже настолько глупа, что говорила, что «право на политическое убежище не имеет ограничений по количеству просителей убежища». Технически она права - в конвенциях ничего не говорится об ограничениях, - но это открытое приглашение для каждой страны-участницы повсюду.

Приглашение канцлера Меркель объясняет, почему почти миллион человек уже продвинулся в Европу, и еще бесчисленное множество находится на пути. Это объясняет, почему 3000 прибывают *каждый день* на крошечный греческий остров Лесбос. И почему в минувшую субботу около 4700 человек-основателей лодок были спасены у побережья Ливии (20 сентября). И почему разгром настолько перегружен европейскими транспортными системами, что поезд нужно было остановить между Будапештом и Веной, а также между Мюнхеном и Зальцбергом. Это объясняет горы мусора, еды и фекалий, которые приезжие оставляют позади, где бы они ни собирались.

Это объясняет, почему мы можем с нетерпением ждать такой пикантной иронии, как 75 000 мусульман, появляющихся в Мюнхене как раз к Октоберфесту. Испортят ли они удовольствие для 6 миллионов местных жителей и туристов, которые, как ожидается, проглотят 1,7 миллиона галлонов пива?

as Senegal and Nigeria—without even a fantasy claim to being “refugees”—swarming across the Mediterranean from Libya. Not only did the Italian Navy save their lives when their boats sank, it turned them loose on the continent to go wherever the handouts were most generous. Firm treatment early on—towing the boats back where they came from as the Australians do—would have stopped them right away. Instead, Europe foolishly opened the door and is shocked that more have followed.

Germany, especially, has been letting in anyone who wants to come, and people from wrecked countries all over the world know a good thing when they see it. That is why only about one in five of the people pouring into Europe over the last three months is even Syrian. The rest come from South Sudan, Bangladesh, Afghanistan, Pakistan, Eritrea, and every other hell hole.

Chancellor Angela Merkel of Germany made things much worse by announcing that she expects to take in 800,000 waifs this year. Now the government says it could be more like a million. Mrs. Merkel has even been so stupid as to say that “the right to political asylum has no limits on the number of asylum seekers.” Technically, she’s right—the conventions say nothing about limits—but this is an open invitation to every basket-case country everywhere.

Chancellor Merkel’s invitation explains why nearly a million people have already pushed their way into Europe, and countless more are on the way. It explains why 3,000 arrive *every day* on the tiny Greek Island of Lesbos. And why nearly 4,700 foundering boat people were rescued off the coast of Libya just last Saturday (Sept. 20). And why the crush has so overwhelmed European transport systems that train service had to be stopped between Budapest and Vienna, and between Munich and Salzburg. It explains the mountains of rubbish, food, and feces the newcomers leave behind wherever they gather.

It explains why we can look forward to such piquant ironies as 75,000 Muslims showing up in Munich just in time for Oktoberfest. Will they spoil the fun for the 6 million locals and tourists who are expected to swallow 1.7 millions of gallons of beer?

The media keep calling these people “migrants,” as if they were

СМИ продолжают называть этих людей «мигрантами», как если бы они были канадскими гусями. Каждый из них, откуда бы он ни приехал, является нелегальным иммигрантом. Израиль называет таких людей "нарушителями". Было бы неправильно называть их «захватчиками», поскольку они представляют собой армию пришельцев, которые оккупируют и преобразовывают Европу.

Между тем, попытка накормить, разместить, одеть, посредничать и научить немецкий язык в этой армии не будет дешевой. По текущим оценкам, если Германия будет принимать один миллион иностранцев в год в течение двух лет, счет может составить до 25 миллиардов евро (28 миллиардов долларов). Германия имела бюджетный профицит в несколько миллиардов в год; это вернется в красную.

Министр экономики Германии Зигмар Габриэль, который является заместителем канцлера Меркель, сказал, что может быть самой идиотской вещью из всех: «Если нам удастся быстро обучить тех, кто к нам приходит, и заставить их работать, то мы решим один из наших Самые большие проблемы для экономического будущего нашей страны: дефицит квалификаций. " В Германии уже есть неперевариваемая масса турок, которые являются признанным злом, и если бы Германии были нужны квалифицированные иммигранты, она могла бы выбирать их, а не впускать в массы что угодно.

Но Германия сглаживает свои полномочия как официально постнацистские. Опросы показывают, что большинство немцев приветствуют беженцев и греются на международном уровне. Между тем, чиновники в немецком *Lander* или государствах, которые фактически должны справиться с толпой, беспокоятся, что они растянуты до предела.

Соединенные Штаты, которые до сих пор впустили только пару тысяч сирийцев, тоже хотят похвалы. Госсекретарь Джон Керри только что объявил об увеличении квоты для беженцев на следующий год с 70 000 до 85 000 с целью 100 000 на 2017 год. Он объяснил, что мы не можем допустить большего, потому что требуется время, чтобы проверить сирийцев на терроризм. Что это говорит о возможных двух миллионах Германии?

Бесхарактерность европейцев прекрасно сочетается с высокомерием и агрессивностью нелегалов. Можно подумать, что люди, которые появляются без разрешения в чужой стране, были бы благодарны просто за то, что их не вернули. Не эти люди. На греческих островах они воевали друг с другом и устраивали беспорядки, потому что не думали, что с ними обращаются достаточно хорошо.

Canada geese. Every one of them, wherever he came from, is an illegal immigrant. Israel calls such people “infiltrators.” It would not be incorrect to call them “invaders,” since they are an army of aliens come to occupy and transform Europe.

In the meantime, trying to feed, house, clothe, mediate, and teach German to this army won’t be cheap. Current estimates are that if Germany takes in one million foreigners a year for two years the bill could run to €25 billion (\$28 billion). Germany had been running a budget surplus of a few billion a year; it will go back into the red.

The German Economy Minister Sigmar Gabriel, who is Chancellor Merkel’s deputy, has said what may be the most idiotic thing yet: “If we manage to quickly train those that come to us and to get them into work, then we will solve one of our biggest problems for the economic future of our country: the skills shortage.” Germany already has an indigestible mass of Turks who are a recognized scourge, and if Germany needed skilled immigrants it could select them rather than let in masses of whatever shows up.

But Germany is burnishing its credentials as officially post-Nazi. Polls show that a majority of Germans welcome the refugees and are basking in international praise. Meanwhile, officials in the German *Länder*, or states, that actually have to handle the crowds, worry that they are stretched to capacity.

The United States, which has so far let in only a couple of thousand Syrians, wants praise, too. Secretary of State John Kerry just announced an increase from 70,000 to 85,000 for next year’s refugee quota, with a goal of 100,000 for 2017. He explained we can’t let in more because it takes time to vet Syrians for terrorism. What does that say about the possible two million Germany could be in for?

The spinelessness of the Europeans is perfectly matched by the arrogance and aggressiveness of the illegals. One might think people who show up without permission in a foreign country would be grateful simply not to be turned back. Not these people. On the Greek islands they fought each other and rioted because they didn’t think they were being treated well enough. On Kos, a tour-

На Косе, туристической Мекке, они заблокировали главную улицу города, скандируя: «Нам нужны бумаги. Мы хотим есть». На Лесбосе, где 20 000 неприветливых молодых людей разбили лагерь на улицах и площадях, местные жители боялись покидать свои дома или отправлять детей в школу. «Они украли нашу жизнь», - сказал один греческий житель.

Африканцы в итальянских приемных центрах в Беллуно, Сицилии и Риме объявили голодовку, потому что они устали от итальянской еды и хотели африканской еды. Бастующие в Беллуно разрезали автомобильные шины итальянцев, которые работали в центре.

На сербско-венгерской границе мигранты собрались у пограничной ограды и скандировали «открой дверь». Они дали венграм два часа, чтобы впустить их, а затем начали нападения человеческих волн на забор, чтобы попытаться снести его. Когда венгры открыли огонь из слезоточивого газа и водяных пушек, нелегалы бросали камни и палки в пограничную полицию. Прошло несколько часов, прежде чем нелегалы наконец сдались и направились в Хорватию.

Железнодорожное сообщение из Германии в Австрию через пограничный переход Фрайлассинг пришлось приостановить, когда нелегалы врезались в аварийную остановку, чтобы замедлить поезд, чтобы они могли спрыгнуть. Затем они обошли пограничный переход, чтобы им не пришлось показывать документы. На всех железнодорожных маршрутах, ведущих в Германию, тысячи нелегалов спали на станциях, заполняя туалеты и платформы грязью, и втискивались в любой поезд, который проходил через них, независимо от того, были ли у них билеты или нет. Монстры на железнодорожной станции Келети в центре Будапешта выкрикивали «Трахни тебя» и «Аллаху Акбар» венгерским властям.

Большинство из этих нелегалов - молодые мусульманские мужчины, которые никогда не видели женщину в бикини. Уже были сообщения о изнасиловании женщин и детей в некоторых центрах для мигрантов, где мусульмане считают несопровождаемых женщин "честной игрой". Даже когда они разделены общежитиями, женщины спят полностью одетыми и боятся ходить по центрам. Так много людей были вынуждены заниматься проституцией, что социальный работник в баварском приюте назвал его «самым большим борделем в Мюнхене». Не случайно, что в счастливой иммигрантской Швеции большинство насильников являются иммигрантами - преимущественно мусульманами. Это люди, которые, по мнению заместителя канцлера Меркель, будут хорошими немцами.

ist mecca, they blocked the main street of the town chanting, “We want papers. We want to eat.” On Lesbos, with 20,000 surly young men camping in streets and squares, locals were afraid to leave their homes or send children to school. “They have stolen our lives,” said one Greek resident.

Africans in Italian reception centers in Belluno, Sicily, and Rome went on hunger strikes because they were tired of Italian food and wanted African food. The strikers in Belluno slashed the car tires of Italians who worked at the center.

At the Serbian/Hungarian frontier, migrants massed at a border fence, chanting “open the door.” They gave the Hungarians two hours to let them in, and then launched human-wave attacks on the fence to try to tear it down. When the Hungarians fired tear gas and water cannons, the illegals threw rocks and sticks at the border police. There was a running battle of several hours before the illegals finally gave up and headed for Croatia.

Rail service from Germany to Austria through the Freilassing border crossing had to be suspended when illegals hit the emergency break to slow down the train so they could jump off. They then walked around the border crossing so they wouldn’t have to show papers. On all the rail routes leading to Germany, thousands of illegals have been sleeping in stations, filling the restrooms and platforms with filth, and cramming themselves onto any train that was passing through, whether they had tickets or not. Mobs at the Keleti railroad station in central Budapest shouted “Fuck you,” and “Allahu Akbar” at Hungarian authorities.

Most of these illegals are young Muslim men who have never seen a woman in a bikini. There have already been reports of women and children being raped in some of the migrant centers, where Muslims consider unaccompanied women “fair game.” Even when they have segregated dormitories, women sleep fully dressed, and are afraid to walk around the centers. So many have been forced into prostitution that a social worker at a Bavarian shelter called it “the biggest brothel in Munich.” It’s no accident that in immigrant-happy Sweden the majority of rapists are immigrants—overwhelmingly Muslim. These are the people Chancellor Merkel’s deputy

Это то, что Европа получает за свою смелость. Нелегалы чувствуют слабость, и они правы. Они эксплуатируют эту слабость, и их успех вдохновляет еще больше тысяч - без сомнения, миллионов - из каждой жалкой страны. Только сила остановит их, силу, которую немедленно использовали бы все здоровые люди.

К счастью, не вся Европа сошла с ума. Министр иностранных дел Венгрии Питер Шиджарто отметил, что если Германия обеспокоена тяжелым положением сирийцев, она может использовать крошечную часть денег, которые она заложила в бюджете для «мигрантов», для улучшения условий в лагерях в Иордании, Турции и Ливане.

Премьер-министр Венгрии Виктор Орбан был самым последовательным и ясным главой европейского государства на протяжении всего кризиса. Он предупредил, что мусульмане уничтожат христианскую идентичность Европы и что европейцы имеют право отказаться стать меньшинством на своем континенте. Его решимость не пускать нелегалов сделала его героем для своего народа.

Словакия заявила, что впустит 200 сирийцев, но они должны были быть христианами. Министр внутренних дел Иван Нетик объяснил, что в Словакии нет ни одной мечети и что мусульмане не приветствуются.

Голландский политический лидер Герт Вилдерс предупредил о «исламском вторжении»:

Масса молодых людей в возрасте двадцати лет с бородами, поющими «Аллаху Акбар» по всей Европе, - это вторжение, которое угрожает нашему процветанию, нашей безопасности, нашей культуре и идентичности.

Он прав. Шейх Мухаммад Айд, выступая в мечети А1-Акса в Иерусалиме, призвал нелегалов влиться в Европу и вступить в брак с европейцами. «Мы будем разводить детей с ними, потому что мы победим их страны», - сказал он. «Мы растопчем их под ногами, Аллах желает».

По иронии судьбы, именно бывшие коммунисты, жившие по явно антирелигиозной, антinationалистической идеологии, все еще способны мыслить с точки зрения нации и религии. Когда канцлер Меркель заявила, что хочет назначить обязательные квоты для беженцев каждому члену ЕС, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Словакия и Чешская Республика отказались.

thinks will make good Germans.

This is what Europe gets for its cravenness. The illegals sense weakness, and they are right. They exploit that weakness, and their success inspires yet more hundreds of thousands—no doubt millions—from every wretched country. Only force will stop them, the force that any healthy people would have used immediately.

Fortunately, not all of Europe has gone insane. Hungarian Foreign Minister Peter Szijjarto pointed out that if Germany is worried about the plight of Syrians it could use a tiny fraction of the money it has budgeted for “migrants” to improve conditions in the camps in Jordan, Turkey, and Lebanon.

Hungary’s Prime Minister, Victor Orban has been the most consistently clear-headed European head of state throughout the crisis. He has warned that Muslims will destroy Europe’s Christian identity and that Europeans have a right to refuse to become minorities on their own continent. His determination to keep illegals out has made him a hero to his people.

Slovakia said it would let in 200 Syrians but they had to be Christians. Interior Minister Ivan Netik explained that Slovakia doesn’t have a single mosque and that Muslims aren’t welcome.

Dutch political leader Geert Wilders has warned of an “Islamic invasion:”

Masses of young men in their twenties with beards singing "Allahu Akbar" across Europe—it’s an invasion that threatens our prosperity, our security, our culture and identity.

He’s right. Sheikh Muhammad Ayed, speaking at the Al-Aqsa Mosque in Jerusalem, encouraged the illegals to pour into Europe and mate with Europeans. “We will breed children with them, because we shall conquer their countries,” he said. “We will trample them underfoot, Allah willing.”

Ironically, it is former Communists, who lived under an overtly anti-religious, anti-nationalist ideology, that are still able to think in terms of nation and religion. When Chancellor Merkel said she wanted to assign mandatory “refugee” quotas to every EU member, Hungary, Latvia, Lithuania, Poland, Slovakia and the Czech

Коммунизм защищал их от чего-то гораздо худшего: «терпимости» и «разнообразия».

Возможно, самая большая ирония заключается в том, что истощенные западноевропейцы обвиняют восточноевропейцев в том, что они *не европейцы*. Министр иностранных дел Франции Лоран Фабиус заявил, что усилия Венгрии по защите от нелегалов показывают, что она «не уважает общие ценности Европы». Только потому, что европейцы сражались с мусульманскими захватчиками в течение 1000 лет - с 732 года в битве при Пуатье до 1683 года у ворот Вены - Европа, какой мы ее знаем, даже существует. Невероятно, но г-н Фабиус хочет отбросить все это во имя того, что он яростно называет «общими ценностями Европы».

Лоран Фабиус мог выйти прямо со страниц *Лагерь Святых*. Как писал Жан Распай в эссе 1985 года:

Запад пуст, даже если он еще не осознал этого. Необычайно изобретательная цивилизация, безусловно единственная, способная противостоять вызовам третьего тысячелетия, у Запада не осталось души.

Еще более содержательно он выразил это в самом *Лагере Святых* : «Белая раса была не более чем миллионом овец».

Эта статья была опубликована на AmRep.com 22 сентября 2015 года.

Republic refused. Communism protected them from something much worse: “tolerance” and “diversity.”

Perhaps the greatest irony, however, is that emasculated West Europeans are accusing East Europeans of *not being European*. French Foreign Minister Laurent Fabius said that Hungary’s efforts to keep out illegals shows it does not “respect Europe’s common values.” It is only because Europeans fought Muslim invaders for 1,000 years—from 732 at the Battle of Poitiers to 1683 at the gates of Vienna—that Europe as we know it even exists. Incredibly, Mr. Fabius wants to throw it all away in the name of what he fatuously calls “Europe’s common values.”

Laurent Fabius could have stepped right out of the pages of *The Camp of the Saints*.

As Jean Raspail wrote in a 1985 essay:

[T]he West is empty, even if it has not yet become really aware of it. An extraordinarily inventive civilization, surely the only one capable of meeting the challenges of the third millennium, the West has no soul left.

He put it even more pithily in *The Camp of the Saints* itself: “The white race was nothing more than a million sheep.”

This article was published at AmRen.com on September 22, 2015.

4. РАЗНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Странное Безумие

«ЗОЛОТОЙ ЧЕСТНО ПОЗВОНОЧНО НЕУДАЧНЫЙ.»

24 октября в страну обрушилось странное состояние безумия, которое начало исчезать только к первой неделе ноября. Американцы щедро возносили хвалу и честь только высшим героям женщины, единственным достижением которой было сесть на полчаса.

С того момента, как Роза Паркс умерла в возрасте 92 лет, и до того, как ее похоронили девять дней спустя, практически каждый политик и орган СМИ боролись за то, чтобы узнать, кто может глупее болтать о женщине, которую все называют «иконкой гражданских прав». Она стала только 30-м человеком и первой женщиной, которая лежала в государстве в ротонде Капитолия, где президент Джордж Буш возложил венок. Ее гроб сопровождал военный почетный караул для поминальных служб в Вашингтоне, прежде чем ее отправили в Детройт на семичасовые похороны. Президент распорядился, чтобы все флаги над федеральными зданиями и базами развевались наполовину. Это была удивительная дань уважения женщине, чья жизненная жизнь началась и закончилась за один день.

Миф, который вырос вокруг Розы Паркс, связан с изнуренной швеей из Бирмингема, которая в 1955 году слишком устала, чтобы сдаться и переместиться в цветную часть автобуса, чтобы белый человек мог сесть. Согласно мифу, этот стихийный акт вызвал бойкот автобуса в Монтгомери и начал движение за гражданские права. В милях колонн, которые приветствовали известие о ее смерти, были только намеки на то, что на самом деле произошло

4. *A Different Perspective*

A Curious Madness

‘GILDED HONOUR SHAMEFULLY MISPLACED.’

A curious state of madness descended on the country on October 24, and began to dissipate only by the first week of November. Americans lavished the praise and honor reserved only for supreme heroes on a woman whose sole achievement was to sit down for half an hour.

From the moment Rosa Parks died at the age of 92, until she was buried nine days later, virtually every politician and organ of the media competed to see who could babble more foolishly about a woman everyone called a “civil rights icon.” She became only the 30th person—and the first woman—to lie in state in the Capitol rotunda, where President George W. Bush laid a wreath. Her casket was accompanied by a military honor guard for memorial services in Washington, before she was shipped to Detroit for a seven-hour funeral. The President ordered that all flags over federal buildings and bases fly at half mast. It was an astonishing tribute to a woman whose lifetime of achievement began and ended in one afternoon.

The myth that has grown up around Rosa Parks is of an exhausted Birmingham seamstress who, in 1955, was too tired to give up her seat and move to the colored section of the bus so a white man could sit down. According to the myth, this spontaneous act sparked the Montgomery bus boycott and launched the civil rights movement. In the miles of column inches that greeted the news of

На самом деле решение Паркс сохранить свое место было тщательно спланировано NAACP, в течение которого она работала секретарем в течение 10 лет. Ее арест помог начать бойкот, но она не сыграла никакой роли в его организации. И хотя бойкот вошел в фольклор как серьезный удар по свободе, он даже не удался; это было постановление суда, которое включало автобусы Бирмингема.

Несколько чернокожих женщин уже сделали именно то, что позже сделал Паркс. Они были арестованы и обвинены в незначительных нарушениях. Самой известной предшественницей Парка была Клодетт Колвин, 15-летняя ученица старшей школы, которая отказалась сдать свое место 2 марта 1955 года. Она была арестована и вылетела из автобуса, пиналась и кричала. Полиция говорит, что она кричала матом; позже она утверждала, что она кричала, что ее конституционные права были нарушены. Даже дело мисс Колвин не было спонтанным актом, о котором сейчас все чаще вспоминают Паркс. Девушка активно участвовала в молодежном совете NAACP и даже обсуждала стратегию с самой Розой Паркс.

НААКП рассмотрела возможность обоснования дела об десегрегации на основании ареста мисс Колвин, но вскоре решила, что она не является привлекательным истцом. Она была темной, и многим чернокожим нужен был более светлый представитель. NAACP также узнала, что она была на несколько месяцев беременна от женатого мужчины, и обнаружила ее привычку вспыскивать залпами проклятий. Эту девушку не поддержит консервативная черная церковь.

Как Э.Д. Никсон, тогдашний руководитель отделения NAACP в Монтгомери, несколько лет спустя объяснил: «Я должен был быть уверен, что у меня есть кто-то, с кем я могу выиграть». Роза Паркс была куда более многообещающей: «нравственно чистая, надежная, на ней никто ничего не имел».

НААКП планировала бойкотировать автобусы годами и ждала только того, кто сможет выступить в качестве подставного лица. Далеко не случайный герой, Паркс была тщательно подготовлена к своей роли. Белая интеграционистка Вирджиния Дурр заплатила Парксу за участие в семинарах по стратегии защиты гражданских прав в Народной школе горцев в Теннесси. Школа, которая, как известно, изобилует сочувствующими коммунистам, находилась под наблюдением ФБР.

her death, there were only hints of what really happened.

In fact, Parks's decision to keep her seat was carefully planned by the NAACP, for which she had worked for 10 years as a secretary. Her arrest did help start the bus boycott, but she played no role in organizing it. And though the boycott has gone down in folklore as a great blow for freedom, it did not even succeed; it was a court order that integrated Birmingham's buses.

Several black women had already done exactly what Parks later did. They were arrested and charged with minor infractions. Parks's best known predecessor was Claudette Colvin, a 15-year-old high school student who refused to give up her seat on March 2, 1955. She was arrested and taken off the bus kicking and screaming. Police say she was screaming obscenities; she later claimed she was screaming that her constitutional rights were being violated. Not even Miss Colvin's case was the spontaneous act for which Parks is now generally remembered. The girl had been active in the NAACP Youth Council, and had even discussed strategy with Rosa Parks herself.

The NAACP considered basing a desegregation case on the basis of Miss Colvin's arrest but soon decided she was not an attractive plaintiff. She was dark, and many blacks wanted a lighter-skinned spokesman. The NAACP also learned she was several months pregnant by a married man, and discovered her habit of breaking out in volleys of curses. This was not a girl conservative black churchgoers would support.

As E.D. Nixon, then a leader of the Montgomery chapter of the NAACP, explained years later, "I had to be sure that I had somebody I could win with." Rosa Parks was far more promising: "morally clean, reliable, nobody had nothing on her."

The NAACP had been planning a bus boycott for years, and was waiting only for the right person to act as figurehead. Far from being an accidental hero, Parks was carefully groomed for her role. A white integrationist, Virginia Durr, had paid for Parks to attend civil rights strategy seminars at the Highlander Folk School in Tennessee. The school, known to be rife with Communist sympathizers, was under FBI surveillance.

Более того, роль Паркс была строго ограничена: держать ее на месте и держать язык за зубами. Другие немедленно приступили к действиям, чтобы организовать бойкот. В тот самый день, когда она была арестована - это был четверг - английский профессор Университета штата Алабама по имени Джо Энн Робинсон не спала всю ночь, mimeографируя 35 000 листовок, призывающих к однодневному бойкоту автобуса в следующий понедельник. В пятницу она и ее ученики тайно листали начальные и средние школы. В рамках скоординированных усилий черные проповедники Монтгомери встретились и согласились поддержать бойкот в понедельник со своих кафедр и провести массовое собрание в понедельник вечером в баптистской церкви на Холт-стрит, чтобы оценить результаты. В тот вечер, после удивительно успешного бойкота, тысячи негров собрались в церкви и вокруг нее, чтобы услышать, как 26-летний Мартин Лютер Кинг-младший произносит свою первую публичную речь. Бойкот длился более года, и черные и автобусная компания были более упрямы, чем кто-либо ожидал. Чернокожие организовали автомобильные бассейны, которые, даже Гражданский совет должен был признать, действовали с «военной точностью». Парки не играли никакой роли во всем этом.

В конечном итоге это был не бойкот, а судебное дело, в котором Роза Паркс даже не была истцом. В деле *Browder v. Gayle* - один из четырех истцов был недоволен Клодетт Колвин - окружной суд из трех групп в Бирмингеме 5 июня 1956 года постановил, что отдельные автобусы являются таким же нарушением 14-й поправки, как и отдельные школы. Верховный суд оставил в силе решение в декабре. Тогда и только тогда Монтгомери согласился интегрировать свои автобусы.

Следовательно, можно утверждать, что бойкот был неудачным и ненужным. Роза Паркс была катализатором в организации того, что превратилось во впечатляющую демонстрацию черной солидарности, но практически любой презентабельный служил бы одинаково хорошо. Роза Паркс не рискует смертью. Она не сталкивалась с пожарными шлангами или полицейскими собаками. Она даже не столкнулась с унижением. Она очень хорошо знала, что если она будет вежлива и будет сотрудничать с полицией, с ней будут обходиться вежливо. Она также знала, что НААКП и ее белые друзья немедленно вызволят ее из тюрьмы.

Невозможно даже самым сочувствующим чтением увидеть

Moreover, Parks's role was strictly limited: keep her seat and hold her tongue. Others swung into action immediately to organize the boycott. The very day she was arrested—it was a Thursday—an English professor at all-black Alabama State College named Jo Ann Robinson stayed up all night mimeographing 35,000 leaflets calling for a one-day bus boycott the following Monday. On Friday, she and her students secretly leafleted elementary and high schools. As part of a coordinated effort, Montgomery's black preachers met and agreed to endorse the Monday boycott from their pulpits, and to hold a mass meeting Monday night at Holt Street Baptist Church to assess the results. That evening, after a surprisingly successful boycott, thousands of blacks crowded into and around the church to hear 26-year-old Martin Luther King, Jr. give his first public speech. The boycott lasted for more than a year, with both the blacks and the bus company more stubborn than anyone had expected. Blacks organized carpools that even the Citizens Council had to admit operated with "military precision." Parks played no role in any of this.

It was not the boycott that eventually brought integration, but a court case—and one in which Rosa Parks was not even a plaintiff. In *Browder v. Gayle*—one of the four plaintiffs was foul-mouthed Claudette Colvin—a three-panel district court in Birmingham ruled on June 5, 1956 that segregated buses were as much a violation of the 14th Amendment as segregated schools. The Supreme Court upheld the decision in December. Then, and only then, did Montgomery agree to integrate its buses.

It can be argued, therefore, that the boycott was both a failure *and* unnecessary. Rosa Parks was a catalyst in organizing what turned into an impressive demonstration of black solidarity, but virtually anyone presentable would have served equally well. Rosa Parks did not risk death. She did not face fire hoses or police dogs. She did not even face humiliation. She knew very well that if she was polite and cooperated with the police she would be treated courteously. She also knew that the NAACP and her white friends would immediately bail her out of jail.

It is impossible, even by the most sympathetic reading, to see

Невозможно, даже по самым сочувственным прочтениям, видеть Розу Паркс в роли ничего, кроме неважного актера в раздутой драме. Ни разу за прошедшие 50 лет она не сделала ничего, что имело бы малейшее значение. Черный конгрессмен Джон Конайерс дал ей работу в своем офисе в Детройте, очевидно, скорее из вежливости, чем из-за ее способностей. Когда она повзрослела, она плохо распоряжалась своими финансами и зависела от местной церкви, чтобы заплатить за квартиру. В конце концов, ее хозяин просто перестал заряжаться.

Роза Паркс пообедала и стала героем американской истории благодаря полчаса неподвижности. Конечно, никогда в мировой истории такой маленький поступок не удостоился такой похвалы.

Последние несколько лет накапливались до чрезвычайных эксцессов, которые мы только что засвидетельствовали. В 1996 году президент Уильям Клинтон вручил Парксу Президентскую медаль свободы, а в 1999 году Конгресс проголосовал за ее золотую медаль. Это тоже высокие почести.

Черные вряд ли будут жаловаться, если белые образуют полубога неважной женщины, но почему белые склоняют головы перед таким прозрачным мошенничеством? Там нет удовлетворительного ответа. Американцы никогда не чувствуют себя счастливее, чем когда прославляют небелых, которые осудили предполагаемые грехи белых. Поклонение Розе Паркс - это просто еще одна глава леммингового рывка к разрушению, к которому повсюду присоединяются белые. Если Конгресс и Сенат, которые по-прежнему составляют большинство, могут голосовать путем аккламации, чтобы сделать Розу Паркс первой женщиной, находящейся в государстве в ротонде, любой акт расового самоуничтожения возможен.

Эта статья была впервые опубликована в декабрьском выпуске 2005 года из Амери консервной Возрождения.

Rosa Parks as anything but an unimportant actor in an overblown drama. Not once, in the intervening 50 years, did she do anything of the slightest importance. Black congressman John Conyers gave her a job in his Detroit office, apparently more out of courtesy than because of her abilities. As she grew older, she mismanaged her finances, and depended on a local church to pay her rent. Eventually, her landlord simply stopped charging.

Rosa Parks has dined out—and become a hero of American history—on the basis of a single half hour of immobility. Surely, never in the history of the world, has so small an act won such praise.

The last few years have been building up to the extraordinary excesses we have just witnessed. In 1996, President William Clinton presented Parks with the Presidential Medal of Freedom, and in 1999, Congress voted her its Gold Medal. These, too, are exalted honors.

Blacks are not likely to complain if whites make a demigod of an unimportant woman, but why do whites bow their heads before such transparent fraud? There is no satisfactory answer. Americans are never happier than when glorifying non-whites who have denounced the alleged sins of whites. The adulation of Rosa Parks is just another chapter in the lemming-like rush to destruction whites everywhere appear to have joined. If a still-majority-white Congress and Senate can vote by acclamation to make Rosa Parks the first woman to lie in state in the rotunda, any act of racial self-mortification is possible.

This article first appeared in the December 2005 issue of American Renaissance.

Правда о Таскеги

ДРУГАЯ ФАЛЬШАЯ ИСТОРИЯ БЕЛОГО ИНФАМИИ.

Исследование сифилиса Tuskegee (Таскеги, штат Алабама) приравнивается почти к рабству и линчеванию как символу расистского прошлого Америки. Вероятно, нет ни одного темнокожего взрослого американца, который не знает - или думает, что знает - об эксперименте 1930-х годов, в ходе которого государственные органы здравоохранения намеренно отказались от лечения 400 черных сифилитиков, просто чтобы посмотреть, что с ними будет. В некоторых версиях этой истории правительство намеренно заразило мужчин. Сообщается, что, по крайней мере, власти были виновны в отказе от эффективного лечения, которое стало доступно в 1950-х годах. Чернокожие часто ссылаются на страх перед «другим тускеги», чтобы объяснить, почему так мало из них сотрудничают с программами общественного здравоохранения или жертвуют органы для трансплантации. Они никогда не знают, когда белые доктора могут поэкспериментировать на них.

Антрополог Ричард Шведер из Чикагского университета только что опубликовал подробный анализ исследования Tuskegee в Spiked-Online, в котором он показывает, что практически все популярные предположения об исследовании являются ложными. Он был предпринят «прогрессивами», которые хотели бороться с болезнью, от которой страдали многие чернокожие, он был полностью поддержан черными медицинскими властями до конца, и - что наиболее важно - он, вероятно, не нанес вреда 140 мужчинам (не 400), которые принимал участие.

Служба общественного здравоохранения США начала исследование в 1932 году в округе Макон, штат Алабама, где уровень заболеваемости сифилисом среди черных варьировался от 20 до 36 процентов. В то время было несколько способов лечения этой болезни, но они были сложными, неприятными и не очень эффективными. Лечение включало в себя годичную серию тщательно контролируемых внутривенных инъекций соединения мышьяка, которое имело такие неприятные побочные эффекты, что полностью 85 процентов пациентов выбыли до завершения лечения. Из 15 процентов, которые выпрямились, немногие были излечены. Чиновники общественного здравоохранения знали, что им нужны более качественные лекарства, но им также требовалась базовая группа или контрольная группа, с которой они могли бы сравнить результаты лечения.

The Truth About Tuskegee

ANOTHER FAKE STORY OF WHITE INFAMY.

The Tuskegee syphilis study ranks almost with slavery and lynching as a symbol of America's racist past. There is probably not one black American adult who does not know—or thinks he knows—about an experiment from the 1930s, in which government health authorities deliberately withheld treatment from 400 black syphilitics just to see what would happen to them. In some versions of the story, the government deliberately infected the men. At the very least, the authorities are said to have been guilty of withholding effective treatments that became available in the 1950s. Blacks often cite fear of “another Tuskegee” to explain why so few of them cooperate with public health programs or donate organs for transplant. They never know when white doctors might experiment on them.

Anthropologist Richard Shweder of the University of Chicago has just published a detailed analysis of the Tuskegee study at Spiked-Online, in which he shows that virtually every popular assumption about the study is false. It was undertaken by “progressives” who wanted to fight a disease that afflicted many blacks, it had the full support of black medical authorities to the end, and—most important—it probably caused no harm to the 140 men (not 400) who took part.

The US Public Health Service started the study in 1932 in Macon County, Alabama, where syphilis rates for blacks ranged between 20 and 36 percent. At the time, there were a number of treatments for the disease but they were complicated, disagreeable, and not very effective. The treatments involved a year-long series of carefully-monitored intravenous injections of an arsenic compound that had such unpleasant side-effects that fully 85 percent of patients dropped out before completing treatment. Of the 15 percent who stuck it out, few were cured. Public health officials knew they needed better drugs, but they also needed a baseline, or control group, to which they could compare the results of treatment.

Вот почему они хотели знать, что происходит, когда не было никакого лечения.

Как объясняет профессор Шведер, сифилис не всегда является яростным убийцей, о котором думает большинство из нас. Во-первых, только на ранних стадиях заболевания, когда на теле появляются язвы, он заразен, и это была единственная стадия, на которой мышьяк оказывал какое-либо влияние. После этого сифилис становится латентным, без симптомов, и пациент не заразен. Необработанный сифилис может затем перейти на третичную стадию и уничтожить жизненно важные органы, такие как сердце и мозг - это то, что случилось с известными жертвами, такими как Аль Капоне (считается, что Ницше умер от сифилиса, но болезнь была раком мозга) - но, возможно, для 80 процентов сифилитиков болезнь остается латентной, и у них этого никогда не было. Чем дольше он скрыт, тем дольше он может оставаться таким. По словам профессора Шведера, это «самоограничение или самокоррекция».

Сегодня большинство информационных кампаний не подчеркивают это. Органы здравоохранения трубят о возможности опустошения, а не говорят людям, что у них есть хороший шанс избежать невосприимчивых. Министерство здравоохранения штата Иллинойс является исключением в объяснении того, что:

При отсутствии лечения сифилис переходит в латентную стадию, во время которой заболевание перестает быть заразным и симптомы отсутствуют. Многие люди, которые не получают лечения, не будут страдать от дальнейших последствий заболевания.

Это была скрытая стадия, которую власти здравоохранения хотели провести в 1932 году. Следовательно, когда они исследовали 410 сифилитических чернокожих на предмет возможного включения в исследование, они обнаружили, что многие из них находились на ранней стадии инфекции, и отклонили их в качестве кандидатов. Они предоставили не менее 178 для стандартного лечения мышьяком и оставили 140 для исследования. Затем они проверили этих людей через довольно длительные промежутки времени - в 1938, 1948, 1952 и 1963 годах - провели полное физическое обследование и провели лечение от любой болезни, кроме сифилиса. Черная медсестра по имени Юнис Риверс руководила программой, поддерживая тесный контакт с мужчинами, чтобы они не потеряли связь. Она была, очевидно, замечательной женщиной, которая создала что-то вроде социального клуба вокруг исследования.

This was why they wanted to know what happens when there was no treatment.

As Prof. Shweder explains, syphilis is not always the raging killer most of us think it is. First, it is only in the early stages of the disease, when sores appear on the body, that it is contagious, and this was the only stage at which arsenic had any effect at all. After that, syphilis goes latent, with no symptoms, and the patient is not infectious. Untreated syphilis can then go on to the tertiary stage and destroy vital organs such as the heart and brain—this is what happened to famous victims such as Al Capone (Nietzsche is widely thought to have died of syphilis but the disease was brain cancer)—but for perhaps 80 percent of syphilitics, the disease stays latent, and it is as though they never had it. The longer it is latent, the longer it is likely to stay that way. It is, in Prof. Shweder's terms, "self-limiting or self-correcting."

Today, most public information campaigns do not emphasize this. Health authorities trumpet the potential for devastation rather than tell people they have a good chance of escaping unscathed. The Illinois Department of Health is the exception in explaining that:

If untreated, syphilis then lapses into a latent stage during which the disease is no longer contagious and no symptoms are present. Many people who are not treated will suffer no further consequences of the disease.

It was the latent stage health authorities wanted to investigate in 1932. Consequently, when they examined 410 syphilitic blacks for possible inclusion in the study, they found many were in the early, infectious stage, and rejected them as candidates. They turned over no fewer than 178 for the standard arsenic treatment, and kept 140 for the study. They then checked up on these men at rather lengthy intervals—in 1938, 1948, 1952, and 1963—giving them full physical examinations, and treating them for any disease other than syphilis. A black nurse named Eunice Rivers ran the program, keeping in close contact with the men to make sure they did not drift out of touch. She was apparently a remarkable woman

Поэтому начало программы было совершенно несомненным. Мужчины уже вошли в латентную стадию сифилиса, для которой стандартное и в значительной степени неэффективное лечение дня не принесло ничего хорошего. Вышесказанное не составило труда, и взамен они получили бесплатные медицинские осмотры и преимущества любезного внимания медсестры Риверс. Черная администрация Института Таскеги Букера Т. Вашингтона благословила исследование.

Однако к середине 1950-х годов пенициллин стал доступен в качестве стандартного лекарства от сифилиса. Разве Служба общественного здравоохранения не должна была остановить исследование и лечить мужчин? К тому времени они были заражены в течение 20 или 25 лет. Некоторые из них умерли от болезней сердца, вероятно, вызванных третичным сифилисом, но у тех, кто еще был жив в 1950-х годах, эта болезнь, скорее всего, прошла. Девяносто мужчин все еще были частью программы во время последнего обследования в 1963 году, и лечение пенициллином, даже когда оно впервые стало доступным, вероятно, не помогло бы им. Профессор Шведер предполагает, что к тому времени у этих мужчин вполне могла быть ожидаемая продолжительность жизни такой же, как и у других чернокожих мужчин того же возраста, у которых вообще никогда не было сифилиса.

Можно, конечно, критиковать исследование на том основании, что его субъекты не дали «информированного согласия». Никто не объяснил им обоснование исследования, кроме как сказать, что у них была «плохая кровь» (эвфемизм сифилиса в то время), и что их случайные медицинские осмотры как-то связаны с этим. Однако, как отмечает профессор Шведер, в 1932 году понятия «информированное согласие» не существовало, и врачи часто говорили своим пациентам - черным или белым - очень мало. Он продолжает утверждать, что, поскольку мужчины наносили небольшой вред и приносили некоторую пользу, у Службы общественного здравоохранения, вероятно, не было бы недостатка в предметах, даже если бы она объясняла каждую деталь на каждом этапе.

Конечно, исследование, в конце концов, было остановлено в 1972 году, и вряд ли этому способствовало освещение в прессе, такое как в «*Нью-Йорк Таймс*», которая озаглавила свою статью от 26 июля того года: «Жертвы сифилиса в исследовании в США не подвергались лечению в течение 40 лет». Даже грозная Юнис Риверс не смогла отразить ужасное черное облако, обрушившееся на программу, и она заняла постоянное место в знаниях американского «расизма».

who created something of a social club around the study.

The outset of the program was therefore entirely unobjectionable. The men had already entered the latent stage of syphilis, for which the standard and largely ineffective cure of the day was no good at all. Foregoing that was no hardship, and in exchange they got free medical checkups and the benefits of Nurse Rivers's kind attention. The black administration of Booker T. Washington's Tuskegee Institute blessed the study.

By the mid-1950s, however, penicillin became available as the standard cure for syphilis. Should not the Public Health Service have stopped the study and treated the men? By then, they had been infected for 20 or 25 years. Some number had died of heart disease, probably brought on by tertiary syphilis, but for those who were still alive in the 1950s, the disease had very likely run its course. Ninety men were still part of the program at the time of the last examination in 1963, and penicillin treatment, even when it first became available, would probably have done them no good. Prof. Shweder suggests that by then these men may well have had life expectancies as high as other black men of the same age who had never had syphilis at all.

It is possible, of course, to criticize the study on the grounds that its subjects did not give "informed consent." No one explained the rationale of the study to them, other than to say they had "bad blood" (the euphemism for syphilis at the time), and that their occasional medical examinations had something to do with it. However, as Prof. Shweder points out, the concept of "informed consent" did not exist in 1932, and it was common for doctors to tell their patients—black or white—very little. He goes on to argue that since there was little harm to the men and some benefit, the Public Health Service would probably have had no shortage of subjects even if it had explained every detail at every stage.

Of course, the study finally was stopped in 1972, hardly helped by press coverage like that of the *New York Times*, which titled its July 26 story of that year, "Syphilis Victims in U.S. Study Went Untreated for 40 Years." Not even the redoubtable Eunice Rivers was able to fight off the terrible black cloud that descended on

«Исследование необработанного сифилиса у негритянского самца, проведенное Таскеги», как его официально называли, вероятно, не подлежит изъятию. Так много белых так сильно хотят услышать о себе самое худшее, что едва ли могут позволить истине испортить хорошую нить о «расизме».

Эта статья была опубликована на VDARE.com 2 февраля 2004 года.

the program, and it has gained a permanent place in the lore of American “racism.”

The “Tuskegee Study of Untreated Syphilis in the Negro Male,” as it was officially called, is probably beyond redemption. So many whites so badly want to hear the worst about themselves that they can hardly let the truth spoil a good yarn about “racism.”

This article was published at VDARE.com on February 2, 2004.

Доить мечту

КАК ЦАРНАЯ СЕМЬЯ ТОРГОВЛЯЕТ МИЛКОМ МЛК .

Мартин Лютер Кинг-младший, несомненно, был самым известным чернокожим активистом того, что известно как период гражданских прав. Он был прелюбодеем, плагиатором и сочувствующим коммунистам, но даже в 1950-х и 60-х годах белое заведение не решалось критиковать столь красноречивого представителя за расовую интеграцию. Ко времени убийства Кинга в 1968 году он был советником президентов, лауреатом Нобелевской премии мира и обладателем множества почетных степеней.

Как и в случае с президентами Линкольном и Кеннеди, убийство во времена национальной известности, вероятно, обеспечило гораздо большую известность, чем полная карьера. Кинг был человеком постоянных недостатков, которые стало бы невозможно игнорировать. Кроме того, как только будет достигнута традиционная программа интеграции «гражданских прав», избирательных прав и расовых предпочтений, ему пришлось бы поддерживать все более радикальные требования - требования, которые стоили бы поддержки белых, - чтобы не потерять центр внимания для черных. Мусульмане, Черные Пантеры и другие боевики. Действительно, хотя Кинг по-прежнему является обязательным героем для белых, многие чернокожие считают его триммером и Томом, безусловно, по сравнению с кем-то вроде Малкольма Икс.

Таким образом, убийство пришло в идеальное время, чтобы установить светящееся наследие короля. Также пришло время создать для его вдовы и детей хорошо оплачиваемую профессию в качестве погибших членов семьи Великого Человека и официальных хранителей наследия.

В год убийства миссис Коретта Кинг основала Центр ненасильственных социальных изменений имени Мартина Лютера Кинга. У него есть несколько экспонатов и сувенирный магазин, но его основная работа заключается в том, чтобы заработать на мученичестве. Погоня семьи за деньгами была настолько целеустремленной, что часто другим было трудно использовать имя и слова Кинга, а постоянный спрос на гонорары иногда блокировал даже самые благоприятные изображения.

Короли защищали авторские права почти на каждое слово, произнесенное патриархом, и безжалостно отстаивают свои права. Например, в 1993 году семья подала в суд на *USA Today*, которая отпраздновала 30-летие речи из 1600 слов «У меня есть мечта».

Milking the Dream

HOW THE KING FAMILY TRADES ON THE MLK MYTH.

Martin Luther King, Jr. was undoubtedly the most famous black activist of what is known as the civil rights period. He was an adulterer, plagiarizer, and Communist sympathizer, but even in the 1950s and '60s the white establishment was hesitant to criticize so eloquent a spokesman for racial integration. By the time of King's assassination in 1968, he was an advisor to presidents, Nobel Peace Prize winner, and recipient of countless honorary degrees.

As was the case with Presidents Lincoln and Kennedy, assassination at a time of national prominence probably ensured far greater fame than a full career would have. King was a man of abiding flaws that would have become impossible to ignore. Also, once the traditional "civil rights" program of integration, voting rights, and racial preferences was achieved, he would have had to endorse ever-more radical demands—demands that would have cost white support—to keep from losing the limelight to Black Muslims, Black Panthers, and other militants. Indeed, although King is still an obligatory hero to whites, many blacks now think of him as a trimmer and a Tom, certainly in comparison to someone like Malcolm X.

Assassination, therefore, came at the perfect time to establish a glowing King legacy. It also came at the perfect time to establish for his widow and children a well-paid profession as bereaved family members of the Great Man and official custodians of the legacy.

The very year of the assassination, Mrs. Coretta King established the Martin Luther King Jr. Center for Nonviolent Social Change. It has some exhibits and a gift shop, but its main job appears to be to cash in on martyrdom. The family's pursuit of money has been so single-minded it has often made it hard for others to use King's name and words, and its constant demand for royalties has sometimes blocked even the most favorable portrayals.

The Kings have copyrighted nearly every word the patriarch uttered, and are ruthless about asserting their rights. In 1993, for

Семья не смягчилась, и газета, наконец, заплатила 1700 долларов США за переиздание, плюс значительные судебные издержки Центра Короля. В нынешнюю эпоху унижений мало кто был настолько груб, чтобы указывать на то, что такое резкое настойчивое требование прав интеллектуальной собственности становится семьей человека, который сам был пожизненным плагиатом.

В 1996 году King Center подал в суд на CBS, потому что в него вошли отрывки из речи «мечты» в видеосериале из пяти частей под названием «20-й век» с Майком Уоллесом. CBS снял речь в 1963 году, и неудивительно, что он имел право на свои собственные архивы. Король Центр думал иначе и подал в суд на гонорары, сдаваясь только после того, как проиграл и в суде, и в апелляции.

Святая завеса, которая была наложена на Кинга и все, к чему он прикасался, без сомнения, удерживала множество уродливых маневров от глаз общественности, но к 1987 году картина была ясна. В том же году миссис Кинг и Центр Кинга подали в суд на Бостонский университет, чтобы вернуть 83 000 документов Кинга, хранящихся в университете с 1960-х годов. У Кинг-центра уже было более 100 000 таких бумаг, но они хотели получить каждую. После шести лет юридической перепалки дело было передано в суд. Бостонский университет выпустил письмо Кинга 1964 года, в котором говорилось, что его бумаги должны стать «абсолютной собственностью» университета после его смерти. Миссис Кинг утверждала, что никогда не видела письмо. Затем университет выпустил письмо, которое она сама написала в 1967 году, подтверждая существование предыдущего письма. Затем миссис Кинг сменила тактику и настояла, что Кинг изменил свое мнение о том, где должны находиться бумаги, но не смог доказать никаких доказательств этого. Присяжные, в том числе два чернокожих и латиноамериканец, были созданы для университета в 1987 году, но миссис Кинг не отступила. Она продолжала процесс апелляции, пока она не проиграла окончательно в 1995 году.

Когда дело доходит до иска, короли судят не по цвету чьей-то кожи, а по содержанию его банковского счета. Генри Хэмптон - черный кинопродюсер, снявший знаменитый ныне телевизионный сериал о гражданских правах «Глаза на приз», который транслировался в 1987 году с продолжением в 1990 году. В 1992 году семья потребовала деньги от продюсерской компании мистера Хэмптона Blackside, Inc. потому что в сериале использованы кадры преподобного короля. Мистер Хэмптон предложил 100 000 долларов.

example, the family sued *USA Today*, which had celebrated the 30th anniversary of the 1,600-word “I Have a Dream” speech by reprinting it. The family would not relent, and the newspaper finally paid a \$1,700 reprint fee, plus the King Center’s considerable legal costs. In the current era of abasement, few were rude enough to point out that such punctilious insistence on intellectual property rights ill becomes the family of a man who was, himself, a life-long plagiarist.

In 1996, the King Center sued CBS because it included excerpts from the “dream” speech in a five-part video series called *The 20th Century with Mike Wallace*. CBS had filmed the speech in 1963, and not surprisingly thought it had the right to its own archives. The King Center thought otherwise, and sued for royalties, giving up only after it lost both in trial court and on appeal.

The saintly veil that has been cast over King and everything he touched has no doubt kept a lot of ugly maneuvering out of the public eye, but by 1987 the pattern was clear. That year, Mrs. King and the King Center sued Boston University to get back 83,000 King papers the university had held since the 1960s. The King Center already had more than 100,000 such papers but wanted every single one. After six years of legal skirmishing, the case went to trial. Boston University produced a 1964 letter from King saying his papers were to become the university’s “absolute property” upon his death. Mrs. King claimed never to have seen the letter. The university then produced a letter she herself had written in 1967 acknowledging the existence of the earlier letter. Mrs. King then switched tactics and insisted King had changed his mind about where the papers were to end up, but could show no evidence for this. A jury—including two blacks and a Hispanic—found for the university in 1987, but Mrs. King would not back down. She kept the appeal process going until she lost decisively in 1995.

When it comes to suing, the Kings judge not by the color of someone’s skin but by the content of his bank account. Henry Hampton is a black film producer who made the now-famous civil rights television series, *Eyes on the Prize*, which was broadcast in 1987 with a sequel in 1990. In 1992, the family demanded

Семья насмеялась над этой фигурой и запустила то, что мистер Хэмптон назвал «агрессивной попыткой получить огромную сумму денег», добавив, что «у них, похоже, было представление о наличии миллионов долларов». Несколько вещателей, которые планировали повторить сериал, отложили эту идею из-за страха быть втянутыми в костюм. Когда короли отказались отступить, г-н Хэмптон ответил на это обвинением, заявив, что угрозы семьи «оказывают пугающее влияние на право Блэксайда на свободу слова». В конечном итоге стороны урегулировали дело за значительно меньшую сумму, чем первоначально предложенный г-ном Хэмптоном, 100 000 долларов. Короли ясно думают, что подкладывать собственные карманы важнее, чем позволять другим людям - как бы они ни восхищались - распространять мудрость великого человека.

Кажется, что все в семье видят добычу и платят за интервью. По данным немецкой телекомпании, младшая из детей Кинга, Бернис, «хотела получить 4000 долларов или 5000 долларов за одно интервью за десять минут».

К тому времени, когда короли вступили в борьбу со службой национальных парков, их репутация воровства была настолько плохой, что даже либералы чувствовали отвращение. В 1980 году семья обратилась в Службу парков с просьбой помочь в управлении той частью Атланты, которая теперь известна как исторический район короля. Это сикофантическое обозначение включает дом короля и баптистскую церковь Эбенезер, где он проповедовал. Федералы превратили этот район в третье по популярности историческое место в Америке после Статуи Свободы и Независимости в Филадельфии и платили Центру короля 535 000 долларов в год за эту привилегию. В 1994 году Park Service (обслуживание парков) начала работу в центре для посетителей за 11,8 миллионов долларов через дорогу от центра King. Хотя они знали о проекте в течение многих лет, семья ждала начала строительства, прежде чем искать больше денег. Возглавляемая сыном преподобного Кинга Декстером, семья объявила, что новый центр пойдет на выручку в собственном магазине подарков и будет конкурировать с «интерактивным музеем», который они собирались построить. В качестве компенсации они попросили Park Service (Обслуживание парков) устроить ежегодную плату до 1,5 млн. Долларов. Служба сказала нет.

money from Mr. Hampton's production company Blackside, Inc. because the series used footage of Rev. King. Mr. Hampton offered \$100,000. The family sneered at this figure and launched what Mr. Hampton called "an aggressive attempt to get an enormous amount of money," adding that "they seemed to have the notion that millions of dollars were available." Several broadcasters that had planned to rerun the series shelved the idea for fear of being dragged into the suit. When the Kings refused to back down, Mr. Hampton countersued, charging that the family's threats "had a chilling effect on Blackside's right of free speech." The parties eventually settled out of court for considerably less than the \$100,000 Mr. Hampton had originally offered. The Kings clearly think lining their own pockets is more important than letting other people—no matter how admiring—spread the great man's wisdom.

Everyone in the family seems to have an eye for swag, and some charge for interviews. According to a German television company, the youngest of King's children, Bernice, "wanted to have \$4,000 or \$5,000 for one interview, ten minutes."

By the time the Kings got into a fight with the National Park Service, their reputation for money-grubbing was so bad even liberals were disgusted. In 1980, the family had asked the Park Service to help administer the part of Atlanta now known as the King Historic District. This sycophantic designation includes King's house and the Ebenezer Baptist Church, where he preached. The feds turned the area into the third most popular historic site in America after the Statue of Liberty and Independence Hall in Philadelphia—and paid the King Center \$535,000 a year for the privilege. In 1994, the Park Service started work on an \$11.8 million visitor center across the street from the King Center. Although they had known of the project for years, the family waited until construction had begun before pushing for more money. Led by Rev. King's son Dexter, the family announced the new center would cut into its own gift shop revenues and compete with an "interactive museum" they were thinking of building. As compensation, they asked the Park Service to triple its annual fee to \$1.5 million. The service said no.

Затем короли провели пресс-конференцию, чтобы объяснить, что бюрократы, с которыми они работали с прибылью в течение 15 лет, теперь не лучше, чем Джеймс Эрл Рэй. Коретта Кинг сказала: «Те же самые злые силы, которые уничтожили Мартина Лютера Кинга, теперь пытаются уничтожить мою семью. Мы полны решимости, как никогда, чтобы те, кто убил мечтателя, не разрушат мечту». Декстер Кинг утверждал, что белый человек снова в этом, пытаясь «аннексировать эту область, чтобы контролировать распространение истории». «Наша история всегда была разбавлена», объяснил он; «Мы можем рассказать нашу историю. Мы знаем лучше». Конечно, мечта так и останется несбыточной, все обвинения в разбавлении истории будут сняты, и правительство может продолжить работу со своим центром для посетителей, если Служба парков будет приносить еще 1 миллион долларов в год.

Это было слишком даже для многих негров. Конгрессмен Джон Льюис, который был одним из сотрудников Кинга, принял сторону Службы парка. Даже Джозеф Робертс, тогдашний министр баптистской церкви Эбенезера, назвал требования семьи короля «властными, диктаторскими и недемократическими». Синтия Такер, чернокожая женщина, которая редактирует редакционную страницу «Атлантического журнала» и которая никогда не упускает возможности кричать «расизм», обвинила королей в «недальновидном лидерстве» и «похищении прибыли». Люди стали обращать внимание на то, что центр Кинга должен быть посвящен «исследованиям, образованию и обучению ненасильственной философии и стратегии», но все, что он делает - это торгует «наследием». Служба парков продолжила работу с центром для посетителей, но некоторые экспонаты были явно пустыми, потому что короли отказались переворачивать обещанные бумаги и артефакты.

В течение многих лет семья принимала благочестивое мнение о том, что изображение Кинга не должно было коммерциализоваться, и предъявила иск любому настолько грубому, чтобы попытаться. В 1982 году Верховный суд Джорджии подтвердил свое авторское право на все представления King, в деле против American Heritage Products, которая продавала статуэтки за 29,95 долларов. В 1996 году, однако, приманка luce победила благочестие. Центр санкционировал статую Cladro и бросил серию булавок и медальонов на рынок во время Олимпийских игр в Атланте.

The Kings then held a press conference to explain that the bureaucrats they had worked with profitably for 15 years were now no better than James Earl Ray. Coretta King said, "The same evil forces that destroyed Martin Luther King are now trying to destroy my family. We are more determined than ever that they who slew the dreamer will not slay the dream." Dexter King claimed the white man was at it again, trying "to annex this area to control the dissemination of history." "Our history has always been diluted," he explained; "we can tell our history. We know best." Of course, the dream would remain unslain, all accusations of diluting history would be withdrawn, and the government could go ahead with its visitor center if the Park Service would only ante up another \$1 million a year.

This was too much even for many blacks. Congressman John Lewis, who had been one of King's collaborators, sided with the Park Service. Even Joseph Roberts, then minister of Ebenezer Baptist Church, called the King family's demands "high-handed, dictatorial and undemocratic." Cynthia Tucker, a black woman who edits the *Atlanta Journal-Constitution's* editorial page and who never misses a chance to shout "racism," accused the Kings of "short-sighted leadership" and "profit mongering." People began to point out that the King Center is supposed to be dedicated to "research, education and training in nonviolent philosophy and strategy," but all it does is peddle "the legacy." The Park Service went ahead with its visitor center but left some of the exhibits pointedly empty because the Kings refused to turn over papers and artifacts they had promised.

For years the family took the pious view that King's image was not to be commercialized, and sued anyone so crude as to try. In 1982 the Georgia Supreme Court upheld its copyright on all representations of King, in a case against American Heritage Products, which was selling statuettes for \$29.95. In 1996, however, the lure of lucre won out over piety. The center authorized a Lladro statue and rushed a series of pins and medallions onto the market in time for the Atlanta Olympics. A line of King-image personal checks is now available, and there is talk of a Hollywood biography that

Линия чеков с изображением короля теперь доступна, и есть разговоры о голливудской биографии, которой мог бы руководить Оливер Стоун. В 1997 году семья заключила сделку с Time Warner, чтобы выпустить книги MLK, компакт-диски и веб-страницу. Предполагаемый доход для King Center: 10 миллионов долларов в год.

Недавно короли сдали в аренду слова и образ патриарха для рекламы. Singular, расположенная в Атланте, мобилная телефонная компания и французская телекоммуникационная компания Alcatel, показали рекламу King. В одном голос Кинга отличается от голоса других, в том числе от лягушки Кермита. Невозможно сказать, что может произойти дальше, теперь, когда Декстер Кинг дважды посетил Грейсленд, чтобы увидеть, как продается «наследие» Элвиса.

В 1995 году семья снова установила свои приоритеты, закрыв праздничную комиссию Кинга. Миссис Кинг потратила 10 лет на создание организации, которая способствовала празднованию национального праздника короля. Как только он достиг определенной известности, он стал конкурентом по сбору средств в King Center. Лучше всего было убить комиссию, которая только продвигала Кинга и «гражданские права», в конце концов, чтобы очистить поле для центра, который платит зарплату семье Кинга.

Еще одна недавняя трата денег снова закончилась с бумагами. В 1999 году семья снизила до того, чтобы позволить Библиотеке Конгресса взять на хранение документы, все еще находящиеся в Атланте, в рамках сделки, которая надежно сохраняла авторские права в руках семьи. Центру короля больше не придется заботиться о 100 000 газет, но он все равно может взимать плату за перепечатку. Семья оценила бумаги на 40 миллионов долларов, поэтому она щедро предложила опекунство всего за 20 миллионов долларов. Библиотека не видела это таким образом. Ожидается, что он будет полностью использовать личные документы в своих коллекциях, а не только радость, узнав, что они там есть, и получит большинство своих материалов за счет пожертвований. Самым дорогим его приобретением было приобретение средневековых рукописей в 1930 году за 1,5 миллиона долларов, включая Библию Гутенберга. Даже Конгресс США, который обычно делает что-либо во имя расового искупления, заплатил 20 миллионов долларов, и семья Кинга больше не продвигает эту сделку.

Последним примером жадности, открывающей глаза, является требование семьи Кинга об огромной «лицензионной» пошлине, чтобы мемориал Мартина Лютера Кинга-младшего, запланированный для «Вашингтон Молл», использовал имя Кинга.

could be directed by Oliver Stone. In 1997, the family swung a deal with Time Warner to bring out MLK books, CDs, and a web page. Estimated revenue for the King Center: \$10 million a year.

Recently, the Kings rented out the patriarch's words and image for advertising. Atlanta-based Cingular, a cellular telephone company, and the French telecommunications company Alcatel have both run King ads. In one, King's voice is featured with several others, including that of Kermit the Frog. There is no telling what could come next, now that Dexter King has visited Graceland—twice—to see how the Elvis “legacy” is marketed.

In 1995, the family once more set its priorities straight by shutting down the King holiday commission. Mrs. King had spent 10 years building up the organization, which promoted celebration of the King national holiday. As soon as it reached a certain prominence, it became a fund-raising competitor to the King Center. It was best to kill the commission—which only promoted King and “civil rights,” after all—so as to clear the field for the center that pays the King family salaries.

Another recent money-grub has once again been over papers. In 1999, the family condescended to let the Library of Congress take custody of the papers still in Atlanta, in a deal that would keep the copyright firmly in family hands. The King Center would no longer have to bother with looking after 100,000 papers, but could still charge fat reprint fees. The family had had the papers appraised for \$40 million, so it pronounced itself generous in offering custody for a mere \$20 million. The library didn't see it that way. It expects to have full use of personal papers in its collections, not just the joy of knowing they are there, and gets most of its materials by donation. Its most expensive purchase ever was a \$1.5 million 1930 acquisition of medieval manuscripts that included a Gutenberg Bible. Even the U. S. Congress, which will usually do anything in the name of racial atonement, jibbed at \$20 million, and the King family is no longer pushing the deal.

The latest example of eye-opening greed is the King family's demand for a hefty “licensing” fee to let the Martin Luther King, Jr. memorial planned for the Washington Mall use the King name. In

В 1996 году президент Клинтон подписал закон, предусматривающий выделение четырех акров земли, примыкающих к приливному бассейну, и обещающий полное обслуживание памятника, но никакие федеральные средства не могут быть использованы для его строительства. В ноябре 2003 года есть крайний срок, чтобы собрать 100 миллионов долларов для этой цели, но крупные доноры не хотят ставить в тупик, пока семья Кинга отказывается выпустить имя. Томми Хилфигер обещал 5 миллионов долларов, а General Motors собирался дать 10 миллионов долларов, но они не будут выписывать чеки, пока проблема «лицензирования» не будет решена.

Памятник на Капитолии - это высочайшая честь, которую может заплатить нация. Оставьте это семье Короля, чтобы увидеть в ней шанс выманить у людей больше денег. В какой-то момент они собирались предложить имя короля за 600 000 долларов, но теперь вернулись к тому, что набрали деньги на мемориал.

Есть некоторые опасения, что Альфа Фи Альфа, которая была братством Кинга и является группой, возглавляющей проект, может попросить Конгресс продлить семилетний период сбора средств. Дженерал Моторс уже предоставила 750 000 долл. США для «деятельности по настройке», но этого уже давно нет. По меньшей мере треть из них исчезла в сентябре 2000 года в связи с щедрым праздником, объявившим победителя конкурса мемориального дизайна. Для страны было бы благословением, если бы жадность королевской семьи была настолько велика, что в торговом центре не было мемориала, но Конгресс, безусловно, проголосует за продление периода сбора средств, если это будет необходимо, и белые в конечном итоге предложат достаточно денег, чтобы удовлетворить бедную, скорбящую, скорбящую семью.

Что, конечно, является реальной проблемой. Легко издеваться над прозрачной жадностью королевской семьи, но кто виноват? Миссис Кинг и дети могут быть прощены за мысли «доктор» Кинг был самым важным американцем - возможно, самым важным человеком - который когда-либо жил. Только он и Иисус Христос разделяют различие между федеральными праздниками в дни их рождения. Кинг, который по официальным оценкам стоит намного выше, чем такие рабовладельцы, как Джордж Вашингтон или Томас Джефферсон, - американский святой, который полностью воплотил в жизнь обещание американской свободы и демократии. Разумеется, именно белые привели или, по крайней мере, согласились на канонизацию, которую они могли остановить в любое время. Все черные мошенники и мошенники, такие как Джесси Джексон и Аль Шарптон, и каждый их местный вариант были бы никем, если бы белые не обращали на них внимания.

1996, President Clinton signed legislation setting aside four acres adjoining the tidal basin, and promising full maintenance for the memorial, but no federal funds can be used to build it. There is a deadline of November 2003, to scrape together \$100 million for the thing, but major donors are unwilling to stump up so long as the King family refuses to release the name. Tommy Hilfiger had promised \$5 million and General Motors was going to give \$10 million, but they will not write checks until the “licensing” problem is cleared up.

A monument on the Capitol Mall is about the highest honor the nation can pay. Leave it to the King family to see it as a chance to screw more money out of people. At one point, they were about to offer the King name for a flat \$600,000 but are now back to dickering over a percentage of the money raised for the memorial.

There is some fear that Alpha Phi Alpha, which was King’s fraternity and is the group leading the project, may have to ask Congress to extend the seven-year fund-raising period. General Motors has already provided \$750,000 for “setup activities,” but that is long gone. At least a third of it disappeared in September, 2000, in connection with a lavish celebration announcing the winner of the memorial design competition. It would be a blessing to the country if the King family’s greed were so great it kept the Mall free of the memorial, but Congress will certainly vote an extension of the fund-raising period if it is needed, and whites will eventually offer enough money to satisfy the poor, grieving, bereaved family.

Which, of course, is the real problem. It is easy to scoff at the King family’s transparent greed, but who is to blame? Mrs. King and the children can be forgiven for thinking “Dr.” King was the most important American—perhaps the most important human—who ever lived. He and Jesus Christ alone share the distinction of federal holidays on their birthdays. King, who stands far higher in official estimation than such slaveholding wretches as George Washington or Thomas Jefferson, is an American saint who brought the promise of American liberty and democracy to full fruition. It is whites, of course, who have led or at least acquiesced in a canonization they could have stopped at any time. All the black frauds and con-

Но, позволив мифу о короле распространиться на нелепые размеры, белые очень обременили семью короля. Нелегко быть ребенком или вдовой святого. Вряд ли мы можем ожидать, что такие люди будут иметь что-то вроде нормального чувства приличия и тем более не пачкать руки в непристойном деле «ненасильственных социальных изменений».

Более того, белые больше не нуждаются в большой помощи черных для продвижения того, что подразумевается под «гражданскими правами». В прошлом они были мастерами признания в расизме, извинения за свою историю и культуру, поощрения многорасизма и собственного лишения прав. Почему семья Кинга должна беспокоиться о таких вещах, когда белые уже действуют как обученные тюлени? Гораздо лучше, чтобы просто заниматься приятным делом разбогатеть.

Эта статья впервые появилась в февральском выпуске журнала «Возрождение» за 2002 год .

men such as Jesse Jackson and Al Sharpton, and every one of their local variants would be nobodies if whites didn't pay attention to them.

But in letting the King myth expand to preposterous size whites have sorely burdened the King family. It is not easy being the child or widow of a saint. We can hardly expect such people to have anything like a normal sense of propriety and even less to dirty their hands in the unglamorous business of "non-violent social change."

What is more, whites no longer need much help from blacks to promote whatever is meant by "civil rights." They are past masters at confessing to "racism," apologizing for their history and culture, and promoting multiracialism and their own dispossession. Why should the King family bother with that sort of thing when whites perform like trained seals already? Far better just to get on with the pleasant business of getting rich.

This article first appeared in the February 2002 issue of American Renaissance.

La Raza Выглядит Верховный Суд

КАКОВЫ ПРИНЦИПЫ ПРИНЦИПА НАХОДЯТСЯ В КОНСТИТУЦИИ ПОВЫШЕННО НЕ БЕЛЫМ СУДОМ?

Президент Обама никого не удивил, назначив ярко исповедующего расу латиноамериканца своим первым кандидатом в Верховный суд США. Некоторые из наблюдений Сони Сотомайор о выборе более широко освещались: «Я надеюсь, что мудрая латинская женщина, обладающая богатым опытом, чаще всего придет к лучшему заключению, чем белый мужчина, который не прожил эту жизнь». Она также говорит, что секс и раса «могут и будут иметь значение в нашем судействе». (Эти замечания появились в публикации, которая называется - по-видимому, с открытым лицом - «Юридический журнал Беркли-ла-Раза».) Но чего еще нам ожидать от члена Пуэрто-риканской ассоциации адвокатов, Испанской национальной ассоциации адвокатов, Ассоциации Судьи латиноамериканского наследия и Национальный совет Ла Раза?

То, как мисс Сотомайор настаивает на том, чтобы мы произносили ее имя, является еще одним свидетельством того, насколько она испаноязычна. Збигнев Бжезинский и Антонин Скалия не говорят нам говорить так, как это делали их польские или итальянские предки. Они американцы и понимают, как говорят американцы. Не Соня. Не так давно люди пытались вписаться, и многие новички даже изменили свои имена, чтобы стать более американцами. Теперь даже тот, кто не хочет заседать в Верховном суде, не беспокоится о том, чтобы вписаться. Мы должны приспособиться к ней; А не наоборот.

Мисс Сотомайор также, кажется, считает, что ее роль состоит в том, чтобы управлять, а не гарантировать, что законы являются конституционными. В другом хорошо обнародованном комментарии она сказала, что «апелляционный суд (уровень, на котором она сейчас заседает) - это место, где разрабатывается политика». Нет, Соня, законодательная власть - это место, где разрабатывают политику. Трудно придумать заявление, которое так явно демонстрирует отсутствие того, что мы привыкли называть «судебным темпераментом».

Запись мисс Сотомайор показывает, что, как и судья Рут Гинзберг, она, скорее всего, будет оказывать иностранным юридическим заключениям значительное уважение.

La Raza Eyes the Supreme Court

WHAT FANCIFUL PRINCIPLES WILL AN INCREASINGLY NON-WHITE COURT FIND IN THE CONSTITUTION?

President Obama has surprised no one by appointing a vividly race-conscious Hispanic as his first nominee to the United States Supreme Court. Some of Sonia Sotomayor's choicer observations have been widely reported: "I would hope that a wise Latina woman with the richness of her experiences would more often than not reach a better conclusion than a white male who hasn't lived that life." She also says sex and race "may and will make a difference in our judging." (These remarks appeared in a publication that is called—apparently with a straight face—the *Berkeley La Raza Law Journal*.) But what else should we expect from a member of the Puerto Rican Bar Association, the Hispanic National Bar Association, the Association of Judges of Hispanic Heritage, and the National Council of La Raza?

The way Miss Sotomayor insists we pronounce her name is another indication of how vehemently Hispanic she is. Zbigniew Brzezinski and Antonin Scalia don't tell us to talk the way their Polish or Italian ancestors did. They are Americans, and understand the way Americans speak. Not Sonia. It wasn't all that long ago that people tried to fit in, and many newcomers even changed their names to become more American. Now, not even someone who wants to sit on the Supreme Court worries about fitting in. We have to adjust to her; not the other way around.

Miss Sotomayor also appears to think her role is to rule, not to ensure that the laws are Constitutional. In another well-circulated comment she said that a "court of appeals [the level at which she now sits] is where policy is made." No, Sonia, the legislative branch is where policy is made. It would be hard to think of a statement that so blatantly demonstrates a lack of what we used to call "judicial temperament."

Miss Sotomayor's record shows that, like Justice Ruth Ginsberg, she is likely to give foreign legal opinions considerable defer-

Одна европейская правовая сфера, которой восхищаются либералы, состоит в том, чтобы оправдать подавление свободы слова, утверждая, что некоторые мнения слишком отвратительны, чтобы их допускать. У мисс Сотомайор еще не было возможности опробовать этот аргумент в отношении Первой поправки, но я подозреваю, что она с удовольствием. Если она будет подтверждена, она окажется в конце концов как Тургуд Маршалл, чьи расовые интересы и предубеждения в конечном итоге стали настолько простыми, что стали почти комичными.

И нет никаких сомнений, что она будет подтверждена. Как отмечалось выше, она официально говорит, что латиноамериканские женщины мудрее и лучше белых мужчин. Белые безвольные мужчины, которых мы называем сенаторами, докажут ее правоту, подтвердив ее.

Конечно, такие судьи, как Соня Сотомайор, - это то, за что американцы, независимо от того, знали они об этом или нет, голосовали за ноябрь прошлого года, и мы можем рассчитывать на большее количество назначений той же категории: непристойные назначения по квотам, призванные превратить Верховный суд в двигатель все более вопиющей раскулаченности. Если суд большинства белых неоднократно доказывал, что способен обнаружить, что равные возможности требуют дискриминации белых, какие причудливые принципы найдет в Конституции все более небелый суд? Мистер Обама, несомненно, сделает все возможное, чтобы мы узнали.

В то же время мы можем, по крайней мере, произнести имя кандидата так, как оно должно произноситься: с ударением на первом слоге и двумя последними слогами, рифмованными «мэром», как в мэре Нью-Йорка. Если кто-то исправляет вас, просто объясните, что вы оказываете мисс Сотомайор незаслуженную пользу, обращаясь с ней как с американцем.

Эта статья впервые появилась в июльском номере журнала American Renaissance 2009 года .

ence. One European legal flourish much admired by liberals is to justify clamping down on free speech by arguing that some opinions are too loathsome to be permitted. Miss Sotomayor has not yet had a chance to try this argument out on the First Amendment, but I suspect she would love to. If she is confirmed, she will end up like Thurgood Marshall, whose racial preoccupations and biases eventually became so simple-minded as to be almost comical.

And there is little doubt she will be confirmed. As noted above, she is on record as saying, in effect, that Hispanic women are wiser and better than white men. The spineless white men we call senators will prove her right by confirming her.

Of course, justices such as Sonia Sotomayor are what Americans, whether they knew it or not, were voting for last November, and we can count on more nominations of the same stripe: unapologetic quota-appointments designed to turn the Supreme Court into an engine of increasingly blatant dispossession. If a majority-white court has repeatedly shown itself capable of finding that equal opportunity requires discrimination against whites, what fanciful principles will an increasingly non-white court find in the Constitution? Mr. Obama will no doubt do his best to make sure we find out.

In the meantime, we can at least pronounce the nominee's name the way it should be pronounced: with the accent on the first syllable and the two last syllables rhyming with "mayor," as in the mayor of New York. If someone corrects you, just explain that you are doing Miss Sotomayor the undeserved favor of treating her like an American.

This article first appeared in the July 2009 issue of American Renaissance.

«Благородная выдумка» или ядовитый яд?

ПОЧЕМУ МЫ ДОЛЖНЫ ГОВОРИТЬ ОТНОСИТЕЛЬНО О РАСНЫХ РАЗНИЦАХ .

«Будем надеяться, что это неправда, но если это так, будем молиться, чтобы это не стало общеизвестным». Сообщается, что это был ответ викторианской леди, когда ей впервые рассказали о теории эволюции Дарвина. Мне вспоминают об этой женщине всякий раз, когда я слышу людей, которые знают правду о расе и IQ, но думают, что это никогда не должно обсуждаться открыто. Некоторые предполагают, что официальное одобрение расового равенства является «необходимой благородной выдумкой».

Это совершенно неправильно. Я не думаю, что есть единственная истина, которую должно подавлять наше правительство, и именно потому, что вопрос расы настолько раздражен, что нам нужна откровенность, а не уклонение. Те, кто настаивают на том, что все расы равны во всех отношениях, могут быть благонамеренными, но «благородная выдумка» не сглаживает расовые отношения; это отравляет их.

Я думаю, что существенный генетический вклад в расовые различия в среднем IQ примерно так же близок к доказанному, как и в социальных науках. Когда-нибудь будут идентифицированы генные варианты, которые повышают и понижают интеллект, и вопрос о том, распределены ли они поровну между всеми группами, будет положен для милосердного отдыха. Я бы поспорил на следующие 20 домашних выплат, что некоторые расы получили их больше, чем другие, и мы должны готовиться к тому, что почти наверняка будет правдой, а не цепляться за что-то почти наверняка ложное.

Вот аргументы для подавления правды:

1. Любое обсуждение IQ является сокрушительным оскорблением для черных, и если бы различия были широко признаны, это привело бы их к отчаянию или даже насилию.
2. Подлые белые будут использовать данные IQ в качестве предлога для причинения вреда черным.
3. Расовые различия не имеют законных последствий для государственной политики, поэтому нет смысла даже думать о них.

“Noble Fiction”—or Noxious Poison?

WHY WE MUST TALK OPENLY ABOUT RACIAL DIFFERENCES.

“Let us hope that it is not true, but if it is, let us pray that it will not become generally known.” Such is reported to have been a Victorian lady’s reply on first being told of Darwin’s theory of evolution. I am reminded of that lady whenever I hear people who know the truth about race and IQ but who think it should never be discussed openly. Some suggest that official endorsement of racial equality is a “necessary noble fiction.”

This is utterly wrongheaded. I don’t think there is a single truth it should be our government’s job to suppress, and it is precisely because the question of race is so vexed that we need candor rather than evasions. Those who insist that all races are equal in every way may be well-meaning, but the “noble fiction” does not smooth race relations; it poisons them.

I think a substantial genetic contribution to racial differences in average IQ is about as close to proven as anything ever is in the social sciences. Some day, the gene variants that raise and lower intelligence will be identified, and the question of whether they are equally distributed among all groups will be laid to merciful rest. I would bet the next 20 house payments that some races got more of them than others, and we should be preparing for what is almost certain to be true, rather than clinging to something almost certain to be false.

Here are the arguments for suppressing the truth:

1. Any discussion of IQ is a crushing insult to blacks, and if differences were widely acknowledged it would drive them to despair or even violence.
2. Mean-spirited whites will use IQ data as an excuse to hurt blacks.
3. Racial differences have no legitimate implications for public policy, so there is no point even thinking about them.

Неправильно по всем пунктам.

Давайте посмотрим на (1). Конечно, чернокожие будут в ярости, если мы будем говорить о расах, не так ли? Все белые так думают, поэтому никогда не говорят с черными об IQ, и поэтому они не знают ответа на этот вопрос. Они просто думают, что делают.

Я никогда не забуду первый раз, когда я прочитал лекцию о расе и IQ для аудитории, в которую входили черные. Я посмотрел на толпу и не был уверен, что мои ноги унесут меня на подиум. Мое сердце упало, чтобы подумать, как ранили чернокожие от того, что я собирался сказать. Я с трудом сглотнул и дал свой разговор.

Когда я закончил, черный человек выстрелил, закричал о "расизме" и выбежал. Другой сделал то же самое. Остальные негры целый час держали меня на ногах, отвечая на вопросы. Белые задавали технические вопросы о тестировании интеллекта, но черные задавали жирные вопросы о том, что IQ означает для людей и для общества

После этого подошло как минимум полдюжины негров, чтобы поговорить со мной. Они улыбнулись, похвалили меня за мой разговор, тепло пожали мне руку и хотели говорить столько, сколько я пожелал. Та же самая картина повторялась в других случаях: вспышка или два, сопровождаемые острым интересом и подлинной сердечностью.

После нескольких лекций я разобрался, что происходит. В-первых, тема расы и IQ - табу, а черным так же любопытно табу, как и белым. Я много знаю о предмете и не покровительствую людям. Я много говорю о расах и IQ, и люди ценят хорошие разговоры.

Во-вторых, черные не глупы. Они видят жалкое состояние Африки и Гаити, а также их окрестности. Они видят, как много черных терпят неудачу, несмотря на предоставленные им возможности. Расовые различия в интеллекте для них так же правдоподобны, как и для любого другого, как объяснение мира как такового.

Но как насчет тепла и сердечности? Я полагаю, что это потому, что многие из этих чернокожих чувствовали, что впервые в своей жизни у них был *совершенно честный разговор о расе с белым человеком*. Возможно, это был их первый совершенно честный разговор о *чем-либо* с белым человеком. Я думаю, что они очень ценят то, что с ними разговаривают как взрослые, а не дети.

Wrong on all counts.

Let's look at (1). Surely blacks will be furious if we talk about race differences, won't they? All whites think so, so they never talk to blacks about IQ—and so they don't know the answer to that question. They just think they do.

I will never forget the first time I gave a lecture on race and IQ to an audience that included blacks. I looked out over the crowd and I wasn't sure my legs would carry me to the podium. My heart sank to think how wounded the blacks would be by what I was about to say. I swallowed hard and gave my talk.

When I finished, a black man shot up, shouted about “racism,” and stormed out. Another did the same. The rest of the blacks kept me on my feet for an hour answering questions. The whites asked technical questions about intelligence testing, but the blacks asked meaty questions about what IQ means for people and for society

Afterwards, at least half a dozen blacks came up to speak to me. They smiled, complimented me on my talk, shook my hand warmly, and wanted to talk for as long as I was willing. The same pattern repeated itself on other occasions: an outburst or two followed by keen interest and genuine cordiality.

After several lectures, I figured out what was happening. First, the subject of race and IQ is taboo, and blacks are just as curious about taboos as whites. I know a lot about the subject, and do not patronize people. I give a rattling good talk about race and IQ, and people appreciate a good talk.

Second, blacks are not stupid. They see the miserable state of Africa and Haiti—and their own neighborhoods. They see how so many blacks fail despite the opportunities given them. Racial differences in intelligence are as plausible to them as to anyone else as an explanation for the world as it is.

But what about the warmth and cordiality? I believe it was because many of those blacks felt that for the first time in their lives they had had a *totally honest conversation about race with a white man*. Maybe it was their first totally honest conversation about *anything* with a white man. I think they deeply appreciated

Я подозреваю, что большинство чернокожих не более боятся расовых различий в IQ, чем белые боятся возможности того, что китайцы и японцы умнее их. В течение многих лет в школах с высокой степенью азиатского воспитания, таких как Беркли и UCLA, правило для белых состояло в том, чтобы пропустить любой класс науки или математики, в котором слишком много азиатов. Кому нужна конкуренция? Разве вероятность того, что азиаты умнее, чем они, сводит белых к отчаянию и страданиям? Вовсе нет, хотя иногда это сводит их к психологии или английскому языку.

Давайте не будем забывать, что до, возможно, 60 лет назад, почти все американцы считали само собой разумеющимся, что черные были не такими умными, как белые. Черные принимали наркотики, убивали людей, беременели друг друга или в результате бунтовали? Нет. Многие жили более стабильной и здоровой жизнью, чем сегодня. Белые с позором покровительствуют черным, когда предполагают - без каких-либо доказательств, я бы добавил, - что черные не могут справиться с правдой.

Как насчет (2) - утверждения о том, что белые могут использовать данные IQ в качестве предлога для плохого обращения с черными, индивидуально или в группе?

Во-первых, стоит напомнить, что белые, которые освободили рабов, были, по сегодняшним меркам, белыми сторонниками превосходства. Независимо от того, что белые исторически думали о чернокожих, никогда не было случаев, когда кто-либо всерьез предлагал интернирование, истребление или какие-либо другие мрачные фантазии, которые могут возникнуть у сегодняшних врагов искренности.

Во-вторых, крошечное количество белых, которые намеренно причиняют боль черным, не делают этого по абстрактным причинам. Когда Джон Кинг утащил Джеймса Берда за пикап в Джаспере, штат Техас, у него не было прогрессивных матриц Рэйвена. Я подозреваю, что он думал о чернокожих, которые бандформировали его в тюрьме.

В любом населении всегда будет несколько садистов и психопатов. Если некоторые из них решат ненавидеть черных (или белых, или женщин, или гомосексуалистов), это не имеет никакого отношения к IQ. Никто не собирается читать «Фактор g» Артура Дженсена, а затем выйти и сжечь крест.

Люди умеют ненавидеть. В Шри-Ланке тамилы и сингалыцы перерезали горло друг другу; в Ираке шииты и сунниты взрывают друг друга.

being spoken to like adults rather than children.

I suspect most blacks are no more afraid of race differences in IQ than whites are afraid of the possibility that Chinese and Japanese are smarter than they are. For years, at heavily-Asian schools such as Berkeley and UCLA, the rule for whites has been to skip any science or math class that has too many Asians in it. Who needs the competition? Does the possibility that Asians are smarter than they are reduce whites to desperation and misery? Not at all, though it sometimes reduces them to psychology or English.

Let us not forget that until perhaps 60 years ago, almost all Americans took it for granted that blacks were not as smart as whites. Did blacks take drugs, kill people, get each other pregnant, or riot as a result? No. Many lived more stable and wholesome lives than they do today. Whites are patronizing blacks disgracefully when they assume—without evidence, I might add—that blacks can't handle the truth.

What about (2)—the claim that whites might use IQ data as an excuse to mistreat blacks, either individually or as a group?

First, it is worth recalling that the whites who freed the slaves were all, by today's standards, foaming-at-the-mouth white supremacists. Whatever whites have historically thought of blacks, there has *never* been a time when anyone seriously proposed internment or extermination or whatever other lurid fantasies today's enemies of candor may have.

Second, the tiny number of whites who do deliberately hurt blacks don't do it for abstract reasons. When John King dragged James Byrd to death behind a pickup truck in Jasper, Texas, he didn't have Raven's Progressive Matrices on his mind. I suspect he was thinking about the blacks who gang-bugged him in prison.

There will always be a few sadists and psychopaths in any population. If some of them decide to hate blacks (or whites or women or homosexuals) it will have nothing to do with IQ. No one is going to read Arthur Jensen's *The g Factor* and then go out and burn a cross.

Human beings have a knack for hating. In Sri Lanka, Tamils and Sinhalese slit each others' throats; in Iraq, Shiites and Sun-

Да, они, вероятно, скажут вам, что их враги глупы. Но у них есть сто других примитивных, племенных и гораздо более интуитивных причин убивать друг друга. Люди не ненавидят друг друга из-за пересекающихся колокольчиков.

Что касается (3) - последствий для государственной политики - мракобесы правы, когда дело доходит до отдельных лиц. Во всех расах есть умные люди, хотя процент умных людей сильно варьируется от расы к расе. С практической точки зрения, если чернокожий кандидат является наиболее квалифицированным, то пусть он руководит General Motors - или, если уж на то пошло, президентом. Если у нас должно быть многорасовое общество, здравый смысл в отношении расы и IQ не должен быть препятствием для продвижения любого человека.

Догма равенства по-прежнему наносит огромный вред политике, поскольку требует одинаковых групповых результатов. Пресловутый Закон «Ни одного ребенка позади» признает школы неудачниками, если они не могут сократить разрыв в достижениях между черными (и латиноамериканцами) и белыми (и азиатами). Поскольку ни одна из примерно 98 000 государственных школ в стране не смогла сделать это, каждая «разнообразная» школа в Америке была бы признана неудачной, если бы правительство следовало своим собственным правилам.

Требования продолжают ослабляться, чтобы избежать этого абсурдного исхода. Но это не помешало 4000 учителей, администраторов и продавцов змеиноного масла посетить «Саммит достижений», который состоялся в Сакраменто в ноябре прошлого года. Не менее 125 различных панелей были посвящены различным формам скручивания рук в связи с тем фактом, что никто и нигде, как бы он ни старался, не мог заставить американцев-мексиканцев читать или заниматься математикой так же, как американцы-китайцы.

«Сокращение разрыва» является национальным приоритетом; это также бесполезный и опасный приоритет. В конце концов, существует другой разрыв в успеваемости, который намного больше, но не привлекает никакого внимания: разрыв между первыми десятью процентами и нижними десятью процентами белых студентов. Это зияющая щель. Разве мы не должны беспокоиться о его закрытии? Почему никто не заботится?

Потому что все знают, что некоторые дети просто умнее других. Все знают, что было бы сумасшествием тратить миллионы долларов, пытаясь заставить всех белых студентов получить одинаковые оценки.

nis blow each other up. Yes, they would probably tell you their enemies are stupid. But they have a hundred other primitive, tribal, and far more visceral reasons for killing each other. People do not hate each other because of overlapping bell curves.

As for (3)—implications for public policy—the obscurantists are right when it comes to individuals. There are smart people in all races, even though the percentage of smart people varies a great deal from race to race. As a practical matter, if the black candidate is the best qualified, then let him run General Motors—or be President, for that matter. If we must have a multiracial society, common sense about race and IQ need not be a barrier to any individual getting ahead.

The dogma of equality still makes terrible policy mischief because it requires identical group outcomes. The notorious No Child Left Behind Act brands schools as failures if they cannot close the achievement gap between blacks (and Hispanics) and whites (and Asians). Because not one of the approximately 98,000 public schools in the country has managed to do this, every “diverse” school in America would be declared a failure, if the government followed its own rules.

The requirements keep being loosened to avoid this absurd outcome. But that did not keep 4,000 teachers, administrators, and snake-oil salesmen from attending an “Achievement Gap Summit,” in Sacramento last November. No fewer than 125 different panels were devoted to various forms of hand-wringing over the fact that no one, anywhere, no matter how hard he tries, can get Mexican-Americans to read or do math as well as Chinese-Americans.

“Closing the gap” is a national priority; it is also a futile and dangerous priority. After all, there is a different achievement gap that is far larger but gets no attention at all: the gap between the top ten percent and the bottom ten percent of white students. It is a yawning gap. Shouldn’t we be fretting about closing it? Why does no one care?

Because everyone knows that some children are just plain smarter than others. Everyone knows it would be crazy to spend millions of dollars trying to make all white students get the same grades. A

А некоторые люди даже знают , что *каждый* ребенок делает лучше работу школы , если он получает инструкцию специально с учетом уровня его способностями, но это делает зазор между верхней и нижней оценкой *становится еще шире*. Производительность каждого повышается благодаря оптимальному, индивидуализированному обучению, но оценки самых ярких детей возрастают *больше*, чем оценки слабых детей. Разрыв становится больше.

Только представьте, какие извращенные стимулы будут встроены в школьную систему, которая подвергается ужасному давлению, чтобы все белые дети получали одинаковые оценки. Возможно ли, что в своем стремлении поднять низкие баллы, некоторые учителя могут экономить на своих усилиях по обучению выпускников? Одаренные классы сокращаются по всей стране. Никто не признает, что в этом причина, но всякий раз, когда школа прекращает предлагать специальные классы для ярких учеников - которые в основном белые и азиатские, - эффект заключается в том, чтобы сократить разрыв в расовых достижениях.

Сокращение этого разрыва *не должно быть целью*. Цель должна быть максимально возможной для всех, черт побери.

Если бы все учащиеся каждой расы получали наилучшее возможное образование, все бы узнали больше, но расовый разрыв увеличился бы. Ну и что? Мы не должны больше думать о расовом разрыве, чем разрыв между верхним и нижним баллами белых. Именно эгалитарная догма направила страну на это дурацкое поручение о ликвидации разрыва.

Но там намного хуже. «Благородная выдумка» о расовом равенстве наносит огромный ущерб расовым отношениям. Согласно беллетристике, черные, латиноамериканцы, белые и азиаты все одинаково умны и трудолюбивы. Даже малейшее отклонение в результатах имеет только одну причину: белый расизм, прошлое и настоящее. (Тот факт, что азиаты добиваются большего успеха, чем белые, удобно не указывать в этом аргументе.)

Это означает, что мы постоянно говорим черным, что белые обманывают их. Если негры не так богаты, как белые, если они чаще, чем белые, попадают в тюрьму, принимают наркотики, болеют СПИДом, получают социальную помощь, получают ранения или получают травмы, то это потому, что это имело место порочный, систематический расизм. Они не несут ответственности ни за что.

Для всех нас основным этапом взросления является осознание того, что если вы проиграете расу, то это потому, что вы не бежали достаточно быстро, а не потому, что вас обманули.

few people even know that *every* child does better school work if he gets instruction specifically tailored to his level of ability—but that this makes the gap between the top and bottom scores *grow even wider*. Everyone’s performance rises with optimal, individualized teaching, but the scores of the brightest children rise *more* than the scores of the dim children. The gap gets larger.

Just imagine what perverse incentives would be built into a school system that was under terrible pressure to make sure all the white children got exactly the same grades. Is it possible that in their zeal to pull up the low scores, some teachers might skimp on their efforts to teach the high flyers? Gifted classes are being cut back all around the country. No one admits this is the reason, but whenever a school stops offering special classes for bright students—who are overwhelmingly white and Asian—the effect is to narrow the racial achievement gap.

Narrowing this gap should *not* be a goal. The goal should be the best possible performance for everyone, gap be damned.

If all students of every race were getting the best possible education, everyone would learn more but the racial gap would grow. So what? We shouldn’t give the racial gap any more thought than we do the gap between the top and bottom white scores. It is egalitarian dogma that has sent the country on this fool’s errand of gap-closing.

But there is much worse. The “noble fiction” of racial equality does terrible damage to race relations. According to the fiction, blacks, Hispanics, whites, and Asians are all equally smart and hard-working. Even the slightest deviation in outcomes has only one cause: white racism, past and present. (The fact that Asians do better than whites is conveniently omitted from this argument.)

This means we are constantly telling blacks that white people are cheating them. If blacks are not as rich as whites, if they are more likely than whites to be in jail or on drugs or have AIDS or be on welfare or get shot or knocked up, it is because vicious, systematic racism did it to them. They are responsible for none of it.

For all of us, a basic stage in growing up is the realization that if you lose a race, it is because you didn’t run fast enough, not because

Рано или поздно все мы смиримся с тем, что мы не самый умный, самый красивый, самый музыкальный человек на земле (Билл Клинтон может быть исключением). Мы принимаем наши ограничения и максимально используем то, что имеем.

Но, согласно «благородной беллетристике», черным никогда не разрешалось взрослеть. Если они проиграли расу, то только потому, что их обманули. Мы говорим им, что если они отстают как группа, это не их собственная вина. Это потому, что - и только потому, что Уайти ненавидит их и удерживает их. Если бы наша цель состояла в том, чтобы научить негров ненавидеть белых людей, было бы трудно придумать лучший способ сделать это (наряду с, конечно, постоянными напоминаниями о рабстве, линчевании и Джиме Кроу).

Согласно «благородной выдумке», мера неудачи черных является точной мерой порочности белых, и это дает черным неиссякаемый источник горечи. Неудивительно, что Иеремия Райт проповедовал свои проповеди, и неудивительно, что его собрание танцевало на их скамьях. Неудивительно, что тексты рэпа полны анти-белого купороса. Неудивительно, что любой чёрный в 40 раз чаще совершает насилие над белым, чем наоборот.

Расовые отношения в этой стране резко улучшились бы, если бы у черных было совершенно иное сообщение: что они тонут или плавают в соответствии со своими собственными усилиями и способностями, что они не марионетки белых людей; что они взрослые, которые должны нести ответственность за свою собственную жизнь, а не дети во власти порочных, всемогущих незнакомцев.

Признание вероятности расовых различий в IQ является важной частью этого.

Отрицание расы не является «благородной выдумкой». Это ядовитый яд.

Эта статья была опубликована на VDARE.com 24 июня 2008 г.

you were cheated. Sooner or later, all of us come to terms with the fact that we are not the smartest, best-looking, most musical person on earth (Bill Clinton may be an exception). We accept our limitations, and make the most of what we have.

But according to the “noble fiction,” blacks are never allowed to grow up. If they lost the race it was only because they were cheated. We tell them that if they are behind as a group, it is never their own fault. It is because—and only because—whitey hates them and holds them down. If our goal were to teach blacks to hate white people, it would be hard to think of a better way to do it (along, of course, with constant reminders of slavery, lynching, and Jim Crow).

According to the “noble fiction,” the measure of black failure is the precise measure of white viciousness, and that gives blacks an inexhaustible reservoir of bitterness. No wonder Jeremiah Wright preached the sermons he did, and no wonder his congregation danced in their pews. No wonder rap lyrics are so full of anti-white vitriol. No wonder any given black is 40 times more likely to do violence to a white than the other way around.

Race relations in this country would improve dramatically if blacks got an entirely different message: that they sink or swim according to their own efforts and abilities, that they are not the puppets of white people; that they are adults who must be responsible for their own lives rather than children at the mercy of vicious, omnipotent strangers.

Recognizing the likelihood of racial differences in IQ is an important part of this.

Race denial is not a “noble fiction.” It is a noxious poison.

This article was published at VDARE.com on June 24, 2008.

Переход на черное правило?

ЭТО НЕ ВПЕРВЫЕ, БЕЛЫЕ БЕЗ ОТРАЖЕНИЯ.

Президентские выборы 2008 года напоминают еще одно голосование, которое состоялось 16 лет назад в Южной Африке: референдум, на котором белые проголосовали за передачу власти чернокожим. Хотя это было давно омрачено всеобщими выборами 1994 года, которые привели к власти Африканский национальный конгресс (АНК), референдум 17 марта 1992 года положил конец правлению белых.

К 1992 году президент Ф.В. де Клерк и его правительство Национальной партии отменили все основные законы апартеида. АНК был запрещен, и г-н де Клерк начал обсуждение с г-ном Манделой новой конституции, которая предоставит право чернокожим и «разделит власть».

Andries Treurnicht и его Консервативная партия возглавили оппозицию на этих переговорах, заявив, что президент не имеет полномочий вести переговоры по новой конституции. Мистер де Клерк решил задать вопрос народу. Если он выиграет референдум, он будет продвигаться к новой конституции; если он проиграл, он подал бы в отставку и назначил всеобщие выборы.

На референдуме был задан следующий вопрос: «Поддерживаете ли вы продолжение процесса реформ, который президент штата начал 2 февраля 1990 года и который направлен на выработку новой конституции путем переговоров?» (2 февраля 1990 года г-н де Клерк объявил о снятии запрета с АНК и освобождении г-на Манделы из тюрьмы.)

Национальная партия - традиционная партия африканеров - развернула широкомасштабную кампанию за голосование «за», предупреждая, что «нет» будет означать усиление международных санкций и жестокое насилие. Одним из плакатов кампании был вооруженный член Африканского движения сопротивления - воинствующей белой организации - с лозунгом: «Вы можете остановить этого человека! Голосуйте ДА». Другими словами, настоящей угрозой для Южной Африки был белый человек с пистолетом.

Transition to Black Rule?

THIS IS NOT THE FIRST TIME WHITES HAVE
WEPT FOR JOY.

The presidential election of 2008 brings to mind another vote that took place 16 years ago in South Africa: the referendum in which whites voted to turn power over to blacks. Though it has long been overshadowed by the 1994 general elections that brought the African National Congress (ANC) to power, it was the referendum of March 17, 1992, that ended white rule.

By 1992, President F. W. de Klerk and his National Party government had repealed all the major apartheid laws. The ANC had been unbanned, and Mr. de Klerk had started discussions with Mr. Mandela on a new constitution that would enfranchise blacks and “share power.”

Andries Treurnicht and his Conservative party led the opposition to these negotiations, saying the president had no authority to negotiate a new constitution. Mr. de Klerk decided to put the question to the people. If he won the referendum, he would push on to a new constitution; if he lost, he would resign and call a general election.

The referendum asked the following question: “Do you support continuation of the reform process which the State President began on February 2, 1990, and which is aimed at a new constitution through negotiation?” (It was on February 2, 1990, that Mr. de Klerk announced the unbanning of the ANC and the release of Mr. Mandela from prison.)

The National Party—the traditional party of the Afrikaners—mounted a massive campaign for a “yes” vote, warning that a “no” would mean more international sanctions and black violence. One of its campaign posters was of an armed member of the Afrikaner Resistance Movement—a militant white organization—with the slogan, “You can stop this man! Vote YES.” In other words, the real menace for South Africa was a white man with a gun.

The Conservative Party, which campaigned for a “no” vote,

Консервативная партия, которая проводила кампанию за голосование «нет», предупредила, что «разделение власти» - это еще одно название для черного правила, и что белые имеют право и обязаны управлять собой.

Как голосовали люди Великого Пути, Битвы за Кровавую реку и Бурской войны? Они боялись международной изоляции больше, чем боялись черного правления; Белые проголосовали от 68 до 31 процента за «продолжение процесса реформ». Также это решение не было навязано африканерам белыми англоговорящими людьми. Хотя некоторые воинствующие группировки бойкотировали референдум, все аналитики по выборам согласны с тем, что большинство африканеров проголосовало "за", а некоторые даже считают, что среди африканеров было больше поддержки, чем британских южноафриканцев. Поэтому белые имели возможность сохранить свою страну, но отдали ее. Это голосование обеспечило победу АНК в 1994 году и все последующее.

Американские белые не так стремятся, как южноафриканцы. На выборах 4 ноября только 43 процента проголосовали за черное правило - простите за Барака Обаму. Пятьдесят пять процентов белых хотели, чтобы Джон Маккейн был их президентом, но именно чернокожие и латиноамериканцы получили президента, которого они хотели, а не белые. Каждый год, по мере того, как число небелых увеличивается, у белых будет меньше информации о том, кто ими правит.

Полностью помимо политики или вопросов компетенции или опыта, избрание президента, которого большинство белых не хотело, является резким символом утраченной автономии. Если их число продолжит уменьшаться, белые не получают школы, кварталы, культуру и, в конечном итоге, страну, которую они хотят.

Возможно, именно из-за того, что белые дали себе пониженный статус, мы должны гордиться этим, а не бороться за него. Как услужливо объяснил Пол Кругман в *«Нью-Йорк таймс»*: «Если выборы нашего первого афро-американского президента не взволновали вас, если это не оставило вас со слезами на глазах и гордостью за свою страну, с вами что-то не так. " Это означает, что что-то не так с по меньшей мере 55 процентами белых, но это позиция *«Таймс»* в течение многих лет.

Радость доктора Кругмана в победе Обамы разделяют белые во всем мире. «Мы возлагаем большие надежды на то, что мы стоим на заре новой эры», - пишет норвежская газета *Aftenposten*.

warned that “power sharing” was just another name for black rule, and that whites had the right and the duty to govern themselves.

How did the people of the Great Trek, the Battle of Blood River, and the Boer War vote? They feared international isolation more than they feared black rule; whites voted 68 to 31 percent for “continuation of the reform process.” Nor was this a decision forced upon Afrikaners by white English-speakers. Though some militant groups boycotted the referendum, all election analysts agree that a majority of Afrikaners voted “yes,” and some even believe there was more support among Afrikaners than British South Africans. Whites therefore had the chance to keep their country, but gave it away. That vote ensured the ANC victory of 1994 and everything that has followed.

American whites are not quite as eager as the South Africans were. In the November 4 election, only 43 percent voted for black rule—pardon me, for Barack Obama. Fifty-five percent of whites wanted John McCain to be their president but it was blacks and Hispanics who got the president they wanted, not whites. Every year, as the number of non-whites increases, whites will have less say about who rules them.

Entirely aside from politics or questions of competence or experience, the election of a president most whites did not want is a jarring symbol of lost autonomy. If their numbers continue to decline, whites will not get the schools, the neighborhoods, the culture—and ultimately, the country—they want.

Perhaps it is because whites have brought diminished status upon themselves that we are expected to take pride in it rather than fight to reverse it. As Paul Krugman explained helpfully in the *New York Times*, “If the election of our first African-American president didn’t stir you, if it didn’t leave you teary-eyed and proud of your country, there’s something wrong with you.” This means there is something wrong with at least 55 percent of whites, but that has been the *Times’s* position for years.

Dr. Krugman’s joy in Mr. Obama’s victory is shared by whites all around the world. “We have great hopes that we are standing at the dawn of a new era,” wrote the Norwegian daily *Aftenposten*.

«Один гигантский шаг для человечества» читайте на первой странице английской газеты *Sun*. Заголовок на сайте *London Telegraph* гласил: «Победа Барака Обамы позволяет Великобритании снова полюбить США». «*Таймс*» скромно озаглавила свою предвыборную историю «Новый мир». Премьер-министр Канады Стивен Харпер говорил о «грандиозной исторической» победе Обамы, а «*Торонто Сан*» назвало ее «исторической вехой, как никто другой». *Le Monde* в Париже отметил, что «слева направо [французские] политики боролись за превосходную степень, чтобы похвалить избрание Барака Обамы». Миланская газета *Corriere della Sera* написала, что Обама был «человеком, который может спасти Америку от полного краха».

Этот хор радости имеет жуткие параллели с тем, как белые в мире приветствовали черное правление в Южной Африке. В 1993 году г-н Мандела и г-н де Клерк разделили Нобелевскую премию мира за свою новую конституцию "разделения власти". Мэри МакГрори из «*Вашингтон пост*» обрадовалась лишь немногим больше, чем большинство, когда она написала в своей колонке от 12 мая 1994 года, что «Нельсон Мандела одержал победу, которую «*Пост*» называет «одной из самых сладких побед в истории над расовым покорением, и он собирается поддерживать ее в чистоте и Прекрасно, что читатели газет будут думать, что они читают Священные Писания, когда читают сообщения из Южной Африки, которые нельзя прочесть, кроме как сквозь слезы».

Четырнадцать лет спустя, всего лишь 14 лет спустя, у кого-нибудь появились мысли? Под белым правлением Южная Африка неуклонно росла в индексе человеческого развития ООН. Это изменило курс первого года правления черного и с тех пор упало. Южная Африка больше не может вести точную статистику преступности, но, несомненно, это одно из самых опасных мест на земле. Любой, кто может позволить себе жить в частной крепости, а угон машин настолько распространен, что глупо останавливаться на красном свете после наступления темноты. *Amazon.com* ограничивает доставку в Южную Африку, потому что почтовые работники крадут так много посылок. Интерпол сообщает, что в Южной Африке самый высокий уровень изнасилований в мире и самый высокий уровень СПИДа. Около пятой части южноафриканских мужчин признают, что изнасиловали женщину, и, по оценкам, у 35 процентов вооруженных сил есть СПИД. Расовые предпочтения для черных настолько безжалостны, что примерно 50 процентов белых мужчин являются самозанятыми, и почти миллион белых эмигрировали, большинство из которых ссылаются на преступления и расовые предпочтения.

“One Giant Step for Mankind” read the front page of England’s *Sun* newspaper. A headline on the London *Telegraph* website declared: “Barack Obama Victory Allows Britain to Love US Again.” The *Times* modestly headlined its election story, “The New World.” Prime Minister Stephen Harper of Canada spoke of Mr. Obama’s “tremendous, historic” victory, and the Toronto *Sun* called it “an historic milestone like no other.” *Le Monde* in Paris noted that “from Left to Right, [French] politicians have been competing for superlatives with which to praise the election of Barack Obama.” Milan’s *Corriere della Sera* wrote that Mr. Obama was “the man who can save America from utter breakdown.”

This chorus of rejoicing has eerie parallels to how the world’s whites welcomed black rule in South Africa. In 1993, Mr. Mandela and Mr. de Klerk shared the Nobel Peace Prize for their new, “power-sharing” constitution. Mary McGrory of the *Washington Post* gushed only slightly more than most when she wrote in her May 12, 1994 column that “Nelson Mandela has won what the *Post* calls ‘one of history’s sweetest victories over racial subjugation’ and he is going to keep it clean and beautiful so that newspaper readers will think they are reading scripture when they read dispatches from South Africa that cannot be read except through tears.”

Fourteen years later—just 14 years later—does anyone have second thoughts? Under white rule, South Africa was climbing steadily in the UN’s Human Development Index. It reversed course the first year of black rule and has dropped ever since. South Africa can no longer keep accurate crime statistics, but it is unquestionably one of the most dangerous places on earth. Anyone who can afford to lives in a private fortress, and carjacking is so common it is considered foolish to stop at a red light after dark. Amazon.com limits shipping to South Africa because postal workers steal so many packages. Interpol reports that South Africa has the highest rape rate in the world—and the highest AIDS rate. About one-fifth of South African men admit they have raped a woman, and an estimated 35 percent of the armed forces have AIDS. Race preferences for blacks are so ruthless that approximately 50 percent of white men are self-employed and nearly a million whites have emigrated,

Конечно, даже Мэри МакГрори не подумала бы, что это звучит как Книга Матфея. А как насчет мистера де Клерка? Разве он не отдал бы сотню Нобелевских премий мира за страну, в которой его внуки могли бы жить гордо и безопасно?

Конечно, наши выборы отличаются от референдума в Южной Африке, но эффект тот же: белые передают свою судьбу в руки других. Южноафриканцы сделали это внезапно; мы делаем это медленно.

Будем надеяться, что белые со всего мира спасут свои газеты с 5 ноября 2008 года с их экстравагантными заголовками и головокружительными надеждами. Пусть они перечитают их через 10 или 15 лет - и пусть они думают о Южной Африке.

Эта статья была опубликована на AmRep.com 14 ноября 2008 года, вскоре после избрания Барака Обамы на его первый срок в качестве президента.

most citing crime and race preferences.

Surely, not even Mary McGrory would think this sounds like the Book of Matthew. And how about Mr. de Klerk? Would he not give up a hundred Nobel Peace Prizes for a country in which his grandchildren could live proudly and in safety?

Of course, our election is different from the South African referendum but the effect is the same: Whites are placing their destinies in the hands of others. The South Africans did it suddenly; we are doing it slowly.

Let us hope whites all over the world save their newspapers from November 5, 2008, with their extravagant headlines and dizzy hopes. Let them reread them 10 or 15 years from now—and let them think of South Africa.

This article was published at AmRen.com on November 14, 2008, shortly after the election of Barack Obama to his first term as president.

Раса и литература: почему она всегда либеральная?

КАК РАЗРУШИТЬ РАСОВАЯ СОЗНАНИЕ

Я прошел среднюю школу, не читая книгу Харпера Ли «Убить пересмешника». Я всегда слышал, что это отличная антирасистская классика, поэтому недавно поднял ее.

Это отличный роман. Это убедительно воплощает в жизнь маленький городок Юг, детство и сложность человеческих отношений. Его персонажи и диалоги очаровательны, сюжет оживлен, и он блестяще сплетает юношескую невинность и серьезные взрослые темы.

Убить пересмешника - это тоже расовая пропаганда, и это, безусловно, объясняет большую часть ее успеха. Печатается более 30 миллионов экземпляров, и опрос 1999 года в журнале *Library Journal* признал его «лучшим романом века». Это наиболее широко читаемый нетекстовый учебник американцев в 9-12 классах. Ни одна другая книга так успешно не прошла волну современной расовой ортодоксии, которую Харпер Ли запечатлел со странным предвидением в рукописи, которую она завершила летом 1959 года.

Читатели помнят, что роман разворачивается в вымышленном городе Мейкомб, штат Алабама, во время депрессии, и рассказывается белой девочкой лет девяти по имени Скаут. Есть несколько подзаговоров, но центральным событием является суд над Томом Робинсоном, чернокожим, обвиняемым в изнасиловании белой женщины, Майеллы Юэлл. Аттикус Финч, отец и адвокат Скаута, ставит блестящую защиту, которая дает понять, что Майелла искала внимания Тома, которого он старательно пытался избежать. Майелла была найдена черным и синим после того, что произошло, не потому, что ее одолел Том, а потому, что ее отец поймал ее на проявлении интереса к «негру» и избил ее. Тем не менее, полностью белое жюри не осмеливается испортить образ первозданной, южно-белой женственности и считает Тома виновным в изнасиловании.

Это идеальная книга для белых либералов, которые любят читать о "расизме" других белых и стремиться превзойти себя в низших категориях. *Убить пересмешника* предлагает бесконечное количество превосходств не только потому, что худшие персонажи - белый мусор, к которому все читатели могут чувствовать себя безмерно превосходящим, но и потому, что история ловит даже respectable белых в расовом лицемерии и суете.

Race and Literature: Why Is It Always Liberal?

HOW RACIAL CONSCIOUSNESS IS DESTROYED.

I went through high school without reading Harper Lee's *To Kill a Mockingbird*. I had always heard it was a great, anti-racist classic, so I recently picked it up.

It is a great novel. It convincingly brings to life the small-town South, childhood, and the complexity of human relations. Its characters and dialogue are charming, its plot is lively, and it brilliantly weaves together youthful innocence and serious adult themes.

To Kill a Mockingbird is also racial propaganda and this, of course, accounts for much of its success. More than 30 million copies are in print, and a 1999 poll in *Library Journal* voted it nothing less than the "Best Novel of the Century." It is the most widely read non-textbook by Americans in grades 9 through 12. No other book has so successfully ridden the wave of contemporary racial orthodoxy, which Harper Lee captured with uncanny prescience in a manuscript she completed in the summer of 1959.

Readers will recall that the novel is set in the fictional town of Maycomb, Alabama, during the depression, and is narrated by a white girl of about nine named Scout. There are a number of sub-plots, but the central event is the trial of Tom Robinson, a black man accused of raping a white woman, Mayella Ewell. Atticus Finch, who is Scout's father and a lawyer, puts on a brilliant defense that makes it clear Mayella sought Tom's attentions, which he prudently tried to avoid. Mayella was found black and blue after what took place, not because Tom had overpowered her but because her father caught her showing interest in a "nigger" and beat her. Nevertheless, the all-white jury dares not tarnish the image of pristine, Southern white womanhood, and finds Tom guilty of rape.

This is a perfect book for white liberals, who love to read about the "racism" of other whites, and to preen themselves on their superiority to the lower orders. *To Kill a Mockingbird* offers endless frissons of superiority, not only because the worst characters are

Нет ничего более дорогого для читающей публики, чем южный автор - а Харпер Ли - подлинно южный, который разоблачает предрассудки других южан.

Некоторые примеры:

После суда негры Мэйкомба ворчат о виновном приговоре, и одна респектабельная белая леди, миссис Мерриуэзер, устает от этого:

Я говорю вам, что нет ничего более отвлекающего, чем угрюмый темный. Их рты опускаются сюда. Просто разрушает твой день, чтобы иметь одного из них на кухне. Вы знаете, что я сказал моей Софи? Я сказал: «Софи», - сказал я, - «вы просто не являетесь христианином сегодня. Иисус Христос никогда не ходил ворчать и не жаловаться», - и вы знаете, это принесло ей пользу. . . . Я говорю тебе, Гертруда, тебе никогда не следует упускать возможность свидетельствовать о Господе.

Ведущие леди Мэйкомба пытаются собрать деньги, чтобы поддержать миссионерскую деятельность некоего Дж. Граймса Эверетта, который служит вымышленному, но, несомненно, африканскому Мрунасу. В отрывке Хиллари Клинтон, автору книги «Она берет деревню», очень понравилась бы девятилетняя разведчица, рассказывающая, что она узнала о Мрунасе, слушая взрослых:

У них было так мало семейного чувства, что все племя было одной большой семьей. У ребенка было столько же отцов, сколько было мужчин в обществе, и столько же матерей, сколько было женщин. Дж. Граймс Эверетт делал все возможное, чтобы изменить это положение дел, и отчаянно нуждался в наших молитвах.

Подробнее о Мрунасе:

Большие карие глаза миссис Мерриуэзер всегда наполнялись слезами, когда она рассматривала угнетенных. «Жизнь в этих джунглях ни с кем, кроме Дж. Граймса Эверетта», - сказала она. «Не белый человек подойдет к ним, а тот святой Дж. Граймс Эверетт».

Господа Мерриуэзер оплакивает далекий угнетенный, но не будет мириться с «надутым чернокожий.»

Школьный учитель мисс Гейтс ничем не отличается. Она дает своему классу воодушевляющий разговор о пороках Адольфа Гитлера и его обращении с евреями. (Это было бы настоящим достижением для учителя сельской школы во время депрессии.

white trash, to whom all readers can feel immensely superior, but because the story catches even respectable whites in racial hypocrisies and vanities. There is no greater darling to the reading public than a Southern author—and Harper Lee is authentically Southern—who unmasks the prejudices of fellow Southerners.

Some examples:

After the trial, the blacks of Maycomb grumble about the guilty verdict, and one respectable white lady, Mrs. Merriweather, gets tired of it:

I tell you there's nothing more distracting than a sulky darky. Their mouths go down to here. Just ruins your day to have one of 'em in the kitchen. You know what I said to my Sophy? I said "Sophy," I said, "you simply are not being a Christian today. Jesus Christ never went around grumbling and complaining," and you know, it did her good. . . . I tell you, Gertrude, you never ought to let an opportunity go by to witness for the Lord.

The leading ladies of Maycomb are trying to raise money to support the missionary work of a certain J. Grimes Everett, who ministers to the fictional but no doubt African Mrunas. In a passage Hillary Clinton, author of *It Takes a Village*, would love, nine-year-old Scout recounts what she learned about the Mrunas from listening to the grownups:

They had so little sense of family that the whole tribe was one big family. A child had as many fathers as there were men in the community, and as many mothers as there were women. J. Grimes Everett was doing his utmost to change this state of affairs, and desperately needed our prayers.

More about the Mrunas:

Mrs. Merriweather's large brown eyes always filled with tears when she considered the oppressed. "Living in that jungle with nobody but J. Grimes Everett," she said. "Not a white person'll go near 'em but that saintly J. Grimes Everett."

Mrs. Merriweather weeps for the far off oppressed but will not put up with a "sulky darky."

The school teacher Miss Gates is no different. She gives her

В то время большинство американцев больше интересовалось тем, как Гитлер заставлял Германию возвращаться к работе, чем тем, что он думал о евреях, но мисс Ли писала после войны, так что ее характер мог дать нацистам хороший удар.) Миссис Мерриуэзер, мисс Гейтс сохраняет свое сочувствие к далекому. Скаут рассказывает отцу Аттикусу, что она слышала, как мисс Гейтс говорила о черных:

Я слышал, как она сказала, что пришло время кому-то преподать им урок, они были выше себя, и следующее, что, по их мнению, они могут сделать, - это жениться на нас. Как ты можешь так сильно ненавидеть Гитлера, а потом вернуться и быть безобразным по отношению к людям прямо дома.

Таким образом, «респектабельные» люди чуть ли не хуже белого мужа Боба Юэлла, который избил свою собственную дочь, потому что «респектабельные» люди должны знать лучше. Юэлл - рычащий, невежественный придурок, который живет в свинарнике и в итоге пытается убить детей Аттикуса Финча, потому что Финч выставил его дураком на стенде свидетеля. Вряд ли мог быть более отвратительный персонаж, и просто чтобы убедиться, что мы получили сообщение, когда он дает свое полное имя в суде, это Роберт Э. Ли Юэлл.

Все черные персонажи, с другой стороны, мудры, уважительны и, прежде всего, долго страдают. За одним необъяснимым исключением, нет ни одного ложного замечания из одного из них. Необъяснимое исключение - «Лула», который не играет никакой другой роли в истории, кроме как возражать, когда черная служанка Аттикуса Финча в воскресенье приводит своих детей в черную церковь. «Тебе не нужно брать с собой белого чилуна», - говорит она. «Они получили свою церковь, мы получили нашу».

Белые дети стыдятся и хотят идти домой, но черный человек выходит вперед, чтобы успокоить их. «Не отдавай Лулину никакого Внимания», - говорит он. «Она смутьяна из далекого прошлого, у нее есть причудливые идеи, надменные - мы очень рады, что вы все». Дети остаются и тепло приняты. Помимо Лулы, каждый черный прощает и щедр, и переносит трудности с «библейским терпением». Только самые свиньи могут не любить таких благородных людей.

class a rousing talk on the evils of Adolf Hitler and his treatment of the Jews. (This would have been a real achievement for a rural schoolteacher during the Depression. At that time, most Americans were more interested in how Hitler was putting Germany back to work than in what he thought about Jews, but Miss Lee was writing after the war, so could have her character give the Nazis a good thumping.) But like Mrs. Merriweather, Miss Gates saves her sympathy for the far away. Scout tells her father Atticus about what she overheard Miss Gates saying about blacks:

I heard her say it's time somebody taught 'em a lesson, they were gettin' way above themselves, an' the next thing they think they can do is marry us. How can you hate Hitler so bad an' then turn around and be ugly about folks right at home.

The “respectable” people are thus almost worse than white lout Bob Ewell who beat up his own daughter, because “respectable” people should know better. Ewell is a snarling, ignorant cur who lives in a pigsty and ends up trying to kill Atticus Finch’s children because Finch made a fool of him on the witness stand. There could hardly be a more despicable character, and just to make sure we get the message, when he gives his full name in court, it is Robert E. Lee Ewell.

All the black characters, on the other hand, are wise, respectful, and—above all—long suffering. With one unexplained exception, there is not a false note out of a single one of them. The unexplained exception is “Lula” who plays no other role in the story than to object when Atticus Finch’s black maid brings his children to the black church one Sunday. “You ain’t got no business bringin’ white chillun here,” she says. “They got their church, we got our’n.”

The white children are ashamed and want to go home, but a black man steps forward to reassure them. “Don’t pay no ‘tention to Lula,” he says. “She’s a troublemaker from way back, got fancy ideas an’ haughty ways—we’re mighty glad to have you all.” The children stay and are warmly received. Aside from Lula, every black is forgiving and generous, and endures hardship with “Biblical patience.” Only the most swinish white could fail to love such noble

Читать «Убить пересмешника» - и оно переведено на 40 языков - значит получить первоклассный урок либеральной фантазии.

По сообщениям, многие люди утверждают, что решили стать юристами из-за храбрости Аттикуса Финча в защите невинного темнокожего мужчины, оказавшегося в злобе расизма глубокого Юга. Без сомнения, многие другие были вдохновлены другими актами расового либерализма.

Политическая сила

Таким образом, «Убить пересмешника» является прекрасным примером политической силы художественной литературы, и практически все подлинно великие художественные произведения, драмы и кинопроизводство, имеющие расовое значение, носят исключительно левый характер. Начиная с «Хижины дяди Тома» и продолжая через «Тающий котел» Израиля Зангвилла, вплоть до южной части Тихого океана и практически во всех фильмах, снятых сегодня, послание всегда является одним из эквивалентов рас и братства людей. Когда реалисты расы пытаются придумать главный роман со здоровой расовой идеей, они обычно не выходят за рамки романа Томаса Диксона «Член клана» - и это даже не хороший роман. Генерал Петр Красснофф, опубликовавший на английском языке в 1926 году «От двойного орла до Красного флага», является мощным реакционным романом, но его послание не столько расовое, сколько антибольшевистское и антисемитское.

Почему нет великих романов о расах? У многих прекрасных писателей были разумные взгляды на расу. У Джека Лондона и Джозефа Конрада явно не было иллюзий по поводу расы. Энтони Троллоп и Александр Дюма иногда указывают на то, что они разделяют расовые взгляды своего времени. Фактически, в университетских литературных отделениях не хватало бы дел, если бы они прекратили писать статьи о «расе, классе и поле» в книгах, написанных до нынешнего правления террора. Но никто не написал великий роман, который даже мимоходом подчеркивает важность белого сознания.

Отчасти это связано с тем, что расовое мышление изменилось всего за несколько десятилетий, и Троллоп и Дюма, вероятно, никогда не ощущали угрозы их образу жизни. До второй половины 20-го века небелые не были демографической угрозой, и большинство белых никогда не думали о них. Европейцы традиционно гораздо сильнее относились к нации, чем к расе (см. Следующую статью).

people. To read *To Kill a Mockingbird*—and it has been translated into 40 languages—is to get a first-class lesson in liberal fantasy.

Many people reportedly claim they decided to become lawyers because of Atticus Finch's courage in defending an innocent black man caught up in the viciousness of Deep South racism. No doubt many others have been inspired to other acts of racial liberalism.

Political Power

To Kill a Mockingbird is thus a fine example of the political power of fiction, and virtually all the genuinely great fiction, drama, and movie-making that has a racial message is sharply leftist. Starting with *Uncle Tom's Cabin* and continuing through Israel Zangwill's *The Melting Pot*, right up to *South Pacific* and virtually every movie made today, the message is always one of the equivalence of races and the brotherhood of man. When race realists try to think of a major novel with a healthy racial message, they usually get no further than Thomas Dixon's *The Clansman*—and that isn't even a good novel. *From Double Eagle to Red Flag*, by General Pyotre Krassnoff and published in English in 1926, is a powerful, reactionary novel, but its message is not racial so much as anti-Bolshevik and anti-Semitic.

Why are there no great race-realist novels? Many fine novelists had sensible views of race. Jack London and Joseph Conrad clearly had no illusions about race. Anthony Trollope and Alexandre Dumas drop an occasional line that shows they shared the racial views of their time. In fact, university literature departments would run out of things to do if they stopped writing papers about “race, class, and gender” in books written before the current reign of terror. But no one has written a great novel that, even in passing, underlines the importance of white consciousness.

Partly, this is because racial thinking was transformed in the space of just a few decades, and Trollope and Dumas probably never sensed a threat to their way of life. Until the second half of the 20th century, non-whites were not a demographic threat and most whites never thought about them. Europeans traditionally felt much more strongly about nation than about race (see following article).

В то же время фантазия и хорошее чувство всегда гораздо привлекательнее реальности, а выдумка - это, в конце концов, фантазия. Писать веселые истории о выкупе мелких белых людей легче и более воодушевляюще, чем предупреждать о последствиях либерального сентиментализма.

Истории великодушия, отказа от привилегий и доброты по отношению к слабым гораздо более душевные, чем истории о защите того, что принадлежит вам. Это особенно верно, когда вы защищаете свое от людей, которые слабее вас. Не было никакого героизма в подавлении восстания рабов в 1822 году в Дании Везе или в изгнании президентом Эйзенхауэром 1,3 миллиона мексиканцев-нелегалов в «Операции по возвращению». Эти действия были необходимы, но вряд ли материал вдохновляющих романов.

Наши сердца волнуют истории спартанцев в Фермопилах, техасцев в Аламо и англичан в Дрифт Форке, но это были битвы с ошеломляющими разногласиями. Это не то, как расовая борьба ведется сегодня.

Если мексиканцы или мусульмане предпримут попытку вооруженного вторжения, белые будут сражаться. Фактически лишение собственности происходит постепенно, и мексиканцы и мусульмане надеются получить выгоду от вооруженного вторжения, не заплатив за это. Настоящие враги - не армии небелых, а предатели нашей расы, которые приветствуют и поощряют безоружное вторжение.

Здесь есть материал для литературы. Например, можно было бы написать роман о видном белом политическом демократе, который постепенно осознает расовую реальность. Этот, по общему признанию, маловероятный процесс будет полон драматических возможностей, и как только его глаза откроются, как выдающийся экс-либерал решит несовместимые верности? Как он объяснит себя коллегам и семье? Смеет ли он изменить свою политику? Роман такого рода может поставить главного героя в привычную героическую роль одного мужественного человека, борющегося с властью и коррупцией. Основными антагонистами также могут быть белые, и поэтому они будут достойными и интересными противниками.

Какие еще темы может поднять расовый роман? Вероятно, только великий писатель мог придумать лучшее и тонкое, но простой подход - начать с многорасового вырождения.

At the same time, fantasy and good feeling are always much more appealing than reality, and fiction is, after all, fantasy. It is easier and more uplifting to write happy-ending stories about the redemption of small-minded white people than it is to warn of the consequences of liberal sentimentalism.

Stories of magnanimity, renunciation of privilege, and kindness to the weak are much more heart-warming than stories about defending what belongs to you. This is especially true when you are defending what is yours against people who are weaker than you. There was no heroism in putting down Denmark Vesey's 1822 slave rebellion or in President Eisenhower's expulsion of 1.3 million illegal-immigrant Mexicans in "Operation Wetback." These actions were necessary, but hardly the stuff of inspiring novels.

Our hearts do stir at the story of the Spartans at Thermopylae, the Texans at the Alamo, and the British at Rorke's Drift, but those were battles against overwhelming odds. That is not how the racial struggle is being fought today.

If Mexicans or Muslims attempted an armed invasion, whites would fight. As it is, dispossession is gradual, and Mexicans and Muslims hope to enjoy the benefits of armed invasion without paying the price. The real enemies are not armies of non-whites but the traitors of our own race who welcome and encourage unarmed invasion.

There is material here for literature. It would be possible to write a novel about a prominent white Democratic politician, for example, who gradually wakes up to racial reality. This admittedly unlikely process would be full of dramatic possibilities, and once his eyes were open, how would a prominent ex-liberal resolve incompatible loyalties? How would he explain himself to colleagues and family? Would he dare shift his politics? A novel of this kind could put the protagonist in the familiar hero's role of a single courageous man fighting power and corruption. The main antagonists could also be white, and would therefore be worthy and interesting opponents.

What other themes might a racial novel raise? Probably only a great novelist could think of the best and the most subtle, but a

Белый герой борется с этим вырождением - и психологически, и физически - и ведет своих людей в более многообещающее будущее.

Это примерно образец романов Уильяма Пирса или «Северо-западного квартета» Гарольда Ковингтона . «Мистер» Алекса Куртагича и «Белый апокалипсис» Кайла Бристоу также представляют расовую идею как художественную литературу. Проблема этих книг заключается в том, что, какими бы ни были их новаторские достоинства - а некоторые хорошо продуманы - они представляют собой политические трактаты, которые принимают форму вымысла. Только люди, осведомленные в расовом отношении, будут читать эти книги, тогда как нам нужны романы, которые настолько хороши, что каждый захочет их прочитать. Расовое послание будет тонким и, следовательно, более эффективным. Хотя я не читал его, другие говорят мне, что «Костер тщеславия» Тома Вулфа достигает чего-то такого.

Мы действительно нуждаемся в великих писателях с расовым сознанием и расовым посланием, а не в расовых деятелях, которые пишут романы К сожалению, *труднее* написать великий расовый роман, чем великий антирасистский роман. Примирение и прощение, гармония и единство - это очевидные решения для драматической напряженности. У антирасистских романов могут быть счастливые концовки, хотя они являются не более чем ядовитыми сказками. Счастливый конец для расового романа больше похож на трагедию: признание того, что некоторые интересы *не могут* быть согласованы, что некоторые формы единства роковы. Люди не читают романы, потому что они хотят уроков в реальности; они читают их, чтобы избежать реальности.

До тех пор, пока не появится великий талант, способный решить эти проблемы, лучшим противоядием от «Убить насмешливую птицу» может быть великая литература из недавнего прошлого. Прочтите Энтони Троллопа, Джорджа Эллиота, Уилки Коллинза, Джозефа Конрада, Александра Дюма, Льва Толстого или даже Синклера Льюиса, Эдит Уортон или Теодора Драйзера, и попытайтесь представить, как их герои «празднуют разнообразие». Эти авторы обладали гениальностью, чтобы запечатлеть состояние человека часто посредственное. Но они писали об обществах, которые имели культурную и расовую согласованность, в которой даже самый незначительный характер является частью общего наследия и судьбы. Эта общая судьба невозможна в многорасовом обществе.

straightforward approach is to start with multiracial degeneracy. The white hero combats this degeneracy—both psychologically and physically—and leads his people into a more promising future.

This is roughly the pattern of William Pierce's novels or Harold Covington's *Northwest Quartet*. *Mister* by Alex Kurtagić and *White Apocalypse* by Kyle Bristow also deliver a racial message as fiction. The trouble with these books is that, whatever their novelistic merits—and some are well crafted—they are political tracts that take the form of fiction. Only people who are racially aware will read these books, whereas we need novels that are so good everyone will want to read them. The racial message would be subtle and therefore more effective. Although I have not read it, others tell me that Tom Wolfe's *Bonfire of the Vanities* achieves something of this effect.

Our real need is for great novelists who have a racial consciousness and a racial message, not racial activists who write novels. Unfortunately, it is *harder* to write a great racial novel than a great anti-racist novel. Reconciliation and forgiveness, harmony and togetherness—these are the obvious resolutions to dramatic tension. Anti-racist novels can have happy endings, even though they are nothing more than poisonous fairy tales. The happy ending for a racial novel is more like tragedy: the recognition that some interests *cannot* be reconciled, that some forms of togetherness are fatal. People do not read novels because they want lessons in reality; they read them to escape reality.

Until the great talent arises that can solve these problems, the best antidote to *To Kill a Mocking Bird* may be great literature from the recent past. Read Anthony Trollope, George Elliot, Wilkie Collins, Joseph Conrad, Alexandre Dumas, Leo Tolstoy, or even Sinclair Lewis, Edith Wharton, or Theodore Dreiser, and try to imagine their characters “celebrating diversity.” These authors had a genius for capturing the human condition—as does Harper Lee—and the human condition is often mediocre. But they wrote of societies that had cultural and racial coherence, in which even the most insignificant character is part of a common heritage and destiny. That common destiny is impossible in a multiracial society.

Одна из самых очаровательных сказок на английском языке - «Энн о зеленых фронтонах» Л. М. Монтгомери, опубликованная в 1908 году. Она до сих пор пользуется огромной популярностью, и не только среди молодых девушек. Монтгомери воплотила в жизнь идиллический, но вполне правдоподобный мир, установленный на ее родном острове Принца Эдуарда. Это целостный, здоровый мир, в котором живут только белые люди. Прочитайте «Энн из Зеленых фронтонов» и попробуйте представить это с населением чернокожих, мексиканцев и мусульман. Для расово сознательных белых невозможно прочесть *Энн*, не оплакивая потерю своего мира, и ее история должна оказать первичное, расовое влияние ностальгии даже на закаленных мультикультуралистов.

Но чтобы вернуться к Харперу Ли, она пожалала честь за свою долгую жизнь. В 2007 году Джордж Буш наградила ее Президентской медалью свободы, высшей честью, которую правительство может дать гражданскому населению. Только годом ранее мисс Ли получила почетную докторскую степень от Нотр-Дама. Все студенты получили копии книги «Убить пересмешника», которую они восхищенно махали, когда аплодировали ей стоя. Мы можем быть уверены, что если бы в ее книге было здоровое расовое послание - или вообще никакого расового послания - ее жизнь была бы совсем другой.

Она, несомненно, написала отличный роман, но, увы, он один для другой стороны.

Узкие Лояльности: Нация против Расы

В 1912 году Роберт Скотт достиг Южного полюса, но встретил ужасную погоду на обратном пути. В конце концов он понял, что он и его люди умрут. Он написал несколько прощальных писем, которые были обнаружены на его теле другой группой исследователей восемь месяцев спустя.

Лицом к лицу со смертью, Скотт прекрасно осознавал, что должен представлять большую группу, чем он сам, но это была его нация - на самом деле, его этническая группа, а не раса. Как он писал Дж. М. Барри, его хорошему другу и автору *Питера Пэна*: «Мы оказались в очень некомфортном месте ... Мы показываем, что англичане все еще могут умереть с смелым духом, борясь с этим до конца» «.

Своему другу Эдгару Шпейеру, одному из организаторов поездки на полюс, он написал следующее:

One of the most charming tales in the English language is *Anne of Green Gables*, by L. M. Montgomery, published in 1908. It is still a great favorite, and not just among young girls. Montgomery brought to life an idyllic yet entirely believable world, set in her native Prince Edward Island. It is a coherent, healthy world, inhabited only by white people. Read *Anne of Green Gables* and try to imagine it with a population of blacks, Mexicans, and Muslims. It is impossible for a racially conscious white to read *Anne* without mourning the loss of her world, and her story must exert a primal, racial tug of nostalgia on even hardened multiculturalists.

But to return to Harper Lee, she reaped honor upon honor over her long life. In 2007, George W. Bush awarded her the Presidential Medal of Freedom, the highest honor the government can give a civilian. Just the year before, Miss Lee received an honorary doctorate from Notre Dame. All the students got copies of *To Kill a Mockingbird*, which they waved in admiration as they gave her a standing ovation. We can be sure that if her book had a healthy racial message—or no racial message at all—her life would have been very different.

She unquestionably wrote a great novel but, alas, it is one for the other side.

Narrow Loyalties: Nation vs. Race

In 1912, Robert Scott reached the South Pole, but met terrible weather on the trip back. Eventually he realized that he and his men were going to die. He wrote a number of farewell letters that were found on his body by another team of explorers eight months later.

Face to face with death, Scott was vividly conscious of representing a group larger than himself, but it was his nation—really, his ethnic group—not his race. As he wrote to J. M. Barrie, his good friend and the author of *Peter Pan*, “We are pegging out in a very comfortless spot. . . . We are showing that Englishmen can still die with a bold spirit, fighting it out to the end.”

To his friend, Edgar Speyer, one of the organizers of the trip to

Я боюсь, что мы должны идти и что это оставляет Экспедицию в плохом беспорядке. Но мы были на Полюсе и умрем как джентльмены. Я сожалею только о женщинах, которых мы оставляем позади.

, , , Если этот дневник найден, он покажет, как мы застревали умирающими компаньонами и до конца боролись с этим. Я думаю, что это покажет, что Дух храбрости и силы претерпеть не вышел из нашей расы. , , ,

Под «расой» Скотт подразумевал английскую «расу».

Он также написал вице-адмиралу сэру Фрэнсису Чарльзу Бриджману: «Мы являемся хорошим примером для наших соотечественников, если не попадая в трудное положение, сталкиваясь с ним, как люди, когда мы были там».

Скотт был полон решимости умереть, как англичанин и джентльмен, а не как белый человек. Однако он считал себя представителем народа, и легко представить, что он выражает более широкую лояльность. Если кто-нибудь из сегодняшних британцев столкнется со смертью в Антарктике, будут ли они считать себя англичанами или считают своим долгом быть примером «духа отваги и силы терпения»? Будет ли смешанная группа британских пакистов и западных индейцев иметь такое же чувство долга?

«*Be Geste*» Персиваля Рена , написанное в 1924 году и основанное на его опыте во французском Иностранном легионе, основано на том же смысле национальной лояльности. На первых страницах есть сцена, которая определяет англичанина как истинный стандарт человечества. После нескольких лет разлуки Джордж Лоуренс из нигерийской гражданской службы встречается со старым французским другом майором Анри де Божоле:

Для де Божоле Лоуренс очень уважал и любил как французского солдата самого прекрасного типа, увлеченного горчицей, крепким, как гвозди, тщательного спортсмена и джентльмена в соответствии с требовательным английским стандартом. Часто он делал ему замечательный английский комплимент: «Вряд ли ты примешь тебя за француза, Джолли, ты можешь быть почти англичанином», букет, который де Божоле получил с меньшим беспокойством из-за того, что его мать была девонширской Кэри ,

the pole, he wrote this:

I fear we must go and that it leaves the Expedition in a bad muddle. But we have been to the Pole and we shall die like gentlemen. I regret only for the women we leave behind.

. . . If this diary is found it will show how we stuck by dying companions and fought the thing out well to the end. I think this will show that the Spirit of pluck and power to endure has not passed out of our race. . . .

By “race,” Scott meant the English “race.”

He also wrote to Vice-Admiral Sir Francis Charles Bridgeman: “[W]e are setting a good example to our countrymen, if not by getting into a tight place, by facing it like men when we were there.”

Scott was determined to die like an Englishman and a gentleman, not like a white man. He saw himself as a representative of a people, however, and it is easy to imagine him expressing a broader loyalty. If any of today’s Brits were facing death in the Antarctic, would they think of themselves as Englishmen, or believe it their duty to be a model of “the Spirit of pluck and power to endure”? Would a mixed band of British Pakis and West Indians have anything like the same sense of duty?

Percival Wren’s *Beau Geste*, written in 1924 and based on his experiences in the French Foreign Legion, is steeped in the same sense of national loyalty. There is a scene in the early pages that defines the Englishman as the true standard of mankind. After several years of separation, George Lawrence of the Nigerian Civil Service happens upon an old French friend, Major Henri de Beaujolais:

For de Beaujolais, Lawrence had a great respect and liking as a French soldier of the finest type, keen as mustard, hard as nails, a thorough sportsman, and a gentleman according to the exacting English standard. Frequently he paid him the remarkable English compliment, “One would hardly take you for a Frenchman, Jolly, you might almost be English,” a bouquet which de Beaujolais received with less concern by reason of the fact that his mother had been a Devonshire Cary.

Why, of course de Beaujolais has fine qualities; his mother was

Почему, конечно, де Божоле имеет прекрасные качества; его мать была англичанкой!

Бо Гест - мужественное приключение героизма и высокого поведения, около трех английских братьев, которые неизменно выполняют свой долг и защищают свою честь. Большая часть действия происходит в Северной Африке, куда братья были отправлены Легионом. Они встречают самых разных европейцев, но немцы - хулиганы, итальянцы и португальцы - воры, а американцы полны, но просты, и хотя французы иногда производят человека по частям, они никогда не понимают этого совершенно правильно.

Лучшие англичане ведут себя так, как будто их девизом была смерть до бесчестия, но они сочли бы эту фразу слишком громоздкой. Героизм - это просто дело джентльменов, выполняющих свой долг, хотя они и позволяют себе сказать: «Толстяк!» друг другу после действительно громадных актов храбрости.

В этой истории много арабов, но Рен обращает на них не больше внимания, чем на лошадей или верблюдов. Другими словами, он принимает расу как должное; для Рена важны только белые люди, а европейцы сравнивают себя только друг с другом.

У американцев долгое время было менее национальное и более широкое расовое чувство идентичности. Это потому, что европейские ссоры были далеко, и американцы вступали в брак через национальные линии и потеряли свою европейскую идентичность. Но самое главное, они жили с черными и американскими индейцами. В отличие от европейцев, которые редко видели небелых, американцы знали, что они могут быть британцами, немцами или голландцами, но их объединяет то, что они белые.

Всего через год после смерти Скотта в Антарктике Джек Лондон написал *«Мятеж Эльсинора»*. Он писал о панъевропейском расовом сознании, которое поначалу могло показаться странным для Скотта или Рена, но они наверняка поняли бы это.

Эльсинор, один из последних коммерческих парусных судов, на обходе вокруг мыса Горн, когда его экипаж полукровок и офф-белых бунтов. Рассказчик, который прибыл на борт в качестве пассажира, присоединяется к офицерам в сдерживании мятежа и влюбляется в дочь капитана.

Ближе к концу книги он забаррикадировался на корме со своей возлюбленной и оставшимися мужчинами. Мятежники предлагают не причинять им вреда, если они сдаются, но угрожают худшему, если они выдержат:

English!

Beau Geste is a manly adventure of heroism and high demeanor, about three English brothers who unfailingly do their duty and defend their honor. Most of the action takes place in North Africa, where the brothers have been sent by the Legion. They meet all manner of Europeans, but the Germans are louts, the Italians and Portuguese are thieving cutthroats, the Americans are stout but simple, and though the French produce an occasional man of parts, they never get it quite right.

The best Englishmen behave as if their motto were death before dishonor, but they would have thought the phrase far too grandiose. Heroism is simply a matter of gentlemen doing their duty, though they do permit themselves to say “Stout fellow!” to each other after really stupendous acts of bravery.

There are many Arabs in the story, but Wren takes no more individual notice of them than he does of horses or camels. In other words, he takes race for granted; for Wren, only white men matter, and Europeans measure themselves only against each other.

Americans have long had a less national and more broadly racial sense of identity. This is because European quarrels were far away, and Americans married across national lines and lost their European identities. But most important, they lived with blacks and American Indians. Unlike Europeans who rarely saw a non-white, Americans knew that they might be of British or German or Dutch stock, but what united them was that they were white.

Just one year after Scott died in the Antarctic, Jack London wrote *The Mutiny of the Elsinore*. He wrote of a pan-European racial consciousness that might at first have seemed strange to Scott or Wren, but it was one they would surely have understood.

The *Elsinore*, one of the last commercial sailing ships, is on a passage around Cape Horn when its crew of half-breeds and off-whites mutinies. The narrator, who has come on board as a passenger, joins the officers in holding off the mutiny, and falls in love with the captain's daughter.

Near the end of the book, he is barricaded on the poop deck with his sweetheart and the remaining men. The mutineers offer

Через моем мозгу вспыхнуло видение всего, что я когда-либо читал и слышал об осаде Посольств в Пекине и о планах белых мужчин в отношении их женщин на случай прорыва желтых орд через последние линии оборона. . . .

И я знал гнев. Не обычный гнев, но холодный гнев. И я уловил видение высокого места, в котором мы сидели и правили веками во всех странах, во всех морях. Я видел своих родных, наших женщин с нами, в отчаянных надеждах и потерянных усилиях, скитанных в крепостях на холмах, гниющих в джунглях, срубленных до последнего на палубах качающихся кораблей. И всегда, наши женщины с нами, если бы мы правили животными. Мы могли бы умереть, наши женщины с нами; но, живя, мы правили. Это было королевское видение, которое я увидел. . . . Это было священное доверие семени, завещание долга, переданного всеми предками.

И я пылал холоднее. Это был не красно-грубый гнев. Это было интеллектуально. Он был основан на концепции и истории; это была философия действия сильных и гордость сильных своими силами. Теперь, наконец, я знал Ницше. Я знал правильность книг, отношение высокого мышления к высокому поведению. . . . на корме угольщика в тысяча девятьсот тринадцатом году моя женщина была рядом со мной, мои предки позади меня, мои косоглазые слуги подо мной, звери подо мной и под моей пятой. Бог! Я чувствовал себя по-королевски. Наконец-то я понял, что такое королевский сан.

Несмотря на браваду этого отрывка, Лондон знал о шаткой позиции белого человека. Всего несколькими страницами ранее он пишет:

Да, я погибающий блондин и мужчина, и я сижу на высоком месте и склоняю глупых к своей воле; и я любовник, любящий королевскую женщину моей собственной гибельной породы, и вместе мы занимаем и будем занимать высокое место управления и командования, пока наш вид не погибнет от земли.

У Лондона было расовое сознание, но он не писал книги, чтобы распространять его. Большая часть *«Мятежа Эльсинора»* - это хорошая морская пряжа, а расовая проповедь настолько мала, что, вероятно, никто не заметил, когда вышла ее версия фильма 1937 года.

not to hurt them if they surrender, but threaten the worst if they hold out:

[A]cross my brain flashed a vision of all I had ever read and heard of the siege of the Legations at Peking, and of the plans of the white men for their womenkind in the event of the yellow hordes breaking through the last lines of defense. . . .

And I knew anger. Not ordinary anger, but cold anger. And I caught a vision of the high place in which we had sat and ruled down the ages in all lands, on all seas. I saw my kind, our women with us, in forlorn hopes and lost endeavours, pent in hill fortresses, rotted in jungle fastnesses, cut down to the last one on the decks of rocking ships. And always, our women with us, had we ruled the beasts. We might die, our women with us; but, living, we had ruled. It was a royal vision I glimpsed. . . . It was the sacred trust of the seed, the bequest of duty handed down from all ancestors.

And I flamed more coldly. It was not red-brute anger. It was intellectual. It was based on concept and history; it was the philosophy of action of the strong and the pride of the strong in their own strength. Now at last I knew Nietzsche. I knew the rightness of the books, the relation of high thinking to high conduct . . . on the poop of a coal-carrier in the year nineteen-thirteen, my woman beside me, my ancestors behind me, my slant-eyed servitors under me, the beasts beneath me and beneath the heel of me. God! I felt kingly. I knew at last the meaning of kingship.

Despite the bravado of this passage, London was aware of the precariousness of the white man's position. Just a few pages earlier, he writes:

Yes, I am a perishing blond, and a man, and I sit in the high place and bend the stupid ones to my will; and I am a lover, loving a royal woman of my own perishing breed, and together we occupy, and shall occupy, the high place of government and command until our kind perish from the earth.

London had a racial consciousness, but he did not write books in order to spread it. Most of *The Mutiny of the Elsinore* is a good seafaring yarn, and the racial message is so small a part that probably no one noticed when the 1937 movie version left it out. What

Что больше, *чтобы убить Mockingbird* гораздо лучше , чем роман *Мятеж*. Лондон более убедителен, когда он вкладывает мысли в умы собак, чем когда он вкладывает слова в уста людей.

Великий расистский роман еще не написан.

Эти статьи были опубликованы на AmRep.com 30 января 2012 года.

is more, *To Kill a Mocking Bird* is a much better novel than *Mutiny*. London is more convincing when he puts thoughts into the minds of dogs than when he puts words in the mouths of people.

The great racist novel is yet to be written.

These articles were published at AmRen.com on January 30, 2012.

Открытое письмо консерваторам

ВЫ НЕ ТОЛЬКО ОСТАВЛЯЕТЕ НА СВОИ ПРИНЦИПЫ.

Первоначально эта статья была опубликована под заголовком «Открытое письмо монашеским консерваторам», когда «консерватор» стал все более и более распространенным понятием насмешек для консерваторов, не желающих воспринимать расу всерьез. Этот термин стал настолько популярным в Твиттере, что Бакс сам начал жаловаться на то, как это было поразительно эффективно. Его появление, когда Дональд Трамп отказывался исчезнуть, было частью политического и социального переворота президентских выборов 2016 года.

Уважаемый консерватор!

В основе вашего движения лежит гниль: американский консерватизм ничего не может сохранить, если не может сохранить основополагающий состав нации. Я скажу прямо: ничто из того, что ты любишь, не выживет без белых людей.

Вы поддерживаете ограниченное правительство и сбалансированный бюджет? Подсчитайте своих черных и испаноговорящих союзников. Вы восхищаетесь Томасом Джефферсоном? Он был рабовладельцем, который окажется в куче навоза вместе с флагом Конфедерации. Вы заботитесь о стабильных семьях и правах нерожденных? Посмотрите на уровень нелегитимности, разводов и абортов для чернокожих и латиноамериканцев. Вы цените тишину на рассвете в Брайс-Каньоне? Когда службе парка удается заставить чернокожих и латиноамериканцев отправиться в поход, они играют в бум-боксы до 1 часа ночи. Был ли Рональд Рейган вашим героем? Он не выиграл бы большинство сегодняшнего электората.

Ты любишь Чайковского? Подсчитайте небелых в концертном зале. Вы тоскуете по районам, где вы можете оставить ключи в своей машине? Есть еще некоторые; просто не ожидайте, что они будут «разнообразными». Охота и огнестрельное оружие являются частью вашего наследия? Объясните это Баракку Обаме или Соне Сотомайор. Вы набожный христианин? Мусульманские иммигранты презируют вас и вашу веру. Вы поддерживаете Израиль? Мексиканцы, гаитяне, китайцы и гватемальцы этого не делают.

Ваш великий праздник - СПАС - белый, как встреча сыновей ветеранов конфедератов. Это потому, что черные, латиноамериканцы и даже азиаты не разделяют твои мечты.

An Open Letter to Conservatives

YOU AREN'T JUST BETRAYING YOUR PRINCIPLES.

This article was originally published under the title “An Open Letter to Cuckservatives,” when “cuckservative” was an increasingly common term of derision for conservatives unwilling to take race seriously. The term became so popular on Twitter that “cucks” themselves began to complain about how stingingly effective it was. Its appearance, just when Donald Trump was refusing to disappear, was part of the political and social upheaval of the 2016 presidential election.

Dear Conservative:

There is rot at the heart of your movement: American conservatism can conserve nothing if it cannot conserve the nation's founding stock. I'll put it bluntly: Nothing you love will survive without white people.

Do you stand for limited government and a balanced budget? Count your black and Hispanic allies. Do you admire Thomas Jefferson? He was a slave-holder who will end up on the dung heap along with the Confederate flag. Do you care about stable families and the rights of the unborn? Look up illegitimacy, divorce, and abortion rates for blacks and Hispanics. Do you cherish the stillness at dawn in Bryce Canyon? When the park service manages to get blacks and Hispanics to go camping they play boom-boxes until 1:00 a.m. Was Ronald Reagan your hero? He would not win a majority of today's electorate.

Do you love Tchaikovsky? Count the non-whites in the concert hall. Do you yearn for neighborhoods where you can leave the keys in your car? There still are some; just don't expect them to be “diverse.” Are hunting and firearms part of your heritage? Explain that to Barack Obama or Sonia Sotomayor. Are you a devout Christian? Muslim immigrants despise you and your faith. Do you support Israel? Mexicans, Haitians, Chinese, and Guatemalans don't.

Your great festival—CPAC—is as white as a meeting of the Sons of Confederate Veterans. That's because blacks and Hispanics and

Вы слышали старую шутку: «Что вы называете единственным чернокожим на консервативной встрече? Основной докладчик». Аутрич не работает. Нельзя уговаривать кого-то любить то, что любишь. Вера, патриотизм, долг и честь происходят из глубоко культурных, религиозных и исконных источников, которых вы не можете найти.

Почему вы вызываете Мартина Лютера Кинга младшего, когда призываете к «дальтонику» Америки? Вы знаете, он хотел квот для черных. Вы вызываете Кинга, потому что думаете, что он поможет вам заставить замолчать негров и либералов. Но это не работает, не так ли? Это потому, что только белые - и азиаты, когда им это удобно - даже думают с точки зрения «дальтонизма». Чернокожие и латиноамериканцы выжмут из вас все несправедливые преимущества. В какой момент они когда-нибудь откажутся от своей агрессивной расовой программы? Когда их большинство, просто подумайте, как сильно они будут сдавливать ваших внуков.

Вы говорите себе, что вещи, которые вы любите в Америке - и я люблю их тоже - основаны на определенных принципах. *Это твоя самая большая ошибка.* Они коренятся в определенных людях. Вот почему немцы, шведы, ирландцы и венгры могут приехать и внести свой вклад в Америку, которую вы любите. Вы действительно верите, что будущая афро-латиноамериканская, карибско-азиатская Америка будет чем-то похожим на ту, которую построили ваши предки?

Давайте рассмотрим ваши принципы. Вы мечтаете о традиционном, религиозном обществе свободного рынка с небольшим правительством, низкими налогами и отсутствием контроля над оружием, где однополые браки являются незаконными, а аборт, разводы, проституция и нелегитимность презираются? Есть такие места: племенные районы Пакистана и Сомали.

А как насчет стран, которые нарушают ваши принципы - с высокими налогами, огромным правительством, забитыми рынками, слабой церковью, строгим контролем над оружием и всевозможными сексуальными лицензиями? Там Скандинавия. И все же, если бы вам пришлось покинуть Соединенные Штаты, вы бы предпочли жить в Дании, чем в Вазиристане.

Вы видите образец? Даже когда они нарушают ваши принципы, белые люди строят хорошие общества. Даже когда они придерживаются ваших принципов, небелые обычно не делают.

Мы видим это в Америке. Можете ли вы представить себе небелые общины большинства, в которых вы хотели бы жить, или небелые школы большинства, в которых ваши дети хотели бы учиться?

even Asians don't share your dreams. You've heard the old joke: "What do you call the only black person at a conservative meeting? The keynote speaker." Outreach doesn't work. You can't talk someone into loving what you love. Faith, patriotism, duty, and honor come from deeply cultural, religious, and ancestral sources you can't reach.

Why do you evoke Martin Luther King, Jr. when you call for a "colorblind" America? You know he wanted quotas for blacks. You evoke King because you think he'll help you silence blacks and liberals. But it doesn't work, does it? That's because only whites—and Asians, when it suits them—even think in terms of "colorblindness." Blacks and Hispanics will squeeze every unfair advantage out of you they can. At what point will they ever abandon their aggressive racial agenda? When they're the majority just think how hard they'll squeeze your grandchildren.

You tell yourself that the things you love about America—and I love them, too—are rooted in certain principles. *That is your greatest mistake.* They are rooted in certain people. That is why Germans, Swedes, Irishmen, and Hungarians could come and contribute to the America you love. Do you really believe that a future Afro-Hispanic-Caribbean-Asiatic America will be anything like the America your ancestors built?

Let's consider your principles. Do you dream of a traditional, religious, free-market society with small government, low taxes, and no gun control, where same-sex marriage is illegal, and abortion, divorce, prostitution, and illegitimacy are scorned? There are such places: the tribal areas of Pakistan and Somalia.

And what about countries that violate your principles—with high taxes, huge government, clogged markets, a weak church, strict gun control, and sexual license of all kinds? There's Scandinavia. And yet if you had to leave the United States you'd much rather live in Denmark than in Waziristan.

Do you see the pattern? Even when they violate your principles, white people build good societies. Even when they abide by your principles, non-whites usually don't.

We see that in America. Can you think of a majority non-white

Нет, ты не можешь. Почему же тогда вы не боретесь изо всех сил против сил иммиграции и интеграции, которые превращают все большие части вашего округа в пустоши третьего мира?

Я знаю, вам было бы страшно выйти за пределы более узких границ того, что нам разрешено говорить о расе. Вы бы вызвали неодобрение всех учреждений в Америке. Со времени последней «Красной пугающей» цены за высказывания не были такими высокими. В 1950-х годах было опасно извергать марксистскую глупость. Сегодня наиболее опасными идеями являются исторические, биологические и моральные истины, которые такие люди, как Вашингтон, Джефферсон, Линкольн, Тедди Рузвельт, Марк Твен, Уолт Уитмен и ваши бабушка и дедушка считали само собой разумеющимся.

Соберитесь с духом. Говори эти истины. Они ваше наследие. Они ваша судьба. Они в твоих костях. И когда вы говорите эти истины, вы присоединяетесь к людям, которые видят единственное будущее для Америки, в котором то, что вы любите, возможно даже. Когда вы говорите эти истины, вы присоединяетесь к лагерю святых.

И пока вы не говорите эти истины, вы предаете свои принципы и мечты, даже если думаете, что работаете на них. Хуже того, вы предаете своих людей.

Эта статья была опубликована на AmRen.com 30 июля 2015 года.

neighborhood you'd like to live in, or a majority non-white school you'd like your children to attend? No, you can't. Why, then, don't you fight with all your strength against the forces of immigration and integration that are turning ever-greater parts of your county into Third-World wastelands?

I know it would be frightening for you to step outside the ever narrower confines of what we are permitted to say about race. You would court the disapproval of every institution in America. Not since the last Red Scare has the price of speaking out been so high. In the 1950s, it was dangerous to spout Marxist foolishness. Today, the most dangerous ideas are the historical, biological, and moral truths that men such as Washington, Jefferson, Lincoln, Teddy Roosevelt, Mark Twain, Walt Whitman, and your grandparents took for granted.

Muster up the courage. Speak these truths. They are your heritage. They are your destiny. They are in your bones. And when you speak these truths, you will join the people who see the only future for America in which the things you love are even conceivable. When you speak these truths you will join the camp of the saints.

And until you speak these truths, you are betraying your principles and dreams—even though you think you are working for them. Worse still, you are betraying your people.

This article was published at AmRen.com on July 30, 2015.

Безумие женщин в бою

ОДНА СЛАБАЯ ССЫЛКА МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ УБИВАЮЩИЙ ОТДЕЛ.

23 января 2013 года министр обороны Леон Панетта снял запрет на участие женщин в боевых действиях. Он дал генералам три года, чтобы открыть все позиции для женщин, и если кто-то из них решит, что женщины не могут выполнять свою работу, им придется объяснить, почему.

Боевое оружие - пехота, доспехи и артиллерия - закрыты для женщин по уважительным причинам: женщины не могут выполнять свою работу, и они мешают мужчинам выполнять эту работу.

Беспилотники и боеприпасы с лазерным наведением ничего не изменили для ворчания: вам все равно придется взбираться на холмы с 80-фунтовым пакетом, недолго жить в грязи и бросать 96-фунтовые 155-мм артиллерийские снаряды в кузов грузовика. Ваши друзья рассчитывают, что вы вытащите их из боя, если они ранены, и они не могут рассчитывать на кого-то с половиной силы верхней части тела человека.

Обширное исследование армии мужчин и женщин, проведенное в 1994 году [Мэрилин А. Шарп, «Физическая подготовка и профессиональная деятельность женщин в США». Армил, написанный женщиной, обнаружило очевидное: «Средняя женщина не обладает такой же физической способностью или может ли она быть обучена, чтобы иметь такие же физические возможности, что и средний мужчина?». Это исследование включало силовые тесты практически без перекрытия. При максимальной силе подъема худшие 2 процента мужчин были на 92-м процентиле для женщин.

Возможно, солдатам придется убивать или быть убитыми с близкого расстояния. Все, что нужно вашему врагу - это дополнительный дюйм досягаемости, лишний фунт мышц или дополнительный прирост скорости, и он использует это преимущество, чтобы убить вас. Никто не говорит о привлечении женщин в профессиональные спортивные команды - мы можем проиграть игру! - но военные теперь просят слабых звеньев, которые могли бы убить всю команду.

В марте 2013 года капитан женского пола по имени Кэти Петронио опубликовал в газете *морской пехоты* статью «Преодолей это! Мы не все созданы равными». Она довольно крепкая девчонка - она говорит, что могла бы жать 145 фунтов и приседать на 200 фунтов - но когда она работала с мужчинами в поле, «скорость моего ухудшения была заметно быстрее, чем у морских пехотинцев».

The Folly of Women in Combat

ONE WEAK LINK COULD GET THE
WHOLE SQUAD KILLED.

On January 23, 2013, Defense Secretary Leon Panetta lifted the ban on women in combat. He gave the generals three years to open up all positions to women, and if any of them think there is a job women can't do, they'll have to explain why.

The combat arms—infantry, armor, and artillery—are closed to women for good reasons: Women can't do the job, and they keep men from doing the job.

Drones and laser-guided munitions haven't changed things for a grunt: You still have to run up hills with an 80-pound pack, live in dirt for weeks, and hump 96-pound 155mm artillery shells onto the back of a truck. Your buddies count on you to carry them out of the fight if they are wounded, and they can't count on someone with half the upper-body strength of a man.

An extensive 1994 Army study of men and women [Marilyn A. Sharp, "Physical Fitness and Occupational Performance of Women in the U.S. Army"]—written by a woman—discovered the obvious: "The average woman does not have the same physical capacity, nor can she be trained to have the same physical capacity as the average man." This study included strength tests with practically no overlap. On Maximum Lifting Strength, the worst 2 percent of men were at the 92nd percentile for women.

Soldiers may have to kill or be killed at close quarters. All your enemy needs is an extra inch of reach, an extra pound of muscle, or an extra burst of speed, and he will use that advantage to kill you. No one is talking about putting women on professional sports teams—we might lose a game!—but the military is now asking for weak links that could get the whole squad killed.

In March, 2013, a lady Marine captain named Katie Petronio published an article in the *Marine Corps Gazette* called "Get Over It! We Are Not All Created Equal." She is a pretty tough gal—she says she could bench-press 145 pounds and squat 200

Она пишет, что, если женщины присоединятся, пехота "испытает колоссальное увеличение калечащих и заканчивающих карьеру заболеваний для женщин". Некоторые из этих игрушечных солдат сломаются еще до того, как они увидят врага, а затем потратят свои жизни на получение пособия по инвалидности.

Женщины в бою? Бой означает близкие отношения. Во время вторжения в Ирак в 2003 году Марин Райан Смит ехала на десантном корабле-амфибии, рассчитанном на 15 человек. Были срывы и «к концу вторжения у нас было целых 25 человек, вонзившихся в спину». Они ехали 48 часов подряд в машине без санитарии, и у мужчин появилась дизентерия. «Когда неконтролируемое побуждение ударит по морпеху, он будет вынужден, как мог, встать, поднести мешок MRE [готовая к употреблению пища] к его тылу и испражняться в дюймах от лица сидящих товарищей».

Когда они добрались до Багдада:

Мы не принимали душ более месяца, и наши костюмы для химической защиты были покрыты смесью грязи и засохшей крови. Нам сказали, чтобы раздеться и положить наши костюмы в ямы, которые будут немедленно сожжены. Мой блок стоял там. , , Обнаженные, язвы растекаются по всему телу, ноги шелушатся, наблюдая, как горят наши костюмы. Позже они выстроили нас голыми и смыли с помощью мойки высокого давления. [«Реальность, которая ждет женщин в бою», *Wall Street Journal*, 23 января 2013 г.]

Командир отряда Смит не хочет женщин в бою.

Как объяснил бывший морской пехотинец Джон Ладди, есть и другие причины, по которым женщины не принадлежат на фронте:

[1] В одном историческом случае, когда женщины были преднамеренно помещены в бой - в Израиле во время арабо-израильской войны 1948 года - они были удалены в течение нескольких недель. Причина: было ясно, что мужчины реагировали на присутствие женщин, пытаясь защитить их и помогать им, когда они становились жертвами, а не продолжали нападать. Израильцы также узнали, что моральный дух подразделения был серьезно поврежден, когда мужчины видели женщин, убитых и раненых на поле боя. [«Повестка дня национальной безопасности для нового министра обороны», *Heritage Foundation*, 10 февраля 1994 г.]

pounds—but when she worked with men in the field, “the rate of my deterioration was noticeably faster than that of male Marines.”

She writes that if women join up, the infantry is “going to experience a colossal increase in crippling and career-ending medical conditions for females.” Some of these toy soldiers will break before they even see the enemy and then spend their lives drawing disability pay.

Women in combat? Combat means close quarters. During the 2003 Iraq invasion, Marine Ryan Smith rode in an amphibious assault vehicle designed for 15 men. There were breakdowns and “by the end of the invasion we had as many as 25 men stuffed into the back.” They went 48 straight hours in the vehicle with no sanitation, and men got dysentery. “When an uncontrollable urge hit a Marine, he would be forced to stand, as best he could, hold an MRE [meals ready to eat] bag up to his rear, and defecate inches from his seated comrade’s face.”

When they got to Baghdad:

We had not showered in well over a month and our chemical protective suits were covered in a mixture of filth and dried blood. We were told to strip and place our suits in pits to be burned immediately. My unit stood there . . . naked, sores dotted all over our bodies, feet peeling, watching our suits burn. Later, they lined us up naked and washed us off with pressure washers. [“The Reality That Awaits Women in Combat,” *Wall Street Journal*, Jan. 23, 2013.]

Squad Leader Smith does not want women in combat.

As ex-Marine John Luddy explained, there are other reasons why women do not belong at the front:

[I]n the one historical case where women were deliberately placed in combat—in Israel during the 1948 Arab-Israeli War—they were removed within weeks. The reason: It was clear that men reacted to the presence of women by trying to protect them and aiding them when they became casualties instead of continuing to attack. The Israelis also learned that unit morale was seriously damaged when men saw women killed and injured on the battlefield. [“A National Security Agenda for the New Secretary of Defense,” *The Heritage*

Мужчины идут на сумасшедший риск, чтобы удостовериться, что женщины не схвачены и спасти их, если они есть. Помните Джессику Линч, 100-фунтового клерка, который попал в дорожную аварию во время вторжения в Ирак и попал в плен? Армия сказала колоссальную ложь о ее драке ножом в стиле Рэмбо с иракцами - она опустилась на колени, чтобы помолиться и никогда не стреляла, - а затем пошла на абсурдные попытки вернуть ее назад. Была отвлекающая битва, чтобы отвлечь иракские войска, и объединенная группа сил «Дельта», армейских рейнджеров, военно-морских сил и парашютистов ВВС - с гораздо лучшими делами - вырвала ее из больницы, которая оказалась без охраны.

ПФК Линчу повезло. Она попала в руки регулярной армии, которая хорошо с ней обращалась. Но что бы Талибан сделал с захваченной американкой? Бандитские изнасилования, конечно. Тогда она исчезнет в самом жалком борделе в Афганистане или вернется изуродованной, беременной и психически разбитой?

Наконец, есть секс. Как объясняет один из ветеранов корпуса морской пехоты: «Мужские связи - это то, что берет верх. А мужские связи просто не случаются с женщинами вокруг».

Один солдат недавно так выразился на частной доске объявлений, посвященной битве:

Пехотный отряд с опущенными руками лежит в основе любого вооруженного конфликта. Они могут делать что угодно, где угодно и когда угодно, потому что от этого зависят жизни их друзей. Связь между людьми в пехотном отряде не похожа ни на одну другую. . . . Добавление женщин полностью перевернет уровень сплоченности и единства команды быстрее, чем что-либо другое. Самка станет центром внимания и концом каждой шутки. Мораль будет сокрушительным грузом, тянущим отряд в грязь.

Это разрушает то, что армия называет «групповой сплоченностью», если человек был брошен пирогом отряда, а затем вынужден слушать, как она всю ночь визжит в чужой окопе.

Военные раздают презервативы, как если бы они были конфетами, но случаются несчастные случаи. В 1990-х годах капитан военно-морского флота Марта Уайтхед свидетельствовала перед военной комиссией, что у женщин в три раза больше шансов быть «не подлежащими развертыванию», чем у мужчин, и что в 47 процентах случаев это происходит из-за беременности.

Foundation, February 10, 1994.]

Men take crazy risks to make sure women are not captured and to rescue them if they are. Remember Jessica Lynch, the 100-pound supply clerk who got into a traffic accident during the Iraq invasion and was taken prisoner? The Army told colossal lies about her Rambo-style knife fight with Iraqis—she went down on her knees to pray and never fired a shot—and then went to absurd lengths to get her back. There was a diversionary battle to draw off Iraqi troops, and a joint team of Delta Force, Army Rangers, Navy Seals, and Air Force Pararescue Jumpers—with much better things to do—snatched her from a hospital that turned out to be unguarded.

PFC Lynch was lucky. She fell into the hands of a regular Army that treated her well. But what would the Taliban do with a captured American woman? Gang-rape her, for sure. Then would she disappear into the most wretched brothel in Afghanistan or come back mutilated and pregnant and a psychological wreck?

Finally, there is sex. As one Marine Corps veteran explains, “Male bonding is what takes the hill. And male bonding just doesn’t happen with women around.”

One soldier recently put it this way on a private, combat-related bulletin board:

The Infantry squad is, hands friggen’ down, the backbone of any armed conflict. They can do anything, anywhere, anytime—because the lives of their buddies depend on it. The bond between men in an Infantry squad is like no other . . . The addition of women would utterly turn the squad’s level of cohesion and unity upside-down faster than anything. The female would become the center of attention, and the butt-end of every joke. Morale would be a crushing weight dragging the squad down into the dirt.

It destroys what the Army calls “group cohesion” if a man has been jilted by the squad tart and then has to listen to her squealing all night in someone else’s foxhole.

The military hands out condoms as if they were candy, but accidents happen. In the 1990s, Navy Captain Martha Whitehead testified before a military commission that women were three

В 2009 году из Ирака было эвакуировано так много беременных женщин-военнослужащих, что генерал-майор Энтони Куколо назначил военный суд и, возможно, тюремное заключение для любой женщины в его команде, которая забеременела, и для ответственного мужчины. «У меня есть миссия», он сказал. «У меня есть определенное количество солдат, с которыми это можно сделать, и мне нужен каждый из них».

Есть и другие проблемы. С 2006 по 2011 год уровень насильственных сексуальных преступлений в армии увеличился на 64 процента, причем только в 2010 году было совершено около 19 000 сексуальных посягательств. Женщины составляют 14 процентов военного персонала, но 95 процентов жертв сексуальных преступлений. (Армия предупреждает, что сейчас будет больше случаев, когда мужчины насилуют мужчин, когда гомосексуалистам не нужно беспокоиться о том, чтобы их выгнали, но это другая проблема.)

Генерал Мартин Демпси, председатель Объединенного комитета начальников штабов, говорит, что, по его мнению, женщины в бою *помогут решить проблему сексуальных домогательств*. Он очень сильно толкнул Леона Панетту, чтобы снять запрет. «Я должен верить, - объясняет он, - что чем больше мы можем относиться к людям одинаково, тем больше вероятность того, что они будут относиться друг к другу одинаково». Это, безусловно, безумие.

Мужчина в боевой отделе бежит на тестостероне. Вот что делает его надежным убийцей; это также заставляет его думать о сексе каждую минуту дня. Поместить женщин на поле битвы - все равно что затолкать болельщиков в раздевалку с командой-победителем после футбольного матча и запереть двери.

Боевые войска - это молодые люди, которые зарабатывают на жизнь. В Армии добровольцев они там, потому что им нравится убивать людей. Военные бросают в них молодых женщин и в шоке - в шоке - обнаруживают, что мужчины не всегда ведут себя как джентльмены. Таким образом, военно-морской флот имеет обязательную подготовку по борьбе с сексуальным насилием для каждого моряка, а в армии есть SHARP (сексуальное домогательство / реакция на нападение и предотвращение). Они не меняют свою идиотскую политику; они пытаются изменить мужчин.

Когда Леон Панетта сделал свое заявление, президент Оба был в восторге: «Сегодня каждый американец может гордиться тем, что наши военные станут еще сильнее, поскольку наши матери, жены, сестры и дочери играют все большую роль в защите этой страны, которую мы любим».

times more likely to be “non-deployable” than men, and that 47 percent of the time it was because they were pregnant.

In 2009, so many pregnant lady soldiers were being evacuated from Iraq that Major General Anthony Cucolo ordered a court martial and possible jail time for any woman in his command who got pregnant—and for the man responsible. “I’ve got a mission to do,” he said. “I’m given a finite number of soldiers with which to do it and I need every one of them.”

There are other problems. From 2006 to 2011, the rate of violent sex crimes in the military shot up 64 percent, with an estimated 19,000 sexual assaults in 2010 alone. Women are 14 percent of Army personnel but are 95 percent of sex-crime victims. (The Army warns there will be more cases of men raping men now that homosexuals don’t have to worry about being kicked out, but that is a different problem.)

General Martin Dempsey, the chairman of the Joint Chiefs of Staff, says he thinks women in combat will *help solve the problem of sexual harassment*. He pushed Leon Panetta very hard to lift the ban. “I have to believe,” he explains, “that the more we can treat people equally, the more likely they are to treat each other equally.” This is certifiably insane.

A man in fighting trim runs on testosterone. That is what makes him a reliable killer; it also makes him think about sex every minute of the day. Putting women on the battlefield is like shoving the cheerleaders into the locker room with the winning team after a football game and locking the doors.

Combat troops are young men who kill people for a living. In the all-volunteer Army they are there because they like killing people. The military throws young women at them and is shocked—shocked—to discover that the men don’t always behave like gentlemen. So the Navy has mandatory anti-sex-assault training for every sailor, and the Army has SHARP (Sexual Harassment/Assault Response & Prevention). They don’t change their idiotic policies; they try to change men.

When Leon Panetta made his announcement, President Obama was delighted: “Today, every American can be proud that our

Он получил это точно назад. Мужчины идут на войну именно так, чтобы их матери, жёны, сестры и дочери *не* уходили. Война в конечном итоге о национальном выживании. Половина мужчин может погибнуть в бою, но если женщины выживут, оставшиеся мужчины могут поддержать нацию. Общество, которое отправляет детей в бой, сошло с ума.

Секретарь армии Того Уэст однажды сказал, что удержание женщин в бою замедляет их продвижение по службе и мешает им «полностью раскрыть свой потенциал». Задача солдата - найти врага и убить его - да, его, - а не участвовать в гигантском эксперименте в эгалитарной фантазии. Единственные военные, которые говорят как Того Уэст, носят ленты вместо шлемов. Только дегенеративные страны ставят женщин в бой.

Конечно, это будет работать какое-то время - с большими потерями, чрезмерной неэффективностью, бесконечной ложью и сокрытием. Но когда век подходит к концу и китайцы напишут историю того, что когда-то было Соединенными Штатами, они заметят, что это был верный признак того, что место было обречено, когда американский солдат стал социальным работником с винтовкой вместо профессиональный убийца.

Эта статья была опубликована на Takimag.com 30 января 2013 года под заголовком «Женщины в бою: еще один гвоздь в гробу».

military will grow even stronger with our mothers, wives, sisters and daughters playing a greater role in protecting this country we love.”

He got it exactly backward. Men go to war precisely so that their mothers, wives, sisters, and daughters *don't* have to go. War is ultimately about national survival. Half the men could die in combat but if women survive, the men who are left can keep the nation going. A society that sends child-bearers into combat has gone mad.

Secretary of the Army Togo West once said that keeping women out of combat slows their promotions and prevents them “from reaching their full potential.” A soldier’s job is to find the enemy and kill him—yes, him—not to be part of a giant experiment in egalitarian fantasy. The only military men who talk like Togo West wear ribbons instead of helmets. Only degenerate countries put women in combat.

Of course, it will work for a while—with higher casualties, grinding inefficiencies, and endless lies and cover-ups. But when the century draws to a close and the Chinese write the history of what used to be the United States, they will note that it was a sure sign the place was doomed when the American soldier became a social worker with a rifle instead of a professional killer.

This article was published at Takimag.com on January 30, 2013, under the title, “Women in Combat: Another Nail in the Coffin.”

Пик спасательных шлюпок

ЛИ ЭГАЛИТАРНОЙ ПРАВОСЛАВИЕ НАЧАЛА РУШИТЬСЯ?

Уильям Салетан - национальный корреспондент интернет-журнала *Slate*. 18, 19 и 20 ноября он опубликовал серию из трех частей о убедительных доказательствах того, что средняя разница в IQ между черными и белыми вызвана, по крайней мере, частично генами. Большая часть его данных была получена из первоклассного мета-исследования Филиппа Руштона и Артура Дженсена, появившегося в июньском номере журнала «*Психология, государственная политика и право*», опубликованном в июне 2005 года.

Было так удивительно найти достаточно объективную трактовку IQ на веб-сайте, принадлежащем *Washington Post*, что мы разместили выдержки на нашем собственном сайте AmRen.com. Сериал отклонился настолько далеко от рабско-эгалитарной линии *Почты*, что я был уверен, что мистер Сейл Тан будет отшлепан, и, конечно же, он был. 28 ноября, через неделю после окончания сериала, он хромал на линии, чтобы признать, что он не был экспертом в IQ, и что он сделал небрежную работу:

При исследовании этого предмета. , , Я пропустил что-то, что мог бы заметить простым взглядом на Википедию.

Последние пять лет Дж. Филипп Руштон был президентом Фонда Пионера, организации, занимающейся «научным изучением наследственности и человеческих различий». За это время фонд выделил Фонду нового века не менее 70 000 долларов. , , , «Новый век» издает журнал «Американский ренессанс», в котором проповедуется сегрегация. Руштон регулярно выступает на своих конференциях.

Я был небрежен в неспособности исследовать и сообщить об этом. Мне жаль. Я должен тебе лучше, чем это.

Он, безусловно, должен нам лучше, чем это. Довольно печально, что извинения мистера Салетана за «плохие исследования» должны содержать действительно плохие исследования. *Американский Ренессанс* не проповедует сегрегацию; оно способствует свободному объединению, отмечая только то, что, обладая такой свободой, большинство людей предпочитают компанию других людей своей расы.

The Rush for the Lifeboats

IS EGALITARIAN ORTHODOXY BEGINNING
TO CRUMBLE?

William Saletan is a national correspondent for the online magazine *Slate*. On November 18, 19, and 20, he published a three-part series about the powerful evidence for the view that the average IQ difference between blacks and whites is caused at least partly by genes. Much of his data came from a first-rate meta-study by Philippe Rushton and Arthur Jensen that appeared in the June 2005 issue of *Psychology, Public Policy, and Law*.

It was so much of a surprise to find a reasonably objective treatment of IQ at a website owned by the *Washington Post* that we posted excerpts at our own site, AmRen.com. The series strayed so far from the *Post's* slavishly egalitarian line that I felt sure Mr. Saletan would be spanked, and sure enough, he was. On November 28, a week after the series ended, he limped back on line to confess that he was not an expert in IQ, and that he had done sloppy work:

In researching this subject, . . . I missed something I could have picked up from a simple glance at Wikipedia.

For the past five years, J. Philippe Rushton has been president of the Pioneer Fund, an organization dedicated to “the scientific study of heredity and human differences.” During this time, the fund has awarded at least \$70,000 to the New Century Foundation. . . . New Century publishes a magazine called *American Renaissance*, which preaches segregation. Rushton routinely speaks at its conferences.

I was negligent in failing to research and report this. I'm sorry. I owe you better than that.

He certainly does owe us better than that. Rather sad, really, that Mr. Saletan's apology for “bad research” should contain genuinely bad research. *American Renaissance* does not preach segregation; it promotes free association, noting only that when they have such freedom, most people prefer the company of others of their own race.

29 ноября, после очередного яростного раунда враждебных комментариев в «Сланце», мистер Салетан поспешил обратно на плантацию, чтобы доказать свои «антирасистские» полномочия, объяснив, почему Фонд Пионеров *никогда не* должен давать деньги АР:

Тейлор - прекрасная иллюстрация расистского злоупотребления наукой. Он берет кусочки данных и сплетает их вместе с совершенно ненаучными выводами в соответствии с его идеологией сегрегации. При этом он наносит огромный вред как науке, так и обществу.

Если вы управляете исследовательским фондом, вы обязаны не субсидировать такую чушь. Период.

О, Боже.

30 ноября я опубликовал комментарий на «Сланец» с разумной просьбой: «На нашей веб-странице, AmRep.com, есть более чем 15-летние проблемы с выпуском американской Рены. Могу ли я попросить вас указать на один из примеров "расистского злоупотребления наукой?"»

В основном это вызывало обзывания, чувство вины по ассоциации, спекуляции о моей личной жизни и случайный проблеск здравого смысла, но не один пример. Мистер Салетан сам не ответил, поэтому я отправил ему тот же вопрос по электронной почте. Мистер Салетан, конечно, очень занятой и важный человек, поэтому он не нашел времени, чтобы ответить.

3 декабря бедный мистер Салетан получил очередную порку. Стивен Меткалф, который *считает себя* «критиком Слэйта», ругался на своего коллегу, называя его выводы «категорически неверными» и «крайне сомнительными». (Пожалуйста, примите решение, мистер Меткалф.) Мистер Меткалф также назвал Артура Дженсена «предвзятым». Профессор Дженсен, пожалуй, самая осторожная, справедливая, уважаемая, цитируемая и аполитичная фигура во всей области исследований IQ.

Что здесь происходит? Я подозреваю, что мы находимся в первые дни того, что будет все более захватывающим, но, в конечном счете, неусиливающим зрелищем. Мы видим, что происходит, когда то, что когда-то считалось самой одиозной из ересей, начинает одерживать победу благодаря огромному количеству доказательств: стертая полуправда, поспешные опровержения, пронзительные доносы. По мере роста числа еретиков некоторые из менее либеральных либералов видят, что эгалитарное здание шатко

On Nov. 29, after another furious round of hostile comment at *Slate*, Mr. Saletan scurried back onto the plantation to prove his “anti-racist” credentials by explaining why the Pioneer Fund should *never ever ever* give money to AR:

Taylor is a perfect illustration of racist abuse of science. He takes bits of data and weaves them together with completely unscientific inferences to suit his segregationist ideology. In doing so, he does tremendous harm to both science and society.

If you run a research fund, you have a responsibility not to subsidize that kind of crap. Period.

Oh, dear.

On November 30, I posted a comment on *Slate* with what I thought was a reasonable request: “There are more than 15 years of back issues of *American Renaissance* at our web page, AmRen.com. Can I trouble you to point out even one example of ‘racist abuse of science?’”

This mostly brought forth name-calling, guilt-by-association, speculations about my personal life, and an occasional glimmer of common sense, but not one example. Mr. Saletan did not, himself, reply, so I sent him the same question by e-mail. Mr. Saletan is, of course, a very busy and important man, so he hasn’t quite found the time to reply.

On December 3, poor Mr. Saletan got another spanking. Stephen Metcalf, who bills himself as *Slate*’s “critic-at-large,” railed at his colleague, calling his conclusions “flatly untrue” and “highly questionable.” (Please make up your mind, Mr. Metcalf.) Mr. Metcalf also called Arthur Jensen “highly biased.” Prof. Jensen is perhaps the most careful, fair-minded, respected, cited, and apolitical figure in the entire field of IQ research.

What is going on here? I suspect we are in the early days of what will be an increasingly absorbing but, ultimately, unedifying spectacle. We are seeing what happens when what was once thought to be the most odious of heresies begins to triumph through sheer weight of evidence: blurred half-truths, hasty retractions, shrill denunciations. As the number of heretics grows, a few of the less blinkered liberals can see that the egalitarian edifice is shaky. No

, Никто не хочет быть последним защитником обреченной православия.

Там будет больше Салетанцев. Их тщеславие говорит им, что последний покинуть корабль будет выглядеть нелепо. Оглядываясь назад, все увидят, что не было ни одного клочка доказательств эгалитарной чепухи. Но когда будет безопасно прыгать? Их трусость говорит им ждать; Вы никогда не можете быть уверены, кто будет объявлен незаметным и дальновидным, а кто будет поставлен на карту. Защитники православия по-прежнему сильны, и отчаяние делает их мстительными.

Те из нас, кто давно покинул этот протекающий корабль, могут поселиться и посмотреть шоу. В нашей жизни нет другой научной ортодоксальности, столь значимой, как эта, вероятно, не пройдет. Это как смотреть, как рушится Берлинская стена. Восстановление эгалитаристов будет настаивать, как это делал мистер Салетан в своей оригинальной серии, на том, что, как ни странно, это шокирует, но на самом деле это не имеет никаких политических последствий. Они ошибаются. Политика в области образования, расовые предпочтения, иммиграция, разнообразие, благосостояние - все это будет пересмотрено. Могут даже быть трезвые размышления о том, как мы могли так долго ошибаться.

Когда корабль окончательно спустится? В своей последней книге *«Избегайте скучных людей»* Джеймс Уотсон сделал грубое предсказание, что через 15 лет, а может быть, и через 10 лет мы найдем гены, способствующие развитию интеллекта, и что будет показано, что они не будут равномерно распределены между всеми расами. Салютский пируэт показывает, что не все будут ждать так долго. Но одно точно: последний бросок спасательных шлюпок будет ужасным.

Эта статья впервые появилась в январском номере журнала American Renaissance за 2008 год .

one wants to be the last defender of a doomed orthodoxy.

There will be more Saletans. Their vanity tells them that the last to abandon ship will look ridiculous. In retrospect, everyone will see there was not one scrap of evidence for egalitarian nonsense. But when will it be safe to jump? Their cowardice tells them to wait; you can never be sure who will be heralded as undeceived and far-seeing, and who will be put to the stake. The defenders of orthodoxy are still powerful, and desperation makes them vindictive.

Those of us who left that leaking ship long ago can settle in and watch the show. In our lifetimes, no other scientific orthodoxy as significant as this is likely to go under. It is like watching the Berlin Wall crumble. Recovering egalitarians will insist, as Mr. Saletan did in his original series, that shocking as the truth may be, it really has no policy implications. They are wrong. Education policy, race preferences, immigration, diversity, welfare—all will be reexamined. There may even be sober reflection on how we could have been so wrong for so long.

When will the ship finally go down? In his latest book, *Avoid Boring People*, James Watson made a rough prediction that in 15 years—maybe 10—we will have found the genes that contribute to intelligence, and that they will be shown not to be distributed equally among all races. The Saletan pirouette shows that not everyone will wait that long. But one thing is sure: The final rush for the lifeboats will be ugly.

This article first appeared in the January 2008 issue of American Renaissance.

5. Говоря Лично

Почему я ненавижу Суперкубок

НИЧЕГО БОЛЬШЕ НЕ КОЛЛЕКЦИОННО НЕ ВАЖНО.

Несколько лет назад, когда я жил в Силиконовой долине, я провел субботний вечер в доме друга и поехал домой в воскресенье. Автострада была пуста - пугающе, на удивление пуста. Я начал задаваться вопросом, произошло ли Восхищение или произошла ядерная война. На следующий день я узнал, почему автострада была пустыней. Все в Калифорнии смотрели Суперкубок.

Я никогда не понимал, почему кто-то заботится о профессиональном спорте. Мне было лет семь или восемь, когда мой отец шокировал меня, объяснив, что не все, кто играет за «Нью-Йорк Янкиз», из Нью-Йорка. "Какая?" Я помню, как думал. «Они позволяют людям из Бостона или Чикаго играть с янки? Все это мошенничество». Почему жителям Нью-Йорка небезразлична группа незнакомцев, которые отправятся в другую команду, если получат лучшее предложение?

Нет ничего более важного, чем профессиональный спорт. Если у вас нет денег на игру, то, если Шмели победят Белых Медведей, будут иметь реальные последствия, которые можно измерить до значения точно, точно, точно, непровержимо равного нулю. Выиграть или проиграть, ничего не меняется. Никого не кормили и не одевали, ничего не производили, ни одна проблема не решалась - это гигантская трата времени. И все же счастье миллионов висит на волоске. Есть взрослые взрослые, которые, похоже, больше заботятся об игре, чем о результатах биопсии.

5. *Speaking Personally*

Why I Hate the Super Bowl

NOTHING IS MORE COLOSSALLY UNIMPORTANT.

Years ago, when I was living in Silicon Valley, I spent Saturday night at a friend's house and drove home on Sunday. The freeway was empty—spookily, worryingly empty. I began to wonder if the Rapture had happened, or if there had been a nuclear war. The next day, I learned why the freeway was a desert. Everyone in California had been watching the Super Bowl.

I have never understood why anyone cares about professional sports. I must have been seven or eight when my father shocked me by explaining that not everyone who plays for the New York Yankees is from New York. “What?” I remember thinking. “They let people from Boston or Chicago play with the Yankees? The whole thing is a fraud.” Why do New Yorkers care about a bunch of strangers who are going to defect to some other team if they get a better offer?

Nothing is more colossally unimportant than professional sports. Unless you have money on the game, whether the Bumble Bees beat the Polar Bears has real-world consequences that can be measured to a value of precisely, exactly, irrefutably zero. Win or lose, nothing changes. No one has been fed or clothed, nothing has been produced, no problem solved—it's a gigantic waste of time. And yet the happiness of millions hangs in the balance. There are fully grown adults who seem to care more about a game than

Спорт в колледже может что-то значить. Команда представляет школу, а спортсмены - друзья и одноклассники, за исключением случаев, когда игроки в основном являются профессионалами, которые посещают умышленные занятия и ходят в свои собственные спортивные залы и столовые. Я был намного старше семи или восьми лет, когда узнал что-то еще, что потрясло меня: тренер может зарабатывать больше денег, чем президент колледжа. В университете Алабамы футбольный тренер зарабатывает 7,3 миллиона долларов в год; президент зарабатывает 535 000 долларов, или менее чем на тринадцатую зарплату тренера. Победа в футбольных играх гораздо важнее, чем управление университетом.

Я не совсем против зрительского спорта. Люди в командах средней школы и командах младших спортивных колледжей - настоящие студенты, которые представляют свои школы. Люди, наблюдающие за игрой в старшей школе, заботятся о школе и, вероятно, знают некоторых игроков; Победа или поражение означает что-то, когда есть подлинная связь с командой. Национальные команды имеют смысл по той же причине, за исключением случаев, когда сборная Франции по футболу выглядит больше сенегальцами, чем французами.

Так почему же мы платим взрослым мужчинам за то, что они играют в детские игры? Почему люди занимаются профессиональным спортом? Некоторые фанаты говорят, что они восхищаются мастерством игроков. Ну, я восхищаюсь жонглерами и акробатами. Многие мужчины говорят, что это сублимированная война. Поскольку мужчины больше не получают от тестостерона рейды на вражеские племена, они вместо этого наблюдают, как переплаченные хамы бьют друг друга. Насколько это жалко? Вы не удовлетворяете свой аппетит к стейку, наблюдая, как кто-то ест его. Если человек действительно хочет острых ощущений в бою, он должен выйти на поле сам. Для этого нужны любительские соревнования лиг и мастеров.

Спорт - отличный способ заполнить пустой ум. Люди, которые не могут назвать последние 10 президентов, могут сказать вам, кто выиграл последние 10 Суперкубков. А спорт превращает сиськи в экспертов; люди, у которых нет четкого мнения ни о чем другом, могут сказать вам, почему было ошибкой торговать второстепенным квотербеком. Чем больше человек знает о профессиональном спорте, тем больше меня интересует его мнение. Чем больше женщина знает о профессиональном спорте, тем больше мне интересно, если она женщина.

the results of a biopsy.

College sports can mean something. The team represents a school, and athletes are friends and classmates—except when the players are basically professionals who take make-believe classes and go to their own separate gyms and dining halls. I was a good deal older than seven or eight when I learned something else that shocked me: a coach can make more money than the college president. At the University of Alabama, the football coach makes \$7.3 million a year; the president makes \$535,000, or less than one thirteenth the coach's salary. Winning football games is much more important than running the university.

I'm not completely against spectator sports. People on high school teams and minor-sports college teams are real students who represent their schools. People watching a high school game care about the school and probably know some of the players; winning or losing means something when there is a genuine connection to the team. National teams make sense for the same reason, except in cases like the French national soccer team that looks more Senegalese than French.

So why do we pay grown men to play children's games? Why do people bother with professional sports? Some fans say they admire the skill of the players. Well, I admire jugglers and acrobats. A lot of men say it's sublimated warfare. Since men don't get to work off testosterone by raiding enemy tribes anymore, they watch overpaid louts smash each other instead. How pitiful is that? You don't satisfy your appetite for steak by watching someone else eat one. If a man really wants the thrill of combat he should get on the field himself. That's what amateur leagues and masters competitions are for.

Sports are a great way to fill an empty mind. People who can't name the last 10 presidents can tell you who won the last 10 Super Bowls. And sports make boobs into experts; people with no discernible opinion on anything else can tell you why it was a mistake to trade the second-string quarterback. The more a man knows about professional sports the more I wonder about his judgment. The more a woman knows about professional sports the more I

Но есть что-то более глубокое на работе. Прежде чем я стал семейным человеком, мой друг взял меня на конкурс бикини. Девочки выскакивали одна за другой, полностью одетые и раздевались до бикини - некоторые из них были совсем крошечными. Это было достаточно приятно, но мужчины устроили ужасный шум. Они взревели, как быки, и закричали, как банши, когда каждый новый кусочек кожи появлялся на виду. Каким упражнением у власти должен был быть вечер для девушек. Они превратили целую комнату мужчин в вой идиотизма, просто извиваясь. Даже в юности моей мечты я никогда не оказывал такого влияния на женщин.

Я был поражен, что люди в комнате звучали так же, как фанаты спорта. Они даже кричали одно и то же: «Иди, иди, иди, иди!» - когда девушки стаскивали с себя одежду. Судя по примитивным шумам, спорт должен проникать так же глубоко в мужскую психику, как и секс.

Из всех американских профессиональных спортивных игр Суперкубок самый истеричный, безвкусный и залитый деньгами. Люди на самом деле думают, что частью веселья является возможность поговорить о *рекламе* на следующий день. Суперкубок, безусловно, самая претенциозная игра в американском спорте. Перед игрой и в перерыве шоу патриотическая овсянка так же приукрашена, как и политическая конвенция. Промоутеры и комментаторы ведут себя так, как будто наш *патриотический долг* - наблюдать за их глупой игрой.

Но, возможно, они правы. Суперкубок воскресенье может быть национальным праздником. Американцы празднуют это почти так же серьезно, как Рождество или День Благодарения, и с гораздо большим удовольствием, чем День памяти или День президентов.

Когда нация станет более сплоченной, чем в начале? Черные и белые сосут вместе по красному пищеводу Супер Боул. Это оргия красно-бело-синей бессмысленности, настолько мощная, что она может даже превратить сомалийцев и гватемальцев в американцев. Ничто другое не может.

Так что идите вперед и присоединитесь к толпе перед телевизором первого февраля. Когда вы просыпаетесь через четыре часа, спросите себя, не пачкаетесь ли вы. Я буду в музее. У меня будет место для себя.

Эта статья была опубликована на сайте AmericanThinker.com 31 января 2015 года.

wonder if she's a woman.

But there's something deeper at work. Before I became a family man, a friend took me to a bikini contest. The girls pranced out one by one, fully clothed, and stripped down to bikinis—some of them quite tiny. That was pleasant enough, but the men set up a terrible din. They bellowed like bulls and screamed like banshees as every new bit of skin came into view. What an exercise in power the evening must have been for the girls. They reduced a whole roomful of men to howling idiocy just by wriggling around. Even in my dreamboat youth, I never had that effect on women.

I was struck that the men in the room sounded just like sports fans. They even shouted the same thing—"Go, go, go, go!"—as the girls pulled off their clothes. Judging from the primitive noises, sports must reach as deeply into the male psyche as sex.

Of all American professional sports games, the Super Bowl is the most hysterical, gaudy, and drenched in money. People actually think part of the fun is being able to talk about the *commercials* the next day. The Super Bowl is certainly the most pretentious game in American sports. The pre-game and half-time shows are as gussied up with patriotic bunting as a political convention. The promoters and commentators act as if it's our *patriotic duty* to watch their silly game.

But maybe they're right. Super Bowl Sunday might as well be a national holiday. Americans celebrate it almost as earnestly as Christmas or Thanksgiving, and with a lot more gusto than Memorial Day or Presidents' Day.

When is the nation more united than at the kickoff? Blacks and whites are sucked together down the Super Bowl's red gullet. It's an orgy of red-white-and-blue meaninglessness so powerful it could even turn Somalis and Guatemalans into Americans. Nothing else can.

So go ahead and join the crowd in front of the TV set on February first. When you get up four hours later ask yourself if you don't feel soiled. I'll be at a museum. I'll have the place to myself.

This article was published at AmericanThinker.com on January 31, 2015.

Белая магия Энтони Троллопа

НЕТ СЕКСА, НЕТ НАСИЛИЯ, НЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, НЕТ КОРАБЛЕЙ.

Трудно думать о поведении, которое является действительно исключительным для одной расы. Называть свою дочь Куанишу или оставлять свое имущество сыновьям ветеранов Конфедерации настолько близко, насколько я могу себе представить, но есть и другие, которые не за горами: иметь 30 детей из 11 женщин, добровольцев для Красного Креста или жить под мост после карьеры в НФЛ. Некоторые вещи кажутся наиболее существенными.

Когда я прочитал последние несколько страниц «*Барчестер Тауэрс*», мне пришло в голову, что вкус к Энтони Троллопу - это что-то еще, что посылает почти безошибочный расовый сигнал. Вы можете добавить «читает Trollore» в профиль людей, с которыми вы хотели бы встретиться через службу знакомств, и вам не нужно было бы указывать расу. Если в Детройте все еще есть публичные библиотеки, могу поспорить, что тома Trollore никогда не покинут полки.

Троллоп - один из моих любимых авторов - я прочитал дюжину его романов - но, вероятно, даже в глазах большинства белых он мало что может ему порекомендовать. В *Барчестер Тауэрс* нет секса. Нет насилия - за исключением женщины, которая закрывает ухо человека, который забывает о себе настолько, что обнимает ее за талию. Здесь нет автомобильной погони - машины не были изобретены - нет кораблекрушений, похищений, ошибочных опознаний, нет больших государственных дел, на самом деле, ничего такого, что могло бы вызвать *волнение* по современным стандартам.

Barchester Towers - это история церковной политики 19-го века, расположенная в вымышленном британском соборе города Барчестер. Большинство персонажей - кураты, капелланы, архидьяконы, епископы, второстепенные каноны, деканы, пребендеры и их семьи. Я не знаю, как можно было бы заставить роман звучать скучнее. Но Троллоп был гением, который наполнил свои истории тонко прорисованными личностями, чьи страсти, безрассудства, триумфы и слабости столь же яркие, как и все в литературе.

The White Magic of Anthony Trollope

NO SEX, NO VIOLENCE, NO ABDUCTIONS,
NO SHIPWRECKS.

It is hard to think of behavior that is genuinely exclusive to one race. Naming one's daughter Quaneesha or leaving one's estate to the Sons of Confederate Veterans are as close as anything I can think of, but there are others that are not far off: having 30 children by 11 women, volunteering for the Red Cross, or living under a bridge after a career with the NFL. Certain things just seem quintessential.

It occurred to me, as I read the last few pages of *Barchester Towers*, that a taste for Anthony Trollope is something else that sends an almost unerring racial signal. You could add "reads Trollope" to the profile of people you would like to meet through a dating service, and you wouldn't have to specify race. If Detroit still has public libraries, I bet the Trollope volumes never leave the shelves.

Trollope is one of my favorite authors—I have read a dozen of his novels—but probably even in the eyes of most whites he has little to recommend him. In *Barchester Towers* there is no sex. There is no violence—with the exception of a lady who boxes the ear of a man who forgets himself so far as to put his arm around her waist. There are no car chases—cars had not been invented—no shipwrecks, no abductions, no mistaken identities, no great matters of state, in fact, nothing that would make for *excitement* by contemporary standards.

Barchester Towers is a story of 19th-century church politics, set in the fictional British cathedral town of Barchester. Most of the characters are curates, chaplains, archdeacons, bishops, minor canons, deans, prebendaries, and their families. I don't know how it would be possible to make a novel sound more boring. But Trollope was a genius, who filled his stories with finely drawn personalities whose passions and follies and triumphs and weaknesses are as vivid as anything in literature. Within the unpromising limits of rural

В бесперспективных пределах сельской Англии он изобретает драматическую драму, которая тем более неотразима, потому что его герои *такие* обычные. Иногда он вводит людей в невероятные исправления, но это только дает ему больший диапазон эмоций для изображения. Читать один из его романов - значит исследовать человеческий разум с одним из великих стилистов английского языка.

Троллоп писал предложениями, которые иногда длинные, но всегда хорошо продуманные. Он делает классические намеки. Он ожидает, что его читатели будут наслаждаться языком так же сильно, как и он, и не будут бояться античных и необычных фраз. Другими словами, люди, которые вынуждены читать его прежде, чем они станут достаточно взрослыми, чтобы понять его, ненавидят его так же, как они ненавидят Шекспира или Диккенса, но для тех, кто обнаруживает его, когда они готовы, он - чистая радость.

Я сэкономил в своем описании *Барчестер Тауэрс*. Это касается церковной политики, но также и любви. За некоторыми исключениями, романы Тролл-Лопе следуют по крайней мере одной паре к моменту объявления, но всегда есть загвоздки, и женщина с такой же вероятностью отвергнет своего жениха, как и его примет.

Я не знаю, почему рецензенты романов так редко позволяют роману говорить за себя, но «*Барчестер Тауэрс*» стоит цитировать почти случайно. Вот душевное состояние 40-летнего прелата, который познакомился с приятной молодой вдовой:

Он, как обычно, задавал себе очень много вопросов и давал себе очень много ответов; и результатом этого было то, что он опустил на задницу. Он решил, что он слишком стар и слишком ржав, чтобы начинать заниматься любовью; что он позволил времени ускользнуть через его руки, которые должны были быть использованы для таких целей; и что теперь он должен лечь на кровать, как он это сделал. Затем он спросил себя, действительно ли он любил эту женщину; и он ответил себе, не без долгой борьбы, но, по крайней мере, честно, что он, безусловно, любил ее. , , Он также решил, что Элеонора не заботится о нем. Затем он решил больше не думать о ней и продолжал думать о ней, пока он не был почти в состоянии утопиться в маленьком ручье, которое бежало у основания архидиакона.

England, he invents high drama that is all the more compelling because his characters *are* so ordinary. He sometimes gets people into improbable fixes, but this only gives him a greater range of emotions to depict. To read one of his novels is to take a tour of the human mind, with one of the English language's great stylists as your guide.

Trollope wrote in sentences that are sometimes long but always well crafted. He makes classical allusions. He expects his readers to enjoy language as much as he does, and to be unafraid of antique and unusual turns of phrase. In other words, people who are forced to read him before they are old enough to understand him hate him just as they hate Shakespeare or Dickens, but for those who discover him when they are ready, he is pure joy.

I skimmed in my description of *Barchester Towers*. It is about church politics, but it is also about love. With few exceptions, Trollope's novels follow at least one couple to the point of a declaration, but there are always snags, and the lady is as likely to spurn her suitor as she is to accept him.

I don't know why reviewers of novels so seldom let the novel speak for itself, but *Barchester Towers* is worth quoting almost at random. Here is the state of mind of a 40-year-old prelate, who has become acquainted with an agreeable young widow:

He had, as was his wont, asked himself a great many questions, and given himself a great many answers; and the upshot of this was that he had set himself down for an ass. He had determined that he was much too old and much too rusty to commence the manoeuvres of love-making; that he had let the time slip through his hands which should have been used for such purposes; and that now he must lie on his bed as he had made it. Then he asked himself whether in truth he did love this woman; and he answered himself, not without a long struggle, but at least honestly, that he certainly did love her. . . . He also decided that Eleanor did not care a straw for him. Then he made up his mind not to think of her any more, and went on thinking of her till he was almost in a state to drown himself in the little brook which ran at the bottom of the archdeacon's grounds.

И вот грозная синьора Нерони, восхитительно красивая, но замужняя женщина и калека, которая должна провести свою жизнь на диване. Она очаровывает всех мужчин, которые встречают ее, включая несчастного мистера Слоупа:

Что касается синьоры. , , она заботилась о мистере Слоупе не больше, чем о двадцати других, которые были у ее ног до него. Она охотно, с жадностью, приняла его дань уважения. Он был лучшей мухой, которую Барчестер до сих пор предоставлял ее паутине; а синьора была могучим пауком, который делал поразительные паутины и никак не мог жить без ловли мух. Ее вкус в этом отношении был отвратительным, потому что она не использовала жертв, когда их поймали. Она не могла есть их по-брачно, как молодые мухи, чьи ткани чаще всего соткали матери. И при этом она не могла пожрать их любимым побегом менее законного описания. К сожалению, ее несчастье лишило ее всякой надежды жить с любовником. Было бы невозможно сбежать с женщиной, которой требовалось три слуги, чтобы убрать ее с дивана. , , ,

Мистер Слоуп был безумно влюблен, но едва знал об этом. Синьора плюнула ему, как мальчик делает жук на пробке, чтобы она могла насладиться энергичной агонией его вращений. И она очень хорошо знала, что она делает.

Излишне говорить, что дамам не нравится синьора, а миссис Прауд, то есть жена епископа, даже не оставляет своих чувств в надежде на реформу:

Ее неприязнь к синьоре Нерони была слишком глубокой, чтобы признать, что она даже надеется, что эта дама увидит ошибку своих путей. Миссис Прауди смотрела на синьору как на одного из погибших - одного из тех, кто был вне досягаемости христианской благотворительности, и поэтому мог наслаждаться роскошью ненавидеть ее, не имея недостатка в том, чтобы в конечном итоге желать ей полного избавления от ее грехов.

Подобные предложения не были написаны для скорочтения, но они полны развлечений для тех, кто находит время, чтобы их найти. Некоторым людям нравится этот вид письма, а другим нет. Некоторые люди любят оперу, а некоторые нет. Но я думаю, что трудно любить Энтони Троллопа и не быть белым.

Конечно, это вряд ли уникально для Троллопа.

And here is the redoubtable Signora Neroni, ravishingly beautiful, but a married woman and a cripple who must spend her life on a couch. She fascinates all men who meet her, including the unfortunate Mr. Slope:

As for the signora . . . she cared no more for Mr. Slope than she did for twenty others who had been at her feet before him. She willingly, nay greedily, accepted his homage. He was the finest fly that Barchester had hitherto afforded to her web; and the signora was a powerful spider that made wondrous webs, and could in no way live without catching flies. Her taste in this respect was abominable, for she had no use for the victims when caught. She could not eat them matrimonially as young lady-flies do whose webs are most frequently of their mothers weaving. Nor could she devour them by any escapade of a less legitimate description. Her unfortunate affliction precluded her from all hope of levanting with a lover. It would be impossible to run away with a lady who required three servants to move her from a sofa. . . .

Mr. Slope was madly in love, but hardly knew it. The signora spitted him, as a boy does a cockchafer on a cork, that she might enjoy the energetic agony of his gyrations. And she knew very well what she was doing.

Needless to say, ladies do not like the signora, and Mrs. Proudie, the bishop's wife, does not even leaven her feelings with any hope of reform:

Her dislike of Signora Neroni was too deep to admit of her even hoping that that lady should see the error of her ways. Mrs. Proudie looked on the signora as one of the lost—one of those beyond the reach of Christian charity, and was therefore able to enjoy the luxury of hating her, without the drawback of wishing her eventually well out of her sins.

Sentences like these were not written for speed reading, but they are full of entertainment for those who take the time to find it. Some people like this kind of writing and some don't. Some people like opera and some don't. But I think it is hard to like Anthony Trollope and not be white.

This is hardly unique to Trollope, of course. All the great au-

Все великие авторы западной литературы - а некоторые критики даже не причисляют Тrolлопа к действительно великим - имеют одинаково тонкое понимание человеческой природы и предъявляют одинаковые требования к читателям. Они обращаются к чувствительности, которая не только полностью взрослая, но и взрослая в смысле, совершенно европейском. Я полагаю, что должно быть несколько французованных сенегальцев, которые для удовольствия читают «Стендаль», но воображение требует усилий воображения.

И это, конечно, одна из причин изменения учебных программ. Латиноамериканцы и негры не видят смысла в том, чтобы читать Толстого или изучать итальянский язык, и по мере того, как их доля населения увеличивается, колледжи и средние школы перестанут пытаться заставить даже белых заниматься этими вещами. И некоторые несчастные белые, которых учили думать, что Алиса Уолкер и Ригоберта Менчу - великие писатели, никогда не узнают, что такое великое написание.

Я не говорю, что вы должны читать Энтони Тrolлоп, чтобы быть по-настоящему белым; отнюдь не. Но те, кто еще не читал его, имеют опыт, который, я считаю, типично белый.

Статья была опубликована на AmRep.com 25 мая 2012 года под названием «Типично белый».

thors of Western literature—and some critics do not even rank Trollope among the really great—have the same subtle understanding of human nature and make the same demands on readers. They appeal to a sensibility that is not only thoroughly adult, but adult in a way that is thoroughly European. I suppose there must be a few Frenchified Senegalese who read Stendahl for pleasure, but it takes an effort of the imagination to conjure one up.

And this, of course, is one of the reasons why curricula are changing. Hispanics and blacks do not see the point of reading Tolstoy or studying Italian, and as their share of the population increases, colleges and high schools will give up trying to get even whites to do these things. And some unfortunate whites who have been taught to think that Alice Walker and Rigoberta Menchu are great writers will never discover what great writing really is.

I am not saying that you have to read Antony Trollope to be genuinely white; far from it. But those who have not yet read him have in store an experience that is, I believe, quintessentially white.

The article was published at AmRen.com on May 25, 2012, under the title “Quintessentially White.”

Разглашение языка

ГЕНДЕР НЕ СЕКС.

Вчера я остановился у методистской церкви, где проводилась благотворительная рождественская распродажа. Один человек сказал мне, что распродажа закончилась, и пожелал мне счастливых праздников.

«Разве вы не имеете в виду «Счастливого Рождества»? Я попросил.

Да, это тот сезон, в который мы должны пощадить чувствительность евреев, а теперь, я полагаю, и индуистов, и буддистов, и атеистов, понизив Рождество до очередного «праздника». Даже люди, которые продают рождественские елки в церквях, не смеют произносить оскорбительные слова.

Рождество не было полностью уничтожено, все же. Конечно, проповедник из-за безопасности своей кафедры заставит себя пожелать своему собранию счастливого Рождества. Гораздо больший урон языку был нанесен заменой слова «пол» словом «пол».

Во-первых, давайте прямо скажем: у людей нет пола; у нас есть секс - до недавнего времени только по одному. Пол - это грамматический термин, используемый в таких языках, как французский и испанский, для описания различий между мужскими и женскими словами. Примерами являются *La Grande Fille* и *Le Grand Garcon*. В английском есть пол в таких словах, как официант / официантка и актер / актриса.

В прошлом писатели иногда использовали «пол», чтобы избежать необходимости повторять слово «секс», как в этом предложении из письма, написанного леди Мэри Монтею в 1723 году: «Честно говоря, я никогда не пользовался большим уважением для прекрасного пола, и мое единственное утешение в том, что я принадлежал к этому полу, - это заверение, которое я дал мне, никогда не женившись ни на одном из них».

Лишь в 1960-х годах феминистки изобрели слово «пол» как полную замену секса, но Д.Г.Лоуренс невольно подтолкнул вещи в этом направлении еще в 1929 году. Он был первым зарегистрированным использованием слова «секс» в качестве эвфемизм для полового акта, а не для обозначения того, что отличает мужчин от женщин. Выражение «заниматься сексом» должно означать, что у вида, в отличие от амебы, есть пол.

Unsexing the Language

GENDER IS NOT SEX.

Yesterday I stopped by a Methodist church that was having a charity Christmas-tree sale. A man told me the sale was over for the day and then wished me “Happy Holidays.”

“Don’t you mean ‘Merry Christmas?’” I asked.

Yes, this is the season in which we must spare the sensitivities of Jews—and now Hindus and Buddhists and atheists, I suppose—by downgrading Christmas to just another “holiday.” Even people who sell Christmas trees at churches don’t dare utter the offensive word.

Christmas has not been completely rubbed out, though. Surely the preacher, from the safety of his pulpit, will bring himself to wish his congregation a Merry Christmas. Far greater damage to the language has been done by replacing “sex” with “gender.”

First, let’s get one thing straight: Humans don’t have a gender; we have a sex—until recently, just one each. Gender is a grammatical term used in languages such as French and Spanish to describe the differences between masculine and feminine words. Examples are *la grande fille* and *le grand garçon*. English has gender in such words as waiter/waitress and actor/actress.

In the past, writers occasionally used “gender” in order to avoid having to repeat the word “sex,” as in this sentence from a letter written by Lady Mary Montagu in 1723: “To say truth, I have never had any great esteem for the fair sex, and my only consolation for being of that gender has been the assurance it gave me of never being married to any one among them.”

It wasn’t until the 1960s that feminists cranked up the word “gender” as a complete replacement for sex, but D. H. Lawrence unwittingly pushed things in that direction back in 1929. His was the first recorded use of the word “sex” as a euphemism for coitus rather than to mean what distinguishes men from women. The expression “to have sex” should mean that a species—unlike the amoeba—has sexes. Its current usage is absurd—and completely

Его нынешнее использование абсурдно и совершенно не нужно. У нашего языка есть много вежливых слов для акта - половой акт, совокупление, общение, ругирование, конгресс - и даже ситуативные уточнения, такие как прелюбодеяние и блуд. Невежливые варианты бесконечны. Но благодаря Д.Х.Лоуренсу даже фильмы или книги могут «иметь много секса» в них, когда до его времени они могли быть непристойными, похотливыми, смачивающими, непристойными, шероховатыми или рискованными.

Как только секс перестал быть просто клиническим различием и стал означать совокупление, феминистки увидели возможность для подрывной деятельности. Теперь «пол» означает, что все гнетущее общество грузоперевозок ложится на женщин, и это мешает им играть естественную роль математиков и борцов за призы и заставляет их хотеть иметь детей. «Гендер» работает так же, как «раса как социальный конструкт». Расы, говорят нам левши, это социологическая оптическая иллюзия, которая не имеет ничего общего с биологией. Мы можем думать, что есть расовые различия, но это все в наших умах.

Это именно то, что феминистки хотели, чтобы мы думали о сексе. «Пол» означает «секс как социальный конструкт». Ничто не является фиксированным или нормальным. Биологический секс - это такое же заблуждение, как и биологическая раса. Только жестокий обычай превращает мужчин в солдат, а женщин в медсестер. В мире гендера то, что мы привыкли считать половыми различиями, является произвольным соглашением, если не мерзким угнетением. «Пол» - это слово, которое левые вытащили из книги по грамматике и одели в причудливую идеологическую одежду как часть атаки на здравый смысл.

До сих пор никто не придумал слова, которое означает «раса как социальный конструкт». Я предлагаю "сделать". Достаточно смешно обращаться к левшам.

Но феминистки были слишком успешны с «полом». Это стало настолько распространенным, что оно начало терять идеологическое преимущество и стало означать просто, ну, в общем, секс. Формы теперь спрашивают о вашем «поле» - и дело не в том, чтобы помешать шутникам, которые привыкли писать «как можно чаще».

К сожалению, феминистки нанесли еще больший ущерб: они заставили нас нарушить один из основных законов грамматики. Это особенность английского языка в том, что мы используем единственное местоимение «он» и притяжательное «его», когда пол субъекта не указан, как в «У каждого студента есть свой письменный стол».

unnecessary. Our language has plenty of polite words for the act—coitus, copulation, intercourse, rutting, congress—and even situational refinements such as adultery and fornication. The impolite variants are endless. But thanks to D. H. Lawrence, even movies or books can now “have lots of sex” in them, when before his time they might have been lewd, lascivious, lubricious, salacious, scabrous, or risqué.

Once sex ceased to be merely a clinical distinction and began to mean copulation, feminists saw an opening for subversion. Now, “gender” means all the oppressive freight society loads onto women and that keeps them from their natural roles as mathematicians and prize fighters, and makes them want to have babies. “Gender” works the way “race as a social construct” works. Race, the lefties tell us, is a sociological optical illusion that has nothing to do with biology. We may think there are racial differences, but it’s all in our minds.

That’s exactly what feminists wanted us to think about sex. “Gender” means “sex as a social construct.” Nothing is fixed or normal. Biological sex is just as much a delusion as biological race. It’s only brutish custom that makes men into soldiers and women into nurses. In the world of gender, what we used to think of as sex differences is arbitrary convention, if not vile oppression. “Gender” is the word the left dragged out of a grammar book and dressed up in fancy ideological clothes as part of this attack on common sense.

So far, no one has come up with a word that means “race as a social construct.” I suggest “render.” It’s ridiculous enough to appeal to lefties.

But the feminists were too successful with “gender.” It became so common it began to lose its ideological edge and started to mean just, well, sex. Forms now ask for your “gender”—and it’s not to thwart the jokers who used to write in “as often as possible.”

Unfortunately, the feminists have done what may be even greater damage: They have bullied us into breaking one of the basic laws of grammar. It is a peculiarity of English that we use the singular pronoun “he” and the possessive “his” when the subject’s sex is unspecified, as in “Each student has his own desk.” Students

Студенты могут быть мальчиками или девочками, но у каждого есть письменный стол. Феминистки не могут этого вынести. Они утверждают, что «его» исключает половину населения, но это абсурд. Кто-нибудь думал, что «Тот, кто колеблется, потерян» не относится к женщинам? Или что только люди будут жить в рабочем раю «От каждого по его способностям, каждому по его потребностям»?

Американцы были запуганы либо неуклюжими словами «его или ее», либо неграмотными «своими», как в «У каждого студента есть свой письменный стол». «Их» жалко, жалко неправильно. Это *множественное* притяжательное, как в «Четвероклассники покинули свой класс». Однако, когда Twitter хочет, чтобы вы узнали больше о ком-то, он с жадностью предлагает: «Просмотреть его профиль».

Наш язык полон слов, которые были добавлены в него для чисто политических целей. «Бездомный» один. Когда-то в 1970-х годах бомжи и вино получили повышение по службе и стали «бездомными», как будто торнадо выровняли их дома в пригороде.

Этот вид подрывной деятельности происходит только слева. Каждое изменение - это крошечная попытка отравить чей-то разум - если не ваш, то ваши дети. Сегодня многие молодые люди были бы удивлены, когда им сказали, что «каждый студент должен делать свою домашнюю работу» так же неправильно, как «они идут домой».

Каждый день левые взламывают язык. Бой в ответ. Гордо используйте такие предложения, как «Так как человек млекопитающее, он сосет своих детенышей».

А тем временем, с Рождеством. Или я должен сказать "Мэри Рождество"? В конце концов, она сделала всю работу, не так ли?

Эта статья была опубликована на Takimag.com 19 декабря 2012 года.

can be boys or girls, but each has a desk. Feminists can't stand this. They claim that "his" excludes half the population, but this is absurd. Did anyone ever think that "He who hesitates is lost" doesn't apply to women? Or that only men would be living in the workers' paradise of "From each according to his ability, to each according to his need"?

Americans have been browbeaten into either the clumsy "his or her" or the ungrammatical "their," as in "Each student has their own desk." "Their" is pathetically, miserably wrong. It is the *plural* possessive, as in "The fourth-graders left their classroom." However, when Twitter wants you to find out more about someone, it cravenly suggests, "View their profile."

Our language is full of words that have been slipped into it for baldly political purposes. "Homeless" is one. Sometime in the 1970s, bums and winos got a promotion and became "the homeless," as if their trim houses in the suburbs had been leveled by tornadoes.

This kind of subversion comes only from the left. Every change is a tiny attempt to poison someone's mind—if not yours then your children's. Today, plenty of young people would be astonished to be told that "Every student should do their homework" is as wrong as "They goes home."

Every day, the left is hacking away at the language. Fight back. Proudly use such sentences as "Since man is a mammal, he suckles his young."

And in the meantime, Merry Christmas. Or should I say "Mary Christmas"? After all, she did all the work, didn't she?

This article was published at Takimag.com on December 19, 2012.

150 лет спустя после форта Самтер

БУДЕТ ЛИ СЕКЦИЯ СЕГОДНЯ?

Сегодня, 150 лет назад, в 4:30 утра 12 апреля 1861 года, силы Конфедерации открыли огонь по Форту Самтер.

Мой прапрадедушка, Уильям Робертсон Боггс, был инженером, который помогал подготовить огневые точки в Форте Молтри, которые вели самый тяжелый огонь. Все мои предки по обе стороны моей семьи были конфедератами, поэтому моя родословная настолько южна, насколько это возможно. Что это значит через 146 лет после Аппоматтокса?

Американцы, как известно, не знают истории, и прошлое всегда отстывает, но не для многих южан «The Waw» и его последствия никогда не бывают далеко ниже поверхности. Уильям Фолкнер, как известно, сказал: «Прошлое никогда не бывает мертвым. Это даже не прошлое». Это звучит правдоподобно только для южан (за исключением, возможно, нескольких браминов, произошедших от Мэйфлауэр). Действительно, некоторые южане все еще мечтают о собственной независимой нации. С 1994 года организация под названием Лига Юга пыталась подготовиться к независимости, хотя ее лидеры - вдумчивые и уважаемые люди - признают, что это время еще не пришло.

Это когда-нибудь придет? Есть огромные препятствия. Юг наполняется янки и мексиканцы, для которых идея южной нации не имеет смысла. Черные отступают с севера, и для них южная нация хуже, чем бессмысленная: это анафема. Южные националисты представляют себе мягкое и романтическое возрождение Конфедерации с боевыми флагами, рыцарством и консервативным христианством; но для многих американцев не может быть никакого доброго пробуждения. Они не могут отделить Конфедерацию от рабства. И любая цель, даже с малейшим вторым, незаслуженным привкусом рабства, находится в глубоком, возможно, фатальном, недостатке.

Я уверен, что ни один человек, который мечтает о независимом Юге, не имеет ни малейшего желания восстановить рабство. Но это не имеет значения. Любое южное движение за суверенитет, в котором даже упоминаются Ли и Джексон или напеваает «Дикси», автоматически подозревается.

150 Years after Fort Sumter

WOULD SECESSION SUCCEED TODAY?

150 years ago tonight—at 4:30 a.m. on April 12, 1861—Confederate forces opened fire on Fort Sumter.

My great-great-grandfather, William Robertson Boggs, was an engineer who helped prepare the gun emplacements at Fort Moultrie, which delivered the heaviest fire. All my ancestors on both sides of my family were Confederates, so my lineage is about as Southern as it could be. What does any of that mean 146 years after Appomattox?

Americans are famously ignorant of history, and the past is always receding—but for not a few Southerners “The Waw” and its consequences are never far below the surface. William Faulkner famously said: “The past is never dead. It’s not even past.” This rings true only for Southerners (except perhaps for a few Mayflower-descended Brahmins). Indeed, some Southerners still dream of an independent nation of their own. Since 1994, an organization called the League of the South has tried to prepare for independence, though its leaders—thoughtful and honorable men—concede that that time has not yet come.

Will it ever come? There are enormous obstacles. The South is filling up with Yankees and Mexicans for whom the idea of a Southern nation is meaningless. Blacks are moving back from the North, and for them, a Southern nation is worse than meaningless: it is anathema. Southern nationalists imagine a benign and romantic revival of the Confederacy, with battle flags, chivalry, and conservative Christianity; but for many Americans, there can be no benign revival. They cannot separate the Confederacy from slavery. And any goal with even the slightest, second-hand, undeserved taint of slavery is at a deep, probably fatal, disadvantage.

I am confident that not one person who dreams of an independent South has the slightest desire to reinstitute slavery. But that doesn’t matter. Any Southern sovereignty movement that even mentions Lee and Jackson or hums “Dixie” is automatically

А какое движение за независимость юга может быть без Ли, Джексона и «Дикси»?

Не имеет значения, что рабство процветало под звездами и полосами гораздо дольше, чем под звездами и полосами. Не имеет значения, что Линкольн не использовал черных и хотел, чтобы они покинули страну. Конфедерация и весь Юг были пригвождены к кресту рабства, но эти препятствия могут быть преодолены яростно решительными людьми.

Что-то более серьезное сдерживает южный национализм: его поддержка почти полностью ограничена людьми, исповедующими определенный вид политики, тогда как национальные движения должны быть вне политики. Независимый Юг будет нуждаться в поддержке людей, которые могут не быть консервативными, которые могут не подозревать о большом правительстве, которые могут не быть христианами, которые могут не выступать против брака для гомосексуалистов, но которые все еще преданы Югу. Корни южной нации должны были бы распространяться широко, а не только глубоко.

Возьмите, по общему признанию, ненаучный образец моей святой матери. Родившаяся в 1922 году, она считала, что южане отличались от янки, и была благодарна, что родилась южанкой. Она поднялась, когда играли в «Дикси», и смотрела кинжалы на всех, кто этого не делал. Она отвернулась от «Боевого Гимна Республики». Когда Джимми Картер был избран - после кампании, в которой демократические радиопередачи по всему Югу фактически показывали «Дикси», как бы это ни звучало сейчас, - она подумала, что в конце концов было замечательно иметь президента, который не говорил с акцентом.

Она жила в Массачусетсе в течение года и любила ездить по сельской местности Новой Англии. Она не знала, что делать с памятниками погибшим в Союзе, которые есть практически на каждой городской площади, пока не придумала хороший, южный способ думать о них: как о памятниках меткой стрельбе Конфедерации.

И все же моя мама не была бы частью сегодняшнего южного национализма. Она была профессиональным социальным работником и социалистом Нормана Томаса. Она была ранней защитницей женщин и боролась за права геев. Она поверила в искупительную власть правительства и пошла к ее могиле преданным либералом.

suspect. And what Southern independence movement can there be without Lee, Jackson, and “Dixie”?

It makes no difference that slavery flourished under the Stars and Stripes for far longer than it did under the Stars and Bars. It makes no difference that Lincoln had no use for blacks and wanted them out of the country. The Confederacy and the entire South have been nailed to the cross of slavery—but these obstacles could be overcome by fiercely determined people.

Something more serious holds back Southern nationalism: Its support is limited almost entirely to people who profess a certain kind of politics, whereas national movements must be beyond politics. An independent South would need the support of people who may not be conservative, who may not be suspicious of big government, who may not be Christian, who may not oppose marriage for homosexuals, but who are still devoted to the South. The roots of a Southern nation would have to spread widely and not just sink deep.

Take the admittedly unscientific sample of my sainted mother. Born in 1922, she believed Southerners were different from Yankees, and was thankful to have been born a Southerner. She rose when “Dixie” was played and looked daggers at anyone who did not. She turned her back on “The Battle Hymn of the Republic.” When Jimmy Carter was elected—after a campaign in which Democratic radio ads throughout the South actually featured “Dixie,” incredible as that may now sound—she thought it was wonderful finally to have a President who did not speak with an accent.

She lived in Massachusetts for a year, and loved to drive through the New England countryside. She didn’t know what to make of the monuments to the Union dead that are in virtually every town square, until she came up with a good, Southern way to think about of them: as monuments to Confederate marksmanship.

And yet, my mother would not be part of today’s Southern nationalism. She was a professional social worker and a Norman Thomas socialist. She was an early champion of women’s liberation, and campaigned for gay rights. She believed in the redemptive

Моя мать любила Юг, потому что она выросла из этой красной грязи, потому что это была земля, которая сформировала ее. Она была южной, потому что она родилась южной. Конфедерация была частью ее большой семьи - и что бы ни делала южная леди, она любит и защищает свою семью.

Но сегодня, сколько южан чувствуют, что она думала о Юге, если они также не очень консервативны? Дело Юга должно быть в политическом центре, а не на краю.

Позвольте мне прояснить: я не виню сегодняшних южных националистов за их политические взгляды, многие из которых я разделяю. Я только указываю на то, что широко распространенный южный патриотизм, частью которого была моя мать, исчез. Сегодня не так много южных националистов, которые бы боролись за права геев или расширили бы государство всеобщего благосостояния.

Пятьдесят лет назад исполнилось 100 лет со дня обстрела форта Самтер. В 1961 году я учился в четвертом классе в Ричмонде, штат Вирджиния, а мой учитель, Бела Аутло, был откровенным южным патриотом. Мы никогда не говорили в ее классе о «гражданской войне», а о «войне между штатами», потому что, как она объяснила, наша была битвой за независимость, а не битвой за того, кто сидел в Белом доме. Она учила нас, что отделение было в традиции американской революции, которая была отделением от Англии, и что Джордж Вашингтон находится на Большой печати Конфедерации, потому что наши предки полагали, что они действовали от его имени. Она научила нас, что 9-я и 10-я поправки не могут быть истолкованы как запрещающие отделение, и что наши предки были юридически и морально правы.

Все мои одноклассники были верными конфедератами. «Янки» был термином презрения. Боевой Флаг был нашим символом храбрости и преданности. В тот год я накопил свое скудное пособие и купил две подлинные банкноты Конфедерации за 20 долларов. Я был рад представить, чьи руки могли коснуться этих священных реликвий.

Пятьдесят лет спустя, после принудительного исполнения дела *Браун против Совета*, я подозреваю, что сегодняшние четвероклассники Ричмонда уже не такие Конфедеративные, как мой класс. Я уверен, что их учителя не такие конфедераты, как Бела вне закона.

power of government, and went to her grave a committed liberal.

My mother loved the South because she grew out of that red dirt, because that was the land that formed her. She was Southern because she was born Southern. The Confederacy was part of her extended family—and whatever a Southern lady does, she loves and defends her family.

But today, how many Southerners feel as she did about the South *unless* they also are deeply conservative? The cause of the South must be at the political center, not the fringe.

Let me be clear: I am not blaming today's Southern nationalists for their political opinions, many of which I share. I am pointing out only that the broadly-based Southern patriotism of which my mother was a part is gone. There are not many Southern nationalists today who would march for gay rights or would expand the welfare state.

Fifty years ago was the 100th anniversary of firing on Fort Sumter. In 1961, I was a fourth grader in Richmond, Virginia, and my teacher, Bela Outlaw, was an outspoken Southern patriot. We were never to talk in her class of the "Civil War" but of the "War between the States" because, as she explained, ours had been a battle for independence, not a fight over who sat in the White House. She taught us that secession was in the tradition of the American Revolution—which was secession from England—and that George Washington is on the Great Seal of the Confederacy because our ancestors believed they were acting in his name. She taught us that the 9th and 10th Amendments cannot be read as prohibiting secession, and that our ancestors were legally and morally right.

All my classmates were staunch Confederates. "Yankee" was a term of contempt. The Battle Flag was our symbol of bravery and devotion. That year, I saved up my meager allowance and bought two genuine Confederate \$20 bank notes. I thrilled to imagine whose hands might have touched those sacred relics.

Fifty years later, after the enforcement of *Brown v. Board*, I suspect today's Richmond fourth graders are not as Confederate as my class was. I'm certain their teachers are not as Confederate as Bela Outlaw was.

И все же мисс Аутло не была консерватором. Ходили слухи, что чернокожие дети могут прийти в нашу полностью белую школу, и у нее тоже были твердые взгляды на это. Она сказала, что будет относиться к темнокожим детям точно так же, как она относилась к нам, и, нравится нам это или нет, нам лучше поступить так же.

Я не знаю о моих одноклассниках, но я остаюсь сочувствующим отделению. Я был бы рад увидеть независимый Юг - или независимый Вермонт, или Техас, или Каскадию. Я приветствовал распад Советского Союза, потому что он означал независимую родину, а также потому, что он сигнализировал о смерти коммунизма. Сегодня я болею за чеченцев против русских, южных суданцев против арабов, курдов против турок, фламандцев против валлонов, квебекцев против Оттавы. Мужчинам нужны родины, которые ознаменовывают их наследие и обеспечивают его выживание.

Но когда чехи и словаки мирно отделились друг от друга, это было потому, что миллионы людей были сначала чешскими или словацкими националистами, а многие разные вещи - вторыми. Они откладывают все другие разногласия во имя нации.

У американского Юга теперь нет такого же широкого национального пылу, и те немногие искры южного патриотизма, которые остаются, задушены пришельцами, которые равнодушны или враждебны к Югу.

Оглядываясь назад на 150 лет, я поражен тем, насколько раздражительным тогда было федеральное правительство. Почти единственная щетка с Вашингтоном, которую большинство американцев когда-либо имели, покупала почтовые марки в почтовом отделении. Федералы никогда не мечтали сказать вам, кого вы должны были нанять, что вы могли бы положить в свою еду или сколько выходных вы должны были оказать помощь. Ни одному американцу не приходилось отчитываться перед Вашингтоном за каждую заработанную копейку, а затем отдавать большую часть своего дохода. Даже Людовик XIV или Иван Грозный не осуществляли такую тиранию. Жители Иллинойса и Висконсина проголосовали бы за отделение, прежде чем Южная Каролина сделала бы, если бы они жили в тисках сегодняшнего центрального правительства.

И все же, ирония в том, что наша чумная бюрократия не имеет ничего общего с решимостью, с которой правительство Линкольна воевало на войне.

And yet Miss Outlaw was not a conservative. There were rumors that black children might be coming to our all-white school, and she had firm views about that, too. She said she would treat black children exactly as she treated us, and, like it or not, we had better do the same.

I don't know about my class-mates but I remain sympathetic to secession. I would be glad to see an independent South—or an independent Vermont or Texas or Cascadia. I applauded the disintegration of the Soviet Union, as much because it meant independent homelands as because it signaled the death of Communism. Today, I root for the Chechens against the Russians, the South Sudanese against the Arabs, the Kurds against the Turks, the Flemings against the Walloons, the Quebeckers against Ottawa. Men need homelands that are *theirs*, that commemorate their heritage and ensure its survival.

But when the Czechs and the Slovaks peacefully seceded from each other, it was because millions of people were Czech or Slovak nationalists first, and many different things second. They set aside all other disagreements in the name of nation.

The American South does not now have the same broad-based national fervor, and the few sparks of Southern patriotism that remain are smothered by newcomers who are indifferent or hostile to the South.

Looking back 150 years, I am struck by how remote an irritant the federal government then was. About the only brush with Washington most Americans ever had was buying stamps at the post office. The feds never dreamed of telling you whom you had to hire, what you could put in your food, or how many days off you had to give the help. No American had to account to Washington for every penny he earned and then hand over a big part of his income. Not even Louis XIV or Ivan the Terrible exercised that kind of tyranny. The people of Illinois and Wisconsin would have voted articles of secession before South Carolina did if they had lived in the grip of today's central government.

And yet, the irony is that our pestilential bureaucracy has nothing like the resolve with which Lincoln's government fought the

Страна, которая поет мантры о разнообразии и терпимости, понятия не имеет, что это такое. У него нет никакой идентичности, чтобы навязывать людям, которые знают, кто они, знают, чего они хотят, и готовы бороться за это.

Настоящая трагедия состоит в том, что южный национализм достиг вершины на 150 лет раньше. Я убежден, что если бы сегодня народы Юга или какого-либо штата были полны решимости отделиться, как это делали мои предки в 1860 и 1861 годах, федеральное правительство не убило бы их, чтобы оставить свои трупы в Союзе.

Независимость существует для любой группы, которая объединена в своей решимости взять ее.

Эта статья была опубликована на VDARE. кукуруза на 11 апреля 2011 года.

war. A country that chants mantras about diversity and tolerance has no idea what it even is. It has no identity to impose on people who know who they are, know what they want, and are prepared to fight for it.

The real tragedy is that Southern nationalism crested 150 years too soon. I am convinced that if, today, the people of the South—or of any state—were as determined to secede as my ancestors were in 1860 and 1861, the federal government would not now slaughter them to keep their corpses in the Union.

Independence is there for any group that is united in its determination to take it.

This article was published at VDARE.com on April 11, 2011.

Героическое Насилие

КОГДА БОРЬБА НАЧИНАЕТСЯ, ВАШИ ИНСТИНКТЫ МОГУТ удивить ВАС.

Все мальчики мечтают об актах героического насилия. К семи или восьми годам они спасли своих матерей от бесчисленных воображаемых злодеев, а по мере взросления они спасали других, еще более интересных женщин.

Беда в том, что для тех из нас, кто не зарабатывает на жизнь, имея оружие, возможности для героического насилия появляются не очень часто, и когда они придут, мы, вероятно, заглушим их. У меня было две такие возможности.

В первый раз я жил в изворотливой части Вашингтона. Однажды днем я услышал смущенные крики «останови его» и «вора» и молодого темнокожего мужчины, пробежавшего на расстоянии не более 20 футов. Я просто стоял и смотрел. Я стоял и смотрел, как белый парень бежал за ним. Не было никакого шанса, что бегун поймает его, и я подумал, что он, вероятно, просто притворяется.

Я пошел домой и размышлял. Я только что закончил колледж, где я был уважаемым четвертьмильцем, и я не мог понять, почему я не преследовал этого грабителя и не избивал его. Должно быть, это была внезапность и неожиданность, которые парализовали меня, но я ничего не сделал. Мне было стыдно, когда я об этом думал.

Примерно через пять лет у меня появился еще один шанс. Я выходил из универмага Macy's в Нью-Йорке с мамой с большой сумкой в каждой руке. Снова раздавались смешанные крики, и я увидел человека, бегущего из толпы. На этот раз я бросил сумки на тротуаре и сразу же пошел за ним. Он побежал вниз по лестнице на станцию метро, побежал по коридору и вышел через другой выход на улицу, которая была на удивление пустынной.

Должно быть, это из-за накопленного позора всех тех времен, когда я упрекал себя за то, что не поймал грабителя в Вашингтоне, но я был достаточно безумен, чтобы убить этого. К моему изумлению, я услышал, как я свирепую на него, проклиная его.

Heroic Violence

WHEN THE FIGHT STARTS, YOUR INSTINCTS
MAY SURPRISE YOU.

All boys dream of acts of heroic violence. By the age of seven or eight they have saved their mothers from countless imaginary villains, and as they get older they save other even more interesting females.

The trouble is that for those of us who do not make a living carrying a gun, opportunities for heroic violence don't come very often, and when they come we are likely to muff them. I have had two such opportunities.

The first time, I was living in a dodgy part of Washington, D.C. One afternoon, I heard confused cries of "stop him," and "thief," and a young black man sprinted by, not 20 feet away. I just stood and watched. I stood and watched as a white guy jogged after him. There was no chance the jogger would catch him, and I thought he was probably just pretending.

I went home and brooded. I was just out of college, where I had been a respectable quarter-miler, and I couldn't understand why I didn't chase down that robber and thrash him. It must have been the suddenness and the unexpectedness that paralyzed me, but I did nothing. I felt ashamed whenever I thought about it.

About five years later I got another chance. I was coming out of the Macy's department store in New York City with my mother, with a big shopping bag in each hand. Once again there were confused shouts, and I saw a man break out of a crowd at a run. This time, I dropped the bags on the sidewalk and went after him instantly. He ran down the stairs into a subway station, sprinted along a corridor, and out another exit onto a street that was surprisingly deserted.

It must have been because of the accumulated shame of all those times I had reproached myself for not catching the robber in Washington, but I was mad enough to kill this one. To my amazement, I heard myself raging at him, cursing him. It must have

Должно быть, это замедлило меня и предупредило его, что я преследую его, но я ничего не мог поделать. Я схватил человека, и он пошел лицом вниз. Я перевернул его и крикнул: «Что ты взял?»

Затем он сделал что-то, что спасло его от ужасного избиения. Он совершенно обмяк. Он положил голову обратно на тротуар, вытянул горло, поднял руки за голову и широко открыл их. У него было золотое ожерелье, которое он позволил мне взять без сопротивления.

С тех пор я восхищался этим много раз, но в течение, возможно, секунды, вся моя ярость истощилась из меня. Его полное подчинение сняло гнев с меня, как воздух из воздушного шара. Мгновение назад я был готов убить его, и я уверен, что избил бы его до смерти, если бы он попытался сразиться со мной. Но за его спиной и беспомощностью я больше не знал, что с ним делать. Я отпустил его, и он повернулся, чтобы уйти. «Никогда больше так не делай», - сказал я, и он прыгнул на эту странно пустынную улицу.

Я вернулся к Мэйси и обнаружил кучу людей, стоящих вокруг женщины. Вор, должно быть, сорвал ожерелье прямо с ее горла, потому что она плакала и держала свою шею. Она едва заметила меня, когда я дала ей ожерелье, но мужчина, стоящий рядом с ней, поблагодарил меня, уставившись на меня большими благодарными глазами.

Я нашел свою маму. Она даже не видела, как я ухожу, и повернулась и обнаружила, что ее сумки упали на тротуаре. Она указала, что я истекаю кровью. Борьба с мужчиной на тротуаре - дело грубое. Спины моих рук были подбиты, а локти и колени кровоточили. На мне были шлепанцы и прочее, я соскоблил кожу с кончиков пальцев ног. Я не заметил ничего из этого.

Я думаю, что здесь были уроки. В Вашингтоне я узнал, что в чрезвычайной ситуации я не могу рассчитывать на то, что инстинктивно поступаю правильно. Я был обездвижен неожиданным. Только после того, как я несколько раз репетировал мое унижение, я сразу же отреагировал. Солдаты говорят, что в бою они сражаются так, как тренируются. Может быть, некоторые люди инстинктивно поступают правильно, но некоторым из нас нужна тренировка или умственная подготовка к неожиданному.

Другой урок состоял в том, что высокие эмоции порождают примитивное поведение .

slowed me down, and it warned him I was after him, but I couldn't help it. I tackled the man and he went face down. I turned him over and shouted, "What did you take?"

He then did something that saved him from a terrific beating. He went completely limp. He laid his head back on the sidewalk, stretched out his throat, put his hands up by his head, and opened them wide. He was holding a gold-colored necklace, which he let me take without resistance.

I have since marveled at this many times, but in that space of perhaps a second, all my fury drained out of me. His complete submission took the anger out of me like the air out of a balloon. An instant earlier, I had been ready to kill him, and I'm sure I would have beaten him bloody if he had tried to fight me. But on his back and helpless, I didn't know what to do with him anymore. I let him up, and he turned to go. "Never do that again," I said, and he loped off down that strangely deserted street.

I walked back to Macy's and found a knot of people standing around a woman. The thief must have ripped the necklace right off her throat, because she was crying and holding her neck. She hardly noticed me when I gave her the necklace, but a man standing next to her thanked me, staring at me with big, grateful eyes.

I found my mother. She had not even seen me go, and had turned to find her bags dropped on the sidewalk. She pointed out that I was bleeding. Tackling a man on a sidewalk is rough business. The backs of my hands were banged up, and both elbows and knees were bleeding. I had been wearing flip-flops, of all things, and had scraped the skin off the tops of my toes. I hadn't noticed any of this.

I think there were lessons here. In Washington I learned that in an emergency I cannot count on myself to do the right thing instinctively. I was immobilized by the unexpected. Only after rehearsing my humiliation dozens of times in my mind did I react instantly. Soldiers say that in battle, they fight the way they train. Maybe some people do the right thing instinctively, but some of us need training or mental preparation for the unexpected.

Another lesson was that high emotion begets primitive behav-

Люди, которые наблюдают за волками в дикой природе, говорят, что когда они сражаются, проигравший может немедленно остановить насилие, предлагая свое горло своему противнику. Этот жест подчинения берет на себя всю борьбу с более сильным волком, и вместо того, чтобы щелкнуть по яремной вине, он позволяет более слабому волку уйти.

У людей тоже должно быть что-то подобное в нас. Когда я сбил этого человека, он, должно быть, знал, что сопротивляться бессмысленно. Возможно, мой рев помог убедить его, что он в присутствии превосходящей силы и что ему лучше показать горло. Должно быть, инстинкт сказал ему, что это лучший способ снять мою ярость, и он был прав

«У тебя просто нет инстинкта убийцы», - сказал один из друзей. Он подумал, что я должен был дать хорошему толчку рывок, и задержал его для полиции. Это сделало бы намного лучшую историю, но после того, как весь бой вышел из него, он вышел из меня тоже.

Поэтому, когда вы представляете, что совершаете героическое насилие, у меня есть предупреждение: если что-то застает вас врасплох, вы можете быть слишком ошеломлены, чтобы действовать. И когда начинается битва, ваши инстинкты - как для беспредела, так и для милосердия - могут вас удивить.

Эта статья была опубликована в Takimag. кукуруза 14 ноября 2002 с названием «Первичные моменты».

ior. People who observe wolves in the wild say that when they fight, the loser can stop the violence immediately by offering his throat to his opponent. This gesture of submission takes all the fight out of the stronger wolf, and instead of snapping at the jugular he lets the weaker wolf walk away.

Humans must have some of this in us, too. When I brought that man down, he must have known it was pointless to resist. Maybe my bellowing helped convince him he was in the presence of a superior force, and that he had better show his throat. Instinct must have told him this was the best way to draw off my fury, and he was right

“You just don’t have the killer instinct,” one friend said. He thought I should have given the jerk a good pounding, and held him for the police. That would have made for a much better story, but after all the fight went out of him, it went out of me, too.

So when you imagine yourself dealing out heroic violence, I have a warning: If something catches you completely by surprise, you may be too stupefied to act. And when the fight starts, your instincts—both for mayhem and for mercy—may surprise you.

This article was published at Takimag.com on November 14, 2007, with the title “Primal Moments.”

Вспоминая Джо Собран

ОТ НАСТОЯЩЕГО ДОБРОТЫВАНИЯ К НАСТОЯЩЕМУ ВЕЛИКОМУ.

Джо Собран, покинувший этот мир 30 сентября [2010 года], был, пожалуй, самым блестящим человеком, которого я когда-либо знал. Конечно, не во всех отношениях блестяще, а в некоторых даже тупо, но в его силах увидеть самое важное, обнажить лицемерие, ухватить идею с разворотом, высмеивать с нежным юмором и относиться к самым тяжелым предметам с самым легким прикосновением. Я никогда не встречал равных и никогда не ожидал.

Как и многие другие, я впервые познакомился с Джо в его письме, в частности, в его «Пензеях: Записки реакционера завтрашнего дня», который появился в выпуске «*National Review*» от 31 декабря 1985 года. Друг прислал их мне, но я отложил их в сторону. Ради всего святого, статья заняла 35 страниц журнала, и я был озадачен темным названием. Однако мой друг настоял, и поэтому я впервые столкнулся с мыслью о Джо Собране. Сегодня эссе пренебрегается только тоном эпохи холодной войны; его центральная мудрость и пронизательность никогда не устареют. Джо заботился о постоянных вещах и задавал вопросы, требующие ответов. Вот только один: «Что мы действительно должны спросить у либерала, прежде чем мы даже приступим к рассмотрению его повестки дня, это: в каком обществе он будет консерватором?»

Джо был очень доступным человеком, и вскоре мы встретились в его доме в лесистой части Арлингтона, штат Вирджиния. Я никогда не забуду две вещи об этом первом посещении: чаевые, в которых он жил, и блеск его разговора. Практически каждый квадратный дюйм этого дома был по колено в газетах, книгах, письмах, одежде - все в полном беспорядке. Один проходил из комнаты в комнату через узкие каналы, где еще были видны куски пола, но в остальном Джо жил на свалке.

Как и многие разговоры, которые у меня были с ним с тех пор, я хотел бы записать ослепительные наблюдения, которые он, казалось, отбрасывал так легко. Я помню два: «Цель обучения в колледже - дать вам правильное представление о меньшинствах и о том, как жить как можно дальше от них».

Remembering Joe Sobran

FROM THE MERELY ADMIRABLE TO THE TRULY GREAT.

Joe Sobran, who left this world on Sept. 30 [2010], was perhaps the most brilliant man I have ever known. Not brilliant in all ways, of course, and even obtuse in some, but in his power to see the essential, to lay bare hypocrisy, to capture an idea with a turn of phrase, to mock with gentle humor, and to treat the heaviest subjects with the lightest touch, I have never met his equal and never expect to.

Like so many others, I first met Joe through his writing, specifically, his “Pensées: Notes for the Reactionary of Tomorrow,” which appeared in the December 31, 1985 issue of *National Review*. A friend had sent them to me, but I set them aside. The article ran for 35 magazine pages, for heaven’s sake, and I was put off by the murky title. My friend insisted, however, and so I first encountered the mind of Joe Sobran. Today the essay is only slightly dated by its Cold-War-era tone; its central wisdom and insights will never go stale. Joe cared about permanent things, and asked questions that demand answers. Here is just one: “What we really ought to ask the liberal, before we even begin addressing his agenda, is this: In what kind of society would he be a conservative?”

Joe was a very approachable man, and it was not long before we met at his house in a woodsy part of Arlington, Virginia. I will never forget two things about that first visit: the tip in which he lived, and the sparkle of his conversation. Practically every square inch of that house was knee deep in newspapers, books, letters, clothes—all in complete disorder. One got from room to room through narrow channels where bits of floor were still visible, but otherwise Joe lived in a landfill.

Like so many conversations I had with him since, I wish I had jotted down the dazzling observations he seemed to throw off so effortlessly. I remember two: “The purpose of a college education is to give you the correct view of minorities, and the means to live as far away from them as possible.” The other was a little story,

Другой был небольшой рассказ, который намекнул, куда движутся его интересы, и что я перефразирую, насколько я могу вспомнить:

Здесь, где я живу, много белок. Это интересные маленькие существа, и я хотел бы узнать их поближе. Я предполагаю, что для них естественно быть подозрительными к любому животному, которое намного больше, чем они, но вы просто не можете приблизиться к ним. Они видят анти-белки во всем мире.

Позже я также переехал в Вирджинию, и мы с Джо познакомились поближе. Мы встречались на конференциях и встречах, и он, должно быть, десятки раз приходил ко мне домой на ужин. Моя жена ворчала, что он пришел с пустыми руками и никогда не отвечал взаимностью. Я пытался объяснить ей, что есть пределы развлекательной способности холостяков среднего возраста, и что она будет рисковать своим здоровьем, чтобы ступить в его дом. Я всегда был должником, независимо от того, как часто он приходил на ужин. В один из тех вечеров я услышал другой собранизм, который я часто высывал, как если бы он был моим: «По своим спаривающимся и миграционным привычкам либералы неотличимы от членов Ку-клукс-клана».

Именно это легкое прикосновение, этот блеск, как я полагаю, поднял творчество Джо от просто восхитительного до действительно великого. Я тоже пишу, но если я действительно о чем-то беспокоюсь, я становлюсь мрачно серьезным, и предложения нахмуриваются. Не Джо. Он глубоко заботился о вещах - Господи, как он заботился - но он мог писать о самых ужасных вещах с предложениями, которые улыбались. Этим подарком Джо поделились лишь немногие: такие люди, как Х.Л. Менкен и Марк Твен. Я редко завидую писательству мужчины, но я завидовал Джо.

Тем не менее, были случаи жизни Джо, которые были для меня неизвестной территорией. Не то чтобы он не пускал людей; наши интересы просто разошлись. Преданность Джо церкви, его забота об аборте, его интерес к Израилю, его почитание Шекспира - все это привело его к его собственным указаниям.

Но об этом последнем пункте я помню, как говорил с ним о сонетах. Я сказал ему, что в старшей школе я был сбит с толку, потому что многие из них, похоже, были любовными стихами, адресованными человеку. Я спросил об этом моего учителя английского языка, но он дал мне несколько попыток в качестве свидетеля

which hinted whither his interests were heading, and that I will paraphrase as best I can remember:

There are lots of squirrels out here where I live. They are interesting little creatures, and I'd like to get to know them better. I suppose it's natural for them to be suspicious of any animal that is so much bigger than they are, but you just can't get close to them. They see anti-squirrelism everywhere.

Later I also moved to Virginia, and Joe and I got better acquainted. We saw each other at conferences and meetings, and he must have been to my house for dinner a score of times. My wife grumbled that he came empty handed and never reciprocated. I tried to explain to her that there are limits to the entertaining powers of middle-aged bachelors, and that she would be risking her health to set foot in his house. I was always the debtor no matter how often he came to dinner. It was at one of those evenings that I heard another Sobranism I have often trotted out as if it were my own: "In their mating and migratory habits, liberals are indistinguishable from members of the Ku Klux Klan."

It was this light touch, this sparkle that, I believe, lifted Joe's writing from the merely admirable to the genuinely great. I write too, but if I really care about something, I get grimly serious, and the sentences scowl. Not Joe. He cared deeply about things—Lord, how he cared—but he could write about the most awful stuff with sentences that smiled. This was a gift Joe shared with only a very few: men like H. L. Mencken and Mark Twain. I rarely envy a man's writing, but I envied Joe's.

There were swathes of Joe's life, though, that were unknown territory to me. It was not that he kept people out; our interests simply diverged. Joe's devotion to the church, his concern about abortion, his interest in Israel, his veneration of Shakespeare—these things took him in his own directions.

On this last point, though, I remember talking to him about the sonnets. I told him I had been baffled in high school because so many seemed to be love poems addressed to a man. I had asked my English teacher about that, but he gave me some tortured ex-

Я даже не помню. Не Джо. Как всегда, он пошел туда, где мало кто посмел бы. Он был среди тех, кто сомневался, что мужчина из Стратфорда-на-Эйвоне мог быть настоящим бардом, и у него был свой кандидат: Эдвард де Вере, граф Оксфордский, который, как он заключил, был гомосексуалистом. Когда в 1997 году вышла книга Джо по вопросу об авторстве Шекспира «*Псевдоним Шекспир*», он пожаловался, что, как ни старался, не смог заставить издателя использовать то, что он считал блестящей рекламной строкой: «Он странный. Он здесь. Он Эдвард Де Вере. »

Конечно, большим поворотным моментом в карьере Джо стала его ссора с «*Национальным обозрением*», а Уильям Ф. Бакли-младший Джо полагал, что Бакли пожертвовал им по трусливым причинам, и он писал об этом - несколько раз. Он писал в своей обычной ловкой манере, но в его словах было жало. Вот почему я почувствовал острую боль, когда начал еще одну колонку Джо о Бакли, в которой он писал, что только что узнал, что у его бывшего босса эмфизема, и что перспективы плохие. Я наполовину ожидал, что собственная версия Джо для "дурака" служит праводунному ублюдку, но, к моему удивлению и вечному восхищению, Джо посвятил колонку тому, чтобы рассказать нам, насколько хорош человек, Бакли. Я знал Бакли только по задним стенам лекционного зала, но колонка Джо была живым портретом щедрости и даже благородства. Эта колонка была для меня вдохновляющим выражением благородства Джо.

Конечно, Джо не всегда был благороден, и когда его здоровье ухудшалось, а обстоятельства становились все более стесненными, это не могло не сковать его перспективы. Но ничто не могло помешать Джо быть Джо. Я не видел его некоторое время, прежде чем он умер, но я слышал, что он сохранил свое мужество и достоинство до конца, что он умер готов - уверен, что он встретится со своим Создателем. Я уверен, что никогда не увижу его, как снова.

Эта статья была опубликована на VDARE. кукуруза на 1 октября 2010 года.

planation I don't even remember. Not Joe. As always, he went where few would dare. He was among those who doubted the Stratford-on-Avon man could have been the real bard, and he had his own candidate: Edward De Vere, Earl of Oxford—who, he had concluded, was homosexual. When Joe's book on the Shakespeare authorship question, *Alias Shakespeare*, appeared in 1997, he lamented that try as he might, he couldn't get the publisher to use what he thought was a brilliant advertising line: "He's queer. He's here. He's Edward De Vere."

The great turning point in Joe's career, of course, was his quarrel with *National Review* and William F. Buckley, Jr. Joe believed Buckley had sacrificed him for cowardly reasons, and he wrote about it—several times. He wrote in his usual deft way, but there was a sting in his words. That is why I felt a pang when I started yet another column by Joe about Buckley, in which he wrote he had just learned his former boss had emphysema and that the outlook was bad. I was half expecting Joe's own dulcet version of "serves the bastard right," but to my surprise and everlasting admiration, Joe devoted the column to telling us how fine a man Buckley was. I knew Buckley only from the back of a lecture hall, but Joe's column was a living portrait of generosity and even nobility. That column was, for me, an inspiring expression of Joe's own nobility.

Joe was not always noble, of course, and as his health declined and his circumstances grew straitened this could not help but narrow his perspective. But nothing could keep Joe from being Joe. I had not seen him for some time before he died, but I hear that he kept his courage and dignity to the end, that he died ready—confident that he would meet his Maker. I am confident that I will never meet his like again.

This article was published at VDARE.com on October 1, 2010.

Сэм Фрэнсис, Покойся с миром

Сэм был вдохновляющим коллегой и дорогим другом .

Однажды в 1986 или 1987 году я сидел в своем доме в Менло-Парке, штат Калифорния, и читал статью в газете Сан-Франциско. Я не заметил имени автора, когда начал читать, но в середине статьи я сказал себе: «Этот человек великолепен, и он один из нас». Я посмотрел на подпись и мысленно запомнил имя автора. Это был Сэмюэл Фрэнсис.

Я начал искать Фрэнсиса в другом месте, и вскоре он и я переписывались. Я прилетел в Вашингтон, округ Колумбия, по делам - возможно, в 1988 году - и Сэм согласился встретиться со мной на обед. Это был первый из бесчисленных обедов, встреч, телефонных звонков, разговоров, и это было началом того, что стало заветной дружбой. Эта первая встреча с Сэмом была до того, как я начал то, что стало *американским Ренессансом*, и через несколько месяцев он настоятельно призывал меня начать публикацию. Он пообещал написать для журнала, и знание, на которое я мог рассчитывать, по крайней мере, на одного первоклассного автора, было источником большой поддержки в том, что могло быть неопределенным предприятием.

Именно в те ранние годы нашей дружбы я узнал, что под грубой манерой Сэма был сердечный и чувствительный человек - даже застенчивый человек. Когда я звонил, он приветствовал меня так, словно я был инкассатором. «Рад слышать от тебя», это был не стиль Сэма. Но он *был* рад услышать от меня, и он продолжал писать для AR и предлагать бесценные советы.

Когда после нескольких лет публикации я решил провести конференцию для читателей AR, Сэм был первым человеком, о котором я думал, что он будет спикером. Конференция 1994 года - опять же неопределенное начинание - имела большой успех, в немалой степени благодаря готовности Сэма выступить. С тех пор на каждой конференции AR его доклад всегда был одним из самых посещаемых и принимаемых.

Sam Francis, RIP

SAM WAS AN INSPIRING COLLEAGUE AND
A DEAR FRIEND.

One day in 1986 or 1987 I was sitting in my house in Menlo Park, California, reading an article in a San Francisco newspaper. I had not noticed the author's name when I began to read, but half-way through the article, I said to myself: "This man is brilliant, and he is one of us." I looked up at the by-line, and made a mental note to remember the author's name. It was Samuel Francis.

I began to look elsewhere for the Francis by-line, and soon he and I were in correspondence. I flew to Washington, DC, on business—probably in 1988—and Sam agreed to meet me for dinner. It was the first of countless dinners, meetings, phone calls, conversations, and was the beginning of what became a cherished friendship. This first meeting with Sam was before I had started what became *American Renaissance*, and over the months he strongly urged me to begin publishing. He promised to write for the magazine, and the knowledge that I could rely on at least one first-rate contributor was a source of much encouragement in what could have been an uncertain venture.

It was in those early years of our friendship that I learned that beneath Sam's gruff manner there was a warm-hearted and sensitive man—even a shy man. When I telephoned, he would greet me as if I were a bill collector. "Great to hear from you," was not Sam's style. But he *was* glad to hear from me, and he continued to write for AR and offer invaluable advice.

When, after several years of publishing, I decided to hold a conference for AR readers, Sam was the first person I thought of as a speaker. The 1994 conference—once again, an uncertain undertaking—was a great success thanks, in no small measure, to Sam's willingness to speak. At every AR conference since then, his talk was always one of the best attended and best received. His droll wit, his striking parallels, his arresting metaphors, his impromptu sallies during the question period—no one could both edify and

Его сумасбродный ум, его поразительные параллели, его захватывающие метафоры, его импровизированные вылазки в течение периода вопросов - никто не мог и назидать, и развлекаться так, как мог Сэм, и после дневных слушаний он всегда был в центре праздничного круга в конце ночь.

К сожалению, так как общение Сэма принесло пользу AR, обратное не всегда было правдой. Фактически, его участие в конференции 1994 года, по крайней мере, отчасти привело к внезапному изменению его карьеры. С тех пор, как я впервые узнал его, Сэм был синдицированным обозревателем и штатным обозревателем «*Вашингтон Таймс*». Его позиция в «*Таймс*» была очень заметна и имела значительное влияние, и так же, как многие люди подписывались на «*Хроники*», главным образом, для чтения колонки Сэма, определенное количество читателей взяло «*Таймс*» только потому, что он писал для нее.

Сэм первым попал в беду на *Таймс* для столбца высмеивая баптистскую церковь для низкопоклонства, официальных извинений за рабство. Хотя колонна не защищала рабство, Сэм указал, что нигде в Библии рабство не описывается как грех, и что у церкви не было доктринальной причины извиняться за то, в чем не участвовал ни один живой баптист.

«*Таймс*» предупредил его, но продолжил. Однако вскоре после его выступления на конференции 1994 года появилась известность. Хотя сам Сэм так и не получил полного объяснения, почему его уволили из газеты, следующие слова, сказанные аудитории AR, как представляется, были причиной:

Цивилизация, которую мы, как белые, создали в Европе и Америке, не могла бы развиваться отдельно от генетических способностей творящих людей, и нет никаких оснований полагать, что цивилизация может быть успешно передана другим людям.

Возможно, сегодня «*Таймс*» проигнорировала бы это не очень шокирующее, даже очевидное утверждение. Недавно он отмахнулся от идеологических нападок на своих авторов образцовым образом. Однако десять лет назад этого было слишком много, и Сэм начал свою карьеру в качестве независимого журналиста. Во всяком случае, мы, вероятно, лучше для этого, потому что он был таким продуктивным. Помимо своих двухнедельных синдицированных колонок и ежемесячных эссе «*Хроник*», он был редактором «*Гражданского информатора*» и книжным редактором «*Западного ежеквартального издания*».

entertain as Sam could, and after the day's proceedings, he was always at the center of a convivial circle late into the night.

Unfortunately, much as Sam's association benefited AR, the reverse was not always true. In fact, his participation at the 1994 conference was at least partly responsible for a sudden shift in his career. From the time I had first known him, Sam had been both a syndicated columnist and a staff columnist for the *Washington Times*. His position at the *Times* was one of high visibility and considerable influence, and just as many people subscribed to *Chronicles* mainly to read Sam's column, a certain number of readers picked up the *Times* only because he wrote for it.

Sam first got in trouble at the *Times* for a column ridiculing the Baptist Church for a groveling, official apology for slavery. Though the column did not defend slavery, Sam pointed out that nowhere in the Bible is slavery described as a sin, and that the church had no doctrinal reason to apologize for something in which no living Baptist had had a part.

The *Times* gave him a warning, but kept him on. Soon after, however, there was some publicity about his remarks at the 1994 conference. Though Sam himself never got a full explanation for why he was dismissed from the paper, the following words, spoken to the AR audience, appear to have been part of the reason:

The civilization that we as whites created in Europe and America could not have developed apart from the genetic endowments of the creating people, nor is there any reason to believe that the civilization can be successfully transmitted to a different people.

Perhaps today, the *Times* would have overlooked this not-very-shocking, even obvious statement. It has recently brushed aside ideological attacks on its writers in an exemplary manner. Ten years ago, however, this appears to have been too much, and Sam began a career as an independent journalist. If anything, we are probably the better for it, because he was so productive. In addition to his twice-weekly syndicated columns and monthly essays for *Chronicles*, he was editor of *The Citizens' Informer* and book editor of *The Occidental Quarterly*. To this he added a regular stream of books

К этому он добавил регулярный поток книг и монографий, многочисленные выступления и выступления в нескольких советах директоров, в том числе в родительской организации AR - New Century Foundation.

В блеске и смелости Сэма как мыслителя и писателя сомнений быть не может. Его статьи для AR являются достаточным свидетельством этого. Он, несомненно, был главным философом белого расового сознания нашего времени, и был оригинальным и провокационным автором по множеству предметов, принося широкие исторические знания и годы размышлений на любой предмет, на котором он писал. Сэм действительно чувствовал, что он в расцвете сил. Не так давно я сказал ему, что, как мне показалось, я обнаружил в себе случайные провалы в памяти и проскальзывания умственных болванок, на которые часто жалуются люди старше 50 лет. Сэм казался удивленным. Его мозг, по его словам, никогда не был более проворным или более мощным.

Сэм мог бы сделать впечатляющую карьеру в качестве государственного интеллектуала или руководителя аналитического центра, если бы, как и многие другие, он был готов поднять паруса и направиться между буями. Это, конечно, было не так, как у Сэма, и, убедительно написав о том, что он знал, чтобы быть правдивым, моральным и жизненно важным, он пожертвовал известностью и признанием за большую награду за выполнение того, что он считал своим долгом.

Убеждения Сэма - что расходилось с пирогами его времени - противоречили его личному поведению. Он не испытывал острых разногласий и не имел вкуса к кричащим конкурсам, которые проходят для политических дебатов. Вот почему он не наслаждался радио или телевидением и не искал их. Он не мог вынести невежества и даже грубости, которые он мог ожидать от хозяев большинства программ.

Сэм был удивительно застенчивым человеком и никогда не давил на других. На любом большом собрании он держал людей, которых он знал лучше, чем искать новые контакты. Но, конечно, люди приходили к нему - привлеченные его блеском, его эрудицией и его иногда диким остроумием. Его грубость держала некоторых поклонников на расстоянии, но многие, как и я, научились узнавать истинное тепло и обаяние Сэма. Он заводил и поддерживал друзей из всех периодов своей жизни, из Джонса Хопкинса, Сената, и среди множества людей, которые собирались вокруг журналов и интеллектуальных движений, на которые он оказывал такое сильное влияние.

and monographs, numerous speaking engagements, and service on several boards of directors, including that of AR's parent organization, the New Century Foundation.

Of Sam's brilliance and boldness as a thinker and writer there can be no doubt. His articles for AR alone are ample testimony to that. He was undoubtedly the premier philosopher of white racial consciousness of our time, and was an original and provocative writer on a host of subjects, bringing broad historical knowledge and years of reflection to any subject on which he wrote. Sam, indeed, felt he was at the height of his powers. Not long ago I told him I thought I detected in myself the occasional memory lapses and slipped mental cogs of which people over 50 often complain. Sam sounded surprised. His brain, he said, had never been more agile or more powerful.

Sam could have built an impressive career as a public intellectual or think-tank executive if, like so many, he had been willing to trim his sails and steer between the buoys. This, of course, was not Sam's way, and by writing forcefully about what he knew to be true, moral, and vitally important, he sacrificed prominence and acclaim for the greater reward of doing what he saw to be his duty.

Sam's convictions—so at odds with the pieties of his time—were in contrast to his private demeanor. He did not enjoy sharp disagreement, and had no taste for the shouting contests that pass for political debate. This was why he did not enjoy radio or television appearances, and did not seek them. He could not abide the ignorance and even rudeness he could expect from the hosts of most programs.

Sam was a surprisingly shy man, and never pressed himself on others. At any large gathering he kept to the people he knew best rather than search out new contacts. But, of course, people came to him—attracted by his brilliance, his erudition, and his sometimes savage wit. His gruffness kept some admirers at a distance, but many more learned, as I did, to know Sam's real warmth and charm. He made and kept friends from every period of his life, from Johns Hopkins, the Senate, and among the many people who clustered around the magazines and intellectual movements over

Как и многие люди с большим талантом, достижения Сэма были поразительными даже в тех областях, для которых он не был известен. Например, он глубоко читает литературу, как серьезную, так и популярную. У него были энциклопедические знания об авторе HP Lovecraft, о которых он написал несколько очерков. Его знание литературы доставляло удовольствие обсуждать с ним мое собственное чтение. Всякий раз, когда я брал время, чтобы прочитать роман Джозефа Конрада или даже просто стихотворение Александра Папы, у Сэма всегда были глубокие воспоминания об авторе и самой работе. Я был на полпути к «Домби и сыну» Диккенса, когда Сэм умер, и в крошечном уголке огромной грусти, которую я чувствую, это боль от осознания того, что я никогда не получу удовольствие от его комментариев к этому великому роману.

В отличие от многих людей, чей доктор философии Это труд, предпринятый в профессиональных целях и быстро оставленный позади, историческое обучение Сэма отразило настоящую радость познания прошлого. Казалось, он сохранил все, что он когда-либо узнал, и был неисчерпаемым источником понимания и информации. Когда я своим отвратительным образом мог наткнуться на неясный, но пикантный инцидент из британской колониальной кампании 19-го века, Сэм знал бы все об этой кампании, почему ее приказал тогдашний колониальный министр и почему министр иностранных дел выступил против нее. , Когда я познакомился с греческим историком и географом Страбоном, Сэм, конечно, знал о нем все и почему он был важен.

Какая ужасная трата, что человек такого огромного обучения и проницательности внезапно должен быть поражен! Всего за несколько недель до своей смерти Сэм получил грант на серьезную критику американского консерватизма и отбрасывал несущественные обязательства, чтобы найти время для того, что было бы, я уверен, его самой важной книгой. Эта книга, которая должна была быть - как и другие, которые он наверняка написал бы - это потеря, которую никогда нельзя исправить.

Поэтому Сэм был для меня одновременно вдохновляющим профессиональным коллегой и близким другом. Не было ни одного человека, который достиг бы большего для нашего дела, и не было человека, с которым можно было бы провести более приятный и поучительный вечер.

which he exerted such a strong influence.

Like so many men of great talent, Sam's attainments were striking even in areas for which he was not well known. For example, he read deeply in literature, both serious and popular. He had an encyclopaedic knowledge of the author H.P. Lovecraft, on whom he wrote several essays. His knowledge of literature made it a pleasure to discuss my own reading with him. Whenever I snatched the time to read a novel by Joseph Conrad or even just a poem by Alexander Pope, Sam always had insightful recollections about the author and the work itself. I was part-way through Dickens's *Dombey and Son* when Sam died, and in a tiny corner of the immense sadness I feel, is the pang of knowing I will never have the pleasure of his commentary on that great novel.

Unlike many people, whose Ph.D. is a labor undertaken for professional purposes and quickly left behind, Sam's historical learning reflected a real joy in knowing the past. He seemed to retain all he had ever learned, and was an inexhaustible source of insight and information. When, in my desultory way, I might stumble across an obscure but piquant incident from a 19th century British colonial campaign, Sam would know everything about the campaign, why the colonial minister of the time had ordered it, and why the foreign minister opposed it. When I became acquainted with the Greek historian and geographer Strabo, Sam, of course, knew all about him and why he was important.

What a terrible waste that a man of such immense learning and insight should suddenly be struck down! Only a few weeks before he died, Sam had received a grant to write a major critique of American conservatism, and had been clearing away inessential commitments to make time for what would have been, I am sure, his most important book. This book that should have been—like others he would certainly have written—is a loss that can never be made good.

Sam was therefore, for me, both an inspiring professional colleague and a close friend. There was no man who accomplished more for our cause, nor was there one with whom a more agreeable and edifying evening could be spent. Our movement is fortunate

Наше движение повезло, что он был у меня, и мне еще более повезло, что я знал его так же конфиденциально, как и я.

Сэм заслужил еще много лет в своем избранном месте в авангарде нашего движения, обнажая ложь и лицемерие нашего времени и сражаясь за людей и цивилизацию, которую он любил. Наша лучшая дань уважения Сэму - делать то, что он от нас ожидал: продвигать с обновленной приверженностью огромную работу, частью которой он был так важен.

Эта статья впервые появилась в апрельском номере журнала «Ренессанс» за 2005 год .

to have had him, and I am even more fortunate to have known him in the confidential way I did.

Sam deserved many more years at his chosen place in the vanguard of our movement, laying bare the lies and hypocrisies of our time, and fighting for the people and civilization he loved. Our best tribute to Sam is to do what he would have expected of us: to carry forward with renewed commitment the great work of which he was so important a part.

This article first appeared in the April 2005 issue of American Renaissance.

ПРИМЕЧАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Джаред Тейлор родился в Японии, где он жил до 16. Он имеет степень бакалавра в области философии Йельского университета возраста и получил *диплом* в международных отношениях от Института политических исследований Парижа. Он работал банкиром в Нью-Йорке и Токио, а также консультантом американских компаний, ведущих бизнес в Японии. В течение трех лет он был на Западном побережье редактор *PC (Personal Computing) Журнал*.

В 1990 году г-н Тейлор основал ежемесячный журнал *American Renaissance*, который был описан как «грамотный, неосознанный журнал о расе, иммиграции и упадке вежливости». В январе 2012 года печатная публикация была полностью перемещена в Интернет по адресу www.AmRen.com.

Мистер Тейлор писал для многих публикаций, включая *Wall Street Journal*, *Chicago Tribune*, *Washington Post* и *National Review*.

Он является отцом двух дочерей и живет в Оактоне, штат Вирджиния.

A NOTE ABOUT THE AUTHOR

Jared Taylor was born in Japan, where he lived until age 16. He has a bachelor's degree in philosophy from Yale University and received the *diplôme* in international relations from l'Institut d'Edutes Politique de Paris. He has worked as a banker in New York and Tokyo, and as a consultant to American companies doing business in Japan. For three years, he was the West Coast Editor of *PC (Personal Computing) Magazine*.

In 1990, Mr. Taylor founded the monthly magazine *American Renaissance*, which has been described as “a literate, undeceived journal of race, immigration, and the decline of civility.” In January 2012, what had been a print publication moved entirely to the internet at www.AmRen.com.

Mr. Taylor has written for many publications, including the *Wall Street Journal*, *Chicago Tribune*, *Washington Post*, and *National Review*.

He is the father of two daughters and lives in Oakton, Virginia.